

Правительство Москвы
Департамент межрегионального сотрудничества,
национальной политики и связей
с религиозными организациями города Москвы
Государственное бюджетное учреждение города Москвы
Московский дом национальностей
Славянский фонд России
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения РАН
ФГБОУ ВПО
Государственная академия славянской культуры

Славянский мир в третьем тысячелетии

**человек, общество,
народ в истории, языке и культуре**

Москва 2014

Редакционная коллегия:

Боголюбова Г.В.
Данченко С.И.
Запека О.А.
Конёнкова А.К.
Никифоров К.В.
Узенева Е.С. (отв. редактор)
Хаванова О.В.
Чепелевская Т.И.

Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре / Отв. ред. – Е.С. Узенева. М.: ИСл РАН, 2014. 360 с.

Девятый выпуск сборника научных трудов «Славянский мир в третьем тысячелетии. Человек, общество, народ в истории, языке и культуре» подготовлен по материалам международного научного симпозиума «Славянский мир в третьем тысячелетии», проводимого с 1991 г. в рамках празднования Дня славянской письменности и культуры Институтом славяноведения РАН, Славянским фондом РФ, Государственной академией славянской культуры.

В последние десятилетия антропоцентрический подход занял достойное место в арсенале исследовательских методик, к которым прибегают ученые-гуманитарии. Интерес к человеку, будь то выдающийся политический деятель, авторитетный ученый или представитель – один из многих – сословия, социальной группы, национального сообщества, позволяет через уникальное, лишь данному индивиду присущее, видение мира и себя в этом мире приблизиться к пониманию закономерностей исторических и культурных процессов. Все предыдущие выпуски ежегодника «Славянский мир в третьем тысячелетии» были так или иначе посвящены человеку, социальным группам, народам, однако значимость диалектики индивидуального и коллективного побудила редколлегию посвятить этому кругу вопросов отдельный выпуск.

Сборник подготовлен совместно с ГБУ «Московский дом национальностей»

ISBN – 978-5-7576-0307-0

© Институт славяноведения РАН, 2014
© Коллектив авторов, 2014

Содержание

От редколлегии

6

I. Из истории славяноведения

<i>Чуркина И.В.</i> Вук Караджич и Н.И. Надеждин (к 150-летию со дня кончины сербского ученого)	11
<i>Аксёнова Е.П.</i> «Он хотел писать для народа» (А.Н. Пыпин о реформаторской деятельности В. Караджича)	27
<i>Щавинская Л.Л.</i> Яков Головацкий как исследователь восточнославянских книжных культур	35
<i>Лаптева Л.П.</i> Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) (К столетней кончине знаменитого слависта)	47
<i>Данченко С.И.</i> Болгария, Россия и русско-болгарские связи в научном творчестве А.А. Улунына (к 90-летию со дня рождения)	60
<i>Будагова Л.Н.</i> Они были первыми. К 90-летию со дня рождения Анны Петровны Соловьевой (1923–2012)	74

II. Человек в истории

<i>Ракитин А.С.</i> Лаврентий Мигалев: выходец из Венгрии на Белгородской черте	82
<i>Фалькович С.М.</i> «Миф Наполеона» и польская демократическая эмиграция XIX века	89
<i>Макарова И.Ф.</i> Польское восстание 1863–1864 гг. в судьбе белокриницкого епископа Аркадия Славского: новые факты биографии	93
<i>Фролова М.М.</i> Р. Жинзифов – болгарский сотрудник славянофильской газеты «День»	102

III. К юбилею Т.Г. Шевченко (1814–1861)

<i>Задорожнюк Э.Г.</i> Т.Г. Шевченко и русская культура: непрестанное взаимное обогащение	117
---	-----

<i>Лабынцев Ю.А.</i> Образ Тараса Шевченко и его «Кобзарь» в польскоязычном культурном пространстве между Киевом и Вильно до начала восстания 1863–1864 гг.	127
<i>Байдалова Е. В.</i> Тарас Григорьевич Шевченко в современной украинской культуре: попытка «перезагрузки»	141

IV. Война в судьбах славянских народов

<i>Искендеров П.А.</i> Балканские корни Первой мировой войны: правда и вымысел	152
<i>Ганин А. В.</i> Русские генштабисты-эмигранты в годы Второй мировой войны	170
<i>Валева Е.Л.</i> Внешнеполитическая ориентация Болгарии накануне Второй мировой войны	183
<i>Марьина В.В.</i> Э. Бенеш в Москве: шесть бесед с чехословацкими коммунистами (декабрь 1943 г.)	192
<i>Стыкалин А.С.</i> Почему не реализовались новые планы по расширению Советской Украины за счет Румынии в 1945 г.	202

V. Славянские народы в XXI веке

<i>Майорова О.Н.</i> Польский «круглый стол»: 25 лет спустя	215
<i>Гуськова Е.Ю.</i> Роль историков-славистов в изучении современного мира (на примере Балкан)	224
<i>Коровицына Н. В.</i> Традиционная семья в Чехии: социальные и культурные вызовы после 1989 г.	232

VI. Литературно-художественное творчество славянских народов

<i>Цыбенко О.В.</i> Краковские впечатления русского переводчика Мицкевича. (К 130-летию со дня смерти Н.В. Берга)	241
<i>Мельник В.И.</i> «...Это дело спорное...» (Поэтика и морализм Н.В. Гоголя в восприятии И.А. Гончарова)	249
<i>Радомская Т.И.</i> К вопросу о непрочитанных смыслах «Шинели». Проблемы герменевтики текста	258
<i>Конёнкова А.К.</i> Искусство славянских народов в культурном пространстве Европы. Скульптура Болгарии конца XIX – начала XX вв.	269

VII. Культура славян сквозь призму языка

- Курохтина Т.Н.* Русско-украинское двуязычие в теории языковых контактов 274
- Китанова М.* Болгарские пословицы о семье (Особенности национального менталитета) 285
- Пазио-Влазловская Д.* Бездомность как антиценность на материале лексикографических данных 295
- Тодорович И.* Новые исследования сербской народной традиции: архаика и современность 302

VIII. Дискуссионная платформа: научные проекты

- Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Научный проект Института славяноведения «Модернизация по-балкански» 323
- Легурска П., Панчев И.* Две группы ономаσιологического тематического каталога семантических переходов (на материале болгарского, русского, сербского, чешского, французского и английского языков) 334

IX. Рецензии

- Лабынцев Ю. А., Щавинская Л.Л.* О письменном наследии Slavia Byzantina греко-католиков Словакии 347
- Васильева Д. Б.* Jiří Kejř. Jan Hus známý i neznámý. Praha, 2009 353

От редколлегии

В последние десятилетия антропологический, точнее антропоцентрический подход занял достойное место в арсенале исследовательских методик, к которым прибегают ученые-гуманитарии. Интерес к человеку, будь то выдающийся политический деятель, авторитетный ученый или представитель – один из многих – сословия, социальной группы, национального сообщества, позволяет через уникальное, лишь данному индивиду присущее, видение мира и себя в этом мире приблизиться к пониманию закономерностей исторических и культурных процессов. Все предыдущие выпуски ежегодника «Славянский мир в третьем тысячелетии» были так или иначе посвящены человеку, социальным группам, народам, однако значимость диалектики индивидуального и коллективного побудила редколлегию посвятить этому кругу вопросов отдельный выпуск.

Том открывается традиционной рубрикой «Из истории славяноведения», регулярно напоминающей читателю о важных для изучения славянства датах. В 2014 г. исполнилось 150 лет со дня кончины Вука Караджича. В статьях И.В. Чуркиной и Е.П. Аксеновой портрет сербского ученого дополняется новыми чертами. Создатель сербохорватского языка представлен таким, каким его видели и знали, соответственно, русский славянофил Н.И. Надеждин и книгоиздатель А.Н. Пыпин. Двести лет со дня рождения украинского поэта, писателя, ученого Я.Ф. Головацкого стало поводом для исследования Л.Л. Щавинской об изучении им восточнославянской книжности. Сто лет назад ушел из жизни историк и педагог В.И. Ламанский. В статье Л.П. Лаптевой вскрываются причины, по которым мало кто из его многочисленных студентов стал подлинным единомышленником профессора. Особенно ценно, когда об ученом пишут его коллеги, не понаслышке знавшие о его личных и профессиональных достоинствах. В 2013 и, соответственно, 2014 гг. исполнилось 90 со дня рождения историка чешской литературы А.П. Соловьевой (статья Л.Н. Будаговой) и специалиста по истории Болгарии А.А. Улуныяна (статья С.И. Данченко). Оба автора не только отмечают, в чем состоял вклад их героев в развитие российской науки второй половины XX в., но и с неподдельной искренностью воссоздают портреты незаурядных ученых и достойных людей.

В ряду памятных дат 2014 г. особое место занимает двухсотлетний юбилей Тараса Шевченко – украинского поэта, прозаика и художника, важнейшей фигуры национального пантеона, одного из символов Украины. Статья Э.Г. Задорожнюк раскрывает, сколь важную роль сыграла русская культура в жизни автора «Кобзаря», и как сам великий украинец по праву занял почетное место в русской культуре XIX в. В работе Ю.А. Лабынцева исследуются отклики на поэзию Шевченко в среде поляков Российской империи, отмечается их стремление видеть Украину частью Речи Посполитой.

Е.В. Байдалова рассматривает механизмы конструирования и деконструкции шевченковского мифа в современной украинской культуре.

В разделе «Человек, факт биографии, судьба» собраны статьи, в которых жизни отдельных людей рассмотрены сквозь призму масштабных исторических процессов. Раздел открывает комментированная публикация источника, подготовленная А.С. Ракитиным, о переселении на юг России в XVII в. венгра Лёринца Михая, ставшего там Лаврентием Михалевым. Автор высказывает гипотезу, что в те края он попал, примкнув к украинским казакам. С.М. Фалькович вскрывает причины, по которым в рядах польской демократической эмиграции постепенно «угас» культ одного из самых харизматичных политиков XIX в. – Наполеона Бонапарта, с которым поляки когда-то связывали надежды на восстановление единой государственности. И.Ф. Макарова показала, какую роль в судьбе епископа Аркадия Славского и старообрядцев Белокриницкой иерархии сыграло восстание 1863–1864 гг. в Польше. Наконец, в статье М.М. Фроловой рассказано, как внештатный корреспондент русской газеты «День» – болгарин Р. Жинзифов – знакомил российскую читающую публику с жизнью своих соотечественников на подвластных Османской империи территориях.

Войны всегда были одними из самых драматических факторов в судьбах отдельных людей и целых народов. Традиционная рубрика ежегодника «Война в судьбах славянских народов» открывается статьей, призванной отметить столетие Первой мировой войны. П.А. Искендеров в статье о предшествовавших глобальному вооруженному конфликту событиях на Балканах, приходит к выводу, что Сербия не может быть обвинена в развязывании войны. Первая мировая стала мощным катализатором эмиграционных процессов по всему континенту. А.В. Ганин исследует судьбы русских офицеров-генштабистов, оказавшихся в канун Второй мировой войны в странах Центральной и Восточной Европы. Е.Л. Валева рассматривает, как болгарская внешняя политика в конце 1930-х годов развивалась в направлении, ставшем гибельным для страны. В.В. Марьина на документальном материале встреч Э. Бенеша в Москве с чешскими коммунистами-эмигрантами показала, как вопросы устройства послевоенной Чехословакии решались еще в самый разгар войны. Наконец, А.С. Стыкалин представил интересный материал о разнице во взглядах на увеличение территории СССР за счет соседних стран (присоединение румынского уезда Марамуреш к Украинской ССР) между военным и политическим руководством страны.

XXI век внес немало корректив в карту Европы, и многие из них затронули славянские страны. Одни (например, Чехия, Словения, Болгария) завершили долгий процесс вхождения в НАТО и Европейский Союз. Другие, как Югославия, продолжали безуспешно противостоять начавшимся веком ранее процессам территориальной и политической дезинтеграции. Историки не остаются в стороне от анализа событий, не успевших стать ис-

тории, и отслеживают изменения в отношении к событиям недавнего прошлого. О.Н. Майорова подводит итог, какие уроки спустя четверть века извлекло польское общество из работы «круглого стола», где коммунистические власти и оппозиция в 1989 г. искали пути выхода из глубокого политического кризиса. Е.Ю. Гуськова привлекает внимание к ответственности историков, изучающих такой сложный регион, как Балканы, где от ученого требуется доскональное знание истории нескольких народов, понимание сути разногласий между ними и способность придерживаться принципа историзма. Наконец, современное общество нельзя понять без привлечения методик и выкладок такой науки, как социология, которая предоставляет в распоряжение историков как статистику, так и репрезентативные опросы общественного мнения. Н.В. Коровицына с помощью социологических данных осмысляет изменения, коснувшиеся в последние десятилетия чешской семьи как института.

В сборнике значительное внимание уделено литературно-художественному творчеству славянских народов. В статье Е.В. Байдаловой «Т.Г. Шевченко в современной украинской культуре: попытка «перезагрузки» анализируются те явления украинской современной культуры, которые предлагают переосмысление традиционной роли и значения творчества Шевченко и его образа. При этом особое внимание уделяется демифологизации образа поэта в современной украинской литературе, рассматривается функционирование «шевченковского текста» в изобразительном искусстве и музыке, который, несмотря на новое прочтение, как и сама фигура Шевченко, не теряет для украинской культуры своего сакрального значения. В центре внимания О.В. Цыбенко – фигура Н.В. Берга (1823–1884), одного из самых известных переводчиков славянской поэзии на русский язык второй половины XIX в. В статье акцентируется не только вклад Берга в создание переводов произведений А. Мицкевича, но и анализируется его журналистская деятельность и, в первую очередь, его статьи о событиях в Польше в период восстания 1863–1864 гг., которые печатались на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и журнала «Библиотека для чтения». Автор впервые вводит в научный оборот, основанный на реальных событиях тех лет объемный очерк «Краков и мои в нем похождения» (1864).

В.И. Мельник, многие годы занимающийся исследованием творчества И.А. Гончарова, в своей статье рассматривает проблему влияния на писателя творчества Гоголя, а также этико-философской концепции автора «Выбранных мест из переписки с друзьями». В работе анализируются явные параллели в образах героев, использование отдельных гоголевских тем и мотивов в романах Гончарова; отмечается, что в Гоголе автор «Обломова» различал художника и моралиста и неравноценно эти две стороны оценивал.

К вопросу о непрочитанных смыслах гоголевской «Шинели» обращается в своей работе Т.И. Радомская. В статье анализируется духовный смысл «Шинели», который определил своеобразие ее поэтики; показывает, как в художественной ткани произведения вызревает духовная проза, к которой стремился зрелый Гоголь-художник.

Статья А.К. Коненковой посвящена формированию профессионального искусства скульптуры Болгарии в конце XIX – начале XX вв. На примере творчества двух выдающихся скульпторов Андрея Николова и Ивана Лазарова выявляются основные истоки болгарской скульптуры, связанные с общеевропейскими традициями развития изобразительного искусства этого периода и национальными традициями Болгарии.

В разделе «Культура славян сквозь призму языка» рассматриваются разные аспекты развития и функционирования славянских языков в широком культурном контексте. Т.Н. Курохтина исследует специфику русско-украинского двуязычия, рассматривая историю становления и развития украинского литературного языка, который с самого момента зарождения художественного стиля развивался в условиях украинско-русского двуязычия. Автор отмечает, что последствием асимметричного массового билингвизма стало не только внешнее ограничение сферы употребления украинского языка, но и возникновение условий для активизации процесса смешения элементов русского и украинского языков.

Д. Пазио-Влазловская на материале лексикографических данных анализирует концепт «бездомность» как антиценность в современной русской культуре, акцентируя внимание на том, что бездомность является многоаспектным явлением, вызывающим в последнее время интерес многих научных дисциплин, в частности, социологии, экономики и психологии. М. Китанова выявляет особенности болгарского менталитета, опираясь на пословицы и поговорки, посвященные семье и ее основным персонажам – мужу и жене. Автор делает попытку вскрыть пословичную картину мира народа, которая находит отражение в языковой картине мира болгар. В статье Ивицы Тодоровича обобщается опыт новых исследований сербской народной традиции, в частности, представлены актуальные процессы и тенденции в изучении форм традиционной культуры сегодня, в первую очередь – народных мифологических и религиозных представлений.

Редколлегия ежегодника представляет вниманию читателей новую рубрику – «Дискуссионная платформа: научные проекты». В ней предполагается публиковать критический анализ текущих и завершенных и даже планируемых на будущее исследовательских проектов. Р.П. Гришина и А.Л. Шемякин подвели итоги многолетней работы над проектом «Человек на Балканах». Эмпирически найденные ими критерии комплексного описания «модернизации по-балкански» легли в основу серии коллективных монографий, описавших особенности становления современного общества в

регионе, считающемся европейской периферией. П. Легурска и И. Панчев представили промежуточные результаты проекта «Сопоставительно-типологический анализ вторичной номинации предметных имен в болгарском, русском, сербском, чешском, французском и английском языках». Авторами была выявлена типология способов и видов вторичной номинации предметных имен в указанных языках; осуществлено формирование двух каталогов – «Ономасиологического каталога семантических переходов» и «Ономасиологического каталога семантических параллелей». Представленный в виде каталогов материал может послужить основой для лингвистических и культурологических исследований, для теории и практики обучения иностранным языкам, двуязычной лексикографии и других областей языкознания, а также психолингвистики, психологии, когнитивистики и создания баз данных.

Завершает том традиционный раздел «Рецензии». Ю.А. Лабынцев и Л.Л. Щавинская откликнулись на монографию словацкого лингвиста П. Женьюха о византийско-славянской традиции в Словакии. Д.В. Васильева познакомила читателей с новой книгой чешского историка И. Кейржа об «известном и неизвестном» Яне Гусе (в 2015 г. исполнится 600 лет со дня его казни).

I. Из истории славяноведения

И.В. Чуркина

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Вук Караджич и Н.И. Надеждин

(к 150-летию со дня кончины сербского ученого)

Abstract:

Churkina I.V. *Vuk Karadžić and Nikolai Nadezhdin (to the 150th anniversary of the death of the Serbian scholar).*

In the article, based on the letters from Vuk Karadžić to Nikolai Nadezhdin, the views of the distinguished Serbian cultural activist on the events occurring in Vienna and in the Serbian lands during the 1848–1849 revolution are considered.

Ключевые слова: В. Караджич, Н.И. Надеждин, сербский литературный язык, революция 1848 г., Вена, сербы, хорваты, венгры, Й. Раяич.

По подсчетам известного исследователя биографии и трудов Вука Караджича (1787–1864) Голуба Добрашиновича самую обширную переписку он вел с русскими. Среди его корреспондентов было 69 частных лиц и 7 учреждений¹. Одним из постоянных и конфиденциальных русских корреспондентов Вука Караджича являлся Николай Иванович Надеждин.

Сохранились письма Вука Надеждину с октября 1841 г. по ноябрь 1852 г. Они опубликованы и представляют большой интерес², так как наиболее полно характеризуют политические взгляды сербского ученого, потому что ни с кем из своих адресатов он не был так откровенен в выражении своих симпатий и неприязни, как с Надеждиным. К сожалению, писем Надеждина к Вуку в распоряжении автора нет, но судя по письмам Вука, можно предполагать, что их взгляды на события, происходившие в Австрийской империи в 40-начале 50-х годов были достаточно близки.

Вук Стефанович Караджич известен широкой научной общественности. Согласно его собственноручной записи, сделанной для П.И. Кеппена от 10 мая 1819 г. в Петербурге, «Вук Стефанович от колена Караджич, которые и сейчас являются кнезами в Герцеговине над областью Дробняк и имеют свои дворы и дома, родился в Сербии в области Ядран в селе Тршич у реки Дрины и горы Гучева 26-го окт[ября] 1787». Караджич указывал, что в 1796 г. научился читать у своего родственника Савича, который в период правления Карагеоргия являлся советником³ от Зворницкой нахии. В 1805–1807 гг. он учился в школе в Сремских Карловцах, а затем вернулся в Сер-

био, которую покинул в 1813 г., «так как Сербия пропала» (т.е. потерпела поражение – И.Ч.). Он поселился в Вене, где поместил свою статью о гибели освобожденной Сербии в сербской газете «Новине сербске». Статья привлекла внимание Е. Копитара, словенского слависта, который встретился с Караджичем и рекомендовал ему издать сербские народные песни⁴. В своей поздней автобиографии Караджич писал: «Я начал свое литературное поприще в 1814 г., сперва маленькою попыткою, издав сербскую грамматику и маленькую книжицу сербских народных песен, которые я знал наизусть еще в родительском доме»⁵. В 1818 г. вышла в свет следующая книга Караджича «Српски рјечник» (26 270 слов. Далее – Сербски речник), написанная новой азбукой. Вместе с нею он в 1819 г. отправился в Россию, где провел несколько месяцев. Его словарь имел успех среди русской научной общности. В 1819 г. он был избран членом-корреспондентом Общества любителей российской словесности, а в 1820 г. получил большую серебряную медаль от Российской академии наук. Важным результатом поездки в Россию стало для Караджича знакомство с рядом русских ученых, с некоторыми из них, например, с П.И. Кеппеном, у него установились долговременные дружеские отношения. Помимо почетных наград Караджичу удалось получить в России некоторые денежные средства от Библейского общества и 400 дукатов от графа Н.П. Румянцева, известного русского мецената. Румянцеву он обещал на протяжении двух лет объездить все сербские монастыри и послать ему часть обнаруженных там сербских древних рукописей и старопечатных книг (србули)⁶. В 1820 г. Вук поехал в Сербию, где некоторое время был учителем в семье князя Милоша Обреновича, в 1821 г. попытался стать учителем в Триесте, затем некоторое время учился в университете города Галла. С 1825 г. Караджич обосновался в Вене. Благодаря хлопотам П.И. Кеппена и других русских ученых, с 1826 г. русское правительство определило ему ежегодную пенсию в 100 дукатов.

Жизнь и деятельность Николая Ивановича Надеждина (1804-1856) исследована весьма поверхностно. Он родился в семье сельского дьякона в Рязанской губернии в 1804 г. Окончил Рязанскую духовную семинарию и Московскую духовную академию. В 1824–1826 гг. Надеждин преподавал в Рязанской духовной семинарии, а в 1828 г. переехал в Москву и стал писать статьи в «Вестник Европы», одновременно работая над диссертацией о романтической поэзии, которая была написана им на латинском языке. Он защитил ее в 1830 г. в Московском университете, после чего стал читать там лекции по теории изящных искусств, логике и археологии. О Надеждине как преподавателе сохранилось мнение известного славянофила К.С. Аксакова, который в то время обучался в Московском университете. Он писал, что студенты охотно слушали Надеждина, хотя и замечали у него «безучастие к предмету и недостаток серьезных занятий»⁷. Одновременно в 1831–1836 гг. он издавал журнал «Телескоп». В 1836 г. в нем были опубликованы «Фило-

софические письма» П.Я. Чаадаева, в которых критиковались российские порядки. Журнал был закрыт, а Надеждин – изгнан из университета и сослан в Усть-Сысольск. В конце 30-начале 40-х годов он жил в Одессе.

В 1841 г. Надеждин отправился в югославянские земли Австрийской империи вместе с попечителем Одесского учебного округа Д.М. Княжевичем, президентом и одним из создателей Одесского общества истории и древностей. Это общество было основано в 1839 г. по ходатайству графа М.С. Воронцова, Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. С самого начала своего существования оно находилось под покровительством императорской фамилии, ее официальным покровителем являлся наследник Александр Николаевич. Надеждин активно сотрудничал в этом обществе и много общался с его главою Д.М. Княжевичем.

Фамилия Княжевичей происходила из сербских переселенцев, и Д.М. Княевич стремился узнать о сербских предках своего рода. Это он надеялся осуществить с помощью Н.И. Надеждина.

Проводником по югославянским землям Австрии для них стал Вук Караджич. Надеждин так и писал в своем донесении министерству иностранных дел: «Всю вторую часть моего странствования от Триеста и обратно до Вены я совершил почти в неразлучном сообществе известного Вука Стефановича Караджича, наилучшего, какого только можно найти знатока современного сербства»⁸. Встреча с Вуком произвела огромное впечатление на Надеждина. Уже в 1841 г. в газете «Москвитянин» (№ 6. С. 518) он поместил заметку, в которой характеризовал собирательную деятельность Вука как «превосходный пример личного самоотвержения, которому, к сожалению, так мало следуют». Надеждин подчеркивал, что Караджич «один из замечательных для своего времени теоретиков искусства». 4 января 1842 г., представляя Вука Караджича на звание действительного члена Общества истории и древностей в Одессе, Надеждин рекомендовал «г. Вука Стефановича, сербского литератора, имеющего пребывание в Вене, посвятившего всю жизнь свою изучению истории и древностей своего народа и отечества». И далее Надеждин характеризовал его: «Литератор, коего имя и труды давно уже пользуются европейской известностью»⁹.

Первое сохранившееся письмо Караджича Надеждину от 14(26) октября 1841 г. является ответом на письмо последнего Вуку от 1(13) октября того же года. Караджич сообщал, что еще не получил книгу сербского просветителя, епископа Платона Атанацковича «Житие архимандрита Зелича». Одновременно с письмом Караджич посылал Надеждину 12 оттисков его статьи о наречиях русского языка, опубликованной в «Венском литературном ежегоднике» (*Wiener Jahrbücher für Literatur*)¹⁰. Эта статья была написана русским ученым по предложению Е.Копитара, крупнейшего слависта и друга и покровителя Караджича. Прочитав рецензию Надеждина на свою статью «Гезихиев эпиглосист» в «Венском литературном ежегоднике», Ко-

питар, относившийся к русским славистам с известной долей недоброжелательности, высоко оценил ее. В письме к чешскому просветителю В.Ганке, он отмечал: «Его выводы о русском диалекте являются новыми и оригинальными. Он очень ученый русский»¹¹. Со своей стороны и Надеждин был высокого мнения о Копитаре. В статье, опубликованной в 1842 г., он писал: «Богатые сокровища Императорской библиотеки были отворены мне радушием известного Копитара. Поучительные беседы этого маститого Нестора славянской филологии и палеографии я причисляю к лучшим приобретениям моего странствия»¹².

Второй раз Надеждин побывал в Австрии в 1847 г. по поручению русского правительства, а именно министра внутренних дел П.А. Перовского. Перовский был высокого мнения о знаниях и способностях Надеждина и с 1843 г. сделал его редактором «Журнала министерства внутренних дел», которым он пребывал до 1856 г. Надеждин по указанию Перовского опубликовал в нем две статьи – «Исследование о скопической ереси» (1845) и «О заграничных раскольниках» (1846). В Австрию Надеждин был послан как знаток раскольнических сект. Его целью было собрать сведения о местных раскольниках, а затем убедить местного православного епископа Платона Атанацковича написать о них брошюру. В этом Надеждину должен был помочь новый настоятель православной церкви при русском посольстве в Вене Михаил Федорович Раевский (1811–1884). Он должен был обеспечить напечатание этой брошюры и посылку в Россию 500 её экземпляров, «чтобы раздать нашим раскольникам, как мнение о них не синода нашего, но уже другого, иностранного владыки»¹³. За время пребывания в Австрии Платон и Надеждин стали большими друзьями.

Подружился к этому времени с Раевским и Вук Караджич. После смерти в 1844 г. Копитара Караджич составил каталог книг библиотеки знаменитого слависта и передал его Раевскому, чтобы он отправил его в Петербург на предмет покупки ее Академией наук. Академия ее покупать отказалась, но ее приобрела библиотека Люблянского лицея.

В 1847 г. Надеждин еще более сблизился с Вуком Караджичем. После отъезда в Россию Надеждина, переписка его с сербским ученым стала еще активнее и интереснее, поскольку письма Караджича касаются революции 1848 г.

Письмо от 2 февраля 1848 г. Вук передал Надеждину через сербского князя Михаила Обреновича вместе с четырьмя экземплярами «Сербских народных листков» от Платона Атанацковича и несколькими народными песнями, записанными им самим в родном селе. Для Раевского он посылал «Житие архимандрита Зелича». В свою очередь, Вук просил достать ему несколько религиозных книг и сочинение Попова о Черногории¹⁴. Он передавал Надеждину приветы от словенского слависта Ф. Миклошича и просил

поздравить от своего имени князя Михаила Обреновича, Срезневского и Кеппена.

Но уже в следующем письме, от 6 марта 1848 г., Караджич подробно рассказывал Надеждину о событиях первых дней революции в Вене. Он писал, что уже в конце февраля студенты подали прошение императору, в котором «просили отменить цензуру, дать уложение, согласное с духом времени, установить ответственность министров за их действия, разрешить земские сеймы, на которые и простой народ мог бы присылать своих людей и на которые собирались бы не одни важные господа ... – одним словом просили свободы». Караджич явно одобрял требования студентов. Одобрял он и действия восставшего народа. «Если бы кому учинены были какой-либо ущерб или неправда за это время среди столь взволнованного народа, не было бы в том никакого чуда; но чудно, что без помощи, без всякого напоминания сохранялся такой порядок и так все смотрели друг за другом, что более и требовать нельзя. В некоторых предместьях и близ них простой народ причинил довольно убытков и еще сегодня не совсем отстал от того, но то было совсем другое волнение, само по себе»¹⁵. Из письма ясно, что Караджич полностью солидаризировался с мирными действиями студентов, с теми требованиями, которые они представляли властям. Но участие в революции Караджича простым сочувствием не ограничилось.

В письме к Надеждину от 24 мая 1848 г. Вук рассказывал ему о своей поездке на Пражский славянский съезд, на котором он присутствовал в качестве гостя. С удовлетворением Вук описывал молебен, проведенный новосадским протоиереем Павлом Стаматовичем у алтаря святого Вячеслава (Вацлава). Он отслужил православную литургию, во время которой упоминал наиболее известных славянских деятелей: Петра I, Яна Жижку, Стефана Душана, Георгия Черного. С воодушевлением Караджич отмечал, что вся площадь была заполнена народом, хотя южных славян, сербов и хорватов было не более 30 человек. В этом же письме Караджич уведомлял Надеждина о посылке ему через Раевского книг для Бодянского, в том числе своей полемической брошюры в защиту нового правописания, а также просил прислать рецензию в «Журнале министерства народного просвещения» на изданный им «Новый завет»¹⁶. Таким образом, политические события, в которых участвовал Караджич, не отвлекали его от научных занятий.

Мирное течение революции прекратилось с подавлением Пражского восстания. Помимо противостояния национальных деятелей с правительством, начались столкновения между народами Австрийской империи, прежде всего между сербами и хорватами, с одной стороны, и венграми, с другой. Эти столкновения весьма волновали Караджича. В письме к Надеждину от 10(22) июля 1848 г. он рассказывал о том, что сербы уже сильно бьются, что им помогают соотечественники из княжества Сербия. Белградские газеты открыто выступают против венгров, сербы из Княжества могут свободно

идти в австрийские провинции Банат и Срем на помощь своим братьям. И многие это делают. Сербы расположились в четырех лагерях, их насчитывается 30 тысяч. У них есть пушки, но нет старейшин, опытных в военном деле. Руководит сербами патриарх Раячич. С горечью Караджич отмечал, что, несмотря на свои обещания, хорваты мало помогают сербам, уклоняются от боев и, возможно, желают помириться с венграми. «Я полагаю, – заключал Караджич, – что главная причина такому хорватскому колебанию заключается в том, что у них господа управляли народом, а у нас народ управляет сам собою». Изменилось поведение людей, с которыми дружил Караджич. Князя Милоша, свергнутого сербами в 1839 г., который хотел отправиться на помощь сербам, австрийские власти задержали в Загребе. А в Загребе его ограбил, по словам Вука, лидер иллиров Людевит Гай, который взял у князя 27 тыс. флоринов якобы для помощи бану Елачичу, но присвоил их себе. «Как бы то ни было, но этот случай много навредил Гаю, а также и народу, насколько ему Гай мог помочь своим трудом». Вызывали неудовольствие у Караджича и действия Платона Атанацковича, с которым он и Надеждин активно сотрудничали год тому назад по поводу написания брошюры против раскольников. Атанацкович венгры сделали епископом Бачки и стали платить ему 3500 серебряных флоринов в год за управление сербскими школами¹⁷. Несмотря на отрицательное отношение к поступкам Атанацковича, Вук не прерывал с ним отношений. Он принял сына бачского епископа Васю, принесшего ему экземпляры брошюры о раскольниках. Караджич обещал их переслать Надеждину через посольство. После указанных печальных новостей Караджич с радостью сообщал своему адресату о том, что в австрийский сейм (рейхсрат) избрали больше славян, чем немцев. По мнению Вука, этот факт сердит немцев и толкает славян к России, даже тех, кто раньше о ней и не думал. И еще радостные вести сербский ученый сообщал Надеждину: 12(24) июля хорваты разбили венгров. «Если сербы и хорваты будут действовать согласно, – писал он, – мадьяры пропали и венгерское королевство совершенно преобразуется»¹⁸.

Однако уже в письме от 5(17) сентября 1848 г. оптимистические прогнозы Вука сменились более тревожными. Он с удовлетворением отмечал, что граничары Елачича совместно с сербами из Австрии и Сербии разбили венгров и выражал уверенность, что, если и далее пойдут так дела, то через 3 недели сербы и хорваты подойдут к Будапешту. Вместе с тем он сообщал об ухудшении положения Платона Атанацковича – венгры назначили его на место Раячича, за что сербы угрожают Атанацковичу. Ухудшилось положение и Гаю, которого обвиняют в тайных переговорах с венграми. Советник из княжества Сербии (Кничанин – И.Ч.) перешел в Банат и возглавил сербов, воюющих с венграми, а бывший сербский князь Михаил Обренович пожертвовал хорватам 2 тысячи флоринов, раненым сербам – 1 тысячу, и крупную сумму – словакам. То, что князь Михаил выделил словакам день-

ги, не было случайным. Словацкие земли, как сербские и хорватские, входили в состав Венгерского королевства, и словацкие патриоты вели борьбу с венграми за свои права. Буквально на следующий день 6(18) сентября Караджич, следивший за действиями словацких патриотов с симпатией, сообщал Надеждину, что в эту ночь несколько сот словаков отправились из Вены в Словакию. Их возглавили Штур, Гурбан и Ходжа. «Эти три словака, – писал Караджич, – были на Пражском съезде между знатнейшими славянами»¹⁹. Спустя несколько дней 23 сентября Вук писал Надеждину об убийстве венграми генерала Лемберга и об объявлении австрийским императором их бунтовщиками, о назначении им бана Елачича губернатором всего Венгерского королевства. Положение на фронтах было сложным – хорваты остановились в 4 часах от Будапешта, сербы храбро сражаются против венгров, а словаки отступили в Моравию²⁰.

Об октябрьском восстании в Вене, поводом для которого стала отправка австрийским правительством войск против венгров, Вук сообщил своему корреспонденту уже 4(16) октября. По словам Вука, депутаты сейма, прежде всего чехи, уехали из Вены, а польские депутаты из Галиции объединились с немцами против славян. 20 тыс. граничар во главе с Елачичем расположились по селам вокруг Вены. С ними соединился генерал Ауэрсберг, возглавлявший императорские войска. Жители Вены готовятся к боям, сооружают баррикады, вооружаются. Вук признавался, что с радостью бы покинул город, но нет средств. Как-то ночью к нему приходил Миклошич, но потом снова исчез. Подробно описывал Караджич положение Платона Атанацковича. Его обвиняют в том, что он уговаривал сербов не восставать против венгров, а покориться им, призывал сербов быть сербами только дома, а не на улице, а 15 августа в проповеди обвинил сербов в неблагодарности. Сам Вук считал, что причиной такого поведения Платона было: во-первых, то, что он находится в полной власти венгров, во-вторых, он самый бедный из епископов, а венгры ему дали 3600 форинтов серебром, в третьих, он желает получить Бачскую епархию, в-четвертых – он в ссоре с Раячичем, и в-пятых – он не знает, чем окончится война сербов с венграми. Возможно, эти причины Караджич определил не без консультаций с самим Платоном Атанацковичем. В том же письме Вук сообщал Надеждину и о судьбе других общих знакомых: Стаматович и Груич после восстания в Праге бежали в Карловцы, Светич вынужден был наоборот покинуть Карловцы и уехать в Нови Сад, поскольку его обвинили в связях с венграми.

В письме от 26 октября 1848 г. Караджич подробно описал положение в Вене накануне и после ее захвата императорскими войсками. После подхода к городу войск Виндишгреца, верных императору, город был объявлен находящимся на осадном положении. Общинный совет Вены и национальная гвардия послали императору протест, требуя отвода войск от города. Император депутатов не принял и велел им договариваться с Вин-

дишгрецом. Последний предъявил венцам следующие требования: выдать командиров Академического легиона, закрыть все газеты и клубы, сложить все оружие. Срок для исполнения этих требований был определен в 48 часов. Вена ответила на этот ультиматум усиленным вооружением. 22 октября император заявил о перемещении австрийского сейма из Вены в Кромерж и открытии его заседаний 15 ноября. Дальнейшие переговоры венцев с Виндишгрецом окончились неудачей, поскольку он кроме указанных требований потребовал выдачи ему генерала Бема (поляк), Пульского (венгр) и др. Шютте, а также убийц министра Латура. 28 октября граничары захватили предместье Вены Леопольдштадт. Особенно храбро венцы сражались в предместье Виден. Желая прекратить кровопролитие Мессенгаузер, возглавлявший защитников Вены, заявил общинному совету, что национальная гвардия и другие согласились принять условия Виндишгреца. 29 октября совет послал к нему делегатов. Однако слухи, что якобы венгры подошли на помощь восставшей Вене привели к срыву переговоров. Но венграм не удалось приблизиться к городу, так как они были разбиты граничарами. 31 октября Виндишгрец начал штурм Вены, а уже 1 ноября она была взята его солдатами. Начались аресты студентов.

Положение в Вене после захвата ее войсками императора Караджич описывает в более мрачных тонах, чем в первые дни революции. На улицах солома, костры, на которых варят пищу солдаты, много домов сгорело, особенно в предместьях Леопольдштадт и Виден. Вук с семьей боялись, что их могут убить или солдаты, или пролетарии – и тех, и других он одинаково опасался. «Я главное богатство свое – рукописи, – признавался Караджич Надеждину, – сложил в три сундука и держал их открытыми, думая, если пролетарии придут грабить, то покажу им, что в сундуках одна бумага; если же загорится дом, то убегу с ними в подвал». Вместе с письмом Вук послал Надеждину и обращение Елачича, в котором тот утверждал, что важнейшей опорой Австрии являются славяне, а также повторял слова чешского лидера Ф.Палацкого о том, что Австрия важна для славян и, если бы ее не было, славяне должны были бы ее создать. Вук встретился с Елачичем, и эта встреча его несколько успокоила. «Я на днях был у него и разговаривал с ним около получаса: он мне показался ещё более славянином, чем в этом письме»²¹.

В последующих письмах Вук тоже сообщал Надеждину о событиях в австрийских землях, наблюдая их со стороны, поскольку в Вене был восстановлен порядок. 10(22) ноября он писал Надеждину, что Елачич еще находится в Вене, а многие хорваты ее покинули и ушли защищать свое отечество от венгров, при этом он отмечал, что среди хорватов (Караджич имел в виду граничар И.Ч.) больше православных, чем католиков. Сербь нападают на Платона, продолжал Вук, «я защищал его как мог». Все славяне радуют-

ся, что император наградил Елачича чисто славянским орденом, а именно орденом св. Владимира.

В письмах от 25 и 30 ноября 1848 г. Вук рассказывал, что правительство одобрило постановления сербов на Карловацкой скупщине, что Елачич уехал на венгерскую границу, что №4 сербской газеты «Напредак» запрещен из-за помещенных в нем выпадов против Виндишгреца. 25 декабря 1848 г. Вук описывал своему корреспонденту события в сербских землях: смерть избранного на скупщине сербского воеводы Шупликаца, борьбу, развернувшуюся за его место. «Теперь совершенно неизвестно, кто будет избран на его место, – отмечал он, – может быть Георгий Стратимирович, может быть, что и князь Михаил (Обренович – И.Ч.) мог бы сделаться воеводою, если бы захотел подчиниться австрийскому правительству, но думаю, что не захочет того». С горечью Караджич рассказывал, что в Банате венгры разбили сербов, там сожжены и разграблены многие села. Но к сербам идет помощь из княжества Сербии. Вук сообщал и хорошие новости: «Напредак» продолжает выходить в Карловцах²². В этом письме Караджич впервые упоминал имя Георгия (Джорджа) Стратимировича, лидера сербских либералов и самого весомого противника патриарха Раячича в сербском национальном движении.

Письмо Караджича Надеждину от 25 января 1849 г. почти все посвящено событиям в сербских землях. Он объяснял своему корреспонденту причину неудач сербов в Банате: сербы там живут вперемежку с немцами и румынами, венгры прогнали сербское войско до Панчева, но в Бачке сербы держатся стойко. Если бы не сербы из Княжества, которые пришли им на помощь в количестве 5–6 тыс. человек, то венгры заняли бы уже и Земун (рус. – Землин). С помощью сербов из Княжества у венгров были отняты Панчево, Вршац и Белая Церковь и весь Банат очищен от венгров. Избрание воеводы состоится после окончательного изгнания венгров из сербских земель. Вук называл три кандидатуры на этот пост: генерал Тодорович, князь Михаил Обренович и Георгий Стратимирович. По мнению немецкой газеты из Загреба, добавлял Вук, Раячич якобы поддерживает кандидатуру князя Михаила, но часть политиков считает, что патриарх желает провозгласить воеводою императора Франца Иосифа. То же предлагает и один из сербских лидеров Йован Суботич. «Кроме того, – указывал Вук, – многие сербы там, особенно молодежь, да и сам комитет, жалуются на патриарха, что более трудится на пользу императорскую, чем народную». Некоторые сведения Караджич давал и о других городах: в Праге, Загребе, Митровице основано общество «Славянская липа», его отделение собираются создать в Задаре, в Триесте действует славянское собрание, в котором участвуют сербы и словенцы, в Белграде давно существует Дружина сербской молодежи. С удовольствием сообщал Вук, что славянские депутаты собираются в каком-нибудь монастыре праздновать славу Кириллу и Мефодию. Сам он тоже

думает поехать туда, если будет здоров и установится хорошая погода. Все это письмо дышит спокойной уверенностью в успешном развитии не только сербского, но и всего славянского движения в Австрии.

Однако буквально через 5 дней настроение у Караджича резко изменилось. В письме от 30 января 1849 г. он сообщал, что Карловцы объявлены на осадном положении, сербские газеты «Вестник» и «Напредак» запрещены, из Будима в Загреб доставляют указы на венгерском языке, вооруженных сербов из Княжества, которых в австрийских землях насчитывалось около 10 тыс. человек, правительство старается как можно скорее вернуть в Сербию. Ещё до того, как Карловцы были объявлены на военном положении, генерал Тодорович и патриарх Раяич с помощью солдат опечатали канцелярию Народного комитета, запретили его членам собираться. «Георгия Стратимировича, – продолжал Вук, – (вице-президента этого комитета), который уже давно был в несогласии с патриархом и который рассчитывал сделаться воеводою, вызвали в Банат». «Все хуже и хуже», – заключал Караджич²³.

Разгон Кромержижского сейма, Октроированная конституция вызвали недовольствие многих политиков. Об этом писал Караджич 10 марта 1849 г. Здесь же он передавал Надеждину и приятные новости о награждении австрийским императором орденами некоторых деятелей из княжества Сербия: сербского князя, Кничанина (он возглавлял отряды из Сербии, сражавшиеся против венгров – И.Ч.), А. Петрониевича, С. Симича и И. Гарашанина²⁴.

23 апреля 1849 г. Вук сообщал о некотором улучшении положения в Воеводстве, об общем недовольстве сербов патриархом и австрийскими генералами Тодоровичем, Руковиной, Нужаной, Майергофером, об испуге венцев при известии об оставлении Пешта императорскими войсками и об их успокоении после известия о вступлении русских войск в пределы владений Габсбургов. Сам Караджич успокоился настолько, что решил оставить Вену и посетить Воеводство и княжество Сербию.

Вернувшись в Вену, Караджич отправил Надеждину 18 июля письмо с сообщением о своей поездке в Загреб, Землин, Белград, Шабац и др. Одновременно он послал Надеждину 2 экземпляра своих новых книг. Караджич собирался послать через Надеждина такие же книги русскому императору и наследнику. Надеждин должен был их отдать Княжевичу, Княжевич – министру просвещения Уварову, а тот уже императору и наследнику. Подробно Вук рассказывал о своей встрече с Платоном Атанацковичем в монастыре на Фрушкой горе. «Патриарх Карловацкий, – делал вывод из этого разговора Вук, – потерял любовь и доверие своего народа, и теперь, говорят, что министерство отняло у него звание императорского комиссара». Раяич запретил две сербские газеты, а вместо них его сторонники издают газету «Позорник». «За это и за многое другое, – заключал Караджич, – против

патриарха так кричат, что иные даже говорят: следовало бы его повесить». Как можно видеть по письмам, первоначально нейтральное отношение Караджича к патриарху Раячичу за период революции сменилось на резко отрицательное. Караджича волновали новые атаки венгров на Бачку, пожар в Новом Саде. Но он надеялся, что им не удастся проникнуть в Срем, Славонию, Хорватию²⁵.

В октябре 1849 г. Вук сообщал Надеждину о росте противоречий между патриархом Раячичем и баном Елачичем: газета Раячича «Позорник» призывала сербов расторгнуть их союз с хорватами. Вук передавал Надеждину слухи о том, что австрийское правительство собирается из сербских областей Баната, Срема, Бачки создать коронную землю Воеводство с временным наместником генерал-майором Майергофером, который одно время был консулом в княжестве Сербия. 18 ноября 1849 г. Вук уже сообщал Надеждину об указе императора о создании Сербского воеводства, воеводой которого провозглашался сам император. Воевода будет назначать вице-воеводу, который и станет управлять новой коронной землей. Карловцы не были включены в Воеводство, а оставались на территории Военной Границы под властью бана. Этим указом очень недовольны Раячич и его партия, их газета «Позорник» пишет о хорватах как о главных врагах сербов. Румыны тоже выступают против сербов, стремясь отделиться от них в церковных делах. Караджич передавал Надеждину просьбу Миклошича, просившего Надеждина написать статью для его журнала. «Если б Вы написали о сербском литературном языке, – предлагал Вук, – о чем хотели было прежде писать». Спустя три месяца, 5(17) февраля 1850 г., Караджич сообщал о дальнейших неприятностях, преследовавших патриарха. В мае должен состояться синод сербской православной церкви. Румынские владыки – трансильванский, буковинский, арадский – не желают признавать патриарха Раячича и стремятся отделиться от сербской церкви и даже в Вршаце поставить румынского владыку. Помимо споров с румынами у Раячича обострились отношения с Майергофером. Последний разогнал в Землине остатки народного правительства и взял с собой в Темешвар его архив, который патриарх думал увезти в Карловцы. С грустью Вук констатировал: «Сербский народ в Австрии никогда еще не был так слаб, как теперь, ибо нет людей в уровень с потребностями нашего времени». Другим деятелям югославянского движения повезло больше: Светич был назначен устраивать в Воеводстве судопроизводство, газету, которую издает Гай, сделали министерской²⁶.

Н.И. Надеждин еще в 1848 г. стал председателем Отделения этнографии Русского географического общества и одновременно редактором его изданий – «Географические известия» и «Этнографический сборник». Он добился, что в 1850 г. Караджич был избран членом Русского географического общества. В 1851 г. Караджича по ходатайству Надеждина, Срезневского и Востокова избрали членом-корреспондентом Второго Отделения

Императорской Российской Академии наук. «Второе отделение Императорской Российской Академии наук, – сообщал Караджичу 11 января 1852 г. И. Давыдов, – в заседании 8-го прошедшего декабря избрало Вас в звание корреспондента Академии по части славянской филологии»²⁷.

5 мая 1850 г. Вук благодарил Надеждина после получения диплома от Русского географического общества. «Знаю, что это Ваше дело, – писал он, – и очень благодарен за сей новый знак Вашей приятельской любви и благосклонности». Через посольство Караджич передал Ф.П. Литке (главе Общества) письмо с благодарностью за оказанную честь²⁸. 22 сентября 1850 г. Караджич вновь делился с Надеждиным своей радостью – он получил от нового министра просвещения письмо с драгоценным перстнем от Николая I (это был бриллиантовый перстень – награда за книги «Ковчежић» и «Народне српске пословице»²⁹ – И.Ч.). Рассказывая о делах в югославянских землях, Вук подчеркивал, что бан (Елачич – И.Ч.) успешно закончил свои хлопоты о Хорватии и Военной Границе, и с сожалением добавлял, что Воеводство находится в очень дурном положении, так как нет достойных людей, каждый тянет в свою сторону. В том же письме он сообщал о том, что австрийский император наградил его, Шафарика и Коллара австрийскими орденами. «Мне и не снилось, – добавлял он, – получить австрийский орден раньше русского, а вот таки получил»³⁰.

В письме от 8(21) октября 1850 г. Караджич описывал заседание в Вене Раячича с семью православными епископами. Им было поручено обсудить несколько вопросов: об улучшении благосостояния и образованности духовенства, об устройении консистории и народных школ. Но архиереи в течение 8 дней ни о чем другом не говорят, а только препираются из-за бачской епархии, епископом которой был назначен Платон Атанацкович. Раячич протестовал перед министерством по этому поводу, однако министерство возвратило ему этот протест. Караджич привел слова одного из австрийских министров: «Если народные представители так дурны, несправедливы, мстительны и немиролюбивы, каков же должен быть их народ?» Вук передавал Надеждину слухи о том, что сербскими школами будет управлять Суботич. Еще Вук просил Надеждина прислать ему газету, где был напечатан отзыв о его «Ковчежце»³¹.

В письме от 13 марта 1851 г. Вук рассказывал своему корреспонденту о попытке примирения Атанацковича с Раячичем, предпринятой черногорским владыкой. За несколько месяцев до этого Платон согласился оставить бачскую епархию, если ему взамен предоставят темешварскую или вршецкую. При этом он просил письменное обязательство об этом. Раячич отказался удовлетворить просьбу Атанацковича, чем навлек на себя неудовольствие правительства. Вопрос об отделении румынской церкви от сербской правительство поручило решить синоду. Отдельные доклады по этому вопросу составили глава движения за румынскую церковь трансильванский

епископ А. Шагуна и Атанацкович. Караджич полагал, что правительство примет доклад Атанацковича. Шагуна хочет для румын собственного митрополита, патриарх противится этому, но, по мнению Вука, без пользы³².

6 апреля 1851 г. Караджич вместе с письмом послал Надеждину брошюры Раячича и Шагуны. Он с возмущением описывал поведение православных епископов в Вене, которые ведут себя «к великому сраму для себя и народа нашего», пьют, зазывают к себе женщин³³. 10 июля 1851 г. Вук сообщал Надеждину о завершении противостояния между Раячичем и Атанацковичем. К этому времени из Вены уже уехали все православные епископы, которых австрийские власти собрали, чтобы решить дело Атанацковича. Раячич на встречу не приехал. Ему приказал прибыть на встречу австрийский император, патриарх снова не послушался. Однако, когда император ему пообещал, что впредь без совета с патриархом он не будет назначать епископов, Раячич заявил, что он не против перемещения Платона в Нови Сад. В том же письме Караджич писал, что в Вене собираются печатать сербские и румынские религиозные книги, что из Италии приехал черногорский владыка, очень больной. Рассказывая, что Омер-паша сделал дорогу от Вены до Травника и Сараево, так, что по ней можно проехать теперь в карете, Вук приглашал Надеждина отправиться вместе с ним в Боснию³⁴.

Письмо от 28 октября 1851 г. Вук посвятил черногорским делам. После смерти черногорского владыки Петра II Негоша встал вопрос о его наследнике. «Его наследник, – писал Караджич, – которого он назначил в позапрошлом году, Данило Станков, юноша 23 лет, был отправлен учиться в Петербург, и теперь, я думаю, вернется обратно. В Черногории теперь может случаться всякое». Вук полагал, что если Данило не станет владыкой, им возможно станет Джордже Савов (дядя Петра II Георгий Петрович – И.Ч.). Старший брат умершего владыки Перо, очень богатый человек, или станет господарем, или сбежит со всеми деньгами в Котор. Обстановка в Черногории была очерчена точно – именно эти три кандидатуры и выступили претендентами на высший пост в Черногории³⁵.

Последние два письма касались чисто научных дел, как уже указывалось выше, благодарности Караджича за присвоение ему званий члена Русского географического общества и члена-корреспондента Второго отделения Российской Академии наук.

Конечно, в своих письмах Надеждину Караджич не только делился своими соображениями по поводу развития событий в Австрии, но и затрагивал вопросы, связанные с его научной деятельностью. Вук сообщал Надеждину о публикации, готовившейся Миклошичем, передавал книги Бодянскому и Срезневскому, просил увеличить ему пенсию от русского правительства с 100 дукатов в год до 300 и др. Регулярно, почти в каждом письме Караджич просил прислать рецензию Срезневского на его книгу, напечатанную в «Журнале министерства народного просвещения»³⁶.

25 января 1849 г. Караджич просил Надеждина собрать в Киеве и Петербурге подписчиков на свою книгу «Сербские народные пословицы», в Москве ему обещал это сделать Погодин, в Харькове – Срезневский³⁷. 22 сентября 1850 г. Вук сообщал Надеждину, что его словарь (2-е издание «Сербского речника») находится в печати и снова просил найти на него подписчиков. 13 марта 1851 г. Караджич просил Надеждина или Срезневского опубликовать заметку о его словаре. В новом издании, отмечал он, будет на 20 тыс. слов больше, чем в первом издании. «Кроме различных замечаний, – продолжал Караджич, – об обычаях, суевериях и многих местностях, при многих словах будут и грамматические объяснения». Слова для первого издания он писал по памяти, а для нового – собрал в последнее время в различных областях Сербии. Он обещал для каждого, кто купит 10 экземпляров, один экземпляр дать бесплатно. 6 апреля 1851 г. Вук послал своему корреспонденту отпечатанную часть словаря и просил его или Срезневского написать о нем статью в издании Географического общества и спрашивал, может ли Академия купить 100 экземпляров его словарей³⁸.

Два последних письма в основном касались научных дел. 29 марта 1852 г. Вук, сообщив о примирении Раяичича с Атанацковичем, одновременно посылал Надеждину 3 экземпляра своего «Сербского речника» – для него, Срезневского и Русского географического общества, а также просил прислать ему Псалтыри, поскольку он собирается ехать в Боснию. «Я стал членом Второго отделения Императорской академии наук, – добавлял он. – За эту честь я особенно должен благодарить Вас и И.И. Срезневского». В последнем письме, от 4 ноября 1852 г., Вук благодарил Надеждина за письмо от 5 июня и посылал ему 18 экземпляров своего «Сербского речника»: 14 – для раздачи подписчикам, а остальные – для Русского географического общества, С.Н. Палаузова, В.И. Григоровича, И.П. Липранди. Последний являлся шефом русской тайной полиции за границей.

Чем объяснить такое доверительное отношение Караджича к Надеждину?

Прежде всего, потому, что Надеждин был одним из главных сторонников в России реформы сербского литературного языка, проведенной Караджичем. Он и И.И. Срезневский были главными пропагандистами ее среди российского научного общества – писали о ней статьи, продвигали Вука в качестве почетного члена в различные российские научные учреждения. Но оба они, отстаивая принцип формирования литературного языка на основании существующего народного языка, вместе с тем выступали против введенного им фонетического принципа правописания³⁹.

Но не только одинаковые взгляды на создание сербского литературного языка сближали Караджича и Надеждина, но и их в значительной степени схожие политические устремления. Несомненно, оба они являлись убежденными монархистами. Вместе с тем они считали необходимым провести определенную либерализацию политической жизни Сербии и России.

В 1832 г. Вук Караджич написал письмо своему покровителю сербскому князю Милошу Обреновичу, в котором откровенно высказал свое мнение о положении в Сербии и о путях исправления этого положения. Он предлагал дать стране конституцию, как в Англии, Франции или новой Греции, которая каждому должна гарантировать жизнь, честь, имущество, свободу заниматься тем делом, каким он желает, если оно не во вред другим. Критически относился Караджич и к ряду сербских православных иерархов.

Каковы были взгляды Надеждина на российскую действительность, можно судить отчасти по опубликованной им статье П.Я. Чаадаева «Философические письма». Был ли Надеждин полностью согласен с идеями, высказанными Чаадаевым? В частности, для него, по-видимому, не была приемлема столь решительная неприязнь к православию. Чаадаев весьма прозрачно намекал, что русские обратились за нравственным учением к расцвевшей Византии, т.е. приняли от нее христианство. Народы Европы в течение 15 веков имели общий язык для общения с богом. Все политические революции в Европе, утверждал Чаадаев, по сути являлись нравственными революциями. «Искали истину и нашли свободу и благоденствие». В качестве идеала для Чаадаева выступала Англия. Россия же для него представляла весьма печальное зрелище. «Освободившись от чужеземного ига, – писал он, – мы оказались отторгнутыми от общей семьи, мы подпали рабству ещё более тяжкому и притом освященному фактом нашего освобождения». Таким образом, для Чаадаева существующее положение в России было хуже, чем во время иноземного владычества.

Скорее всего Надеждин не был согласен со всеми высказываниями Чаадаева. Но он считал, что пресса должна публиковать возможно полные мнения представителей русского общества и выступал за демократизацию русского общества.

И Вук Караджич, и Николай Иванович Надеждин, несомненно, являлись искренними патриотами своих стран – Сербии и России – и имели гражданское мужество, пожертвовав благосостоянием и карьерой, высказать властям свои взгляды.

Примечания

¹ Добрашиновић Г. Вук и Руси. Београд, 1964. С.41.

² Попов Н.А. Письма Платона Атанасковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара к Н.И.Надеждину //Русский архив. 1873. Кн. 2. № 7–12; Попова Т.П. Неизвестные письма В.Ст.Караджича Н.И.Надеждину // Вестник Московского университета. Серия VII. Филология, журналистика. 1964. № 4.; Сперанский М.Н. Письмо Вука Караджича Н.И.Надеждину //Труды Института славяноведения АН СССР. Т.II. Л., 1934.

- ³ Правительствующий совет был основан в Сербии в августе 1805 г. В его состав вошли 12 советников, по одному от каждой нахии (административной области), восставшей против турок. Возглавлял Совет протоиерей Матия Ненадович.
- ⁴ Модзалевский Л.Б. Неизданная биография В.С.Караджича // Научный бюллетень Ленинградского государственного ордена Ленина Ленинградского университета. Славистические исследования. № 11–12. Л.,1946. С.5.
- ⁵ Вукова преписка. Къ. II. Београд, 1908. С. 628–630.
- ⁶ Добрашиновић Г. Вук и Руси. С.37.
- ⁷ Аксаков К.С. Воспоминание студентства. 1832–1835. СПб, 1911. С.22.
- ⁸ Журнал министерства народного образования. (ЖМНП) 1842. Июнь.
- ⁹ Цит. по статье: Гусев В.Е. Фольклористическая деятельность Вука Караджича в оценке русской науки // Вуков сборник I. Анали филолошког факултета. Београдски универзитет. Београд, 1964. № 4. С. 108, 109.
- ¹⁰ Попова Т.П. Неизвестные письма В.Ст. Караджича. С.57.
- ¹¹ Ягич В.И. Новые письма Добровского, Копитара и других юго-западных славян. СПб, 1897. С.LXX.
- ¹² Надеждин Н.И. Записка о путешествии по южнославянским странам // ЖМНП. 1842. № 4/5. С. 90, 91.
- ¹³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1274. Панины-Блудовы. Д.2424. Л.193 с об.
- ¹⁴ Попов А.Н. Путешествие в Черногорию. СПб, 1847.
- ¹⁵ Попов Н.А. Письма Платона Атанацковича. С. 1142, 1143, 1152.
- ¹⁶ Попов Н.А. Письма. С.1152–1154.
- ¹⁷ Попов Н.А. Письма. С.1158.
- ¹⁸ Попов Н.А. Письма. С.1155–1162.
- ¹⁹ Попов Н.А. Письма. С.1164, 1165.
- ²⁰ Попов Н.А. Письма. С. 1167.
- ²¹ Попов Н.А. Письма. С. 1178–1186.
- ²² Попов Н.А. Письма. С. 1191, 1182.
- ²³ Попов Н.А. Письма. С. 1195–1197.
- ²⁴ Попов Н.А. Письма. С. 1197, 1198.
- ²⁵ Попов Н.А. Письма. С. 1199–1200.
- ²⁶ Попов Н.А. Письма. С. 1201–1206..
- ²⁷ Вукова преписка. Къ. I. Београд, 1904. С. 549.
- ²⁸ Попов Н.А. Письма. С. 1209.
- ²⁹ Добрашиновић Г. Вук и Руси. С.76.
- ³⁰ Попов Н.А. Письма. С. 1211–1212.
- ³¹ Попов Н.А. Письма. С. 1212, 1213.
- ³² Попов Н.А. Письма. С. 1214–1216.
- ³³ Сперанский М.Н. Письмо Вука Караджича Н.И.Надеждину. С.160, 161.
- ³⁴ Попова Т.П. Неизвестные письма. С. 60, 61.
- ³⁵ Попова Т.П. Неизвестные письма. С. 63.
- ³⁶ Попов Н.А. Письма. С. 1158, 1161, 1162.
- ³⁷ Попов Н.А. Письма. С. 1195.
- ³⁸ Сперанский М.Н. Письмо Вука Караджича Н.И.Надеждину. С. 162.
- ³⁹ Добрашиновић Г. Вук и Руси. С. 74.

«Он хотел писать для народа»
(А.Н. Пыпин о реформаторской деятельности В. Караджича)

Abstract:

Aksenova E.P. *«He wanted to write for the people» (Aleksandr Pypin about the reformatory activities of Vuk Karadžić).*

The article covers the views of Aleksandr Pypin on the reformatory activities of Vuk Karadžić in the framework of the Serbian national movement and against the background of the Slavic revival in general.

Ключевые слова: славянское возрождение, сербское возрождение, В.С. Караджич, реформа литературного языка, сербские народные песни, А.Н. Пыпин.

Выдающийся русский ученый второй половины XIX в., оставивший огромное научное наследие в области истории литературы, истории общественной мысли и общественного движения, истории этнографии, славяноведения, Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) значительную часть своих трудов посвятил такому грандиозному историческому явлению, как национальное возрождение славянских народов¹. Возрождение и становление славянских наций проходило поэтапно: оно началось с подъема национального самосознания, развития национального языка, литературы, народного просвещения, что со временем привело к упрочению национальных связей и консолидации нации. Пыпин, сам будучи современником процесса пробуждения славянских народов, собрал немало сведений и материалов, имевших отношение к эпохе славянского возрождения в целом и каждого народа в отдельности, что дало ему возможность выявить как общие, так и частные черты этого многогранного явления. Ученый не обошел вниманием причины, условия, факторы, идеологию и многие другие вопросы, объясняющие суть славянского движения. Особый интерес Пыпина вызывали подъем культуры и развитие науки славянских народов и деятельность наиболее ярких представителей возрожденческого движения. К таковым, безусловно, относится Вук Стефанович Караджич (1787–1864), видный деятель сербского национального возрождения, филолог, историк, фольклорист, реформатор сербского литературного языка. Он был известен в русских научных кругах; в 1851 г. Академия наук в Петербурге приняла его в свои члены.

А.Н. Пыпин впервые узнал о В. Караджиче будучи студентом-первокурсником Казанского университета и слушая лекции одного из первых русских профессоров-славистов В. И. Григоровича². В основном из личной библиотеки профессора старший товарищ Пыпина, П. А. Ровинский³

брал книги, и таким образом Пыпин познакомился «до известной степени с некоторыми главнейшими произведениями славянской литературы и учености». Первой из них он называет книгу Караджича, в которой были собраны сербские народные песни⁴. В дальнейшем Пыпин продолжил образование в Петербургском университете, где слушал лекции еще одного профессора из когорты первых славистов, И.И. Срезневского⁵, который рассказывал студентам о своих путешествиях по славянским землям и близком знакомстве со всеми основными деятелями возрождения. Несмотря на нехватку славянских книг, уже в студенческие годы Пыпин хорошо знал имена и научные заслуги Й. Добровского, П. Шафарика, Е. Копитара, Я. Коллара, В. Мацеёвского и В. Караджича⁶.

Во время заграничной командировки (1858–1860), посетив некоторые славянские земли и познакомившись с деятелями науки и культуры, Пыпин более пристально стал изучать процессы национального славянского возрождения. Сводную картину этого явления он представил в «Обзоре истории славянских литератур» (СПб, 1865) и более основательно – в двухтомной «Истории славянских литератур»⁷ (в обеих книгах польская часть принадлежит перу В.Д. Спасовича), а также в работе «Панславизм в прошлом и настоящем» (1878), изданной в виде книги уже после смерти автора (в 1913 г.). Рассматривая сербское национальное возрождение, Пыпин напоминал, что «сербское племя» жило не только на территории Османской империи, но и в адриатическом Приморье, и в австрийских землях⁸. Активное возрождение у турецких сербов связано, по его мнению, с результатами Первого и Второго сербских восстаний, когда произошло «политическое освобождение Сербии (хотя и неполное)». Образование Сербского княжества (1830) укрепило национальное движение «сознанием выдержанной борьбы»⁹. Пыпин отмечал, что у сербов вера, язык и предание составляли наследие старины, с помощью которого народ надеялся вернуть свободу¹⁰. В то же время у сербов Австрийской империи, замечал Пыпин, национальный патриотизм не меньше – они занимались просветительской деятельностью, организовывая школы, типографию. Начался переход «от старой церковной книжности к новому образованию». «Славно-сербский» язык, использовавшийся в переходный период в качестве литературного языка, представлял смесь церковно-славянского с сербским, «был не совсем понятен» и должен был уступить место народному языку, на котором стала развиваться новая сербская литература. Первым представителем этой литературы Пыпин называл Досифея Обрадовича¹¹, отмечая вместе с тем, что он не произвел еще реформы языка и литературы¹².

Последователем Обрадовича стал, по оценке Пыпина, «деятель первостепенного достоинства» Вук Стефанович Караджич. Он, как и подобные ему другие славянские деятели, выйдя из народной среды, явились «выразителями национально-образовательных стремлений и оказывали великие ус-

луги народу и литературе»¹³. Караджич стоял «на уровне своего времени», высоко ценил просвещение и науку¹⁴. Пыпин дал развернутую характеристику его деятельности и вклада в сербскую и общеславянскую культуру, которая является отражением национального самосознания и освободительной борьбы славянских народов.

Немалую заслугу Караджича Пыпин видел в раскрытии богатства сербской народной поэзии. Как отмечал Пыпин, Караджич, оказавшись в Вене, познакомился с Е. Копитаром, который убедил его заняться собиранием народных песен и изучением сербского языка¹⁵. Вскоре, в 1814 г. появилась первая книжка «Песнарицы», за которой последовало еще несколько выпусков. Характеризуя издание в целом, Пыпин подчеркивал, что это «образчик народного эпоса, живого и самобытного». Собранные и изданные Караджичем песни, по словам русского ученого, «явились как живое олицетворение народности» и имели отголосок не только в сербской, но и всеславянской и даже общеевропейской среде (с 1820-х годов в европейской литературе появилось немало переводов сербских песен). Для славянского возрождения открытый Караджичем сербский эпос был своего рода «новым «историческим правом»»¹⁶.

В том же, 1814 г. в Вене была издана грамматика Караджича – «Писменица србскога језика, по говору простога народа». По мнению Пыпина, «Песнарица» и «Писменица» положили начало изучению языка и народной поэзии и составили «эпоху в славянской литературе»¹⁷. Ученый отмечал также, что в результате своих путешествий по югославянским землям Караджич собрал немало материала, который дал ему возможность подготовить и издать в 1818 г. словарь сербского языка – «Српски рјечник» с латинским и немецким переводом слов и этнографическими объяснениями (более обширное издание которого вышло в Вене в 1852 г.)¹⁸. Множество собранных этнографических сведений нашли отражение и в дальнейших трудах сербского ученого, который, по оценке Пыпина, имел «обширное и многостороннее знание своего народа». С 1826 по 1834 гг. Караджич издал несколько выпусков альманаха «Даница» «с любопытными собственными статьями по сербской истории и языку». Эти труды, считал Пыпин, были важны для изучения Сербии и всего славянства¹⁹.

Основную заслугу Караджича Пыпин видел в реформировании литературного языка. Решая эту задачу, Караджич разработал новое сербское правописание и в основу литературного языка положил язык народа. Он был защитником чистого народного языка и считал, что только на нем литература может «получить живое народное значение». Предложенное Караджичем правописание основано на фонетическом принципе (пишется, как слышится)²⁰. Но это нововведение, замечал Пыпин, встретило яростное сопротивление его «непримиримых врагов» из «славено-сербской школы»²¹, или «славено-сербской партии» («нечто вроде нашего Шишкова и его последовате-

лей»²²). Представители этого консервативного направления называли народный язык «языком свиных пастухов» и обвиняли Караджича «в неуважении к книжным преданиям старины». Под их давлением его книги и разработанное им правописание были признаны «вредной ересью» и запрещены в княжестве Сербия (это запрещение было снято лишь в 1860-х годах – «его языку и правописанию дана, наконец, полная свобода») ²³. Что же вменялось в вину Караджичу? В его трудах, объясняет Пыпин, находили «признаки наклонности к латинству» (например, введение буквы *j*), в его деятельности «видели политическую и религиозную (австрийско-католическую) тенденцию»²⁴. Критика в адрес сербского реформатора раздавалась не только со стороны сербских общественно-политических и научных кругов, но и из-за границы, а именно из России – поддержку «славено-сербской партии», как отмечал Пыпин, оказали русские славянофилы (и прежде всего А.Ф. Гильфердинг²⁵), осудившие Караджича за то, что, как им представлялось, он, действуя в интересах Австрии («орудием» которой считали Е. Копитара, имевшего большое влияние на Караджича, жившего и работавшего в основном в Вене), хотел «разорвать церковно-книжное предание, связывавшее сербов с Россиею», что «направление Вука отдаляло сербскую образованность от русских влияний»²⁶. В то же время, существовала и иная точка зрения: так, например, И.И. Срезневский, по словам Пыпина, высоко ценил «Вуково правописание», считая его «образцовым в литературе славянской»²⁷. Пыпин также напоминал, что еще в 1819 г. Караджич приезжал в Россию, где был избран членом Общества любителей российской словесности²⁸. Эту поездку он предпринял, как следует из других источников, как раз для того, чтобы заручиться поддержкой представителей русской науки, а также в надежде получить материальную помощь²⁹.

Не только при жизни Караджича, но и спустя многие годы после его смерти отношение к нему и его деятельности было по-прежнему неоднозначным в российских научных кругах. Если Пыпин старался объективно оценить усилия Караджича в процессе становления сербской нации, то, например, П.А. Кулаковский³⁰ продолжал линию славянофилов. В рецензии³¹ на книгу Кулаковского «Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе» (М., 1882) Пыпин отмечал, что автор книги, профессор русского языка и литературы в Великой школе в Белграде, защитивший магистерскую диссертацию на ту же тему в Московском университете, обратил внимание на современные проблемы славянства, подробно рассмотрел деятельность Караджича, признавая его заслуги и «законность» реформы. Вместе с тем, Кулаковский критиковал реформу Караджича за разрыв «связи сербской и русской литератур», что лишало их общей церковнославянской основы. Пыпин не соглашался с мнением автора, поясняя, что русская литература начала XIX в. «не в состоянии была доставить тех образовательных и научных сведений, какие были сербам нужны», поскольку внутреннее

положение России не позволяло «ожидать какой-либо свободной науки, свободной художественной литературы, свободного общественного сознания...»³². В реформаторской деятельности Караджича Пыпин усматривал прежде всего «стремление сербов выразить свою национальность, свободно и независимо от каких-либо чужих влияний и притязаний». Что же касается связи сербской литературы с русской церковно-схоластической традицией, то, как считал Пыпин, она была не особенно «крепкой», и их разрыв, так или иначе, был неизбежен, поскольку и русская литература не стояла на месте, а развивалась и «сближалась с интересами и языком жизни»³³.

А.Н. Пыпин не углублялся в подробный лингвистический анализ сербского литературного языка и правописания Караджича (как это сделал позже И.В. Ягич³⁴). Высоко оценивая в целом реформаторские устремления Караджича, Пыпин вместе с тем отмечал и некоторые общие недостатки в системе литературного языка, предложенной сербским ученым. Он писал, что Караджич увлекся желанием «сделать письмо точнейшим отражением говора». «Вопрос правописания, – подчеркивал Пыпин, – не решается одним этим условием», необходимо учитывать «исторические корни» языка и его связь с другими языками. Если бы в новой системе правописания нашли отражение эти факторы, то тогда не возникло бы отрыва «новой книги от старой и от книги церковной», а также сербской книги от русской. Несмотря на некоторые недочеты, Пыпин считал, что в целом система Караджича, как и вся его деятельность, объясняется «общим историческим стремлением», характерным для славянского движения – стремлением «к обособлению, к резкому заявлению своей индивидуальности». Через этот путь необходимо было пройти, поэтому реформа Караджича имела, по оценке Пыпина, важное значение для сербского национального развития и сплочения нации³⁵.

Однако противники Караджича, отмечал Пыпин, не хотели понять, что реформа литературного языка представляет собой только одно из явлений происходившего тогда в славянском мире процесса национального возрождения. «Вся сущность славянского движения, – писал Пыпин, – заключалась в поднятии национального чувства, в пробуждении бессознательного дотоле общества и народа, следовательно, в распространении книжности, образования; она состояла далее в том, чтобы внушить уважение к народным силам, к живому обычаю, чтобы не смотреть свысока на народ, а служить его благу и интересам». Отсюда деятелями возрождения делался вывод, что «книга, обращенная к этому народу, должна говорить его языком», и к этому выводу привели не «демократический каприз», не «политическая интрига», а насущная необходимость, «потому что народ не понимал бы иного языка»³⁶. Сторонники славянского единства упрекали Караджича в том, что он «делит славянство, вместо того, чтобы соединять его». Пыпин усматривал в этом непонимание или превратное толкование фактов: реформа, объяснял он, подразумевала, что «прежде каких-либо общеславянских

комбинаций, сербы в своей литературе должны выразить свою национальность, свои народные особенности»³⁷. В те годы, когда Караджич начинал свою реформаторскую деятельность, напоминал Пыпин, еще не получил развитие «панславизм» в качестве теории объединения славян, но если бы он уже существовал, то проведенная сербским ученым реформа была бы «косвенным протестом» против панславизма³⁸. В деятельности сербского реформатора Пыпин видел исторически необходимую ступень национального возрождения, «явление всеобщее», характерное для всех славянских народов³⁹. Таким образом, Пыпин включил деятельность Караджича в общеславянский контекст.

Деятельность В. Караджича, направленную на культурный и общественный подъем сербского народа, А.Н. Пыпин рассматривал не в узко специальном плане, не в ракурсе той или иной научной дисциплины, а прежде всего сквозь призму общественно-исторических взглядов, которых он придерживался и выразителем которых являлся. Ученый оценивал все сделанное Караджичем с точки зрения его влияния на подъем национального самосознания и процесс национального возрождения сербского народа, одновременно подчеркивая схожесть возрожденческих явлений у разных славянских народов. Научные труды Караджича, по утверждению Пыпина, составили «эпоху в славянской литературе», русский ученый называл их «энциклопедией» этнографических сведений о сербском народе, а их автора – одним из первых в европейской науке, кто требовал внимательного исследования народности, уважения «к народной жизни, ее содержанию и обычаю»⁴⁰. Реформа Караджича отвечала насущной потребности новой литературы. Его труды явились как «выражением», так и «фактором» сербского национального возрождения⁴¹. Пыпин раскрыл прогрессивность и демократизм реформы Караджича⁴². Работы Пыпина, безусловно, способствовали научному изучению славянства и знакомству русского общества со славянскими народами и их выдающимися деятелями, внесшими свой немалый вклад в развитие культуры и науки, среди которых видное место занимает Вук Стефанович Караджич.

Примечания

¹ Подробнее см.: Аксёнова Е.П. А.Н. Пыпин о славянстве. М., 2006.

² Григорович Виктор Иванович (1815–1876), филолог, историк, один из основоположников славяноведения в России. Занимал кафедру истории и литературы славянских наречий в Казанском университете (1838–1864, за исключением 1849 г., когда читал лекции в Московском университете), с 1865 – профессор кафедры славяноведения Новороссийского (Одесского) университета. В 1844–1847 гг. совершил путешествие с научными целями по славянским землям.

³ Ровинский Павел Аполлонович (1831–1916), историк, этнограф, филолог, славист, географ, публицист. Преподаватель Казанского университета (1853–1856), заграничный корреспондент русских периодических изданий в славянских землях, печатался в «Современнике», «Очерках» и др. Член тайного общества «Земля и воля» (1862–1863). Путешествовал по славянским землям. С 1879 г. в течение 27 лет жил и работал в Черногории, создал монументальный труд «Черногория в ее прошлом и настоящем» (СПб, 1888–1915. Т. 1–3).

⁴ Пыпин имеет в виду: Мала престонародња славно-србска песнарница. Вена, 1814–1815. Ч. 1–2. В дальнейшем это издание разрослось до шести томов. См.: *Пыпин А.Н.* Мои заметки. Сара-тов, 1996. С. 86.

⁵ Срезневский Измаил Иванович (1812–1880), один из первых российских славяноведов, славист широкого профиля, крупный специалист в области славянской истории и филологии. Посетил славянские земли с целью подготовки к профессорскому званию (1839–1842). Профессор кафедры истории и литературы славянских наречий Харьковского (1842–1846) и Петербургского (1847–1880) университетов. Редактировал издание Академии наук «Известия ОРЯС» (1852–1863).

⁶ *Пыпин А.Н.* Мои заметки. С. 113.

⁷ *Пыпин А.Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. СПб, 1879–1881. Т. 1–2.

⁸ *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб, 1913. С. 21–22.

⁹ Там же. С. 22; *Пыпин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. СПб, 1879. Т. 1. С. 201.

¹⁰ *Пыпин А. Н.* Первые слухи о сербской народной поэзии // Вестник Европы. 1876. № 12. С. 702.

¹¹ Обрядович Досифей (1742–1811), сербский просветитель, писатель, начавший писать народным языком. Личный секретарь и советник руководителя Первого сербского восстания Карагеоргия. Первый министр просвещения Сербии.

¹² *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 201–205, 211.

¹³ Там же. С. 213.

¹⁴ *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 23.

¹⁵ *Пыпин А.Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 213–214.

¹⁶ Там же. С. 214, 218; *А.В. [Пыпин А.Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1879. № 7. С. 372; *Пыпин А.Н.* Первые слухи о сербской народной поэзии // Вестник Европы. 1876. № 12. С. 739.

¹⁷ *Пыпин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 214.

¹⁸ Там же. Разница в написании слов *језика* в «Писменице» и *рјечник* в словаре объясняется проведением реформы (об этом подробнее см.: *Ягич И. В.* История славянской филологии. Репринтное издание. М., 2003. С. 373, 379).

¹⁹ *Пыпин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 214–215.

²⁰ Там же. С. 204, 216.

²¹ Сравнивая языковую ситуацию в Галиции, которая напоминала языковую ситуацию у сербов, Пыпин выявил аналогичные явления: «Мнимая общерусская школа у галичан была похожа на ту “славено-сербскую” школу, которая, не умея еще открыть настоящей литературной формы, стала писать смесью церковного, известного из книг, и народного языка и впоследствии с ожесточением напала на Вука (Караджича. – Е. А.), который хотел писать для народа и взял для того его собственный язык» (*Пыпин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 420).

²² *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 24. Шишков Александр Семенович (1754–1841), адмирал, государственный деятель, министр народного просвещения (1824–1826), президент Российской академии (1813–1841); в общественно-литературной жизни занимал консервативную позицию. Разрабатывал план создания при Российской академии Славянской библиотеки с приглашением для работы в ней славянских ученых; со многими из них вел переписку, в том числе с В. Караджичем.

²³ Пытин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 216–217.

²⁴ Там же. С. 217.

²⁵ Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872), историк, этнограф, лингвист, славист, публицист и общественный деятель. Придерживался славянофильских взглядов. Магистр славянской филологии (1853, дис. «Об отношении языка славянского к языкам родственному»). Русский консул в Боснии (1856–1859), служил в Азиатском департаменте МИД и государственной канцелярии, в Комитете по делам Царства Польского (с 1863), председатель петербургского отделения Славянского комитета (с 1867) и председатель этнографического отдела Русского географического общества (с 1870).

²⁶ Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 25, 27.

²⁷ Пытин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 218.

²⁸ Пытин А.Н. Первые слухи о сербской народной поэзии. С. 737.

²⁹ Об этом подробнее см.: Ягич И.В. История славянской филологии. С. 381–383.

³⁰ Кулаковский Платон Андреевич (1848–1913), историк-славист, филолог, публицист, общественный деятель, профессор Великой школы в Белграде (1878–1882), преподаватель русского языка (1884–1891), профессор славянских наречий (1892–1902) в Варшавском университете. Доктор славянской словесности (1893, докт. дис. «Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода возрождения»). Товарищ председателя Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества (с 1908).

³¹ [Пытин А.Н.] [Рец. на кн.:] Кулаковский П.А. Вук Караджич // Вестник Европы. 1882. № 4. С. 861–865.

³² Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 27.

³³ [Пытин А.Н.] [Рец. на кн.:] Кулаковский П.А. Вук Караджич. С. 864.

³⁴ См.: Ягич И.В. История славянской филологии. Гл. XV. С. 366–407. Ягич (Jagić) Игнатий Викентьевич (Ватрослав) (1838–1923), хорват по происхождению, лингвист, историк, палеограф, археолог, этнограф и фольклорист. Окончил Венский университет, член Югославянской академии наук и искусств (1866), член-корреспондент Петербургской АН (1868). Преподавал в Одесском (1872–1874), Берлинском (1874–1880) университетах, редактировал (с 1874) в течение 40 лет журнал «Архив славянской филологии» («Archiv für slavische Philologie»). Работал в Петербургском университете и Академии наук (1880–1886), с 1886 г. занимал кафедру славяноведения Венского университета. Один из организаторов международного проекта «Энциклопедия славянской филологии».

³⁵ Пытин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 218–219; Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 24–26.

³⁶ Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 25.

³⁷ Там же. С. 25, 27.

³⁸ Там же. С. 159.

³⁹ См.: Данченко С.И. Русско-сербские общественные связи (70–80-е годы XIX в.). М., 1989. С. 89.

⁴⁰ Пытин А.Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 214.

⁴¹ [Пытин А.Н.] [Рец. на кн.:] Кулаковский П.А. Вук Караджич. С. 861, 864.

⁴² Беляева Ю.Д. Литературы народов Югославии в России: Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX, начало XX в. М., 1979. С. 143.

Яков Головацкий как исследователь восточнославянских книжных культур

Abstract:

Shchavinskaya L.L. *Jakov Golovatsky as a researcher of East-Slavic book cultures.*

The article deals with one aspect of the long-term scholarly life of the outstanding Slavist Jakov Golovatsky (1814–1888), who laid the foundation for research in a number of directions in various humanities, including the history of Slavic book cultures. The scholarly heritage of Yakov Golovatsky, who enjoyed recognition during his lifetime, both in the Russian Empire and beyond its borders, first of all in his native Galicia, had long become an important part of the international humanities and to this day is used by specialists in its various fields, including history of book.

Ключевые слова: Яков Головацкий, восточнославянские книжные культуры, украинский язык и литература, Галиция, Австрийская империя, кириллица и латиница.

29 октября 2014 г. исполняется 200 лет со дня рождения выдающегося ученого, литератора и общественного деятеля Якова Федоровича Головацкого (1814–1888), одного из участников знаменитой «русской троицы», начавшей, по словам Ивана Франко, борьбу за национальное возрождение в Галиции¹. Из общих давних характеристик Головацкого одна из наиболее объективных принадлежит И.В. Ягичу², а из современных – Л.П. Лаптевой³. В целом же в отношении общественной позиции Головацкого заметны весьма противоречивые оценки⁴. В украинских работах не подвергается сомнению значимость его трудов, созданных до начала 1860-х годов⁵, большая же часть написанного позднее видится ряду авторов даже отречением «от служения своему народу»⁶. Деятельность Якова Федоровича, в подавляющей степени принадлежа Галиции, касалась также Белоруссии, Литвы, Польши и всей западной части тогдашней Российской империи.

Вслед за Иваном Франко было бы правильно и сейчас говорить, что Головацкий прежде всего «выдающийся галицко-русский ученый»⁷. Правда, несмотря на столь высокую оценку, работ о нем совсем немного, а из монографий можно назвать лишь одну небольшую книгу известного галичанина-русософила В.Р. Ваврика (1889–1970)⁸, опубликованную около века назад львовской «Галицко-русской Матицей» в «типографии Ставропигийского Института»⁹. Уже в 1950-е годы В.Р. Ваврик, вообще очень много писавший о Головацком¹⁰, создает весьма объемный труд «Русская троица. М.С. Шашкевич, И.Н. Вагилевич, Я.Ф. Головацкий», в котором последнему отведено две трети текста¹¹. Явная русофильская ориентация этого труда, написанного автором в стенах комплекса древней Ставропигии, которую он

даже предлагал превратить в национальный музей, исключала тогда возможность его публикации¹². Основным источником в изучении письменного наследия Я.Ф. Головацкого остается его личный архив, рассредоточенный в основном в Киеве¹³ и во Львове¹⁴, содержащий в том числе большое число неопубликованных его работ, а также обширнейшую переписку, более или менее полно изданную лишь за период с 1835 по 1862 г. К. Студинским¹⁵.

Уроженец села Чепели на востоке Львовщины, совсем недалеко от родины его друга и соратника М. Шашкевича, Головацкий, по его словам, рос в священнической семье в окружении «одних крестьян», охарактеризованных им как «все чистая однолитая хлеборобы – Русь»¹⁶. Любовь к книгам проявилась у него очень рано, а обучаясь во Львове Головацкий начинает даже целиком переписывать некоторые из них. Рукописным остался и подготовленный «русской троицей» альманах «Зоря», материалы которого составили знаменитый сборник «Русалка Днѣстровая», напечатанный гражданским шрифтом в 1837 г. «у Будимѣ письмом Корол. Всеучилища Пештанского». В «Русалке», экземпляры которой сразу же после выхода в свет попали и в Россию¹⁷, Головацкий под именем «Ярослав Готовацкий» публикует «Коротку вѣдомость о рукописах Славянских и Руских находящихся в книжници Монастыря Св. Василя Вел. у Львовѣ»¹⁸. Здесь Головацкий довольно подробно описывает 24 церковнославянские рукописные книги, находившиеся в таком «нелегко доступном», по словам Ивана Франко, месте «как библиотека василианского монастыря»¹⁹. Книжное собрание этой обители было огромным. В нем имелись книги на многих языках, печатные и рукописные. Головацкий в дальнейшем неоднократно будет заниматься в монастырской библиотеке, ставшей одним из главных источников для его исследований. «Русалка» и в том числе «Коротка вѣдомость» Головацкого привлекли своим языком и широкий круг славистов, в том числе, например, молодого казанского магистра В.И. Григоровича, писавшего в 1843 г.: «Во Львове желал бы остановиться для того, чтобы, при содействии ученых этого города, довершить занятия русинским наречием, приобрести сведения об истории Галиции...»²⁰. В описании рукописей 1837 г. есть указания, позволяющие говорить о том, что Головацкий уже тогда не только интересовался личностью Ивана Федорова, который был погребен в львовском Онуфриевском монастыре в 1583 г., но и одним из первых во Львове воспользовался книговедческими открытиями известного профессора Модеста Гриневецкого (1758–1823)²¹, о которых собирался специально написать в последующих своих работах: «В некоторых книгах есть примечания и заметки Высокоученого монаха Модеста Гриневецкого – которые в дальнейшем планирую поместить в более объемной работе» («При декотрих книгах находяться

примѣтки и уваги Високоученного Иеромонаха Модеста Гриневецкого – котрі колись в ширшій розправѣ помѣстити гадаю»²².

Интерес к огромной имперской России и ее культуре проявился у Головацкого очень рано, об этом он сам сообщает в автобиографических записках²³. Позднее у него устанавливаются личные контакты с ведущими русскими учеными и, наконец, он начинает печататься в России, сообщая также и об истории и современном состоянии книжности в Галиции. Покровительствуемый знаменитым львовским историком Д.И. Зубрицким, руководителем типографии, архива и библиотеки Ставропигийского института, который тогда рекомендовал Головацкого М.П. Погодину в качестве надежного автора, Яков Федорович с охотой принялся за написание научных статей для московских изданий²⁴. Одной из самых заметных его первых публикаций в России становится объемный очерк «Великая Хорватия или Галицко-Карпатская Русь», напечатанный в журнале «Москвитянин» в 1841 г.²⁵ Очерк был составлен из материалов нескольких писем, посланных Головацким Погодину²⁶, в одном из них содержалась пространная характеристика галицких библиотек, общественных, церковных и частных²⁷. Вот, что, например, сообщал Головацкий о собрании перемышлянина И. Лавровского: «... ученый архидиак. Иоан Лавровский, доктор богословия и философии, член ученого общества Краковского, свою богатую рукописями и старопечатными книгами и другими редкими делами библиотеку... собирал из безпримерной ревности чрез 40 лет, ветхие книги и старые рукописи и другие древности и умножил свою... библиотеку, как говорят до 30. 000 томов»²⁸.

Значительный резонанс во всей Австрийской империи и за ее рубежами вызвала статья о положении «русинов» в Галиции, опубликованная Головацким в 1846 г. в Лейпциге под псевдонимом «Гаврило Русин» («Наврюю Русын») ²⁹. В статье Головацкого, который к тому времени после долгих мытарств был уже рукоположен в греко-католические священники, приведен и его достаточно подробный взгляд на состояние местной письменности, в том числе и в связи с положением различного рода здешних библиотек. Основное содержание этой статьи, конечно же, сугубо политическое, направленное на отстаивание национальных прав своего народа. Первая часть сборника «Вѣнок русинам на обжинки» напечатана в том же 1846 г. в Вене в типографии армянского католического ордена мекхитаристов*. Она содержала не только различные переводы сербских народных песен, сделанные Головацким, но и подготовленные им обширные матери-

* Мекхитаристы – армянский католический орден, возникший в XVIII в. Его основателем был монах Мехитар.

лы о М.С. Шашкевиче*, в том числе публикацию его произведений³⁰. На тот момент это был один из самых значительных эдиционно-текстологических трудов у восточных славян, к сожалению, до сих пор недооцененный. Вопрос о «русинах» в Австрийской империи, об их политическом положении, культуре, в том числе книжности, резко обострился накануне 1848 г., в преддверии «весны народов». Свою лепту в развитие ее идей в Галиции внес и Головацкий³¹, тогда же, в декабре 1848 г., ставший «профессором русского языка и словесности русской» во Львовском университете. Трудно подтвердить слова О. Огоновского, написавшего почти через полстолетия о том, что лекции Головацкого не пользовались сколь-либо значительным успехом³². Но даже если дело обстояло именно так, то виной тому мог быть не только молодой профессор, а затем через несколько лет – декан факультета и ректор университета Головацкий, но и тематика его занятий, малоинтересная тогда большинству студентов, основную массу которых составляли поляки.

23 октября 1848 г. «на съѣздѣ ученых руских» во Львове Головацкий делает очень важный доклад о «языке-южноруском» («ѡзыцѣ южноруском»), напечатанный затем в виде отдельной книги³³. Помимо общих сведений по истории славянской письменности и славянских языков, Головацкий дает характеристику таких, например, древнейших книжных памятников как Остромирово евангелие. Очень подробно рассматривает использование кириллицы и латиницы в славянском мире, детально разбирает восточнославянские языки, прежде всего «наш южнорускій язык», и делает такой общий вывод, касающийся фундаментального значения древних памятников письменности: «Именно эти стародавние памятники русские являются тем родным корнем, на котором и вырастет дерево народной словесности» («Тѣи то стародавни памятники руски суть родным накорѣнком, на котром мае вырости дерево народной словесности...»)³⁴. Первые лекции Головацкого в университете содержали множество сведений по истории книжности, которая как история словесности «Южной (Малой) Руси» делится на три периода: «од водворенія вѣры христіянскои на Руси... до половины близко XIV столѣтія»; от середины «XIV вѣка... до второй четверти XVIII столѣтія»; от И. Котляревского «до сего дне»³⁵. Помимо рукописных книг Головацкий характеризует в этих лекциях и многие печатные. Например, краковский инкунабулы Швайпольта Фиоля, Острожскую библию, виленскую грамматику М. Смотрицкого, пражские и виленские издания Ф. Скорины. Головацкого весьма интересуют «XVII век, век религиозных споров» («XVII вѣк, вѣк преній религіных»), который «издал во многих типографіях Южной и Белой

* Шашкевич М.С. (1811–1843) – греко-католический священник, поэт, один из членов «Русской троицы».

Руси множество книг духовного, аскетического и полемического содержания. Значительное увеличение таких публикаций вызвала Уния с Римской церковью. Она раздвоила силы народные... но ее деятельность стала поводом для многих сочинений» («выдав в четных печатнях Южной и Бѣлои Руси множество книг духовного, аскетического и полемического содержания. Значную хвилю в том оддѣлѣ ставит Унія с Римскою церковью. Она раздвоила силы народни... але поперла дѣятельность стала ся поводом многих сочинений»)»³⁶.

В газете «Зора Галицка» за 1850 г., печатавшейся церковнославянским шрифтом, Головацкий публикует несколько важных статей, посвященных открытым им местным памятникам древней книжности, а также их сбережению в составе тех или иных библиотечных собраний, прежде всего монастырских и церковно-приходских³⁷. В той же газете он в дальнейшем печатает еще несколько статей, посвященных древним книжным памятникам и различным выдающимся книжникам, в их числе знаменитому митрополиту Илариону³⁸. Все эти работы Головацкого служили и конкретным просветительским целям, которые он неуклонно год от года реализовывал как преподаватель и ученый – борец за возрождение национального самосознания своего народа³⁹, использующий всю свою языковую палитру, включая столь важный тогда в условиях Австрийской империи немецкий язык⁴⁰.

В 1854 г. в Вене Головацкий церковнославянским шрифтом издает первый том хрестоматии церковнославянских и древнерусских текстов, включающих фрагменты Остромирова евангелия, различных древних галицких евангелий, Сборника Святослава, слова митрополита Илариона и епископа Кирилла Туровского, ряда летописей, хождений и других⁴¹. Второй том этого обширного труда напечатан не был, но сохранился в рукописи, находящейся ныне во Львове⁴². В нем представлены письменные памятники XIV-XVII вв., в том числе фрагменты казацких летописей, обширные выписки из Литовского статута и др.

Продолжая свою беспримерную деятельность по пропаганде церковнославянского языка и вообще древнего письменного церковнославянского наследия, Я.Ф. Головацкий совместно с Д.И. Зубрицким подготавливает и издает в 1858 г. во Львове для бесплатной раздачи чин литургии с переводом на немецкий и польский языки⁴³. В своем письме М.П. Погодину Зубрицкий писал осенью 1856 г.: «Мы стали с отцем Головацким печатать Литургию С. Иоанна в карманном формате... Цель предприятия, чтоб и наши священники, из коих едва десятый разумеет церковно-славянский язык, и поляки, которые в особенности на селах посещают церковь, разумели, почуались и удивлялись превосходству, великолепию и красоте славянско-восточного богослужения. Жаль только, что книжочка будет искажена уни-

ятскими прибавками, ибо иначе нельзя, но тип останется ненарушим. Слава издания будет на имя Головацкого. Он молод, нуждается в славе и за свою ревность достоин ея»⁴⁴. Однако, слава эта была для Головацкого очень и очень нелегкой – начались всевозможные преследования его, в том числе со стороны государственной администрации. Весной 1858 г. Зубрицкий сообщал Погодину: «У нас беда! – Едва ли зарождавшееся литературное движение увяло уже. Нет уже ни одного русского журнала в Галиции, и календарь даже не издается. Мы с Гловацким были слабые двигатели, и кроме нас три-четыре молодых человек, которые увидев много препятствий а мало хлеба, оставили бесполезное опасное ремесло. Я стар, а Гловацкий в хлопотах. Его оклеветали, что он в своих преподаваниях клонится к российскому языку»⁴⁵.

Тем не менее, в эти годы Яков Федорович особенно усиленно трудится в различных книжных и архивных собраниях Галиции, создает ряд интересных, правда, так и оставшихся в рукописи работ, в том числе и чисто книговедческого плана. Однако самой большой его заслугой в это время является победа в отстаивании для своего народа кириллицы вместо предлагавшейся властями латиницы. Один этот факт, огромное значение которого прекрасно понимали и современники и их потомки, обеспечивает Головацкому особое место не только в истории восточнославянских народов, но и всех народов кирилло-мефодиевского наследия в целом. В своем специальном документированном исследовании «Азбучная война в Галичине 1859 г.» («Азбучна війна в Галичині 1859 г.») Иван Франко подробно пишет о главнейших обстоятельствах этой «войны» и победы в ней, о роли Я.Ф. Головацкого⁴⁶.

В альманахе «Зоря Галицка яко Альбум» 1860 г. выходит в свет, отпечатанный церковно-славянским шрифтом пространный очерк Головацкого «Начало и дѣйствованіе Ставропигійского братства в Львовѣ, по отношенію историческо-литературному»⁴⁷, сразу же выпущенный типографией Ставропигийского института и в виде отдельной книжки под несколько измененным названием, набранном на титульном ее листе гражданским шрифтом⁴⁸. В очерке на основе множества привлеченных документальных материалов изложена история кирилловского книгопечатания не только во Львове, но и за его пределами, упомянуты и описаны различные редкие книги, печатные и рукописные, подробно приведены сведения, касающиеся деятельности Ивана Федорова и его личности. Описание отдельных книг, например, греко-славянской львовской печатной грамматики 1591 г., представляет по сути законченное отдельное исследование⁴⁹, в заключении которого Головацкий с гордостью пишет: «И так Грамматика Греческая, во Львове в братстве Ставропигийском сочинена и напечатана, была самым лучшим в свое время учебником, который употреблялся не только в нашей, но и во всех тогдашних училищах русских высшего разряда» («И так Грам-

матика Греческаа, во Львовѣ в братствѣ Ставропигійском сочинена и напечатана, была самым лучшим в свое время учебником, который оупотреблялся не только в нашей, но и во всѣх тогдашних оучилищах русских высшего розрада»⁵⁰. Об Иване Федорове и его изданиях Головацкий пишет очень подробно, прослеживает весь его жизненный путь вплоть до кончины в 1583 г., хотя и не без ошибок. Особенно ценно для нас по сей день описание «надгробного камня с надписью», бывшего на могиле русского и украинского первопечатника, который выпустил в 1574 г. во Львове первые украинские книги «Апостол» и «Букварь». Головацкий очень точно воспроизводит все сохранившиеся надписи на этом камне и замечает: «Я осматривал уже забытый тот памятник. Он лежит по правой стороне входа в Церковь св [ятого] Онуфрия под лавками на нем стоящими, вмурованный в каменный пол. Состоит из четырехугольной плиты песчаника...» («А осматривал правѣ оуже забытый тот памѣтник. Он лежит по правой сторонѣ входа в Церковь св. Онуфрїа под лавками на нем стоѣщими, вставленный в каменный пол. Состоит из четыреугольной плиты пѣсчанника...»)⁵¹.

Подводя итог деятельности типографии львовского православного братства Головацкий подчеркивал, что «при печатании книг братство стремилось к поддержанию Языка церковно-славянского и соблюдало по тогдашнему знанию и ведению и соответственно требованиям времени грамматическую правильность языка славяно-русского. Более того книги издавались не иначе, как прежде сверившись с подлинником и славянских списков, иногда же в самом братстве дополнялись и сочинялись переводы с греческого языка... братство наше Ставропигийское не унывало никогда; боролись наши Русины с препятствиями, но шли вперед, так что по словам часто воспоминаемой нами Летописи Львовского Ставропигийского братства, в типографии Львовской напечаталось в продолжении трех веков по крайней мере 300, 000 церковных и учебных книг», а сама «типография составляла одну из главнейших статей доходов братства...» («типографїа составляла одну из головнѣйших отрослей доходов братства...»)⁵².

В первой половине 1860-х годов Головацкий издает ряд статей, посвященных рукописным и старопечатным книгам, а также публикует библиографию публикаций «галицко-русских с 1772» г., очень ценную долгое время. Она появилась в литературно-научном сборнике «Галичанин»⁵³, выпускаемом им во Львове совместно с Б.А. Дедицким. Подобные продолженные занятия библиографией с публикацией их итогов позволили Головацкому в 1865 г. издать во Львове очерк «О первом литературно-умственном движеніи со времен Австрійскаго владѣнія в той землѣ», в определенной мере не потерявший значения до сих пор. Исследование Головацкого об изданиях Франциска Скорины, опубликованное в том же 1865 г. – одно из

лучших свидетельств его глубокой эрудиции и умения анализировать весьма разнородный материал⁵⁴. В этой работе к самым существенным выводам Якова Федоровича относится его утверждение о явном влиянии на библейские переводы Скорины чешских текстов, чего не заметил даже такой знаток славянских языков как И. Добровский; суждение о характере языка переводов Скорины, отличающегося искусственностью, сугубой книжностью, но не живым звучанием. Этот книжный язык, употребленный Скориной при переводах, по мнению Головацкого, появился под влиянием различного рода канцелярской деятельности и долгое время использовался в качестве письменного, хотя на нем никто никогда не говорил.

Усилившиеся в середине 1860-х годов гонения на Головацкого со стороны государственной администрации, усугубившая их его поездка в 1867 г. в Москву на Этнографическую выставку и Славянский съезд⁵⁵, стали причиной переезда Якова Федоровича со всем своим семейством в Российскую империю. Головацкий назначается председателем Виленской Археологической комиссии, вместе «с женою Мариною, сыновьями Ярославом и Всеволодом и дочерьми Людмилою, Ольгою, Феклою и Софиею-Святославою» принимается «в подданство России»⁵⁶. Ярослав Федорович слагает с себя сан греко-католического священника и со всей семьей принимает православие. Отныне его родным домом становится Вильно, где он успешно трудится, возглавляя одновременно местную археологическую комиссию и публичную библиотеку с музеем, завершает свои основные труды, готовившиеся им в течение всей жизни⁵⁷. При этом Головацкий все время помнит о родной Галиции, посылает туда книги, всеми возможными средствами активно поддерживает своих многочисленных земляков, живущих там, регулярно печатается во львовских изданиях. Его позицию по поводу культурного развития Галицкой Руси хорошо отражала статья «Червонорусская литература», написанная им для антологии Н.В. Гербеля «Поэзия славян»⁵⁸, затем дополнявшаяся всевозможными воспоминаниями, которые «подсказала... происходящая теперь в Галиции ожесточенная борьба русской и польской партии»⁵⁹.

Рабочий день Я.Ф. Головацкого в Вильно был строго распланирован, что позволяло ему весьма эффективно трудиться и организованные им почти с нуля в марте 1868 г. «археологические поиски в актовых книгах, выбор, списывание, проверку актов»⁶⁰ завершить менее чем через два года составлением сборника актов Брестского гродского суда, напечатанного в 1870 г. Находилось у Якова Федоровича и время для любимых занятий, одним из которых было переплетение книг, для чего, по словам его детей, имелся «даже особый пресс»⁶¹. Переплетенные им книги Головацкий затем во множестве дарил в различные библиотеки, российские и зарубежные, немало их посылалось и в Галицию, причем до сих пор многие из этих книг находятся в тех же библиотеках. Эта информационно-библиотечная сторона

деятельности Головацкого была столь значительной, что его можно по праву назвать одним из теоретиков и практиков межславянского книжного обмена, о необходимости которого Яков Федорович стал публично говорить сразу же после переезда в Россию⁶².

В 1874 г. в Санкт-Петербурге Академия наук издает не потерявший в определенной мере значение и по сей день славяноведческий библиографический труд Головацкого, дополняющий знаменитый указатель книг кирилловской печати В.М. Ундольского⁶³. Помимо самих дополнений, насчитывающих около 800 изданий начиная с виленского постинкунабула Ф. Скорины до Библии 1865 г., напечатанной в г. Перемышле, Яков Федорович в этом труде обнаруживает масштабный проект организации работ по созданию «полной библиографии всех церковными буквами напечатанных книг»⁶⁴, к чему, как мы видим, слависты разных стран стали приступать лишь полтора века спустя. С особой гордостью Головацкий подчеркивал, что «занимаясь с давних лет славянской библиографией и усердно собирая все книги, напечатанные в Галиции и Австрии на церковно-славянском и русском языках, я довел мое собрание до значительной полноты... Я описал все издания галицко-русской письменности с такою тщательностью, что вероятно весьма немного остается к пополнению, и мне приятно этим трудом содействовать полноте славяно-русской библиографии»⁶⁵.

Наряду с другими книговедческими славистическими работами Якова Федоровича, в том числе библиографическими, опубликованными им вплоть до 1888 г., стоит упомянуть те, которые касались различных древних книжных редкостей, например, римского календаря 1596 г.⁶⁶ и особенно изданий конца XV в., инкунабул первопечатника славянской книжности Швайпольта Фиоля⁶⁷.

Многолетняя ученая деятельность Я.Ф. Головацкого заложила основы научных исследований в целом ряде направлений различных гуманитарных наук, в том числе в области истории славянских книжных культур. Научное наследие Якова Федоровича, весьма почитаемого еще при жизни как в Российской империи⁶⁸, так и за ее рубежами, прежде всего в родной его Галиции⁶⁹, давно стало важным достоянием мировой гуманитаристики и по сей день используется специалистами в разных ее областях, включая историю книги⁷⁰.

Примечания

¹ Франко І. Зібрання творів: у 50 т. Т. 41. Київ, 1984. С. 273.

² Ягич И.В. Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1. СПб, 1910. С. 498–501.

³ Лаптева Л.П. Головацкий Яков Федорович // Православная энциклопедия. Т. XI. М., 2006. С. 708–709.

- ⁴ Ср.: Пашаева Н.М. Очерки русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2007; Osadczy W. Święta Ruś: Rozwój i oddziaływanie idei prawosławia w Galicji. Lublin, 2007.
- ⁵ Циганик М. Яків Головацький в оцінці Івана Франка // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. Вип. 55. 2011. С. 209–215; Івашків В. Головацький Яків Федорович // Шевченківська енциклопедія. Т. 2. Київ, 2012. С. 115–116; Циганик М. Яків Головацький та його участь у «Русалці Дністровій» (крізь призму наукового бачення Івана Франка) // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. Вип. 58. 2013. С. 205–211.
- ⁶ Гнатюк М. Яків Головацький від «Русалки Дністрової» до москвофільства // День. 2011. № 160–161.
- ⁷ Франко І. Збір творів: у 50 т. Т. 47. Київ, 1986. С. 260.
- ⁸ Много выстрадал за свою жизнь, незадолго перед смертью В.Р. Ваврик, уроженец Львовщины, писал: «Моя родина – Галицкая Русь. Моя отчизна – Русская земля, частью которой состоит Прикарпатье. Ввиду того, что мои родители и все предки величали себя детьми Руси, я – Русин» (См.: Российская национальная библиотека (далее – РНБ). Отдел рукописей. Ф. 1081. Е.х. 73. Л. 1).
- ⁹ Ваврик В.Р. Яков Федорович Головацкий, его деятельность и значение в галицко-русской словесности. Львов, 1925.
- ¹⁰ Попытки В.Р. Ваврика опубликовать эти статьи в советской печати успеха не имели. Показателен в данной связи пример с его статьей «Яков Федорович Головацкий (К 150-летию со дня рождения)», машинопись которой была получена редакцией журнала «История СССР» 16 июня 1964 г. и зарегистрирована под «№ 190» (См.: РНБ. Отдел рукописей. Ф. 1081. Е.х. 350).
- ¹¹ РНБ. Отдел рукописей. Ф. 1081. Е.х. 337.
- ¹² Примечательно, что в этом рукописном труде есть такие, например, слова о Маркиане Шашкевиче: «М.С. Шашкевич с большой любовью украшал свою речь, поэзию и прозу, древнерусскими церковно-славянскими выражениями и старался приблизить ее к русскому литературному языку» (Л. 60). В упомянутой же статье Ваврика о Головацком, посланной в 1964 г. в журнал «История СССР», именованый «украинский», «Украина» не встречается вовсе.
- ¹³ Институт литературы им. Т.Г. Шевченко Национальной академии наук Украины (далее – ИЛ НАНУ). Отдел рукописных фондов и текстологии. Ф. 104.
- ¹⁴ Львовская национальная научная библиотека Украины им. В. Стефаника. Отдел рукописей. Ф. 36.
- ¹⁵ Кореспонденція Якова Головацького в літах 1835–1849. Львів, 1909; Кореспонденція Якова Головацького в літах 1850–1862. Львів, 1905.
- ¹⁶ ИЛ НАНУ. Отдел рукописных фондов и текстологии. Ф. 104. Е.х. 128. Л. 1.
- ¹⁷ Лабинцев Ю., Щавинская Л. «Русалка Днѣстровая» в Москве. М., 2012.
- ¹⁸ Русалка Днѣстровая. Будим, 1837. С. 122–129.
- ¹⁹ Франко І. Зібрання творів: у 50 т. Т. 47. Київ, 1986. С. 619.
- ²⁰ Донесения В.И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915. С. 33–34.
- ²¹ Лабинцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Профессор М. Гриневецкий – исследователь жизни Ивана Федорова и его издательской деятельности // Славянское книгопечатание и культура книги: Материалы Международной научной конференции (Минск, 16–18 сентября 2009 г.). М., 2009. С. 43–44.
- ²² Русалка Днѣстровая... С. 129.
- ²³ ИЛ НАНУ. Отдел рукописных фондов и текстологии. Ф. 104. Е.х. 128. Л. II–III и др.
- ²⁴ Письма к Погодину из славянских земель (1835–1861 г.). Вып. 3. М., 1880. С. 552, 561 и др.
- ²⁵ Москвитянин. 1841. № 6. С. 213–232; № 12. С. 457–467.
- ²⁶ Письма к М.П. Погодину... С. 652.
- ²⁷ Там же. С. 653.
- ²⁸ Там же.

²⁹ Havrylo Rusyn. Zustände der Russinen in Galizien // Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft. Leipzig, 1846. S. 361–379.

³⁰ Вѣнок русинам на обжинки. Ч. 1. Вена, 1846. С. 49–130.

³¹ An die Russinen. Lemberg, 1848. S. 8.

³² Огоновскій О. Исторія литературы рускои. Ч. IV. Львовъ, 1894. С. 95.

³³ Головацкий Я. Розправа о ѡзыцѣ южноруском и его нарѣчїях. Львов, 1849.

³⁴ Там же. С. 53.

³⁵ Головацкий Я. Три вступительніи преподаванїа о русской словесности. Львов, 1849. С. 8.

³⁶ Там же. С. 18.

³⁷ Г. О давних рукописах // Зора Галицка. 1850. № 3.

³⁸ Головацкий Я. О митрополитѣ Руси Иларїонѣ: Оуривок из преподаванїи // Зора Галицка. 1851. № 23.

³⁹ Франко І. Зібрання творів: у 50 т. Т. 47. Київ, 1986. С. 111–112.

⁴⁰ Glowacki J. Ueber Ihors Heereszug gegen die Polowce. Lemberg, 1853. Примечательно, что данное издание неизвестно авторам пятитомной «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» (СПб, 1995), в которой персональная статья о Я.Ф. Головацком, много писавшем о «Слове», почему-то отсутствует. Впрочем, все это лишний раз подтверждает не только малоизученность весьма controversialного литературного процесса в границах Австрийской империи, но и труднодоступность многих его документальных источников.

⁴¹ Хрестоматїа церковно-словенскаа и древно-рускаа в ползу оучеников вышшой гѣмназїи в ц. к. Австрїйской державѣ. Составил Яков Головацкїй. В Вѣднї, 1854.

⁴² Львовская национальная научная библиотека Украины им. В. Стефаника. Отдел рукописей. Ф. 36. Е.х. 605.

⁴³ Чин священныа и божественныа лїтургїи бываемаа сїце в гр. каф. церкви. Львов, 1858.

⁴⁴ Письма к М.П. Погодину... С. 603.

⁴⁵ Там же. С. 608.

⁴⁶ Франко І. Зібрання творів: у 50 т. Т. 47. Київ, 1986. С. 549–650.

⁴⁷ Зоря Галицкая яко Альбум на год 1860. Львов, 1860. С. 431–476.

О широте разошедшей тогда в галицком обществе «Зори» свидетельствует список ее подписчиков, насчитывающий «около шестисот человек». «В числе подписчиков оказались и местные галицкие монастыри, церкви, а также учебные заведения. Вся эта интеллектуальная среда с гордостью обсуждала успех небывалого до сих пор издания, бесспорно продемонстрировавшего наличие собственной развивающейся современной научной, литературной и издательской культуры» (См.: Лабынцев Ю., Щавинская Л. Во Львове полтора столетия назад. М., 2010. С. 15–17, 21–46).

⁴⁸ Головацкий Я.Ф. Начало и действие Львовского Ставропигийского братства по историческо-литературному отношению. Львов, 1860.

⁴⁹ Там же. С. 21–25.

⁵⁰ Там же. С. 25.

⁵¹ Там же. С. 44.

⁵² Там же. С. 46–47.

⁵³ Галичанин. Львов, 1863. Вып. 3–4. С. 309–327.

⁵⁴ Головацкий Я.Ф. Несколькo слов о Библии Скорины и о рукописной русской библии из XVI столетия, обрастающей в библиотеке монастыря св. Онуфрия во Львове. [Львов], 1865.

⁵⁵ Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867. С. 113–121.

⁵⁶ Институт литературы им. Т.Г. Шевченко Национальной академии наук Украины. Отдел рукописных фондов и текстологии. Ф. 104. Е.х. 129.

- ⁵⁷ Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я.Ф. Головацким. Ч. I–III М., 1878.; Географический словарь западнославянских и югославянских земель и прилежащих стран, составленный Яковом Головацким. Вильна, 1884.
- ⁵⁸ Головацкий Я.Ф. Червонорусская литература // Пoesия славян. Спб, 1871. С. 197–204.
- ⁵⁹ Я.Г. К истории галицко-русской письменности (Несколько замечаний на письмо И. Вагилевича к М.П. Погодину) // Киевская старина. 1883. Т. 6. С. 645.
- ⁶⁰ Головацкий Я. Предисловие // Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссией. Т. 3. Акты Брестского гродского суда. Вильна, 1870. С. III.
- ⁶¹ Аристов Ф.Ф. Карпато-русские писатели. М., 1916. С. 110.
- ⁶² Головацкий Я. Записка о необходимости снабжения публичных и других библиотек в России книгами на славянских языках и сочинениями о славянстве. М., 1872.
- ⁶³ Головацкий Я. Дополнение к Очерку славяно-русской библиографии В.М. Ундольского. Спб, 1874.
- ⁶⁴ Там же. С. 11–13.
- ⁶⁵ Там же. С. 13–16.
- ⁶⁶ Головацкий Я. Книга о новом календаре, напечатанная в Риме в 1596 году. Спб, 1877.
- ⁶⁷ Golowatzkij J.F. Sweipolt Fiol und siene kyrillische Buchdruckerei in Krakau vom Jahre 1491: Eine bibliographisch-historische Untersuchung // Sitzungsberichte der philologische-historische Classe der Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. Wien, 1876. Bd. 83. S. 425-448.
- ⁶⁸ Котович И. Памяти Иакова Федоровича Головацкого, Председателя Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. Вильна, 1888.
- ⁶⁹ П. Галичанин. По поводу кончины Я.Ф. Головацкого. Вильна, 1888.
- ⁷⁰ История славянского кирилловского книгопечатания XV – начала XVII века. Кн. I: Немировский Е.Л. Возникновение славянского книгопечатания. М., 2003.

Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) (К столетней кончине знаменитого слависта)

Abstract:

Lapteva L.P. *Vladimir Ivanovich Lamansky (1833–1914). (To the death centenary of the famous slavist).*

The article covers the scholarly and teaching activities of Vladimir Lamansky. It draws attention to his outlook and active training of Slavists in Russia in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries. It is noted that Lamansky – having brought-up numerous disciples – nevertheless could share his ideological and political views just with a few of them, and those were mainly representatives of the first generation of his students. Mainly, Slavists, who had been attending Lamansky’s course in the middle of the 1880s, had opposite views on historical process, or the history of the Slavs, and different political creed. Therefore, one could hardly speak of any “Lamansky school”, to which experts in Slavic history from his former students belonged.

Ключевые слова: славяноведение, В.И. Ламанский, Петербургский университет, научная школа, И.С. Пальмов, Н.В. Ястребов, А.Л. Погодин.

В 2014 г. славистическая общественность России и зарубежных славянских стран отмечает столетие кончины знаменитого русского учёного-славяноведа В.И. Ламанского. Его деятельность, продолжавшаяся почти всю вторую половину XIX в. и часть XX столетия, имела большое значение для изучения славянского мира в его совокупности. В.И. Ламанский был универсальным славистом. Он изучал историю славян, археологию и этнографию, исторические памятники и культуру в целом. Одним из первых в России В.И. Ламанский обратил внимание на архивные документы о славянах, оценил их значение для науки и широко использовал в своих работах. Большой заслугой для науки было разыскание учёным документов о славянах в архивах европейских стран и публикации этих материалов. Наряду с научной работой (учёному принадлежит более 400 работ разного жанра), В.И. Ламанский был активным общественным деятелем, публицистом, издателем научных журналов славяноведческой ориентации и одним из главных представителей русской науки, способствовавших развитию культурных контактов со славянскими странами.

Беспрецедентно велика заслуга В.И. Ламанского в воспитании кадров славистов в России. Являясь несколько десятилетий профессором Петер-

бургского университета, он создал из своих учеников костяк русского славяноведения второй половины XIX – начала XX столетий.

Столь колоритная личность российской интеллектуальной жизни всегда пользовалась вниманием общественности, поэтому о В.И. Ламанском достаточно много сведений в литературе. Современники рецензировали его труды, полемизировали с ним по поводу публицистических статей и выступлений. В XX в. публиковалась его корреспонденция с иностранными и отечественными учёными и политиками, краткие сведения о В.И. Ламанском имеются практически во всех энциклопедиях и словарях соответствующего профиля¹. И хотя В.И. Ламанский не был забыт даже в советское время, когда «буржуазные» учёные не пользовались уважением, его творчество нельзя назвать исчерпывающим образом изученным. Для дальнейшей его разработки существуют богатейшие материалы архивов, ещё в значительной степени не введённые в научный оборот.

В.И. Ламанский родился в 1833 г. в семье дворянина, директора одной из канцелярий Министерства финансов Российской империи, впоследствии сенатора. Окончив петербургскую гимназию, будущий учёный поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где проходил курс славяноведения у проф. И.И. Срезневского. По окончании университета в 1854 г. В.И. Ламанский служил чиновником губернского управления, а затем работал в Императорской Публичной библиотеке и написал диссертацию, получив за неё степень магистра в 1859 г.². Затем он перешёл в ведомство министерства народного просвещения и стал готовиться к замещению кафедры славянских наречий в одном из университетов России. В 1862 г. молодой учёный был командирован за границу, посетил славянские земли Австрийской империи, а также Италию, Грецию, Константинополь, плодотворно работал в Вене и Праге и собрал много рукописей и других материалов из архивов и библиотек. Энергичный, отличавшийся разносторонними интересами, молодой учёный исследовал не только самих славян, но и окружавшие их народы, уделяя много внимания политической жизни Европы. В 1865 г. В.И. Ламанский был избран доцентом по кафедре Славянской филологии Петербургского университета и проработал там до 1898 г., пройдя все стадии карьеры профессора, а в 1900 г. стал академиком императорской Российской академии наук.

В университете В.И. Ламанский преподавал введение в славяноведение, отдельные курсы славянских литератур, а с 1870-х годов сосредоточился на занятиях по истории южных и западных славян.

Мировоззрение В.И. Ламанского, его отношение к славянству представляли собой один из вариантов славянофильского подхода к истории и современному положению славян. На славянство учёный смотрел как на единое целое и придавал огромное значение той эпохе, когда, по его мнению, славянское единство было в древности осуществлено на началах на-

родности, а также единой славянской церкви. Но это единство было кратковременным. Западные и южные славяне, лишившись национальной опоры и единой церкви, утратили и свою политическую независимость и подчинились «чуждым народам». Из всех славянских народов, подчёркивал В.И. Ламанский, лишь русские создали могущественную мировую державу и тем самым отстаивали свою славянскую самобытность, что и определило особое положение этого народа в славянском мире. Только русские, считал В.И. Ламанский, способны объединить славянство и вернуть ему политическую и культурную свободу. Отсюда вытекает и идея о признании всеми славянами русского языка как общелитературного при сохранении всех отдельных славянских языков в рамках «местной жизни» народов. Русский язык должен был заменить славянским народностям в их повседневной жизни немецкий, а в богослужении западных славян – латинский. Австрия представлялась Ламанскому лишь орудием Германии, а конечная цель всех немцев – направленной вовсе не на благополучие славян, а на господство над ними. Русский народ являлся в глазах Ламанского «крепким кряжем», а все другие племена – его «ветвями». Однако аргументация Ламанского в пользу объединения славян на указанных основаниях была недостаточно убедительной. Ему не удалось выявить то общее, что связывало бы всех славян, кроме вражды к немцам. Иллюзорность теорий Ламанского ярко проявилась в частности в том, что после распада Австро-Венгрии славяне создали самостоятельные государства, а не бросились в объятия России.

По политическим взглядам Ламанский был сторонником монархической формы правления, защитником русского самодержавия и православия. В своих научных и публицистических трудах он подчинял научно-политические построения политическим взглядам, поэтому его теории могли стать основанием для политических конструкций, в том числе и реакционного толка, что зависело от личности, использовавшей идеи Ламанского. Сам учёный отличался широким взглядом на мир, он был толерантен к религиозным и другим убеждениям, противоречившим его личным, отрицал цензуру, высказывался за автономию высшей школы. В период студенческих волнений он вместе с либеральными профессорами осуждал политику самодержавия и оправдывал выступления студентов.

Образованный и гуманный, общественно активный, хороший педагог, всегда готовый оказать помощь своим ученикам, В.И. Ламанский притягивал к себе людей и был широко известен не только среди русских политиков, учёных и вообще интеллигенции, но и у славян, о чём свидетельствует его обширная корреспонденция, сохранившаяся в архивах.

Определённую роль в популярности профессора В.И. Ламанского среди учащейся молодёжи играли события в славянских странах и позиция России в этом вопросе во второй половине XIX в. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и связанные с нею международные события привлекали вни-

мание не только публицистов, но и стимулировали научные исследования по истории южнославянских народов, возбуждали интерес у учащихся к более глубокому знакомству и изучению «славянских братьев», «стонущих под турецким игом» и «взывающих о помощи». Нужно признать, что славяноведение в России всегда было в той или иной степени политизировано, и события в славянском мире, как правило, активизировали изучение этого мира. Что касается западных славян, то там ситуация была иная, но и польское восстание 1863-1864 гг., и создание дуалистического государства Австро-Венгрия тоже способствовали оживлению исследований о поляках и чехах, хотя не в том объёме как о южных славянах и с другой концепцией.

Исследователи истории, культуры и других сторон жизни славян, вступившие в науку после окончания деятельности русских первопроходцев первого поколения в значительной мере были учениками профессора Петербургского университета В.И. Ламанского. По неполным данным, более тридцати из них серьёзно заявили себя в науке о славянах³ и успешно развивали русское славяноведение на протяжении своей дальнейшей жизни. Среди них – языковеды, историки литературы, исследователи славянского народного творчества, историки церкви, историки славянского права, исследователи письменных памятников и других славянских источников, а также общей политической истории славян и её отдельных этапов. За более чем 50-летний срок научной и педагогической деятельности В.И. Ламанский учил студентов азам славяноведения, славянским языкам, методу работы с памятниками письменности и другими источниками, знакомил с литературой, прививал определённые взгляды на историю и современное положение славян, заботился об их образовании, организуя им командировки в славянские страны, способствовал установлению научных связей со специалистами в России и за границей – словом, развивал в своих учениках интерес к славянству как истинный педагог, преданный своему делу воспитания кадров и развитию науки в соответствии с собственным её пониманием. Однако его ученики, благодарные своему учителю за обучение, далеко не все разделяли его мировоззрение, его взгляды на исторический процесс в целом и историю славян в частности, а также на современное их положение. Ученики жили в общественных условиях, воздействия которых были более весомыми, чем авторитет учителя. Все они были индивидуальностями и отличались не только от бывшего наставника, но и друг от друга.

Среди бывших учеников В.И. Ламанского были как сторонники славянофильских подходов к истории и современности славян, хотя и в других вариантах по сравнению с учителем, так и решительные критики, считавшие славянофильство не только анахронизмом, но даже явлением достаточно вредным, тормозившим развитие истинного познания славянства.

Славянофильские взгляды на славяноведение преимущественно отражались в сочинениях старших учеников В.И. Ламанского. Среди истори-

ков это были И.С. Пальмов, К.Я. Грот и некоторые другие. Нередко эти взгляды встречаются у учеников В.И. Ламанского, которые исследовали историю древнеславянского языка, памятники письменности и особенно кирилло-мефодиевскую проблему. Живучесть славянофильских построений у славистов, начавших свою деятельность во второй половине XIX в., на наш взгляд, объясняется ещё сохранившейся традицией в литературе и общественной жизни России. Новые направления науки только пробивали себе дорогу и отнюдь не были явлением всеобщим. В славистической литературе ещё имели место утверждения о православии всех славян (исключая поляков) в период до потери ими политической независимости, или о стремлении к возвращению веры святых славянских апостолов. В изданиях славянского направления пропагандировалась древность идеи славянской взаимности, при этом подчёркивались общие черты в языке, народном творчестве и обычаях славян и ничего не говорилось об их взаимной вражде, распрях и войнах между ними в течение всей их истории. Определённое значение имел и тот фактор, что славянскими сюжетами интересовались нередко дети и внуки представителей духовного сословия. Иногда и сами будущие учёные поступали в университет после окончания духовных семинарий. Воспитание, семейные традиции и соответствующее окружение способствовали сохранению устаревших взглядов на мир и на науку и консервативных политических убеждений.

Однако наиболее крупные представители исторической науки о славянах сочетали консервативные политические взгляды и традиции и учитывали достижения современной науки. Ярким примером тому является творчество И.С. Пальмова (1856–1920). Он окончил Рязанскую духовную семинарию и Петербургскую духовную академию, где В.И. Ламанский преподавал историю славян, учил студентов славянским языкам и подсказал способному слушателю тему будущего его исследования. Впоследствии И.С. Пальмов опубликовал ряд важных сочинений, в том числе первопродходческое произведение об Общине чешских братьев⁴, получившее высокую оценку не только в русской, но и в чешской историографии.

Крупнейшим исследователем истории южных славян стал представитель старшего поколения учеников В.И. Ламанского Т.Д. Флоринский (1854–1919). Он также был сыном священника – учёного и автора исследований по истории христианской церкви, издателя в 60-х годах XIX в. журнала «Дух христианства». Т.Д. Флоринскому принадлежит новаторское произведение, посвящённое деятельности сербского правителя Стефана Душана, сохранившее научное значение до настоящего времени. Выдающимися явлениями в изучении истории южных славян были и другие сочинения Т.Д. Флоринского. Во взглядах на славян этот учёный принадлежал к числу приверженцев русского государственного единства и руководящей роли Русского государства в жизни славянских народностей. В этом вопросе

Т.Д. Флоринский был полностью согласен с В.И. Ламанским, но в своей публицистической деятельности придал ему особую остроту и необычную окраску. Славянофильские реминисценции Флоринского проявились также в том, что он считал «славянское племя» особым явлением природы со специфическим духовным складом (славянским духом), подчёркивал всё, что славян объединяет, и замалчивал проблему межславянских конфликтов. В публицистике учёный иногда проявлял явное германофобство⁵.

Среди старшего поколения учеников В.И. Ламанского особое место занимал Ф.Ф. Зигель (1845–1921). Его семья была немецкой по происхождению, но православной, хотя и придерживалась немецких традиций. Будущий учёный получил среднее образование в немецкой школе в Петербурге, а затем закончил в 1867 г. юридический факультет Петербургского университета. Во время прохождения курса Ф.Ф. Зигель посещал лекции В.И. Ламанского и изучал у него славянские языки. Профессор рекомендовал ему заняться славянским правом, и Ф.Ф. Зигель после защиты магистерской диссертации стал преподавать этот предмет в Варшавском университете, где и проработал 45 лет, пройдя весь путь карьеры – от магистра до ординарного профессора. Зигель читал лекции по истории польского и чешского права, а в научном отношении также исследовал средневековое право южных славян. Лекции и научные исследования Ф.Ф. Зигеля отличались использованием для них сравнительного метода, критической обработки источников и новыми взглядами на сущность истории права. Он отверг славянофильские теории о самобытности славянского мира как особого культурно-исторического типа в отличие от мира романо-германского. Учёный принадлежал к числу историков-позитивистов⁶.

Среднее поколение учеников В.И. Ламанского также уже отходило от романтического освещения истории славян. Уважая своего учителя, чьи методы его воспитания и обучения, они уже в основном не разделяли его взгляды на славянство, не увлекались утопическими теориями относительно будущего славянского мира, а усердно работали в архивах, освещая источники по выбранной теме методом критического анализа. Так, Ю.С. Анненков (1849–1885), занимаясь идеологией гуситского движения, сделал много открытий в процессе разыскания материалов и некоторые из них опубликовал, внося тем самым существенный вклад в славяноведение.

В конце XIX – начале XX вв. в научную и педагогическую деятельность включилось младшее поколение историков-славистов, учеников В.И. Ламанского. Среди них – А.Л. Погодин, Н.В. Ястребов, филолог Г.А. Ильинский, также внесший вклад в изучение истории славян, и некоторые другие. Это были учёные нового типа. В отличие от предшественников у них не было романтического отношения к славянам. Политические события в Восточной Европе последней четверти XIX в., глубокое изучение всех сторон жизни зарубежных славян через собственные продолжительные ко-

мандировки и средства печати не оставили им иллюзий об отношении вне-российских славян к России и так наз. славянской взаимности, о которой ещё толковали некоторые романтики. Новое поколение славистов смотрело теперь на славян с трезвых позиций. В то же время развитие науки, в том числе и в области истории, не позволяло руководствоваться отошедшими в прошлое идеями и методами. В русской исторической науке наступила новая эпоха, и хотя старые концепции ещё были живы и появлялись в исторических произведениях, всё же они были уже непопулярны. Младшее поколение учеников В.И. Ламанского решительно отвергало славянофильскую концепцию и активно её критиковало. Изменилась проблематика их исследований, расширилась хронология и источниковая база исследований. В политическом отношении представители нового направления разделяли либеральные взгляды, понимали несовершенство существующих порядков и желали их улучшения. Важным средством решения научных вопросов они считали проведение широкомасштабных реформ и эволюционный путь к прогрессу.

Заметим, что либеральная профессура в университетах России в начале XX в. была явлением достаточно распространённым. В славяноведении к ней принадлежали некоторые ученики В.И. Ламанского. Среди них был известный историк-славист, профессор Варшавского, а затем Харьковского университетов Александр Львович Погодин (1872–1947). Он родился в Витебске в дворянской семье. В городе были живы польские традиции, и будущий профессор с детства владел польским языком. Окончил гимназию в Петербурге и, поступив там в университет, стал усердным учеником В.И. Ламанского, обратив на себя внимание интересом к славянским языкам. По окончании университета Погодин стал преподавать славянские языки, а с 1897 г. был допущен к чтению лекций в Петербургском университете по кафедре славянской филологии. В 1901 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему: «Из истории славянских передвижений» и был назначен экстраординарным профессором в Варшавский университет по кафедре славянской филологии. До варшавского периода А.Л. Погодин занимался главным образом славянскими древностями и языкознанием. Затем он постепенно перешёл к изучению польской истории и литературы. Одновременно совершал частые и продолжительные поездки по славянским землям, изучая архивы, библиотеки и современное состояние зарубежного славянства. В университете он занял особую позицию в отношении поляков. Зная с детства польский язык, ценя польскую культуру, он был не согласен с политикой российского правительства в отношении Польши и высказывался не в духе официальной линии. А.Л. Погодин считал, что Польше нужно предоставить автономию, русский университет перевести в коренную Россию, а в Варшаве ввести преподавание на польском языке. Подобное свободомыслие не могло нравиться начальству и вообще русским властям и создавало неком-

фортные условия для существования Погодина в Варшаве. С другой стороны, националистически настроенная польская профессура и общественность не хотели разбираться в том, кто из русских профессоров симпатизировал полякам, а кто нет, и выражали враждебное отношение ко всем русским. Особенно обстановка обострилась в 1905 г., когда из-за обструкции деятельности Варшавского университета со стороны студентов-поляков и вообще польской общественности университет был закрыт и значительная часть профессуры из Варшавы разъехалась. А.Л. Погодин тоже покинул Варшаву в 1908 г., уволившись по собственному прошению. Вскоре он стал профессором Харьковского университета, где преподавал историю славянских народов, историю их литературы и другие предметы этого цикла.

Но в варшавский период А.Л. Погодин накопил много материалов, которые стали основой его важных трудов, в частности по истории Польши. Так, он создал фундаментальный труд «Главные течения польской политической мысли (1863-1907)» (СПб, 1907), в котором рассмотрел все политические течения в Польше за указанный период. Книга носила злободневный характер и имела положительную и отрицательную критику. Однако в целом такой труд по животрепещущей проблеме польско-русских отношений в историографии не имел прецедента. Другим крупным произведением А.Л. Погодина по истории Польши стала книга «История польского народа в XIX в.» (М., 1915). В отличие от сочинений других русских авторов, А.Л. Погодин сочувственно и с симпатией относился к полякам и их борьбе за своё национальное существование, желал им независимости в этнографических границах в форме автономии, «связанной с Россией государственным единством». По новой и новейшей истории Польши автор опубликовал много статей. Польской культуре профессор посвятил материал своих лекций в Харьковском университете, оформив их содержание в печатное издание. Они не только заполнили пробел в литературе на указанную тему, но и имели значительную научную ценность⁷.

В харьковский период своей деятельности А.Л. Погодин сосредотачивается на изучении южных славян. Назревает кризис на Балканах, в 1908 г. происходит аннексия Боснии и Герцеговины. Учёный освещает в печати вопросы о современном состоянии Сербии, публикует пособие по истории хорватской литературы, в 1909 г. издаёт «Историю Сербии», а в 1910 г. «Историю Болгарии». Как и в XIX в., политические события стимулируют научное изучение славянской истории русскими учёными. Однако теперь её освещение даётся с других позиций.

Во всех своих трудах А.Л. Погодин отрицает действительность такого явления как славянская взаимность. Более того, он не видит причин для её возникновения. В работе «Краткий очерк истории славян» (М., 1915) он ясно говорит о том, что единственным признаком принадлежности славянских народов к одному племени служит язык: «Трудно сказать, можно ли найти

кроме родства языков ещё какой-нибудь признак, который позволял бы говорить о родстве славянских народов», и «не наследие какого-то праславянского быта роднит славянские народы. Нет между ними и какого-либо иного сходства, например, антропологического; нет его даже в пределах одной славянской народности... Разумеется, образовавшаяся общность языков явилась в последующее время для народного сознания славян таким звеном объединения, которое внушало славянским народам убеждение в их действительном родстве, а вместе с тем и чувства, покоящиеся на сознании такого родства. Но такое сознание – продукт позднейшего культурного и политического развития»⁸. Кроме того, польско-русские отношения и история южных славян – болгар и сербов – не оставляют сомнения в том, что теория славянской взаимности представляет собой романтическое увлечение, мечты некоторых славянских интеллектуалов, ищущих средства для освобождения от национального угнетения. Известно также, что А.Л. Погодин резко отрицательно относился ко всем проявлениям славянофильства. Но будучи учеником славянофила В.И. Ламанского, Погодин отзывался о своём учителе с большим уважением, несмотря на разницу во взглядах. В своей магистерской диссертации он обратил внимание на книгу В.И. Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859) и вынес о ней такое впечатление: «Несмотря на то, что многие увлечения тогда молодого учёного современной наукой не признаны, эта книга до сих пор представляет замечательное явление по удивительной эрудиции, широте горизонта и теплоте чувства, проникающей её сочинителя: при чтении её чувствуется, что молодой автор её должен при последующем развитии своих взглядов сыграть крупную роль в русской науке и особенно в русской общественной жизни»⁹.

Во всех работах А.Л. Погодина по истории славян содержится обилие ценного и достоверного материала, извлечённого из источников, критически проанализированных. Излагая в основном ход политической истории, автор подчёркивает влияние экономики и других факторов. Он рассматривает социальную структуру общества славянских народов, объясняет причины её формирования. В то же время учёный обращает внимание на тяжёлое экономическое положение низших классов. Наиболее чётко эти стороны освещаются в работе «Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г.» (М., 1915). Таким образом, А.Л. Погодин относится к крупнейшим полонистам в русской историографии XX в. и является не менее значительным исследователем истории южных славян. Его метод работы с историческими источниками, интерес к современной истории, объективность изложения без предпочтения какого-либо славянского народа, анализ положительных и негативных аспектов в политике и т.д. показывают, что в исторических работах учёный выступает как представитель позитивистского направления в историографии. Жизнен-

ный путь А.Л. Погодина окончился в эмиграции, где он не написал ни одного сочинения равного тем, что опубликовал в России.

Учёным нового типа был ещё один ученик В.И. Ламанского – Николай Владимирович Ястребов (1869–1923). Он был единственным историком-профессионалом по истории славян и внёс много нового в организацию преподавания истории славян в Петербургском университете, а также в изучение истории средневековой Чехии.

Н.В. Ястребов родился в 1869 г. в г. Ветлуге Костромской губернии, в семье бедного священника¹⁰. Окончил Костромскую духовную семинарию в 1890 г., продолжал образование в Петербургской духовной академии, но в 1891 г. перешёл на историко-филологический факультет Петербургского университета, где стал специализироваться по кафедре славянской филологии у В.И. Ламанского. Последний предложил Н.В. Ястребову заняться историей славян, в частности изучением гуситского движения в Чехии в XV в., главным образом его идейной стороной. Он успешно прошёл стажировку за границей – в Вене, Мюнхене и Праге (последняя значительно способствовала повышению его квалификации) и возвратился в Россию с почти готовой магистерской диссертацией, посвящённой деятельности гуситского идеолога Петра Хельчицкого. В процессе поисков и изучения источников для своей работы в архивах Чехии и Австрии Н.В. Ястребов сделал много открытий, в результате которых была установлена последовательность создания чешским средневековым мыслителем его сочинений, т.е. его литературная биография. Изданная в 1908 г. работа Н.В. Ястребова «Этюды о Петре Хельчицком» явилась событием в историографии гуситского движения. Этот труд по своему новаторству, содержанию, методу изучения архитрудных источников превосходил всё, что до сих пор было известно об идеологии позднего гусизма. Это признавалось и чехами, вообще очень критично и ревниво относящихся к сочинениям об их истории, написанным иностранцами. В русской гуситологии труд Н.В. Ястребова был явлением беспрецедентным, свидетельствующим о торжестве позитивистского направления в изучении истории средневековой Чехии.

Став преподавателем славянской истории в Петербургском университете, Н.В. Ястребов значительное внимание уделял истории Польши. В 1914 г. он издал «Краткий очерк истории Польши» (в 1915 г. книга вышла под названием «Краткий очерк истории польского народа»), организовал и под своей редакцией издал переводы на русский язык нескольких важнейших сочинений польских историков – С. Кутшебы, О. Бальцера, В. Грабеньского. По истории южных славян писал статьи в энциклопедии и издавал источники для педагогических целей. В 1917 г. вышла его «История болгарского народа» – литографированное издание на основе лекций, читанных студентам. Словом, в лице Н.В. Ястребова русское славяноведение в области изучения истории имело первоклассного исследователя европейского

уровня по образованности, прогрессивности оценок прошлого и современности славян, по методу обработки исторического материала и взглядам на исторический процесс в целом.

В политическом отношении Н.В. Ястребов принадлежал к числу либеральных профессоров. Он не принял Октябрьской революции, в 1920 г. уехал в командировку в Чехию и в Россию не возвратился, став эмигрантом. Вскоре, в 1923 г., он умер в Праге. Что касается его отношений с В.И. Ламанским, то Н.В. Ястребов, являясь одним из последних его учеников, несмотря на полную противоположность по мировоззрению вообще и взглядам на славянство, как в прошлом, так и в настоящем, относился к своему учителю с полным уважением, не опускался до критики обветшавших теорий стареющего учителя, отразившихся в его последних работах, и, как свидетельствует личная переписка Н.В. Ястребова с другими русскими учёными, заботился о В.И. Ламанском и общался с ним до самой кончины последнего.

Изложенный материал даёт основание сделать некоторые выводы. Прежде всего он показывает решающую роль В.И. Ламанского в воспитании кадров славистов в России в последней четверти XIX – начале XX вв. Подавляющее большинство славистических кафедр в университетах в указанное время было занято учениками Ламанского. Лица, прошедшие подготовку по славяноведению в Петербургском университете, также работали редакторами журналов и газет, издавали сборники, альманахи и другие виды научной литературы со славяноведческим содержанием и активно участвовали в них собственным творчеством. Некоторые бывшие студенты профессора В.И. Ламанского состояли на государственной и дипломатической службе, другие работали в средних учебных заведениях. Таким образом, Петербургский университет в указанный период занимал первое место в России по воспитанию кадров славистов.

Однако несмотря на большой авторитет В.И. Ламанского, о его научной школе в области славянской истории говорить вряд ли возможно, хотя такое понятие часто встречается в отечественной историографии до настоящего времени.

Школа в гуманитарной области знаний предполагает единство или близость лидера и его последователей во взглядах на исторический процесс, на методы исследования и в политической ориентации. У профессора В.И. Ламанского такого единства с его учениками не было. Лишь единицы разделяли его славянофильский подход к главным проблемам славяноведения и политические взгляды. Большинство же его учеников были антиславянофилами, склонялись к позитивистским методам в освещении источников или полностью усвоили этот метод в своих исследованиях, а в отношении политических убеждений стояли на более прогрессивных позициях – осуждали самодержавие, политику России в Польше, выступали за измене-

ние политических порядков в духе создания конституционной монархии или без неё. Добавим к тому, что различие было не только между учителем и его бывшими учениками, но и среди них самих.

В.И. Ламанский играл роль учителя лишь на первом этапе вхождения в науку своих учеников. Он сообщал им знания по славянским языкам, истории, культуре и т.д., т.е. знакомил с азами славяноведения, кроме того учил их методам работы с историческим материалом, доступным в рамках университетского образования. Обладая большой эрудицией, указывал на литературу, источники и подсказывал тему будущих исследований. Возможно, воздействовал на аудиторию своей увлечённостью славянством и просто своими человеческими качествами. Однако профессор имел дело с контингентом с ещё не оформившимися убеждениями и принципами в виду недостаточного жизненного опыта.

На самостоятельное развитие личности первоначальный учитель, как правило, мало влияет. Решающую роль в этом процессе играют окружающая действительность, общественная среда, эпоха в целом и индивидуальные особенности человека. А действительность оказывалась другой, чем она представлялась В.И. Ламанским в его трудах и общественной деятельности. В действительности не было оснований для той романтики в отношении зарубежных славян к России, в которую верили славянофилы, не существовало и так наз. славянская взаимность, долго согревавшая сердца романтиков насчёт будущего «славянского мира». Исторический процесс протекал иным путём. Ученики Ламанского в своём творчестве не только не придерживались мировоззрения и убеждений своего учителя, но были им вполне противоположны. Поэтому говорить об «исторической школе В.И. Ламанского» в области славяноведения, как о коллективе единомышленников, нет никакого основания. Вместе с тем педагогическая деятельность профессора В.И. Ламанского в форме сообщения знаний и пробуждения интереса к славянству является большим вкладом в развитие славяноведения в России, а через него и в русскую культуру в целом.

Примечания

¹ Дореволюционная литература о В.И. Ламанском, библиография его трудов и некоторые публикации его корреспонденции указаны в справочных изданиях. См., напр.: Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 217. Кончина В.И. Ламанского в 1914 г. вызвала большое число воспоминаний, некрологов и ряд серьёзных попыток оценки значения учёного в истории славяноведения. Стали появляться публикации его писем: Переписка двух славянофилов (И.С. Аксакова и В.И. Ламанского) // Русская мысль. 1916. Кн. 9 и 12; 1917. Кн. 2-4; *Покровская О.В.* Из переписки Н.И. Костомарова с В.И. Ламанским (1858-1867) // Голос минувшего. 1917. № 1. В 1934 г. В.Н. Кораблёв опубликовал статьи: «Письма Любена Каравелова к академику В.И. Ламанскому» и «Валтасар Богишич и академик В.И. Ла-

манский (по архивным материалам)» // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. II. Л., 1934. С. 115–120, 163–187. Большую научную ценность имеет публикация писем В.И. Ламанского и некоторых учёных и общественных деятелей к нему в издании «Документы к истории славяноведения в России (1850-1912)». М. –Л., 1948.

В последние десятилетия XX и начале XXI вв. о В.И. Ламанском опубликовано несколько новых серьёзных исследований. См., напр.: *Робинсон М.А.* Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX – начала XX вв. (В.И. Ламанский, П.А. Кулаковский, К.Я. Грот) // *Историография и источниковедение Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 1986; *он же.* В.И. Ламанский и его историсофский трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» // *Славянский альманах.* 1996. М., 1997; *он же.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930 гг.). М., 2004; *Лантвева Л.П.* Переписка между русским славистом В.И. Ламанским и чешским учёным Адольфом Патерой как источник по истории русско-чешских связей во второй половине XIX в. // *Zbornik filozofickej fakulty univerzity Komenského. Roč. XXXI. Historica.* Bratislava, 1984. S. 45–73; *она же.* В.И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX–XX вв. // *Славянский вопрос: веки истории.* М., 1997; *она же.* В.И. Ламанский (1833-1914) и его «историческая школа» // *Российские университеты в XVIII–XX веках: сборник научных статей.* Вып. 6. Воронеж, 2002. С. 68–83; *она же.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 354–431 и др. Кроме того о В.И. Ламанском существуют неопубликованные диссертации и ряд статей, напечатанных в различных сборниках, преимущественно «материалах» научных конференций и «Вестников», «Учёных записок» различных университетов России.

² Все сведения о биографии и служебной деятельности В.И. Ламанского в Петербургском университете извлечены из Российского Государственного исторического архива (Ф. 733. Оп. 141, 150), а также Центрального Государственного архива Санкт-Петербурга (Ф. 14. Оп. 3 и др.).

³ Об этом свидетельствует список трудов учеников В.И. Ламанского, опубликованный в: Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его учебной и профессорской деятельности. СПб, 1883; Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учёной и литературной деятельности. СПб, 1905.

⁴ Подробно о творчестве И.С. Пальмова см.: *Лантвева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 196–220.

⁵ Творчество Т.Д. Флоринского подробно освещено в: *Лантвева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. С. 629–664.

⁶ См.: *Лантвева Л.П.* Научная и педагогическая деятельность русского историка права, слависта Ф.Ф. Зигеля (1845–1921) // *История и историки. Историографический вестник.* М., 2007. С. 257–303.

⁷ См.: *Лантвева Л.П.* Русский историк-славист А.Л. Погодин. Его жизнь и творчество (1872–1947). М., 2011.

⁸ *Погодин А.Л.* Краткий очерк истории славян. М., 1915. С. 4–6.

⁹ *Погодин А.Л.* Из истории славянских передвижений. СПб, 1907. С. 74.

¹⁰ Подробно о Н.В. Ястребове см.: *Лантвева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. С. 216–261.

**Болгария, Россия и русско-болгарские связи
в научном творчестве А.А. Улуныя
(К 90-летию со дня рождения)**

Abstract:

Danchenko S.I. *Bulgaria, Russia and Russian-Bulgarian relations in the scholarly work of Akop Ulunyan (to the nineties anniversary of his birthday).*

The article considers the work of the renowned Russian historian of Bulgaria Akop Ulunyan (1924–2003), who dealt with the Russian-Turkish war of 1877–1878, the liberation of Bulgaria from the Ottoman rule and the leaders of the Bulgarian Revival. Furthermore, his contribution to the exploration of this problematic, as well as development of the Russian-Bulgarian academic cooperation in the second half of the last century is shown.

Ключевые слова: А.А. Улуныян, Россия, Болгария, русско-турецкая война 1877–1878 гг., Освобождение Болгарии, болгаристика, Институт славяноведения, Комиссия историков СССР и НРБ.

Акоп Арутюнович Улуныян – яркий представитель отечественного славяноведения второй половины XX в. Он один из тех, кто своими научными исследованиями, архивными открытиями, пропагандой новых знаний создавал советскую и российскую болгаристику и способствовал росту ее авторитета в международном научном сообществе. Он один из тех, кто в послевоенный период способствовал установлению и расширению научных связей и плодотворного сотрудничества с болгарскими учеными.

А.А. Улуныян родился 8 марта 1924 г. в г. Симферополь в армянской семье. Его юность пришлась на годы Великой Отечественной войны. Со второго курса института в октябре 1942 г. он был призван в армию. Сражался на Северо-Кавказском и 2-м Украинском фронтах. Был удостоен наград – медалей «За оборону Кавказа», «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией».

После войны Акоп Арутюнович, как и многие его ровесники-фронтовики, вновь стал студентом: в 1946–1951 гг. он учился на факультете международных отношений Ереванского государственного университета. После его окончания он продолжил учебу в аспирантуре на кафедре новой и новейшей истории Ереванского армянского педагогического института им. Х. Абовяна. Но еще до окончания курса обучения, в 1953 г. он был направлен в Москву – в аспирантуру Института славяноведения АН СССР, для специализации по истории Болгарии.

Научным руководителем Акопа Арутюновича стал профессор С.А. Никитин (1901–1979), а «родным» научным коллективом – возглавляемый им сектор истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма. В этот период главным трудом этого сектора была подготовка публикации документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (Т. 1–3, М., 1961–1967, отв. редактор – С.А. Никитин). Во время этой работы началось формирование научной школы профессора Никитина. Молодые в ту пору ученые и аспиранты, которых он привлек к выявлению и комментированию документов, к составлению развернутых именного и географического указателей к этому изданию (и среди них – А.А. Улуян), являлись не только его учениками, но и единомышленниками. Ведя научный поиск под руководством С.А. Никитина, перенимая мастерство Учителя, приобретая опыт и знания, они постепенно превращались в высокопрофессиональных специалистов в области балканской политики России и русско-балканских связей.

В этой научной среде и началось формирование Улуяна-ученого. Как аспиранту ему была предложена тема: «Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг.». Она и стала главным направлением его научных исследований на все последующие десятилетия. Данная тема, безусловно, была обеспечена источниками, многочисленными и первоклассными, так как во время работы над публикацией «Освобождение Болгарии...» в архивах, центральных и региональных, был выявлен огромный корпус документов, до этого не известных ученым. Разумеется, многие из них не вошли в публикацию, ограниченную листажом, а отправились в «отсев». И эти документы, наряду с уже опубликованными, в том числе и в XIX веке, стали основной источниковой базой будущей диссертации Акопа Арутюновича. Кроме того, ему была предоставлена возможность в течение полугода стажироваться в Болгарии, где он, по его словам, дневал и ночевал в архивах и рукописных отделах библиотек.

В аспирантские годы А.А. Улуян впервые открыл для себя безбрежное море русской периодической печати XIX века и определил значение этого вида источников для изучения вопроса о русско-болгарских связях и формировании общественного мнения России по болгарскому вопросу. Первым к прессе как источнику обратился его научный руководитель С.А. Никитин в своих работах 1940–1950-х годов. И Акоп Арутюнович многое перенял от своего научного руководителя, в первую очередь, в плане методики работы с архивными документами и прессой XIX века.

После окончания аспирантуры А.А. Улуян был зачислен в штат Института славяноведения АН СССР (22 апреля 1957 г.) в должности младшего научного сотрудника. Первые его публикации относятся к началу 1960-х годов¹. Кандидатскую диссертацию он защитил в 1969 г. в Болгарии. А в 1971 г. она была опубликована в Москве, в издательстве «Наука», под названием: «Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг.».

Этой книгой Акоп Арутюнович внес свой, очень ценный вклад в обширную историографию данной проблемы. Разумеется, она была написана по всем канонам научных трудов того времени – тщательно подобранные цитаты из трудов классиков марксизма-ленинизма, классовый подход при анализе событий и характеристике их

героев. Иначе в те годы и быть не могло. Нам, жившим в ту эпоху, это все понятно, а современный читатель, возможно, лишь удивится. Но книга А.А. Улуяна, тем не менее, выделяется среди многочисленных трудов о русско-турецкой войне, она и спустя более 40 лет после публикации поражает своим материалом – архивным, публицистическим, мемуарным. Именно этот материал, в большинстве своем новый, открытый автором, позволил нюансировать данную тему, ибо общая концепция была задана изначально – великие державы Запада противились освобождению Болгарии, русские освобождали, болгары им помогали.

Одной из заслуг Акопа Арутюновича, на мой взгляд, является то, что он детально, как никто другой до него, с присущими ему, как исследователю, скрупулезностью, тщательностью и объективностью, изучил те документы, которые были опубликованы еще в царской России. Как известно, после окончания русско-турецкой войны при Генеральном штабе была создана Военно-историческая комиссия, которая занялась сбором материалов для составления ее официальной истории. В результате в 1898–1911 гг. был издан «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове» (97 томов в 112 книгах). Наряду с этим вышеназванная комиссия в 1901–1913 гг. опубликовала в 9 томах «Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове», а также небольшим тиражом (в 6 томах в 1899–1911 гг.) – «Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове», содержащие дипломатические документы, связанные с историей и ходом войны. Эти, а также другие опубликованные документы, в том числе Н.Р. Овсяным в начале XX в., стали ценным источником для исследований А.А. Улуяна. В этой же книге Акоп Арутюнович впервые широко использовал прессу периода войны – 26 русских газет и журналов и 8 болгарских изданий.

Главной его исследовательской задачей стало «показать содействие болгарского народа русским войскам, которое выражалось в участии болгар в разведке, формировании чет, организации народной милиции, строительстве дорог и оборонительных сооружений, оказании материальной помощи русской армии»².

В монографии Акоп Арутюнович, прежде всего, представил предысторию войны, обратив особое внимание на международный аспект и развитие болгарского освободительного движения, включая Апрельское восстание 1876 г.

Исследуя вопрос о подготовке к войне, автор подробно остановился на деятельности полковников Генерального штаба Н.Д. Артамонова и П.Д. Паренсова (впоследствии он стал первым военным министром Болгарского княжества – в 1879–1880 гг.) – по усовершенствованию разведсети, а в дальнейшем по формированию чет, подбору болгарских проводников и переводчиков для частей Действующей армии, оказавших весьма ощутимое содействие русским войскам.

Одной из главных проблем для А.А. Улуяна явилась проблема создания и функционирования Болгарского ополчения. Сюжеты, связанные с ним, были уже хорошо изучены болгарскими историками. Тем не менее, ученый, благодаря привлечению новых источников, внес свой важный вклад в историографию. Участие Болгарского ополчения в военных действиях Акоп Арутюнович считал одним из видов помощи болгар русской армии.

Как известно, во время русско-турецких войн XVIII–XIX вв., как правило, способствовавших подъему национально-освободительного движения балканских народов, перед правящей элитой Российской империи всякий раз вставал вопрос об использовании помощи со стороны местного населения. При этом, как пишет А.А. Улуян, «...страх, что вооруженное выступление может перерасти в классовую борьбу и принять нежелательный царизму национальный и социальный характер, сдерживал правительство»³. Военное же руководство думало иначе, но было вынуждено подчиняться высочайшей воле. Поэтому при создании Болгарского ополчения вооруженные части болгар, стремившиеся внести свой вклад в освобождение родины, ставились под контроль. Акоп Арутюнович в своей книге привел немало ярких эпизодов из истории русско-турецкой войны, связанных с деятельностью Болгарского ополчения, которая заслужила самой высокой оценки русских военачальников.

Огромное значение, как показал А.А. Улуян, имела материальная помощь болгар русской армии. «Она выражалась в бескорыстном, добровольном и в большинстве своем безвозмездном снабжении русской армии продовольствием и фуражом*, в предоставлении помещений для госпиталей, транспорта и тягловой силы, в уходе за ранеными и больными солдатами, в постройке и исправлении оборонительных сооружений, телеграфных линий, дорог, мостов и т.п.»⁴.

Проанализированные в книге документы позволили Акопу Арутюновичу в полной мере выполнить свои исследовательские задачи и тем самым доказать, что во время войны болгарский народ не был пассивным и инертным созерцателем событий, а активно включился в борьбу за свое освобождение и оказывал посильную помощь русским войскам. Таким образом, ученый опроверг тенденциозные утверждения западной историографии, имевшие место в то время, о пассивности болгарского народа в войне.

Специальную главу своей монографии Акоп Арутюнович посвятил освещению в русской периодической печати национально-освободительной борьбы болгарского народа. Впоследствии это стало традиционным аспектом его трудов. Ученый анализировал прессу по направлениям: консервативное, либеральное и демократическое, как это было принято в советской исторической науке; привлек он и зарубежную

* В связи с плохой организацией интендантской службы помощь болгар и военные трофеи были очень кстати.

народническую печать. В рассматриваемых изданиях им были выделены следующие ключевые, по его мнению, вопросы: 1. Гайдучество и его роль в истории освободительной борьбы болгар и в период войны 1877–1878 гг. 2. Характеристика ряда болгарских деятелей – Г. Раковского, С. Караджки, Х. Димитра, П. Хитова, воеводы Цеко Петкова и др. 3. Политические направления в болгарском освободительном движении («старые» и «молодые»).

Важной особенностью рассматриваемого труда является то, что в нем впервые проявился особый дар Акопа Арутюновича, отличавший его от других ученых. А.А. Улунян был уникальным человеком и историком, он обладал исключительно эмоциональным восприятием окружающего мира и переносил его на события прошлого, в данном случае русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Это помогло ему, во-первых, в мельчайших деталях воспроизвести обстановку накануне и во время войны и показать не только героизм русских солдат и болгарских ополченцев, но и целый ряд негативных моментов: ошибки командования и махинации и аферы компании Грегера, Горвица и Когана, с которой 16 апреля 1877 г. был заключен договор о снабжении Действующей армии продовольствием и фуражом. Во-вторых, редкая эмоциональность Акопа Арутюновича, его особый талант «погружения» в изучаемую им эпоху позволили ему уже в первой его монографии создать ряд ярких портретов исторических деятелей. Следует отметить, что в советскую эпоху это не приветствовалось, хотя открыто и не запрещалось. В монографиях, писавшихся по установленным канонам, был принят более сухой, академичный стиль. И историки старались придерживаться этих правил, чтобы их труды не были определены как легковесные и недостаточно научные. И, тем не менее, некоторые исследователи уже отходили от этих «стандартов» и, следуя за документами, создавали запоминающиеся портреты своих героев, «оживляя», таким образом, далекое прошлое. Одним из этих исследователей был А.А. Улунян, представивший в рассмотренной выше книге короткие, но выразительные и достоверные портреты русских и болгарских деятелей – генерала М.И. Драгомирова, воеводы П. Хитова, русского военного министра Д.А. Милютина, полковника Н.Д. Артамонова и др. Этот авторский прием будет присущ и последующим работам Акопа Арутюновича.

Период после защиты кандидатской диссертации и выпуска первой монографии явился для А.А. Улуняна временем накопления научных знаний и интенсивных архивных поисков. Он много работает в архивах и библиотеках Москвы, регулярно выезжает в командировки «с ученой целью» в Ленинград. Одна за другой появляются в печати, в том числе в Болгарии, его статьи⁵, отличительной особенностью которых является привлечение открытых им новых документов. В 1970-е годы имя Акопа Арутюновича уже хорошо известно болгарским коллегам, и он принимает активное участие в поддержании и развитии сотрудничества ученых СССР и Болгарии. Благодаря этому сотрудничеству он неоднократно выезжал в научные командировки в Болгарию, где имел возможность собирать материал в библиотеках и архивах, а также знакомить болгарских специалистов с результатами своих исследований, выступая с докладами на различных научных форумах – съездах, конференциях, симпозиумах.

В 1970-е годы А.А. Улунян интенсивно трудился над написанием своей второй монографии – «Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия (Очерки)», приуроченной им к 100-летию этого значимого события. К сожалению, она вышла не в 1976 г., а только в 1978 г., к 100-летию окончания Восточного кризиса 1875–1878 гг.

В этой книге, несмотря на заявленный автором очерковый формат, последовательно рассмотрены все составляющие вышеуказанной проблемы. Особое внимание Акоп Арутюнович уделил следующим вопросам: международная обстановка накануне Апрельского восстания, позиция русской дипломатии, стремившейся к мирному решению возникшего кризиса, восстание в Боснии и Герцеговине в 1875 г. и отношение к нему южнославянских народов и общественности России.

В этой монографии, как и в предыдущей, прежде всего поражает ее источниковая база. Собранные по крупицам документы позволили не только рассмотреть предысторию и ход Апрельского восстания, но и внести коррективы в существовавшие ранее представления. Так, обратившись к вопросу о деятельности Христо Ботева и его соратников по Болгарскому Революционному Центральному комитету (БРЦК), Акоп Арутюнович установил местопребывание Ботева с 31 августа по 17 сентября 1875 г., что имело, по убеждению ученого, немаловажное значение для истории подготовки Апрельского восстания. Этот момент был не до конца выясненным и дискуссионным. А.А. Улунян доказал, что в это время болгарский революционер находился в России. Его целью было достать деньги и оружие. «...основываясь на документальных данных, – пишет Акоп Арутюнович, – можно считать несостоятельной бытовавшую до настоящего времени версию о поездке Хр. Ботева в Константинополь в сентябре 1875 г.»⁶.

Хорошо изученную историю Апрельского восстания (подготовка, ход и подавление) Акоп Арутюнович дополнил новыми материалами, среди которых выделяются мемуары его участников и донесения с Балкан российских дипломатов.

Наиболее интересным разделом этой книги, на мой взгляд, является обширная глава «Русская периодическая печать об Апрельском восстании 1876 г.», в которой ученый впервые в историографии широко использовал не только центральные, но и губернские газеты и журналы. Анализ публикаций в изданиях: «Московские ведомости», «Русский мир», «Новое время», «Петербургская газета», «Биржевые ведомости», «Голос» – позволил исследователю сделать обоснованный вывод о значительном интересе русского общества к событиям в Болгарии. Автор особо отметил роль болгар, живущих в России, в распространении сведений о их родине, сражениях, участниках освободительной борьбы. Публикации о жестоком подавлении Апрельского восстания и целенаправленном истреблении болгарской интеллигенции турками всколыхнули общественное мнение России в пользу активного участия в оказании помощи «страждущим славянам».

Акоп Арутюнович делает важный вывод о том, что в связи со «славянским вопросом» русская периодическая печать переживала настоящий расцвет. События в Болгарии освещались в газетах и журналах ярко, детально, практически ежедневно. В качестве иллюстрации исследователь приводит тщательно подобранные, запоми-

нающиеся цитаты. Например, из «Отечественных записок» (1876 г., № 9): «Никто ни о чем не хочет слушать, ни о чем другом не может говорить, ничего другого не желает читать, кроме известий о том, что **там делается**. В книгах, журналах, газетах, на улицах, в кофейнях, на концертах, в театрах, на железных дорогах, в церквях, школах, на рынках, в кабаках – только и ищут **этого**... Давно прочитанные о славянах книги вновь перечитываются, на новые с жадностью набрасываются...»⁷. И далее. Вас.И. Немирович-Данченко, объездивший летом 1876 г. целый ряд губерний, писал, что «народ сёл и деревень, морской рыболов, волжский судорабочий, самарский и саратовский пахотник, уральский заводской и рудничный батрак, выражал огромное сочувствие “братьям по крови и вере” и не жалел свои крохотные сбережения, чтобы оказать посильную им помощь»⁸.

Не менее ценный материал по этому вопросу содержится в русских провинциальных изданиях. Однако до Акопа Арутюновича ученые их в данном ракурсе практически не исследовали. Проанализировав губернские «Ведомости», выходявшие в 1876 г. в Вологде, Воронеже, Владимире, Астрахани, Архангельске, Казани, Пензе, Полтаве, Орле, Саратове, Новгороде, Тобольске, Туле, А.А. Улунян привел конкретные цифры пожертвований жителей этих городов и губерний в пользу южных славян. Именно благодаря его изысканиям эти ценнейшие данные стали достоянием науки – их используют все специалисты, занимающиеся изучением проблемы «Восточный кризис 70-х годов XIX в. и Россия».

Анализ содержания русской периодики в указанный период позволил Акопу Арутюновичу сделать еще один важный вывод: «Апрельское восстание всколыхнуло русскую общественность в защиту болгарского народа и оказало немалое влияние на правящие круги России, побуждая их к более активной политике... Решение русского правительства об объявлении войны Турции было в значительной мере предопределено воздействием русского общества и боязнью потерять престиж внутри страны»⁹.

Особое место в научном творчестве А.А. Улуняна занимает его третья по счету книга – «Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига», изданная в 1994 г. Она носит научно-популярный характер, однако все аспекты проблемы – социально-экономический, политический, военный, общественно-культурный – раскрыты в ней автором на высоком профессиональном уровне.

Центральная глава книги – третья – посвящена русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Значительный интерес здесь представляют многочисленные материалы о героизме русских солдат, русско-болгарском боевом содружестве и помощи болгар русской армии.

Бывший фронтовик Акоп Улунян, став ученым, много размышлял по всем проблемам, связанным с войнами вообще, в том числе и своей «любимой» русско-турецкой войной 1877–1878 гг. И эти раздумья, несомненно, оставляли след на страницах его трудов. Так, он проявил исследовательский интерес к вопросу об отношении русских войск к турецкому населению и военнопленным и опубликовал очень яркий, в плане эмоциональной составляющей, материал. Из книги Акопа Арутюнови-

ча читатель узнает, например, что командир XIV-го армейского корпуса предписал в июне 1878 г. командиру 17-й пехотной дивизии, в связи со вступлением русских войск в Варну, которая была сдана турками на основании перемирия, не устраивать никаких торжеств, пошадив самолюбие турецких войск и турецкого населения. И потом, по просьбе турецких представителей в Сан-Стефано, русские не салютовали артиллерийскими залпами в честь мира, чтобы не вызвать панику гражданского населения Константинополя. Было немало и других примеров гуманного отношения русских войск к турецкому населению, о чем пишет А.А. Улунян.

В книге также прослеживается деятельность российских дипломатов после войны, подчеркивается значительная роль Русского Гражданского управления, созданного на освобожденных болгарских землях, в становлении болгарской государственности. Управление за 9 месяцев своего пребывания в Болгарии, как подчеркивает Акоп Арутюнович, «проделало колоссальную созидательную работу»¹⁰.

И в этой монографии ученый привлек, в качестве одного из основных источников, русскую периодическую печать и показал, как болгарская тематика отражалась на страницах прессы.

Последним крупным трудом А.А. Улуняна стал вышедший в 1996 г. двухтомный библиографический словарь «Деятели болгарского национально-освободительного движения. XVIII–XIX вв.», который он посвятил светлой памяти своих болгарских коллег – Бориса Матеева, Цонко Генова и Ангела Накова.

Внимательно проштудировав Словарь при подготовке этой статьи, смею утверждать, что в отечественной историографии только Акоп Арутюнович мог создать такую масштабную, высочайшего научного уровня работу, материал для которой он тщательно, буквально по крупицам собирал, обрабатывал и классифицировал на протяжении всей своей научной жизни.

В свой Словарь Акоп Арутюнович включил главным образом деятелей национально-освободительного и революционного движения, принимавших участие в двух и более акциях освободительного движения, а также представителей революционных комитетов, участвовавших на собрании в Обориште накануне Апрельского восстания 1876 г. Общее число персоналий – 885 чел. Сведения о них были взяты автором из болгарской и отечественной литературы, мемуаров, энциклопедий, справочников, 15 болгарских и российских архивов, 67 периодических изданий.

Среди представленных в Словаре персоналий нельзя не выделить следующие:

Известный гайдуцкий воевода БАНЧЕВ Тодор, пять сыновей, которого участвовали в Апрельском восстании.

ЗАИМОВ Стоян Стоянов – один из руководителей Апрельского восстания, апостол III-го революционного Врачанского округа. Впоследствии являлся председателем комиссии по увековечиванию памяти В. Левского, хранителем музеев и памятников, воздвигнутых в честь героев, освободивших Болгарию.

КЕСЯКОВ Константин Искров, политический и военный деятель, генерал-майор, командир I дружины Болгарского ополчения в русско-турецкой войне 1877–

1878 г., награжденный русским орденом св. Владимира IV степени и золотым оружием с надписью «За храбрость».

НИКОЛОВ Райчо Николов – 14-летним мальчиком в 1854 г. он переплыл Дунай и известил русское командование о составе турецких войск и их намерении напасть на русские войска. Позднее – один из командиров Болгарского ополчения в войне 1877–1878 гг.

ПЕТКОВ Цеко (1807-1881) – один из старейших воевод эпохи болгарского возрождения. Его называли «Балканским орлом». Он участвовал в обороне Севастополя во время Крымской войны, а затем в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

УЗУНОВ Атанас Цвятков – после гибели В. Левского был назначен БРЦК его преемником. Во время войны 1877–1878 гг. являлся переводчиком в русской армии.

Безусловным достижением А.А. Улуяна является то, что он дополнил архивными данными и материалами периодики биографии уже хорошо известных участников национально-освободительной борьбы и общественных деятелей Болгарии. Среди них – МИНКОВ Тодор (Федор) – общественный и политический деятель болгарской эмиграции в России, многолетний руководитель Южнославянского пансиона в Николаеве, затем, с 1878 г., – в Гродненской губернии. Он был добровольцем в Крымской войне, участвовал в обороне Севастополя.

Дополнил новыми архивными данными Акоп Арутюнович и биографии: ПАЛАУЗОВА Спиридона Николаевича, одного из основоположников изучения истории южных славян в болгарской историографии; воеводы ПЕТКО, гайдуцкого предводителя, затем соратника Дж. Гарибальди и участника Критского восстания 1866–1868 гг. Во время войны 1877–1878 гг. воевода ПЕТКО активно действовал на юге Болгарии, совершая дерзкие набеги на турецкие подразделения. Весьма полно и интересно представлены в Словаре биографии: ФИЛАРЕТОВА Савы Вылчева – участника церковной борьбы в Болгарии, видного общественного деятеля в области просвещения; ХИТОВА Панайота, известного гайдука и воеводы чет, активного участника войны 1877–1878 гг., о котором секретарь русского генерального консульства в Русе в 1875 г. писал в Петербург: «...В Болгарии нет человека популярнее (разумеется, в народе) Хитова, и никого турки не боятся больше него»¹¹.

Новыми сведениями из фондов Российского Государственного Военно-исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Научно-исследовательского Отдела рукописей Российской Государственной библиотеки дополнил А.А. Улуян биографический очерк о Райко ЖИНЗИФОВЕ, поэте, публицисте, видном деятеле в области русско-болгарских связей, опубликовавшем в русских периодических изданиях около 200 статей, обзоров и заметок, переводчике на болгарский язык «Слова о полку Игореве», который накануне войны 1877–1878 гг. составил для нужд русской армии «Русско-болгарский словарь».

Отличительной чертой Словаря является внимание его автора не только к мужским, но и к женским персоналиям. На страницах этого труда

мы встречаемся с именами целого ряда выдающихся болгарок, внесших свой вклад в освобождение родины. Среди них:

БАКАРДЖИЕВА Тодорка Петкова – курьер БРЦК, соратница В. Левского, использовавшая для перевозки секретных писем свои длинные, до пят, роскошные волосы.

ВЕКИЛОВА Евлампия Стоева – также курьер БРЦК, принимавшая участие в подготовке Апрельского восстания.

ВИТАНОВА Бона Ганева – в ее корчме часто скрывались В. Левский, Ст. Стамболов и др.

Легендарная ОБРЕТЕНОВА Тонка Тихова (Баба Тонка) – мать участников национально-освободительного движения из семьи Обретеновых – Ангела, Георгия, Николы, Петра и Петраны. Баба Тонка была курьером БРЦК, перевозила оружие.

Учительница НАЙДЕНОВА Гана Стоилова – принимала участие в подготовке Апрельского восстания, шила униформу для повстанцев, участвовала в стычках с карателями.

ФИЛАРЕТОВА Йордана Николова, жена Савы ФИЛАРЕТОВА – являлась доверенным лицом Софийского тайного революционного комитета, предоставляла в своем доме убежище В. Левскому.

Учительница ФУТЕКОВА Райна поп Георгиева, знаменитая княгиня Райна, как ее называли, участница Апрельского восстания, вышившая по просьбе Г. Бенковского революционное знамя повстанцев, которое она пронесла во главе колонны по Панагюриште.

Отличительной особенностью этого ценного труда является то, что, несмотря на его справочный характер, читатель получает представление о болгарском национально-освободительном движении, его этапах, участниках, ярких событиях, в том числе трагических, о роли России в освобождении Болгарии, помощи болгар русской армии, – как если бы он прочел несколько солидных монографий по данной проблеме.

Наряду с работой над Словарем, в 1990-е годы А.А. Улунян вновь интенсивно работает с русской прессой – на этот раз 50-х годов XIX в., ибо решает написать большую работу об отражении в печати этого периода отношения русской общественности к Болгарии и болгарам. Задуманная ученым монография не состоялась, однако он успел подготовить и издать обширную содержательную статью по этой теме¹².

В результате проведенного исследования А.А. Улунян сделал следующий вывод: «...представленные в русской периодической печати материалы о Болгарии и болгарях времен Крымской войны довольно подробно и в основном компетентно знакомили русскую общественность с историей и культурой болгарского народа. Но они не отличались необходимой полнотой. Так, например, ... отсутствовали материалы о непосредственном участии болгар в Крымской войне». Это, по мнению А.А. Улуняна, объяснялось «слабой организацией корреспондентской службы, запрещением корреспондентам находиться в действующей армии»¹³.

Последней работой Акопа Арутюновича, опубликованной уже после его кончины, стала статья «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и российская обществен-

ность» – в сборнике материалов международной конференции, прошедшей в феврале 2003 г. в Москве¹⁴. Именно с таким докладом он выступил на этой конференции.

Следует отметить, что в 1990-е годы в болгарской историографии появились труды, в которых их авторы, игнорируя исторические свидетельства, всячески стремились умалить заслуги России в освобождении Болгарии. Акопа Арутюновича очень огорчала эта новая тенденция, возникшая и развивавшаяся, по его убеждению, в угоду политической конъюнктуры. Разумеется, он, умный, мудрый и опытный человек, понимал причины данных «новшеств» и подобной «модернизации» истории и не сомневался, что со временем объективность вновь восторжествует, но, тем не менее, со свойственными ему эмоциональностью, принципиальностью и неумением жить по двойным стандартам, часто находился в подавленном состоянии. Помню, как однажды он с горечью сказал мне: «Никогда не думал, что доживу до того, чтобы доказывать **болгарам** решающую роль России в их освобождении».

Я присутствовала на том заседании в феврале 2003 г., на котором выступал Акоп Арутюнович. Чеканные, тщательно отредактированные фразы, яркие цитаты... Он всю свою жизнь занимался этой темой, сделал немало открытий в архивах и мог бы говорить об освобождении Болгарии хоть целый день, не заглядывая ни в какие записи, и его бы слушали – так это было интересно. Но он волновался и поэтому, как всегда в подобном случае, читал доклад по-написанному своим негромким глуховатым голосом. И всем присутствующим было ясно, что это выступление блестящего профессионала, не только четко и аргументированно излагавшего свою позицию, но и готового ответить на любой каверзный, провокационный вопрос, отстоять каждый свой тезис, каждый вывод.

На основе этого доклада Акоп Арутюнович написал свою последнюю статью. В ней он привел слова известного болгарского историка Андрея Пантева, выступившего против вышеупомянутых веяний в болгарской историографии: «Помощь России в освобождении Болгарии является неумолимым и незыблемым реальным фактом в болгарской истории, который сегодня в угоду конъюнктуре стремятся принизить некоторые “модернизаторы”». И далее А. Пантев писал: «Россия совершила великую освободительную миссию в Европе. И в данном случае Россия оказалась в большей степени европейским государством, нежели те либеральные общества, которые с безразличием смотрели на многовековые страдания болгарского народа»¹⁵.

В своей статье А.А. Улуян, вновь на основе документов, которые его оппоненты предпочли забыть, оставить в XX веке, показал различные виды той помощи, которую оказала Россия Болгарии в 70-е годы XIX в. При этом он сделал акцент на конкретных цифрах помощи населения всех губерний и уездов Российской империи «славянскому делу». Ученый привел впечатляющий факт: к концу 1877 г. только на нужды Красного Креста поступило около 10 млн руб.¹⁶ Наряду с этим Акоп Арутюнович счел необходимым еще раз подчеркнуть значительную роль русской периодической печати в формировании общественного мнения в защиту славян, в том числе болгарского народа.

* * *

Научный вклад А.А. Улуныяна в изучение истории Болгарии и русско-болгарских связей бесспорен, однако рассмотренными выше трудами ученого он не исчерпывается. Немало времени и сил отдавал Акоп Арупонович развитию научных контактов с болгарскими коллегами. Этому способствовали, как уже отмечалось выше, его командировки в Болгарию, где он не только работал в библиотеках и архивах, но и выступал с докладами на симпозиумах, конференциях, съездах. Многие болгарские историки, в том числе акад. Д. Косев и акад. Н. Тодоров, стали его друзьями.

Наряду с этим с мая 1970 г. и в течение последующих 20 лет А.А. Улуныян трудился (именно трудился, а не числился) на посту ученого секретаря советской части Комиссии историков СССР и НРБ, созданной в июне 1968 г. с целью «укрепления и расширения сотрудничества советских и болгарских историков..., организации обсуждения ключевых проблем истории СССР и Болгарии»¹⁷.

В рамках Комиссии историков СССР и НРБ была проведена серьезная подготовка мероприятий, посвященных 100-летию Апрельского восстания 1876 г. и Освобождения Болгарии в 1878 г., и др. Заседания Комиссии и научные конференции проходили в Москве, Софии, Варне, Кишиневе, Киеве, Львове. По результатам этих мероприятий выпускались совместные научные труды: «История и культура Болгарии» (М., 1981), «Советская болгаристика. Итоги и перспективы» (М., 1983), «Интернационального и национального в опыта на строителство на социализма» (София, 1985), «Руско-болгарски връзки през векове» (София, 1986).

За 20 лет своей деятельности Комиссия провела 12 пленарных и 5 рабочих заседаний, 15 двусторонних конференций и симпозиумов по актуальным проблемам средневековой, новой и новейшей истории СССР и НРБ¹⁸. Все эти мероприятия готовились при активном участии Акопа Арупоновича.

За большой вклад в развитие болгаристики и болгарско-советских научных связей А.А. Улуныян был удостоен следующих болгарских наград: Орден Кирилла и Мефодия II степени, Орден Кирилла и Мефодия I степени, медаль «100 лет со дня освобождения Болгарии от османского ига».

Ученый много выступал по радио на Болгарию: по случаю 110-й годовщины Апрельского восстания 1876 г. (апрель 1986 г.), 110-й годовщины русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (февраль 1987 г.), а также 110-й годовщины Шипкинской эпопеи (август 1987 г.) и взятия Плевны (сентябрь 1987 г.) и др.

В Болгарии были переведены и изданы две его монографии¹⁹, опубликованы многие статьи – как в научных изданиях, так и в современной периодике.

В приказе тогдашнего директора Института славяноведения РАН В.К. Волкова (1930–2005) в связи с 70-летием А.А. Улуныяна (8 марта 1994 г.) говорилось о юбиляре как о «крупнейшем специалисте по истории Болгарского возрождения и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.». И это была высокая и заслуженная оценка.

Возможно, строгий критик, ознакомившись с научным наследием Акопа Арутюновича Улуяна, скажет, что новые документы и фактография это, конечно, хорошо, но где же обобщающие, теоретические труды, в которых ставятся и исследуются ключевые проблемы истории Болгарии и русско-болгарских отношений? Да, это так – в активе ученого их нет. Но дело в том, что Акоп Арутюнович к этому и не стремился. Свою задачу как исследователя, ту, которая была ему по силам, он видел прежде всего в том, чтобы сделать как можно больше открытий в архивах и библиотеках, собрать как можно больше нового материала по теме, создав таким образом обширную источниковую базу для изучения комплекса вышеуказанных проблем, в том числе и будущими поколениями российских и зарубежных историков. Для него всегда приоритетным было создание и утверждение нового знания. И в этом плане он был типичным представителем отечественного исторического славяноведения 2-й половины XX в., когда накопление новых документов и фактов являлось одним из главных направлений деятельности ученых. Это была весьма трудоемкая, протяженная во времени работа, требующая от них профессионализма, самоотверженности, увлеченности и просто любви к изучаемому предмету. Разумеется, и в эти годы было немало исследователей, которые создавали первоклассные теоретические труды, посвященные рассмотрению глобальных проблем, а не конкретно-исторических вопросов. Но А.А. Улуян относился к тем, кого прежде всего интересовала «конкретика», как он говорил. И на этом поприще он трудился всю свою жизнь – трудился честно, самозабвенно, с азартом, невзирая на недуги и жизненные обстоятельства. «Наша профессия, может, и не самая важная для страны и народа, но зато самая интересная!» – это его слова.

Именно таким – увлеченным, преданным делу и мудрым – Акоп Арутюнович Улуян остался в нашей памяти.

Примечания

¹ Улуян А.А. Из неизданных писем на Любен Каравелов // Исторически преглед. София, 1963. № 2; *он же*. Помощь болгарского народа русской армии в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 40. М., 1964; *он же*. Из истории национально-освободительной борьбы болгарского народа в период русско-турецкой войны (1877–1878 г.) // Ин-т за история. София. Известия. Т. 14–15. София, 1964.

² Улуян А.А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1971. С. 5.

³ Там же. С. 50.

⁴ Там же. С. 106.

⁵ Улуян А.А. Нови документи из историята на руско-турската война в 1877–78 гт. // Исторически преглед. 1968. № 1; *он же*. Из истории национально-освободительного движения в Болгарии 60-70-х годов XIX в. (По донесениям русских консулов). // Институт за история. Известия. Т. 20. София, 1968; *он же*. К истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Публикация. // Славянская историография и археография. М., 1969; *он же*. «Летучий военный листок» по време на руско-турската война // Военноисторически сборник. София, 1969. № 1; *он же*. Руски-

ят печат през 70-те години за историята на национално-освободителната борба и за участието на българите в Освободителната война // Военноисторически сборник. 1969. № 4; *он же*. Из историята на формирането на български чети и нови писма на П. Хитов. // Военноисторически сборник. 1969. № 5; *он же*. Нови документи за революционната дейност на Л. Каравелов, В. Левски, Хр. Ботев, П. Хитов из руски дипломатически архиви // Исторически преглед. 1969. Кн. 5; *он же*. La presse russe et quelques questions relatives au mouvement de libération nationale bulgare // Etudes balkaniques. Sofia. 1969. № 4; *он же*. Русская пресса об участии болгар в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Юбилей дружбы. Кишинев, 1969; *он же*. О формировании болгарских чет в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Славяне и Россия. М., 1972; *он же*. Документи об участии болгар в Крымской войне и национально-освободительной борьбе в 60-е годы XIX в. // В памет на акад. Михаил Димитров. София, 1974 и др.

⁶ Улунян А.А. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия (Очерки). М., 1978. С. 47.

⁷ Там же. С. 165.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 197–198.

¹⁰ Улунян А.А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1994. С. 196.

¹¹ Улунян А.А. Деятели болгарского национально-освободительного движения. XVIII–XIX вв. Биобиблиографический словарь. Т. II. Л–Я. М., 1996. С. 179.

¹² Улунян А.А. Русская периодическая печать времен Крымской войны 1853–1856 гг. о Болгарии и болгарях // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.). М., 1995.

¹³ Там же. С. 202.

¹⁴ Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 2006.

¹⁵ Там же. С. 52.

¹⁶ Там же. С. 57.

¹⁷ См.: Матеев Б., Улунян А.А. 20-летие Комиссии историков СССР и НРБ // Вопросы истории. 1988. № 12. С. 169.

¹⁸ Там же. С. 171–172.

¹⁹ Улунян А.А. Българският народ в руско-турската война 1877–1878. София, 1972; *он же*. Априлското въстание 1876 г. и Русия. София, 1983.

Они были первыми.
(К 90-летию со дня рождения
Анны Петровны Соловьевой: 1923–2012 гг.)

Abstract:

Budagova L.N. *«They were the first ones». On the 90th anniversary of Anna Petrovna Solovyeva: 1923–2012.*

The article highlights the work of Anna Solovyeva, who was one of the first research fellows of the Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences of the USSR (later the Russian Academy of Science), problematic of her works, her participation in the promotion of Czech literature, and support, which she rendered to her Czech colleagues, who fell in disgrace in their home-country after the «Prague Spring» had been suppressed.

Ключевые слова: история чешской литературы, реализм, А.П. Соловьева, Ян Неруда, Й.Св. Махар, А. Сова, Й. Томан, Ф. Шпрамек, Я. Яначкова.

Соловьева Анна Петровна, Ася, Асенька, как называли этого светлого человека сослуживцы и друзья, – относится к первопроходцам послевоенной отечественной богемистики, к тем научным сотрудникам Института славяноведения, с которых начиналась в 1947 г. его деятельность.

Коренная москвичка, она родилась 20 июля 1923 г. в семье потомственных русских интеллигентов. Может быть, отсюда – ее добрый нрав, скромность, деликатность в общении с людьми, преданность делу, которому служишь. А дело это – исследование и популяризация чешской классики – спорилось у Анны Петровны с ее первых шагов в науке. Окончив в 1947 г. филологический факультет МГУ, она поступила в университетскую аспирантуру и, уложившись в отведенные на нее сроки, защитила в 1951 г. кандидатскую диссертацию на тему «Реализм ”Малостранских повестей” Яна Неруды». Поступив сразу же в наш Институт, она вскоре стала старшим научным сотрудником, а с 1956 г. по 1965 г. была членом редколлегии серийного издания «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР».

Во всех основополагающих трудах институтских литературоведов – плоды ее деятельного участия. Она – один из составителей трехтомной «Антологии чешской поэзии XIX-XX веков» (М., 1959; тираж каждого тома – 10 000 экз.), которая впервые представила русскоязычным читателям картину развития этой поэзии в смене литературных эпох, направлений, группировок, в становлении разных жанров, в творчестве поэтов, оставивших неизгладимый след не только в национальной, но и в европейской

культуре. «Антология...» содержала стихи В. Тама и А. Пухмайера – зачинателей чешской поэзии эпохи национального возрождения; произведения Ф.Л. Челаковского, К.Г. Махи, Я. Эрбена – представителей разных линий чешского романтизма; далее следовали основоположники чешского реализма и сатирических жанров – К. Гавличек-Боровский, Я. Неруда и др.; поэты рубежа веков и начала XX в. – Й.С. Махар, А. Сова, О. Бржезина, С.К. Нейман; их сменяли авторы, развернувшие свой талант в межвоенный период и после Второй мировой войны, – И. Волькер, В. Незвал, Я. Сейферт, В. Завада, В. Голана, Ф. Галас, Ф. Грубин и др. Примечателен состав не только чешских авторов, но и переводчиков их произведений, среди которых были А. Ахматова, Н. Асеев, С. Кирсанов, М. Павлова, М. Светлов, Д. Самойлов, Л. Мартынов, Б. Слуцкий, М. Зенкевич, В. Инбер, Л. Ошанин и др. Они составляли цвет русской советской поэзии. Большинство было обласкано режимом, но кто-то (А. Ахматова, М. Зенкевич) только возвращался в литературный процесс страны после официальных гонений и вынужден был подрабатывать переводами. Трехтомник 1959 г. был первой и единственной русской антологией чешской поэзии, если не считать книгу «Душа Чехии в словах и делах» (1931) К. Бальмонта, изданную чешской русисткой Данушей Кшицовой в Брно в 2001 г. тиражом в 100 экз.. До выхода трехтомника, подготовленного Л.С. Кишкиным, А.П. Соловьевой, С.А. Шерлаимовой и С.В. Никольским, написавшим для этого издания «Очерк развития чешской поэзии XIX–XX веков», русскоязычный читатель мог знакомиться с творчеством чешских поэтов, в основном, по антологии Н.В. Гербеля «Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей. СПб., 1871». Чешская поэзия там присутствовала наряду с творчеством разных народов, занимая совсем немного места, но главное, за пределами книги оставались самые продуктивные эпохи развития чешской и других славянских литератур. Завершая период своего национального возрождения, они преодолевают к концу XIX века отставания от западноевропейских и русской литератур, сравниваются с ними по степени дифференцированности литературного процесса, успешно и разнообразно реализуют свой творческий потенциал.

Молодая сотрудница пишет в соавторстве с С.В. Никольским главу «Чешская и словацкая культура в конце XVIII – первой половине XIX в.» для фундаментальной «Истории Чехословакии. Том I» (М., 1956), выступает автором обширной статьи «Чехия. Литература» для 2-го издания Большой Советской энциклопедии (Т. 47. М., 1957), многих рубрик в Краткой литературной энциклопедии (в 9 томах, М., 1962–1978) и других справочных изданий.

Анна Петровна Соловьева принимает самое деятельное участие в создании «Очерков истории чешской литературы XIX–XX вв.» (М., 1963). Ей принадлежат «Общий очерк» ко Второму разделу книги, в котором ана-

лизируется состояние чешской литературы 1850–1860-х годов, когда формируется и набирает силу реалистическое направление; ряд литературных портретов крупнейших чешских драматургов, прозаиков, поэтов XIX столетия – Йозефа Каэтана Тыла, Яна Неруды, Витезслава Галека, Петра Безруча. Она принимает участие и в написании «Истории словацкой литературы» (М., 1970), как автор главы о Йозефе Грегоре-Тайовском, мастере словацкой реалистической прозы и драматургии.

Специалист широкого кругозора, знаток чешской классики, Анна Петровна еще до работы над трехтомной антологией, предполагающей внимательное прочтение множества текстов, выделила из всего прочитанного Яна Неруду (1834–1891), прозаика и поэта, сатирика и лирика, крупнейшего чешского классика, оставившего неизгладимый след в чешской и мировой культуре, а еще – на Малой Стране, в живописном районе чешской столицы. До сих пор на узкой малоостранской улочке, сбегающей от Градчан к Карлову мосту, к Влтаве, сохраняется домик, где отец писателя, отставной солдат, занимавшийся мелкой торговлей, держал лавочку и жил со своей семьей. Только улочка эта, будто и не тронутая временем, сменила свое имя и зовется теперь в честь сына лавочника Нерудовой. Ее не минует, наверное, ни один турист, она входит в самые популярные маршруты по Праге.

Не знаю, бывал ли в Праге и бродил ли по этой улочке знаменитый чилийский поэт Нефтали Рикардо Рейес Басуальто (1904–1973), стоял ли он перед домиком с романтическим названием «У двух солнц» и с мемориальной доской в память славянского собрата по перу. Но известно, что он взял себе псевдоним Пабло Неруда в честь Яна Неруды, по-своему увековечив имя чешского классика. И сделал это очень рано, еще в начале 1920-х годов. Трудно сказать, как пришел молодой чилиец к чешскому поэту. Но в том, как пришел к Я. Неруде русский читатель второй половины XX в., нет загадок. Посредницей между ним и нами стала Анна Петровна Соловьева, ее творческое увлечение. Сделав «Малоостранские повести» Яна Неруды темой своей диссертации, работая над главой о нем для «Очерков истории чешской литературы...», Анна Петровна не забывала и о тех, кто предпочитает знакомиться с творчеством писателя непосредственно. В 1959 г. выходит подготовленный А.П. Соловьевой двухтомник «Избранного» Яна Неруды, тепло встреченный в ЧССР. Популяризация Я. Неруды успешно сочетается с углубленными исследованиями специфики и роли его творчества в чешской литературе. Их итогом становится монография «Ян Неруда и утверждение реализма в чешской литературе» (М., 1973), переведенная на чешский язык и изданная в Праге в 1982 г.

Помимо истории чешской литературы А.П. Соловьева исследует литературные связи, как важный фактор развития изящной словесности любого народа. Первой работой на эту тему была написанная в соавторстве с

С.В. Никольским статья «Н.В. Гоголь и становление реализма в чешской литературе», опубликованная в 1952 г. в «Кратких сообщениях Института славяноведения» (выпуск 8). Затем последовала статья «И.С. Тургенев и чешско-русские литературные связи 60–80-х гг. XIX в.» для сборника «Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения (конец XVIII – начало XX в.)» (М., 1968). Здесь напрашивается частный вопрос – не любовь ли родителей Анны Петровны к И.С. Тургеневу закрепила в качестве уменьшительного имени их дочери не распространенное «Аня», а имя героини тургеневской повести «Ася»?

Но вернемся к науке. Нет необходимости перечислять все статьи по контактным и типологическим связям, написанные Анной Петровной. Их перечень приведен в библиографическом словаре «Сотрудники Института славяноведения Российской Академии наук» (М., 2012). Однако отметим, что А.П. Соловьева вновь возвращается к Гоголю, расширяя, по сравнению с вышеупомянутой первой статьёй, материал и исследуя его влияния уже не только на чешскую, но и на другие славянские литературы (см. статью в соавторстве с Р.Ф. Дорониной «Гоголь и развитие реализма в литературах южных и западных славян», в коллективном труде Института мировой литературы «Гоголь и мировая литература». М., 1988). Кроме того, обращаясь к сравнительно-историческим исследованиям, А.П. Соловьева поднимает более общие, в том числе теоретические вопросы, показывает функцию литературных связей в смене и формировании художественных направлений (см. статью «Литературные связи и становление реализма» в сборнике «Литературные связи и литературный процесс: из опыта славянских литератур». М., 1986. и др.).

Признанный специалист по литературе XIX в., Анна Петровна постепенно переходит к проблематике литературы рубежа XIX–XX вв., включая в сферу исследований новый материал и новые проблемы (см. ее статьи «Константин Бальмонт и чешская поэзия конца XIX – начала XX века» // На рубеже веков. Материалы конференции, посвященной памяти Е.И. Рябовой и В.В. Витт. М., 1989; «Проза поэта [Ф. Шрамека]» // Реализм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы первой трети XX века. Художественные поиски. Особенности развития. М., 1989 и др.). И не случайно, именно Анна Петровна становится составителем, автором предисловия и комментариев мини-антологии чешской поэзии рубежа двух веков, впервые – относительно широко (вопреки своему небольшому формату) – представившей русскому читателю творчество четырех первоклассных поэтов: Й.Св. Махара (1864–1942), А. Софы (1864–1928), К. Томана (1877–1946), Ф. Шрамека (1877–1952). Антология была издана в Москве в 1982 г. При некотором акцентировании антибуржуазных настроений чешских поэтов (не придуманных, а объективно им присущих), которое кем-то могло

восприниматься как дань советской эпохе, эту антологию (к сожалению, она не попала в вышеупомянутый библиографический словарь сотрудников ИнСлава) можно считать украшением научно-популярных изданий отечественной богемистики. В ней все гармонично, начиная с нетривиальных названий книги и предисловия к ней и завершая емкими информативными комментариями. Составитель дала всей книге название последнего прижизненного сборника стихов Ф. Шрамека «Раны и розы» (1945), воплотившего и горести военных лет, когда в оккупированной Гитлером Чехии был развязан фашистский террор, и радость освобождения. Вынеся в заглавие антологии образы Шрамека, Анна Петровка расширила их смысл, вмести в «раны и розы» перепады, чересполосицу и зафиксированного поэтами времени, и жизни как таковой. Автору предисловия прекрасно удалось лаконичные и выразительные характеристики каждого из четырех поэтов, их творческие портреты, набросанные скупыми штрихами в начале текста: «Йозеф Сватоплук Махар – ироничный, сдержанный, свободный от всяких иллюзий, мастер точного поэтического слова и классического стиха. Антонин Сова – мечтатель, грезивший о царстве свободы и равенства, сумевший передать тончайшие оттенки душевных настроений, этот, по словам Ю. Фучика, Иоанн Креститель чешской поэзии XX века. Карел Томан – трепетный лирик и мятежник, готовый обнять всех «бродяг мира», как братьев. Франия Шрамок – смелый бунтарь и антимилитарист, опиравшийся на народно-песенное творчество». Но выразив и подтвердив материалами антологии особенности каждого из поэтов, Анна Петровна выделила и связующую линию представленных в ней произведений – тот объединяющий разные индивидуальности лирический настрой, который так или иначе, с разной мерой открытости и с разной эмоциональной окраской проявлялся у поэтов не только в стихах на канонические для лирики темы, но в мироощущении, в восприятии бытия. Поэтому своей вступительной статье Анна Петровна дала весьма подходящее для этого название сборника А. Сова 1907 г. – «Лирика любви и жизни». В этой формулировке к тому же проступала и одна из характерных черт чешской литературы рубежа веков, переходившей от национального самоутверждения к самоутверждению личности, индивидуальности в искусстве, что проявлялось в активизации лирического субъекта, субъективно-лирического начала в творчестве.

По приведенной выше цитате можно составить представление о выразительной и строгой манере письма Анны Петровны, где все просто и ясно, без стилистических изысков и элементов «птичьего языка», которыми иногда злоупотребляют филологи.

В Чехословакии, а потом и в обеих республиках высоко ценили (и ценят!) Анну Петровну как первоклассного специалиста и человека большой души. Это подтверждается и переводами ее книги о Неруде и ряда статей на чешский язык, и сугубо положительными откликами на ее труды, и нигде не

зафиксированными приветами «Анечке», которые передавали ей коллеги из Института чешской литературы через командировочных из Москвы, даже когда Анна Петровна ушла на пенсию. Наиболее многочисленными и сердечными были приветы и небольшие посылочки из Праги от профессора Ярославы Яначковой (см. о ней: Будагова Л.Н. «Юбилей Ярославы Яначковой» // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011. С. 125–129). Анна Петровна, Апи́чка, оставалась верным другом и поддержкой ее семьи в трудный период «нормализации», наступивший после подавления «Пражской весны». Непонятно, по каким причинам семья Франтишека Яначека, известного историка, учившегося в студенческие годы в Ленинграде, и его супруги, университетского профессора, одного из крупнейших специалистов по поэтике чешской прозы XIX в., по творчеству Б. Немцовой, А. Ирасека, Я. Неруды, А. Арбеса и др., оказалась в немилости у властей. Глава семьи был лишен права заниматься своей профессией, его жена попала также в число изгоев. Их дети, Зора и Павел, несмотря на свои гуманитарные наклонности, были лишены возможности получить соответствующее образование. (Ирония судьбы, точнее – торжество справедливости: дочь Зора проявила себя в постсоциалистический период талантливым прозаиком, сын Павел в 2010 г. был избран директором Института чешской литературы Академии Наук ЧР, которому удастся успешно удерживать его на плаву в трудное для науки время). Но вернемся к героине нашего очерка. Пренебрегая незавидным положением друзей в период «нормализации», Анна Петровна не прервала с ними связей (а случилось и такое). Не думая, как бы чего не вышло, она поддерживала Ярославу и Франтишка, переписывалась с ними, непременно навещала их во время командировок в Чехию. Такое не забывается. Неслучайно, что именно профессор Я. Яначкова откликнулась сердечной статьей в журнале «Чешская литература» на 80-летие Анны Петровны Соловьевой, воздав должное высоким профессиональным и душевным качествам своей соратницы и подруги. В продолжавшейся переписке пани Ярослава приглашала ее в Прагу, просила переслать в Музей чешской словесности письма П. Безруча, что Анна Петровна и сделала. Но в Прагу она уже не ездила, как не ездила в Москву и вообще никуда и Я. Яначкова, намеренно не продлевавшая свой загранпаспорт после кончины в 1995 г. супруга, сумевшего с возвращением к научной деятельности совершить подвиг защиты доброго имени Юлиуса Фучика, подвергавшегося травле за свои убеждения.

А.П. Соловьева ушла из Института на пенсию гораздо раньше, чем многие ее сверстники. Сказались не только желание потрафить мужу, уговаривавшему ее уйти с работы и спокойно пожить «на старости лет», но и обстановка в среде литературоведов, несправедливые придирки к ее работам со стороны «ястребов» (а такие птицы порой заводятся и в научных гнез-

дах). Мишенью для нападок была не одна Анна Петровна («Вас нельзя задушить», — говорил автору этих строк тогдашний директор Института Д.Ф. Марков, признавая такие поползновения). Но Анна Петровна защитит себя не смогла. Это оказалось не под силу ни руководству, ни коллективу Сектора славянских литератур, где она работала. На пенсию ценного и полного творческих сил работника никто не отправлял. Но на переаттестации, прошедшей в 1986 г., ее понизили в должности, переведя из старшего в научные сотрудники. Анна Петровна приняла это стоически, не озлобилась, продолжала работать, участвовать в коллективных трудах, но в Институте, в результате, не задержалась, покинула его стены через два года. Мы продолжали поддерживать с Анной Петровной связь, перезванивались, порой навещали. Летом 1990 г. пришли к ней проводить в последний путь ее мужа, Адриана, похожего на свою вторую половину благородством и добрым нравом. К сожалению, судьба отвела ему всего два года, чтобы наконец-то спокойно пожить со своей свободной от профессиональных заморочек женой.

Примечательно и характерно для Анны Петровны, представительницы научной интеллигенции, что и на пенсии она не превратилась в домашнюю хозяйку и жила не одними мелкими житейскими заботами (а куда нам без них?), но и высокими духовными интересами. Перебираясь на лето в деревню, расположенную в живописном Поречье, недалеко от хорошо сохранившейся усадьбы (с непременно тенистым парком) графов Уваровых, она занималась не только садом-огородом, но и просвещением селян: выступала с беседами и лекциями в местной библиотеке, прекрасно укомплектованной — с помощью, кстати, фонда Д. Сороса — периодикой. Может быть, благодаря регулярным наездам в деревню и проведенному там времени, Сашенька, дочь Аси и Адриана, выросла не филологом или технарем, а биологом, окончила Тимирязевскую академию. Я всего несколько раз видела ее, но из рассказов людей, хорошо ее знавших, сложилось впечатление, что она выросла преданной своему делу подвижницей, предпочитавшей хорошо оплачиваемой работе занятия по душе, например, с детьми в кружках юнатов.

Мне посчастливилось быть аспиранткой Анны Петровны Соловьевой, (по-моему, единственной в ее биографии), объектом ее почти материнской заботы. Она распространялась не только на мои аспирантские дела — сдачу кандидатского минимума, работу над диссертацией, куски которой я регулярно приносила своей научной руководительнице и получала вместе с замечаниями обратно, но, пожалуй, и на другие стороны моей жизни. Со многими своими тревогами (не увидела, к примеру, себя в списках авторов «Очерков истории чешской литературы», — как оказалось, по чьему-то недосмотру) бежала «плакаться в жилетку» Анне Петровне. Она умела утешить, подбодрить, внушить уверенность в свои силы. Умела и отвлечь от чрезмерной погруженности в науку, пригласив, например, к себе домой

«навести красоту» с помощью знакомого цирюльника — мастера входившей в моду перманентной завивки. Поистине, ничто человеческое нам не было чуждо. А жила она в ту пору в одной квартире не только со своим супругом (что вполне естественно!), но и с четырьмя его сестрами (что естественным не назовешь), дружно обожавшими свою невестку.

Была с ее стороны и серьезная поддержка в тяжелое время. Когда 12 марта 1966 г. в своем кабинете Института биохимии, за письменным столом, в возрасте 59 лет неожиданно умер мой отец, никогда ни на что не жаловавшийся, самые сердечные соболезнования я получила в письмах от университетской преподавательницы Раисы Романовны Кузнецовой и от Анны Петровны Соловьевой. И это не забывается. Позже Анна Петровна вспоминала, как в пору моей аспирантской юности она однажды вместе с чехословацкой делегацией была на приеме в президиуме Академии наук, где познакомилась и разговорилась с моим отцом. Тот поинтересовался, откуда она так хорошо знает чешский язык и где работает. «В Институте славяноведения», — был ответ. «Там учится в аспирантуре моя дочь, не знаете ли вы ее?» — спросил собеседник. «Очень хорошо знаю, я ее научный руководитель», — сообщила Анна Петровна. Папа мой искренно удивился и восхитился, добавив галантно: «Такая молодая, а уже научный руководитель!» Он мне об этом не рассказывал, наверное, из-за перегруженности делами и заботами...

Анна Петровна Соловьева ушла из жизни 11 октября 2012 г., совсем немного не дожив до своего девяностолетия. Но и уйдя, она осталась с нами.

II. Человек в истории

А.С. РАКИТИН

(Российский государственный архив древних актов, Москва)

Лаврентий Мигалев: выходец из Венгрии на Белгородской черте

Abstract:

Rakitin A.S. *Laurenty Migalev: An immigrant from Hungary in the Belgorod area.*

The article is a publication and analysis of an archival source of the mid-seventeenth century, which is devoted to the life of the Hungarian immigrant Laurenty Migalev (Lőrinc Mihály) in the South-Russian town Kozlov (nowadays Michurinsk, a district centre of Tambov region). The author considers the version that the immigrant came to the Muscovite state together with the Ukrainian Cossacks after Bohdan Khmelnytsky's defeat at the battle of Berestechko (1651).

Ключевые слова: Белгородская засечная черта, венгры, черкасы.

Служилые иноземцы в гарнизонах южнорусских городов-крепостей XVII столетия были явлением не редким. Среди них встречались этнические поляки и белорусы¹, немцы² и шведы³. Но наиболее распространены были украинцы (черкасы)⁴. По окончании Смоленской войны (1632–1634 гг.) произошла активизация их движения (так называемые «выходы») на территории русских уездов, пограничных с Речью Посполитой. Пик подобных миграций пришелся на период освободительной войны на Украине 1648–1654 гг.⁵, в частности после поражения от поляков войска гетмана Богдана Хмельницкого под Берестечком (конец июня 1651 г.). Разорение хозяйства вследствие татарских набегов и давления со стороны польской администрации побудили многих украинцев сниматься с родных мест и уходить на российскую территорию целыми семьями и даже полковыми сотнями. Переселяясь на малоосвоенные земли плодородного юга Московского государства, украинцы приносили с собой казацкий уклад жизни, что послужило главной причиной для возникновения ряда новых (так называемых слободских)⁶ полков: Острогожского, Сумского, Харьковского, Ахтырского, Изюмского, Балаклейского и Змиевского.

Данный процесс растянулся на десятилетия и протекал достаточно сложно. После окончания войны за Смоленск воеводам окраинных городов (Путивля, Брянска, Севска, Рыльска, Серпейска, Мосальска, Мещовска, Курска, Белгорода, Валук, Оскола и Усерда) строжайше предписывалось:

«...без службы их в Московское государство принимать не для чего»⁷. Т.е. украинскому населению разрешалось селиться на территории России исключительно на положении ратных людей.

Более актуальной служба черкас на территории Московского государства стала во время строительства Белгородской засечной черты, линии оборонительных укреплений, валов, острожков, земляных городков и засек. Черта была возведена с 1635 по 1658 гг. и протянулась от г. Тамбов на северо-востоке до г. Вольный⁸ на юго-западе. По мнению воронежского историка В.П. Загоровского, учитывая все звенья и изгибы черты, общая ее протяженность составляла 800 км⁹. Данное уникальное оборонительное сооружение должно было препятствовать набегам крымских и ногайских татар в пределы центральной и южной России.

Во время возведения черты, черкасы массово переселялись с территории Речи Посполитой и, как правило, охотно принимались на службу в порубежных русских городах. Обязательным условием службы иноземца было принятие православной веры, зачастую касалось это и черкас. Данная мера была продиктована тем, что московская администрация с подозрениями относилась к вероисповеданию многих «выезжих иноземцев», считая некоторых из них «обливанцами»¹⁰, католиками, лютеранами или униатами. Пройдя обряд крещения, иностранцы, пожелавшие стать служилыми людьми, получали денежное жалование и сукно «доброе» на пошив платья.

Один из городов Белгородской черты, где имелось черкасское население, был Козлов (ныне Мичуринск, р.ц. Тамбовской области). Как город-крепость он был основан в 1635 г., строительством руководили воевода И.В. Биркин и его зять М.И. Спешнев. При постройке линии укреплений от юго-западных пригородов Белгорода до Тамбова на далеком северо-востоке, получивших впоследствии название «Белгородская черта», Козлов был включен в систему обороны этого грандиозного сооружения из городков¹¹, острожков и засек¹².

Украинское население гарнизона г. Козлов состояло из представителей «старого и нового выездов». К первым относились те, которые еще в 1618 г. выехали на службу к московскому царю из полков гетмана Петра Конашевича Сагайдачного¹³ и в ожидании своей участи были расселены по разным русским городам (Переславль-Рязанский¹⁴, Темников, Алатырь, Курмыш, Касимов, Арзамас, Нижний Новгород, Переславль-Залесский, Ярославль, Пронск, Шацк, Кострома, Галич, Вологда, Белозерск, Казань, Астрахань¹⁵). Часть этих черкас из Пронска, Шацка и Коломны были переведены в Козлов в 1638 г.¹⁶ Другая половина состояла из черкас Лубен, Полтавы, Миргорода, Сорочина и пр. городов, вышедших в разное время после Смоленской войны на государево имя через города Рылъск, Путивль и Хотмыжск¹⁷. *Некоторые из них были переселены из Корочи (пригород Белгорода) и Чукуева, где были замечены в «черкасской измене» (вероятно, имеется*

в виду восстание и убийство гетмана Яцко Острянина в 1641 г.¹⁸. Основными селениями черкас в Козловском уезде являлись Донская и Панская слободы. В 1652 г. их численность составила 64 человека¹⁹.

В середине XVII столетия в г. Козлов вместе с черкасами «нового выезду» попал один любопытный персонаж, на котором следует остановиться подробнее. В Разрядном приказе (Ф. 210)²⁰ Российского государственного архива древних актов (РГАДА, г. Москва) хранится дело об иноземце, выходеце из Венгрии, поселившемся в Козлове. Дело состоит из челобитной самого иноземца и справки из Разрядного приказа о даче жалования.

В августе 1651 г. уроженец Венгерской земли Лаврентий Мигалев подал челобитную в Разряд. Из лютеранства («люторской веры»²¹) он был крещен в православие под именем Андриан. Затем для «восприятия веры» на шесть недель был отправлен под начало игумена и монастырской братии в Троицкий Богоявленский монастырь²². После чего из Патриаршего приказа²³ иноземцу была выдана особая «подначальная грамота», которая свидетельствовала о прохождении чина крещения и послушания в монастыре. По этой грамоте Мигалеву полагалось государево жалование «за крещение», которое, однако, было получено не сразу. Оно последовало только после челобитной иноземца.

Для определения размера жалования в Разрядном приказе были сделаны выписи из документации, напрямую связанной с выдачей жалования за крещение других иноземцев южнорусских городов. В качестве примеров были приведены выписи из дел о крещении ефремовских²⁴ черкас Якова Конюсского (в крещении Федор) и Прокла (Прокофия?) Каторжного. В данном случае первый получил шесть, второй восемь рублей. Помимо прочего оба получили по отрезку доброго сукна на пошив платья²⁵. Андриан Мигалев, указанный в источнике уже как «козловский черкашенин Андриюшка Венгер», получил чуть меньше своей братии – пять рублей. Судя по тому, что за Андриана Мигалева поставил подпись площадной подьячий Приказа Казанского дворца Панкрат Игнатъев, очевидно, что жалование было выделено именно оттуда.

Подведем некоторые итоги. Как мы уже отметили выше, нередко крещение поступивших на русскую службу иноземцев касалось и «выезжих» черкас. Вызвано это было подозрениями московской администрации в принадлежности к иной христианской конфессии или попыткой самих черкас (и иноземцев вообще) таким способом выхлопотать себе денежное содержание, заведомо ложно позиционируя себя иноверцами.

Не вызывает сомнений, что Лаврентий Мигалев попал на Русь вместе с черкасами. Каким образом – сейчас уже установить трудно. Наиболее актуальной выглядит версия о том, что произошло это после битвы под Берестечком. Учитывая полиэтничность запорожского казачества, венгры (угорцы, угры²⁶) надежно вписывались в его номенклатуру, где присутствовали

многие представители народов Восточной и даже Центральной Европы²⁷. Козловская администрация не сразу решила, в какую служилую категорию города определить новокрещена, поэтому поселило его с черкасами.

Примечательно, что в списках после 1652 г. среди козловских черкас Мигалев («Ондрюшка Богданов, Ондрюшка Венгер и т.п.») не числится. Версий несколько: крещеный иноземец мог бежать со службы, его могли перевести в какое-либо другое место (хотя документации об этом нет), либо же он мог быть убит в схватках с татарами, наиболее частых в то время.

Схожая фамилия «Михалев» встречается в источниках чуть позже среди местных детей боярских: в 1665 г. в селе Кленское Козловского уезда жили Сидор Нестеров сын Михалев и Василий Еремеев сын Михалев²⁸. Однако такое родство кажется малоубедительным, сведений о поверстании в дети боярские Андриана Мигалева нет или просто не сохранилось.

Нет сомнений, что Лаврентий Мигалев действительно был венгром: патроним «Мигаль» является местной формой имени «Михаил» (Mihály).

Настоящий источник иллюстрирует процесс инфильтрации иноземцев в локальные служилые сообщества юга России XVII в. Публикуется в соответствии с утвержденными правилами публикации архивных документов²⁹.

1653 г. - Дача «Козлова города иноземцу Венгерской земли» Лаврентию Мигалеву жалования за крещение³⁰

(Л. 63) Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси бьет челом холоп твой государев Козлова города Вангирской³¹ земли иноземец новокрещен Ондрюшка Богданов.

Был я по твоему государеву указу на Троицком Богоявленском монастыре под началом шесть недель. И по твоему государеву указу я, холоп твой, окрещен в православную христианскую веру и после крещения дана мне, холопу твоему, с Патриарша двора подначальная память. И ту подначальную память отослали в Розряд в Розряд³² с патриаршим сыном боярским. И по той подначальной памяти мне, холопу твоему, указу ничево нет. И я, холоп твой, помираю голодною смертью и волочуся меж двор.

Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели мне, государь, выдать подначальное жалованье, что прежним моею³³ братьям иноземцам, чтоб мне, холопу твоему, волочася меж двор, в конец не погинуть³⁴.

Царь государь, смилуйся, пожалуй.

(Л. 64) И в Розряде выписано:

В нынешнем во 160³⁵ году октября в 12 день Козлова города иноземец Венгерской земли люторской веры Лаврентей Мигалев по ево челобитью для подночальства послан был на Патриаршей двор.

А в котором монастыре иноземец Лаврентей Мигалев по отсылке с Патриарша двора для крещенья православные крестьянские веры под началом был. И о том прислана в Розряд с Патриарша двора память за приписью дьяка Федора Торопова.

А в памяти пишет:

(Л. 65) Лета 7160 октября в 12 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу и по приказу великого господина святейшаго Иосифа³⁶ патриарха Московского и всеа Руси думному дворенину Ивану Офонасьевичю Гавреневу да думному дьяку Семену Заборовском да дьяком Григорью Ларионову да Ивану Северову.

В прошлом во 159³⁷ году августа в³⁸ день прислан из Розряду на Патриаршей двор для крещения православныя христианския веры иноземец Венгерской земли люторской веры Лаврентей Мигалев. И по указу светейшаго патриарха был он под началом на Троецком подворье шесть недель и в православную христианскую веру крещен. А во крещении имя ему Ондреян. И тот новокрещен Ондреян послан в Розряд с сыном боярским с Ортемьем Трепионовым.

Дьяк Федор Торопов.

(Л. 66) И иноземец Лаврентей Мигалев крещен в православную крестьянскую веру, а во крещении имя ему Ондреян.

И государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси бьет челом новокрещен Ондреян, чтоб государь ево за подночальство и за крещенья пожаловал своим государевым жалованьем против ево братьи, таких же новокрещенных иноземцов или как государю Бог известит.

Выписаны на пример:

Во 158 году крещен ефремовской черкашенин Якушко Конюской, во крещении имя ему Федор. И за крещенья дано ему государева жалованья 60 рублев да сукно доброе одинец³⁹.

В прошлом во 159 году крестился в православную крестьянскую веру ефремовской черкашенин Пронька Каторжной. И за крещенье дано ему государева жалованья из Большого приходу⁴⁰ 8 рублев да сукно доброе одинец.

(Л. 67) Козловскому черкашенину Ондрюшке Венгеру государева жалованья по указу против ево братьи дано сполна.

Ондрей Венгер государева жалованья пять рублев взял все сполна, а ево место приказу Казанского дворца⁴¹ площадной падьячишко Понкрашка Игнатъев по ево веленью руку приложил.

Примечания

- ¹ Пожалуй, самые известные слободы иноземцев на южных рубежах Московского государства: Желдацкая слобода в Романове (Романов-в-степи), Иноземная слобода в Ефремове и Иноземная слобода в Усмани.
- ² Напомним, что под этим экзотным термином в Московской Руси понималось несколько европейских народов, как то: «свейские немцы» – шведы, «ирляндские немцы» – ирландцы, «каянские немцы» – финны и т.п. В данном случае будем употреблять данный термин в современном его понимании.
- ³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 218. Л. 14–17.
- ⁴ Так в Московской Руси XVI–XVIII в. именовались украинские казаки, а порой и вообще все украинцы. См. подробнее о термине: Папков А.И. Термины «черкасы» и «люди литовские», использовавшиеся в российской делопроизводственной документации XVII столетия // Русское средневековье. Сборник статей в честь профессора Ю.Г. Алексеева. М., 2012. С. 375–398.
- ⁵ В современной украинской историографии для данного периода используется термин «Хмельниччина».
- ⁶ Слободская Украина (Слобідська Україна, Слобожанщина) – историческое название области на северо-востоке современной Украины и юго-западе Черноземья в России (современные Белгородская, Курская и Воронежская области России, Харьковская, Сумская, частично Донецкая, Полтавская и Луганская области Украины). Образовалась в ходе колонизационных и миграционных процессов в XVII–XVIII столетиях.
- ⁷ Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII века. Белгород, 2004. С. 211.
- ⁸ В настоящее время находится в Великописаревском р-не Сумской области Украины.
- ⁹ Загорский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 3.
- ¹⁰ Крещеными не погружением в воду, а обливанием.
- ¹¹ К таким относились Бельский, Чебоксарский, Матырский, Челнавский городки.
- ¹² Мизис Ю.А. Воевода Московского государства Р.Ф. Боборыкин на государственной службе. Тамбов, 2012. С. 62.
- ¹³ Часто применительно к этим черкасам употребляется приписка «Саодашного (Сагайдачного) выходу». Подробнее о походе гетмана Сагайдачного по южной и центральной России см.: Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в конце XVI–XVII вв. Тула, 2011. С. 55–64.
- ¹⁴ В настоящее время г. Рязань.
- ¹⁵ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 201.
- ¹⁶ См. подробнее: Ракин А.С. Коломенские черкасы в 1619–1638 гг. (в печати).
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 16. Столбцы Поместного стола. Д. 24. Л. 321.
- ¹⁸ Загорский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 48.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6д. Книги Белгородского стола. Д. 24. Л. 316.
- ²⁰ В XVI–XVII вв. – орган военного управления в Московском государстве. Ведал служилыми людьми и окраинными городами.
- ²¹ Евангелическое христианство. Термин известен с 1520 г., впервые его использовал Иоганн Экк – дискуссионный противник Лютера Кинга.
- ²² По всей вероятности имеется в виду Богоявленский монастырь в московском Кремле.
- ²³ Патриаршие приказы – учреждения московской патриархии. В XVII–XVIII столетиях ведали патриаршими вотчинами, хозяйством, сбором налогов и пошлин, назначением духовенства на должности и т.п. Патриарший двор управлял недвижимым имуществом, населенными пунктами, принадлежавшими патриарху. В его ведомстве был суд над патриаршими людьми (приказные и дворовые люди, дети боярские, крестьяне и все, кто жил в патриарших вотчинах).
- ²⁴ Ныне город Ефремов в Тульской области (на р. Красивая Меча). Построен в 1637 г. на месте селца Офремово, принадлежавшего Ивану Тургеневу и отписанного в казну. См. подробнее:

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.-Л., 1948. С. 306–307.

²⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 193. Л. 66.

²⁶ Экзотоним времен Киевской Руси, сохранился в украинском языке. Само же слово «венгр» пришло из польского языка «węgier». См. подробнее: Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997. С. 101.

²⁷ См. к примеру: Сас П. Запорозці у польско-московській війні наприкінці смути (1617–1618 рр.). Біла Церква, 2010. С.129–155.

²⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Книги Приказного стола. Д. 11. Л. 178 об, 218 об.

²⁹ Правила издания исторических документов в СССР. 2-е издание, переработанное и дополненное. М., 1990.

³⁰ Озаглавлено в соответствии с описью МАМЮ (Московского архива министерства юстиции, один из архивов, вошедших в XX в. состав ЦГАДА (РГАДА)).

³¹ Так в ркп.

³² Написано дважды.

³³ Так в ркп.

³⁴ Так в ркп.

³⁵ 1651 г.

³⁶ Московский патриарх в 1642–1652 гг.

³⁷ 1651 г.

³⁸ Число пропущено.

³⁹ Целый кусок материи, ткани.

⁴⁰ Вероятно, имеется в виду Приказ Большого дворца. Ведал закупкой товаров, продовольствия, доходами и расходами царского дворца.

⁴¹ Административно-судебный и финансовый орган в Московском государстве XVI–XVII вв. Управлял юго-восточными территориями: Мещерой, Нижним Новгородом, Казанью, Средним и Нижним Повожьем, Астраханью, Уфой.

«Миф Наполеона» и польская демократическая эмиграция XIX века

Abstract:

Falkovich S.M. *«The Myth of Napoleon» and the Polish democratic emigration of the nineteenth century.*

In the nineteenth-century Poland «the myth of Napoleon» was born. However, all hopes for his help in the restoration of the Polish state were in vain. Democratic leaders of the Polish emigration, formed after the uprising of 1830, were unveiling Napoleon's true intentions towards the Poles, and thus denounced this myth.

Ключевые слова: Наполеон и польское освободительное движение, польская демократическая эмиграция, разоблачение «мифа Наполеона».

Ровно двести лет назад закончилась эпоха Наполеона Бонапарта, и вместе с его поражением исчезли надежды поляков обрести свою независимость, восстановить свое государство. Воодушевленные этими надеждами, они пошли за Наполеоном, участвовали в его военных походах, считая, что приближают тем свободу Польши. Польские эмигранты шагали под знаменами Наполеона с мыслью о родине и с песней о ней. Это была знаменитая «Мазурка Домбровского», названная по имени командира польских легионов генерала Яна Генрыка Домбровского. В ней говорилось: «Еще Польша не погибла, пока мы живем. Что чужая мощь забрала, силой отберем!» Эти слова звучат и сегодня, при звуках мелодии «Мазурки» все встают, потому что она стала гимном Польского государства.

Таким образом, память о Наполеоне живет в Польше до сих пор, и это во многом связано с тем мифом, который сложился в XIX в.¹ Польские патриоты верили в искренние стремления «Корсиканца» помочь полякам возродить родину и долго не хотели принять факт его смерти. А позже они надеялись, что добрые намерения Наполеона унаследуют его потомки - сын герцог Рейхштадский и племянник Луи Бонапарт, ставший французским императором Наполеоном III. Иллюзии насчет последнего питал, в частности, Адам Мицкевич², что свидетельствовало о живучести «мифа Наполеона» в польской, в том числе демократической, среде.

Однако не все польские патриоты остались во власти иллюзий, и это стало ясно вскоре после поражения восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском. Польские демократы – деятели польской политической эмиграции, получившей в истории название «Великой» как по своей масштабности

сти, так и по значению, проанализировали предшествующий период борьбы польского народа, оценили факторы, влиявшие на развитие польского национально-освободительного движения. И уже вскоре прозвучали голоса, развенчивавшие Наполеона, уничтожавшие его миф. Так, 8 мая 1832 г. созданное в эмиграции Польское демократическое общество в протесте против соглашений Венского конгресса 1815 г., касающихся Польши, заявило, что «Наполеон своим деспотизмом [...] на несколько десятилетий задержал прогресс человечества и, вводя в Европе новое разделение, возвращая старые условия общественного порядка, подготовил союз деспотов, названный Священным, и стал силой и опорой абсолютизма»³.

Представители польской демократической эмиграции вскрыли подоплеку действий Наполеона в отношении поляков, подчеркнув его неискренность. Виктор Гельтман, один из руководителей и главных идеологов Польского демократического общества, писал: «Наполеон имел бы в Польше сильнейший заслон против России, верного союзника против старого монархического порядка и старых привилегий; под крылом нашего заслона он спокойно господствовал бы над всей Европой». Напоминая о том, что Наполеон мог бы восстановить Польское государство трижды – в 1806, 1809 и 1812 гг., Гельтман задавал вопрос: «Что же трижды удержало Наполеона от восстановления Польши?» и отвечал: «Ее дух». «Наполеон, – писал он, – вместо старого монархизма установил новый, старые династии заменил своими, он был заклятым врагом революционной мысли. Мысль о независимой Польше наполняла его тайной тревогой. Он не хотел и не мог хотеть восстановления Польши». Эта позиция, как подчеркивал Гельтман, объяснялась тем, что «монархизм не является польской стихией», и «вся Европа, как правительства, так и народы, уверены, что Польша – это революция»⁴.

Свою точку зрения относительно Наполеона и его подлинной позиции в польском вопросе последовательным демократам приходилось отстаивать против тех, кто продолжал восхвалять Наполеона и распространять миф о его симпатиях к Польше. В 1840 г. другой лидер польских демократов, сотрудник Гельтмана по руководству Польским демократическим обществом Ян Непомуцен Яновский указал на роль шляхты в создании этого мифа. «Шляхта ждала, – писал он, – что Наполеон, действительно великий воитель, но несравнимо больший эгоист, вычислит в своей династической мудрости необходимость воскрешения Польши»⁵. В 1856 г. Яновский обратился с открытым письмом к графу Рогеру Рачиньскому по поводу его сочинения, в котором превозносилась роль Наполеона в постановке проблемы восстановления Польши. Цитируя мемуары графа Михала Огиньского, Яновский отмечал, что «Наполеон в 1807 г., как и в 1812 г. и вплоть до острова Святой Елены [...], не хотел ничего искренне сделать для Польши [...] перед 1812 г. он был готов даже отдать Москве Варшаву и всю часть Польши, захваченную Пруссией»⁶. Эти слова опирались на факт происшедшей

в 1809 г. дипломатической «торговли» между Францией и Россией, когда Наполеон заявлял, что «может принести пользу полякам», «избавив их от новых несчастий, подчиняя более мудрому и отеческому правительству императора Александра, своего союзника и друга»⁷.

Яновский приводил также мнение Антония Островского, писавшего в книге «Жизнь Томаша Островского» об отношениях Наполеона и поляков: «Так слишком легко, так дешево без всякой торговли продались ему с верой, душой и телом! [...] Считали его за второго Бога, воздвигали его, как Бога, уповали, как на Бога, а этот Бог был только ... человеком войны»; «Наполеон пренебрегал нами, потому что мы сами себя не умели ценить, потому что сами перед ним отказывались от чувства национальной гордости»; «он только использовал нас в собственных интересах, вытягивая у нас и последний грош, и последнего солдата. В его глазах мы были лишь отличным инструментом войны, а свобода, национальность и независимость наша ничуть его не интересовали». С этими словами перекликались слова Юзефа Выбицкого, которого также цитировал Яновский: «Наполеон пришел к нам как воскреситель, требовал свободного прохода для преследования неприятеля, требовал продовольствия, наконец, требовал военной помощи, все это щедро получил, а когда должен был возвратить родину в целости, ... обобрал ее, лишив подлинных источников богатства, без которых страна не может быть сильной»⁸.

Исторический опыт отношений поляков с Наполеоном был осмыслен Яновским и привел его к важным выводам и обобщениям. «Польше, – утверждал он, – для освобождения от своего рабства, из тройного ярма наверняка нужна внешняя помощь, но такая помощь не может быть вымолена, нищенски выпрошена у нынешних властителей Запада»⁹. Демократы подчеркивали, что чужая помощь, как правительств, так и народов, – это «самое второстепенное», «подсобное» средство, помощь нужно искать не в чужих сердцах, а в своей груди¹⁰.

Таким образом, негативный опыт отношений с Наполеоном привел польских патриотов к более трезвой оценке обстановки и большему вниманию к подготовке собственных сил народа. Вместе с тем эпоха тесного контакта с наполеоновской армией не прошла бесследно. Она принесла полякам такой результат, как приобретение военной выучки и опыта ведения военных действий, что не могло сказаться на их вооруженных выступлениях в борьбе за национальную независимость, происходивших в 1830–1860-х годах XIX в. В национально-освободительной борьбе сыграла роль и «моральная подпитка» – то душевление и осознание своей силы и значения, которые испытывали польские участники победных походов Наполеона. Вот почему слова и мелодия «Мазурки Домбровского» смогли стать в будущем словами и мелодией национального гимна Польской республики.

Примечания

¹ См.: Фалькович С.М. Миф Наполеона в сознании поляков // Славяноведение. 2012. №6. С. 74–76.

² Kieniewicz S. Historia Polski. 1795–1818. Warszawa, 1969. S. 202.

³ Heltman W., Janowski J.N. Demokracja polska na emigracji. Warszawa, 1965. S. 318–319.

⁴ Ibid. S. 111–112.

⁵ Ibid. S. 360.

⁶ Ibid. S. 452.

⁷ Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 22.

⁸ Heltman W., Janowski J.N. Op. cit. S. 452–453.

⁹ Ibid. S. 462.

¹⁰ Ibid. S. 113, 55.

Польское восстание 1863–1864 гг. в судьбе белокриницкого епископа Аркадия Славского: новые факты биографии

Abstract:

Makarova I.F. *The Polish uprising of 1863–1864 in the destiny of the Bishop of the Belokrinitskaya Hierarchy Arcady Slavsky: new biographical facts.*

The article presents new archival materials, recreating previously unknown details of the biography of the Old Believers Bishop in Belokrinitskaya Hierarchy Arcady Slavsky (Shaposhnikov) related to his participation in the events of 1863–1864 in the Turkish Dobruja.

Ключевые слова: старообрядцы, некрасовцы, Турция, Добруджа, Россия, Аркадий Славский, В.И. Кельсиев, И.И. Кельсиев, М. Чайковский (Садык-паша).

Польское восстание 1863–1864 гг., закончившееся 150 лет назад и охватившее земли Королевства Польского, Литвы, частично Белоруссии и Правобережной Украины, имело неожиданно громкий отзвук в среде многочисленной российской диаспоры турецкой Добруджи¹. Предпосылкой для проявления этого геополитического феномена стало достижение договоренности о координации действий (сентябрь 1862 г.) между представителями польского Центрального национального комитета и ядром русской политической эмиграции в Лондоне во главе с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. Отечественная и польская историография² накопила к настоящему времени достаточное количество материала, указывающего на высокую степень интеграции между польской эмиграцией и российскими революционерами с целью втягивания староверов Добруджи в военную провокацию против России. Известно, в частности, что активной агитационной работой в этом направлении занимались прибывшие из Лондона в Стамбул, а затем в Тульчу агенты А.И. Герцена братья Кельсиевы – Василий Иванович (1833–1872) и Иван Иванович (1841–1864), действовавшие в тесном сотрудничестве с бывшим резидентом князя А. Чарторыйского в Турции, а на тот момент высокопоставленным османским чиновником, потурченцем Садык-пашой (Михаилом Чайковским). Особое внимание они уделяли задаче привлечения на свою сторону атамана некрасовцев Осипа Гончара (Иосифа Семеновича Гончарова) и епископа некрасовцев Аркадия Славского, ставленника старообрядческой Белокриницкой иерархии.

Если роль атамана Гончара в событиях 1863–1864 гг. и, в частности, информация об его активном сотрудничестве не только с заговорщиками, но и с российскими властями хорошо известна историкам³, то фигура епископа Аркадия остается в глубокой тени. Даже один из ведущих исследователей данной проблематики В.Я. Гросул упоминает имя Аркадия Славского в своей капитальной тематической монографии лишь вскользь⁴.

В фондах Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ) сохранилась подборка материалов, содержащая сведения о роли епископа Аркадия в событиях тех лет. Она представляет собой межведомственную переписку российского Министерства иностранных дел, Министерства внутренних дел и III Отделения собственной его императорского величества канцелярии, датированную январем 1864 г. – июлем 1865 г.⁵. Обмен документацией производился на очень высоком уровне. Со стороны МВД в ней принимал участие министр П.А. Валуев, со стороны МИД – товарищ министра Н.А. Муханов, со стороны III Отделения – его начальник князь В.А. Долгоруков. Поводом для переписки стало прошение епископа Аркадия Славского о переселении в Россию, поданное им на имя императора Александра II. Данный факт и сопутствующие ему обстоятельства не были до сих пор известны историкам.

Обнаруженный комплект документов представляет особый интерес не только в связи с историей Польского восстания, но и в силу слабой изученности жизни русских старообрядцев за Дунаем⁶. Не исключением являются и биографии отдельных персоналий, в том числе личность епископа Аркадия Славского, в миру Андрея Родионовича Шапошникова (начало XIX в. – 11.11.1868 г.). Основной массив сведений о жизни этого видного деятеля русского зарубежного старообрядчества сводится к информации, собранной во второй половине XIX в. профессором Московской Духовной академии Н.И. Субботиным. Подготовка и защита им в 1874 г. докторской диссертации «Происхождение ныне существующей у старообрядцев так называемой Австрийской или Белокриницкой иерархии» положили начало его исследованиям в этой области⁷. Активно занимавшийся миссионерской деятельностью, работавший в тесном контакте с российскими властными структурами, Н.И. Субботин пользовался доверием и личной дружбой обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, а потому имел доступ к соответствующим архивным фондам, включая личные досье раскольников.

Особый интерес Н.И. Субботина к жизни задунайских староверов, поддерживаемый со стороны соответствующих профильных ведомств, был в значительной степени обусловлен учреждением в октябре 1846 г. на территории австрийской Буковины (село Белая Криница) старообрядческой Белокриницкой иерархии. Уже сам факт причастности к созданию этой церковной структуры министра иностранных дел Австрии князя К. Меттерниха, униатского митрополита Галиции Михаила (Левицкого) и польских полити-

ческих эмиссаров стал для российских властей достаточным доказательством политического подтекста этой акции⁸. В Петербурге подозревали, что в перспективе Белая Криница могла превратиться в объединяющий центр для всех признающих священство старообрядцев русского зарубежья и использоваться во вред России. В данной ситуации особую актуальность приобретал сбор и систематизация агентурной информации, к которой, судя по тексту трудов Н.И. Субботина, профессор имел доступ.

Что касается биографии епископа Аркадия, то, благодаря публикации Н.И. Субботина, о нем известно следующее⁹. Андрей Родионович Шапошников родился в мещанской семье на Черниговщине, в посаде Клиницы Суражского уезда (ныне г. Клиницы Брянской обл.). Он рано женился (на вдове с двумя детьми), но после трех лет совместной жизни ушел в 1826 г. спасать душу в староверческий Лаврентьевский монастырь Могилевской губернии. Здесь он совершил постриг и получил имя Аркадий. Благодаря энергии и организаторским способностям был избран в 1832 г. игуменом этого монастыря. Важно отметить, что из стен этого же монастыря вышли и некоторые другие старообрядческие деятели, принявшие активное участие в становлении Белокрыницкой иерархии – один из основоположников этой церковной структуры, церковный писатель Павел (Великодворский), будущий первый архиепископ Славский Аркадий (Дорофеев), будущий епископ Браилровский Онуфрий (Парисов). В 1844 г. по предписанию российского правительства Лаврентьевский монастырь был закрыт, а игумен Аркадий (Шапошников) выслан под надзор полиции по месту ревизской приписки. Однако уже в 1845 г. он совершил побег и переправился через территорию Молдавии в турецкую Добруджу. За Дунаем Аркадий поселился у некрасовцев в знаменитом Успенском мужском монастыре около села Слава. Он принял активное участие в обсуждении вопроса о возможности перекрещивания в старую русскую веру будущего главы Белокрыницкой иерархии опального греческого митрополита Амвросия (Паппа-Георгополи) и был членом делегации, встречавшей Амвросия в г. Сулина. В 1847 г. (после учреждения Белокрыницкой иерархии), когда встал вопрос о поставлении у некрасовцев своего епископа, Аркадию было предложено (по просьбе братья и депутатов от некрасовских общин) принять это звание. Однако митрополит Амвросий не утвердил данное назначение как противоречащее церковным правилам (женатый на вдове не мог занимать должность такого уровня). Епископом Славским тогда был поставлен другой Аркадий – Дорофеев. В начале Крымской войны (1853–1856) часть некрасовцев, воспользовавшись предложением турецкого правительства, покинула Добруджу и переселилась на время ведения на Балканах боевых действий в Малую Азию. Сопровождал их в пути Аркадий Шапошников, возведенный по этому случаю (1 января 1854 г.) в сан «епископа странствующих христиан». Поскольку после прихода в Добруджу русских войск оба из поставленных

митрополитом Амвросием белокрыницких иерархов – епископ Тульчинский Алимпий (Веprinцев) и епископ Славский Аркадий (Дорофеев) – были арестованы и сосланы в Суздаль, то после возвращения Аркадий Шапошников был вынужден принять на себя титул «епископа Славского и экзарха всех некрасовцев». В этом звании он и пребывал вплоть до своей кончины в 1868 г. Выявленные документы позволяют дополнить эту биографию новыми деталями, привносящими в нее краски политической палитры.

Выявленную переписку российских чиновников открывает запрос министра внутренних дел П.А. Валуева (от 23 января 1864 г.) к начальнику III Отделения В.А. Долгорукому, содержащий просьбу дать заключение о возможности удовлетворения просьбы епископа Аркадия Славского о переселении в Россию¹⁰. Судя по этому документу, старообрядческий иерарх пользовался надежной поддержкой со стороны российского МИД. Предложение удовлетворить его просьбу поступило в МВД непосредственно от товарища министра внешнеполитического ведомства Н.А. Муханова. Более того, МИД не только поддержал просьбу Аркадия, но и выступил с инициативой обойти действовавший в России запрет на въезд в страну зарубежных раскольничьих иерархов. Как отмечалось в документе, поскольку «выдача отцу Аркадию паспорта на проезд в Россию, в звании, принадлежащем ему между старообрядцами, была бы не согласна с существующими узаконениями нашими, то МИД полагает более удобным выдать отцу Аркадию паспорт как мирянину, не упоминая о его духовном звании». Прилагаемая к этому предложению мотивировка была исчерпывающе лаконичной: епископ Аркадий подвергается преследованиям турецких властей «за преданность нашему правительству». В документе также подчеркивалось, что со стороны внешнеполитического ведомства препятствий к переселению не усматривается.

К запросу П.А. Валуева прилагалась присланная из МИД подробная Пояснительная записка, излагающая обстоятельства рассматриваемого дела и составленная, судя по тексту, в российском посольстве в Константинополе¹¹. В преамбуле этого документа приводятся общая характеристика и малоизвестные детали антироссийской деятельности братьев Кельсиевых и М. Чайковского в Турции. В частности, в ней сообщается, что, согласно планам заговорщиков, после начала событий в Польше добровольцы из числа староверов Добруджи, в первую очередь казаков-некрасовцев, должны были двинуться на Волынь и в Подолию на помощь повстанцам совместно с так наз. Польским легионом. Одновременно через посредничество тех же некрасовцев предполагалось поднять во имя защиты старой веры казаков Дона и Урала. С этой целью старообрядческим епископам Иову Кавказскому (Зрянину) и Израилю-Иосифу Уральскому и Бударинскому (Бредневу) отправлялись секретные воззвания, переданные через иерусалимских паломников, которые, впрочем, были иерархами категорически отвергнуты.

В Пояснительной записке сообщается также, что в Константинополе братья Кельсиевы смогли получить при посредничестве М. Чайковского денежное пособие от католического миссионерского общества лазаристов и поддержку французского посольства. Обосновавшись в Тульче, они попытались открыть на эти деньги «вторую вольную типографию» с целью перепечатки старообрядческих книг и распространения «в простонародье противоправительственных сочинений». В частности, именно с этой целью они впервые и обратились за содействием к епископу Аркадию Славскому. В научной литературе данный факт известен. Более того, принято полагать, что со стороны епископа вся необходимая поддержка была оказана¹². Однако в Пояснительной записке прямо сообщается, что предложение братьев Кельсиевых было Аркадием категорически отвергнуто, после чего последовало их позорное изгнание из Славского монастыря.

Далее следует изложение принципиально новой информации, касающейся озвученных Кельсиевыми предложений о политическом сотрудничестве. Аркадий Славский их не просто отверг, а пошел на открытый конфликт. В качестве ответного жеста он произнес перед своей паствой – казаками-некрасовцами – проповедь пророссийского содержания, некоторые фрагменты которой автор Записки посчитал необходимым включить в текст документа. В частности, епископ заявил следующее: «Приближается время, когда Господь, держащий в руке своей сердце царя Александра, внушит ему к отторженным сынам русской земли милость и изведет их, как древний Моисей, из работы египетской, сиречь агарянской ... Поэтому не с врагами его и матери нашей русской земли должно нам сообщаться, а с братьями нашими, российскими старообрядцами, которые на бумаге подали царю Александру свои заверения»¹³. Затем Аркадий Славский зачитал аудитории всеподданнейшие адреса, направленные императору московскими и клинцовскими старообрядцами. Одной проповедью он не ограничился. От имени некрасовцев им был составлен и отправлен в Петербург адрес, аналогичный озвученному.

Спровоцированный Аркадием Славским скандал быстро приобрел громкое политическое звучание. Произошло это вследствие жалобы братьев Кельсиевых М. Чайковскому, который, в свою очередь, используя давние связи во французском посольстве, передал донос напрямую султану Абдул Азизу, обвинив старообрядческого епископа в государственной измене. В качестве доказательства вины к доносу был приложен текст, произнесенной Аркадием проповеди, адрес на имя императора Александра II, а также две богослужебные книги: первая (единоверческой печати) содержала молитву о победе над врагами христианства, обращенную к русскому царю, вторая (старообрядческий Часовник) – стандартную молитву против «агарян». По этому доносу в ноябре 1863 г. в Добрудже проводилось строгое расследование. Итог следственных мероприятий оказался для старообрядцев неутешительным.

телен: часть активистов из числа некрасовцев была уведена под конвоем в Стамбул, а оттуда сослана в отдаленные районы азиатской части Турции, остальные были вынуждены раскаяться. Сам виновник конфликта – епископ Аркадий, бежал в Измаил. В начале декабря 1863 г. он передал через русского дипломатического агента в Измаиле просьбу о разрешении на переселение в Россию, мотивируя ее преследованиями со стороны турок. Как он написал по этому поводу, «пусть царь Александр сошлет меня в Суздаль, где сидят наши братья старообрядческие архиереи, но лучше хочу быть колодником русского царя, чем патриархом у султана».

Судя по выявленным документам, со стороны III Отделения возражений на предложение об удовлетворении данной просьбы, поддержанное российским МИД и МВД, не последовало. Уже через два дня после запроса П.А. Валуева от генерал-адъютанта В.А. Долгорукого (25 января 1864 г.) последовал ответ: «Согласен с мнением Вашим, и я со своей стороны не вижу препятствий», в том числе и для выдачи паспорта епископу Аркадию как «мирянину для проезда в Россию, не указывая о духовном звании»¹⁴. 6 июля 1865 г. глава III Отделения еще раз подтвердил эту свою позицию министру внутренних дел¹⁵.

Столь единодушная поддержка прошения Аркадия Славского со стороны российского МИД и двух профильных по отношению к старообрядцам ведомств – МВД и III Отделения – вызывает невольные вопросы. Связаны они, прежде всего, с подозрениями относительно возможности тайного сотрудничества епископа Аркадия с российскими властями. На эту мысль наводят не только вышеупомянутая мотивировка поддержки Аркадия Славского российскими дипломатами – преданность «нашему правительству», но и некоторые другие, хотя очень немногочисленные, факты.

Их перечень можно начать с упоминания об обстоятельстве, не имеющем, на первый взгляд, никакого отношения к рассматриваемым событиям. Речь может идти об активной поддержке епископом Славским изданного в Москве (1862) и печально знаменитого в среде староверов так наз. «Окружного послания»¹⁶. Направленное, с формальной точки зрения, на унификацию идеологии поборников старой русской веры, это Послание породило в их среде ожесточенные споры и привело к внутреннему размежеванию на окружников и неокружников, т.е. к ослаблению позиций старообрядчества в целом. Кроме того, предоставляемая Посланием легитимная возможность для использования книг единоверческой печати фактически стимулировала переход в единоверие, т.е. способствовала достижению именно той цели, на которую были направлены в тот период усилия Святейшего Синода.

В пользу предположения о тайном сотрудничестве епископа Аркадия с российскими властями свидетельствуют и некоторые документы из архива Министерства внутренних дел. В частности, именно на Записку Аркадия

Славского, посвященную описанию общей ситуации в Добрудже (без даты), ссылаясь в июне 1865 г. действительный статский советник М.К. Катакази¹⁷, посетивший инкогнито Тульчу с секретным заданием, связанным с принятием мер по переселению на родину группы местных молокан¹⁸. В данном контексте приобретает особый смысл и некий эпизод из жизни епископа, выявленный, но лишь мимоходом упомянутый В.Я. Гросулом¹⁹. При изложении материала, относящегося к фактам сотрудничества с российскими дипломатами атамана некрасовцев Гончара, он сообщает, в частности, о передаче епископом Аркадием русскому дипломатическому агенту в Измаиле имеющегося у него письма И.И. Кельсиева (также без указания даты). Справедливости ради, впрочем, стоит в данной связи отметить, что оба эпизода относятся, скорее всего, к периоду вынужденного пребывания епископа Аркадия на территории Дунайских княжеств и ожидания решения своей участи, а потому не обязательно являются указанием на факт его более раннего, а тем более активного сотрудничества с российскими властями.

Хотя, как уже отмечалось, прошение Аркадия Славского о переселении в Россию нашло поддержку всех трех профильных ведомств, однако положительное решение принято так и не было. Представленные рекомендации были жестко заблокированы обер-прокурором Святейшего Синода А.П. Ахматовым, пребывавшим в этой должности с 1862 г. по июнь 1865 г. Профессиональный военный, длительное время состоявший в свите императора Александра II, член Госсовета (с 1863 г.), он пользовался большим влиянием в высших эшелонах власти²⁰. Дружба с митрополитом Московским и Коломенским Филаретом (Дроздовым), знавшим А.П. Ахматова с юношеских лет и рекомендовавшим его на должность обер-прокурора, лишь усиливала это влияние. Особую же весомость его решениям придавало то обстоятельство, что за ними обычно стоял авторитет самого митрополита Филарета. Для современников не являлся секретом факт, что А.П. Ахматов, как человек далекий от проблем церковной жизни, имел обыкновение советоваться по всем важным вопросам именно с митрополитом Филаретом, оставляя ведение текущих дел на директора Духовно-учебного управления Синода С.Н. Урусова. Заблокировать рекомендации трех профильных ведомств последнему было явно не под силу.

В секретном письме от 10 июля 1865 г.²¹ министр П.А. Валуев написал князю В.А. Долгорукому о причинах отказа со стороны Святейшего Синода, прямо указав на автора этого решения – подавшего уже к тому моменту в отставку А.П. Ахматова, т.е. фактически на митрополита Филарета, известного своим жестким отношением к старообрядчеству²². В частности, министр сообщил, что в ответ на полученный запрос обер-прокурор высказал мнение, что «разрешение беглому раскольнику лже-епископу возвратиться в Россию, даже с паспортом мирянина, не может остаться без весьма вредных последствий». Тем самым вопрос о переселении был закрыт. П.А.

Валуеву осталось лишь уведомить о принятом решении российский МИД в лице товарища министра.

Впрочем, судя по письму Н.А. Муханова (от 5 марта 1864 г.)²³, к данному моменту рассматриваемая проблема уже потеряла прежнюю остроту. После подавления Польского восстания (май 1864 г.) интерес заговорщиков к задунайским старообрядцам пропал, и давление на них прекратилось. После последовавшего за этим прекращения преследований со стороны турецких властей епископ Аркадий отказался от своего прежнего намерения покинуть Турцию. Оставив Измаил, он вернулся в свой монастырь, где, как сообщил Н.А. Муханов, «и живет спокойно, никем не тревожимый».

В заключение можно лишь добавить, что с окончанием в Добрудже локального политического кризиса, вызванного событиями в Польше, жизнь задунайских староверов действительно вернулась в старое, привычное русло. Однако благодаря причастности к рассматриваемым событиям политических заговорщиков российские архивы смогли обогатиться ценными документами по истории старообрядчества в Турции.

Примечания

¹ Подробно о размере и составе российской диаспоры на территории турецкой Добруджи см.: Макарова И.Ф. Российские диаспоры в этнодемографической карте Дунайского вилайета (60-е гг. XIX в.) // Славянский мир в третьем тысячелетии: к 1150-летию славянской письменности. Кн. I. М., 2013. С. 229–248.

² Библиографию см.: Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Библиографический указатель. М., 1962; Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). Кишинев, 1973; Гросул В.Я. Международные связи российской политической эмиграции во второй половине XIX в. М., 2001; Kozłowski E. Bibliografia powstania styczniowego. Warszawa, 1964; Kieniewicz S. Powstania styczniowego. Warszawa, 1972; Wielka emigracja I sprawa polska a Europa (1832–1864). Torun, 1990; Kalemka S. Wielka emigracja. 1831–1863. Torun, 2003.

³ Бахталовский Е.П. Осип Семенович Гончар – атаман некрасовцев // Русская старина. 1883. Т. 38. Ч. 4. С. 175–192; Субботин Н.И. История так называемого Австрийского или Белокриницкого, священства. Вып. 1–2. М., 1895–1899; Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. С. 138, 157–159, 185–188 и др.; Mervaud M. Une alliance ambigu: Herzen, Ogarev et les vieux-croyants // Revue des études slaves. 1997. V. 69. N 1/2. P.119–134.

⁴ Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. С. 169, 187.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. 1 экзп. Оп.8. 1864. Д. 8. Ч. 4. Л. 1–40 об.

⁶ Подробную библиографию см.: Писаревский А.Ю. Старообрядческие иерархии. М., 2002; Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае. Формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса-Измаил-Москва, 2010.

⁷ Субботин Н.И. Раскол, как орудие враждебных России партий. М., 1867; Субботин Н.И. История Белокриницкой иерархии. Т. 1–2. М., 1874–1900; Субботин Н.И. История так называемого Австрийского или Белокриницкого священства. Вып. 1–2. М., 1895–1899; Субботин Н.И. Материалы для истории так называемой Австрийской или Белокриницкой иерархии. М., 1897.

⁸ Субботин Н.И. История Белокриницкой иерархии. Т. 1. С.17.

⁹ Субботин Н.И. История Белокриницкой иерархии. Т. 1. С. 91–97, 314–315, 464–468; Т.2. С. 64–85, 162, 512–513; Субботин Н.И. История так называемого Австрийского или Белокриницкого священства. Вып. 1. С. 64–66, 205, 255, 291–294; Вып.2. С. 73–74, 81, 388–389, 391, 512; Субботин Н.И. Материалы для истории так называемой Австрийской или Белокриницкой иерархии. С. 203–208, 312, 314, 315.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп.8. 1864. Д. 8. Ч. 4. Л. 1-3.

¹¹ Там же. Л. 4–12 об.

¹² Субботин Н.И. Раскол, как орудие враждебных России партий. С. 157; Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. С. 169.

¹³ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп.8. 1864. Д. 8. Ч. 4. Л. 5 об. –6.

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 36.

¹⁶ Подробно см.: Субботин Н.И. Окружное послание И.Г. Ксенона. М., 1893.

¹⁷ Российский государственный Военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 450. Д. 67. Л. 299.

¹⁸ Подробно см.: Макарова И.Ф. Между Балканами и Россией: задунайские молokane в миграционных потоках 60-х гг. XIX в. // Славяноведение. 2013. № 4. С. 25–39.

¹⁹ Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе С. 187.

²⁰ Подробно см.: Алексеев С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных учреждений Российской империи. СПб., 1997. С. 40–43; Валуев П.А. Дневник. Т. 1. М., 1961. С. 241, 276–277, 304.

²¹ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп.8. 1864. Д. 8. Ч. 4. Л. 39–40.

²² Подробно см.: Рункевич С.Г. Митрополит Филарет и его время. М., 1908; Бычков Г.И. Святитель Филарет (Дроздов). Служение церкви и Отечеству. Коломна, 2003.

²³ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп.8. 1864. Д. 8. Ч. 4. Л. 40 об.

Р. Жинзифов – болгарский сотрудник славянофильской газеты «День»

Abstract:

Frolova M.M. *Rajko Zhizinfov – a Bulgarian correspondent of the Slavophil newspaper «Den» («The Day»).*

The article studies publications of the Bulgarian Rayko Zhizinfov in the Moscow newspaper «Den» («The Day»), which were devoted to contemporary events on the Turkish territories inhabited by Bulgarians. These events are considered in the context of the activities of the editor of the newspaper «Den» and the head of Moscow Slavophiles Ivan Aksakov.

Ключевые слова: газета «День», И.С. Аксаков, Р. Жинзифов, Д. и К. Миладиновы, М.Ф. Раевский, Македония, церковный греко-болгарский вопрос, русская пресса XIX в.

Райко (Ксенофонт) Иванов Жинзифов (1839–1877) – известный в Болгарии и Македонии поэт, переводчик, писатель, публицист, творивший в период национального болгарского возрождения. Его жизненный путь достаточно хорошо изучен благодаря исследованиям болгарских и российских ученых – С.С. Бобчева, П. Орешкова, И. Конева, Д. Лекова, А.А. Улуняна, М.Г. Смольяниновой и др.

Райко Жинзифов родился в г. Велес (Македония), в семье учителя. Он получил образование в греческом училище, где преподавание велось на греческом языке¹. И имя его было вполне греческое – Ксенофонт. Молодой человек желал учиться дальше, но домашние обстоятельства не позволили ему поступить в Афинский университет, где обучалось большинство его сверстников из Македонии. В 16 лет Жинзифов начал работать младшим учителем в училище в Прилепе, где место старшего учителя занимал Димитр Миладинов*, «горячий защитник славянства»², как позднее о нем писал Жинзифов. Он «отвратил» своего младшего коллегу от эллинофильства, раскрыл красоту болгарских песен, к собиранию которых подключился и Жинзифов. Именно Миладинов стал звать его болгарским именем Райко. В конце 1857 г. Миладинов отправил Жинзифова преподавать в македонский городок Кукуш, где благодаря энтузиазму молодого учителя болгарскому

* Димитр (около 1810–1862) и Константин (около 1830–1862) Миладиновы – братья, деятели болгарского национального возрождения, фольклористы и просветители в Македонии.

языку стали учиться «не только мальчики, но и взрослые, юноши, люди женатые и даже священники, ибо в церквах надлежало заменить греческое богослужение славянским»³.

В июле 1858 г. в числе восьми болгаро-македонцев, которых направил на учебу в Россию Д. Миладинов при содействии русского общественного деятеля А.В. Рачинского (впоследствии, в 1861–1862 гг., русский консул в Варне), Жинзифов приехал в Одессу. Он привез письма Д. Миладинова известному деятелю болгарского национально-освободительного движения Г.С. Раковскому, который произвел на молодого человека столь огромное впечатление, что Ксенофонт Жинзифов только теперь решил сменить свое греческое имя на болгарское и выбрал себе имя Райко, – именно так к нему обращался в свое время Д. Миладинов⁴. Однако следует сказать, что официальные бумаги, публикации в русских газетах, свои письма к русским адресатам он неизменно подписывал не Райко, а Ксенофонт. Для болгар же он был Райко.

Младший брат Д. Миладинова, Константин, учившийся на историко-филологическом факультете Московского университета, вызвал Жинзифова в Москву. В конце 1858 г. он был зачислен воспитанником Славянского благотворительного комитета, а в 1860 г., сдав экзамены, стал студентом Московского университета. После окончания историко-филологического факультета со степенью кандидата в 1864 г., из-за опасения преследований и гонений со стороны турок, Жинзифов не решился вернуться на родину. Только в 1866 г. он совершил двухмесячное путешествие по Болгарии и Македонии, а возвратившись в Москву, принял российское подданство. В Москве Жинзифов работал сначала внештатным преподавателем греческого языка в Лазаревском институте восточных языков, в Чертковской библиотеке (первой бесплатной частной общедоступной библиотеке в Москве) – помощником П.И. Бартенева, затем учителем греческого языка в 1-й и 2-й московских гимназиях, в Лицее цесаревича Николая. В 1875 г. он получил чин коллежского асессора (VIII класс)⁵, который соответствовал чину майора и давал право на личное дворянство. Накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. по просьбе И.С. Аксакова Жинзифов начал составлять «Путеводитель по Македонии». Но работа не была завершена: Райко (Ксенофонт) Иванов Жинзифов умер в свой день рождения 15 февраля 1877 г. в возрасте 38 лет.

Первые литературные опыты Жинзифова появились на страницах журнала «Братский труд», который издавала Московская болгарская дружина, объединившая болгарских студентов и имевшая цель знакомить русских с жизнью турецких славян, содействовать развитию болгарской литературы, призывать болгарскую молодежь в Россию для совершенствования в науке⁶. Перу Жинзифова принадлежали переводы на болгарский язык «Слова о

полку Игореве», «Краледворской рукописи», стихотворений Тараса Шевченко, М.Ю. Лермонтова и других русских поэтов, а также несколько оригинальных произведений, например, поэма «Кровавая рубашка». Свои поэтические произведения на болгарском языке Жинзифов посылал в болгарские периодические издания: «Дунавска зора», «Българска пчела», «Народност», «Македония» и др.

Жинзифов много печатался в русской прессе: вел раздел «Славянское обозрение» в газете «День», «Славянская хроника» в газете «Современная летопись», его статьи также публиковались в газетах «Москва», «Москвич», «Московские ведомости», в журналах «Православное обозрение», «Русский архив». Свои статьи Жинзифов часто оставлял без подписи или скрывался под псевдонимами⁷. Многие болгарские и российские ученые занимались выявлением в русской периодике его публицистических работ; среди них – В. Руменов и Е. Спростанов, П. Орешков, С.А. Никитин, Н.Н. Пономарева, А.А. Ровняков, Д. Леков, Ц. Унжиева и другие. Благодаря их усилиям научный мир имеет в своем распоряжении два тома публицистики Жинзифова. И, тем не менее, его публицистическое наследие остается не до конца изученным, в частности, его работы на страницах газеты «День», которые освещали события, имевшие место в болгарских землях Османской империи. Их рассмотрение – цель нашей статьи.

Еженедельная газета «День» с небольшими приостановками выходила в Москве с 15 октября 1861 г. по 1865 г. включительно, являясь преемницей славянофильских изданий конца 1850-х годов: «Русской беседы», «Молвы» и «Паруса». В газете имелись отделы: Литературный, Областной, Славянский, Критический и Смесь. Главному редактору И.С. Аксакову не позволили открыть Политический отдел, но он был уверен, что «славянский вопрос есть вопрос на очереди политический. В будущем скором, вероятно, будет война. Нужно тут горячее отношение к делу, сочувствие живое»⁸, – делился он своими мыслями еще в 1858 г. с добрым знакомым Б.И. Ордынским (1823–1861), писателем и переводчиком с греческого языка. Продолжив свое дело в газете «День», Аксаков также стремился наполнить политическим содержанием ее Славянский отдел. В письме от 20 сентября 1861 г. к настоятелю русской посольской церкви в Вене протоиерею М.Ф. Раевскому (1811–1884), который деятельно помогал в поисках зарубежных корреспондентов для «Русской беседы» (1856–1860) и «Дня», он писал: «Корреспонденции должны быть, разумеется, политического содержания, в широком смысле этого слова, ибо теперь все явления общественной жизни получают значение политическое»⁹.

К 1861 г. Аксаков обладал уже опытом ведения Славянского отдела, поскольку в журнале «Русская беседа», где он являлся главным редактором с августа 1858 г., имелся такой отдел. Аксаков его открыл специально для того, чтобы сделать славянский вопрос популярным в России, близким ку-

печеству и «вообще грамотному простому люду»¹⁰. Но тогда он столкнулся со многими трудностями, некоторые из которых были частично преодолены при издании газеты «День». С августа 1861 г. в России официально была предоставлена возможность выписывать иностранные, в том числе, славянские газеты и журналы через петербургскую газетную экспедицию. Правда, в списке, указанном в «Санкт-Петербургских ведомостях», отсутствовали выходившие в то время болгарские издания: «Болгарские книжицы», «Цариградски вестник» и «Дунавски лебед»¹¹. В связи с этим сохранялась потребность в стороннем содействии при сборе информации. Аксаков по-прежнему обращался и к М.Ф. Раевскому, и к графине А.Д. Блудовой, дочери влиятельного сановника Д.Н. Блудова, председателя Комитета министров (1861), с просьбой присылать нужные материалы, «вырезки из газет»¹².

Путешествие И.С. Аксакова «по чужим краям» в 1860–1861 гг., главным образом, по славянским землям, когда он познакомился со многими политическими и литературными деятелями западного и южного славянства, способствовало расширению сети корреспондентов газеты «День». Но, как показывает переписка с Раевским, до конца не был снят вопрос о необходимости таких корреспондентов, «где бы живым словом передавался общий взгляд на то или иное славянское дело»¹³.

Кроме того, проблема со славистом-переводчиком, остро стоявшая во время издания «Русской беседы», не была решена и к началу выхода газеты «День». В указанной поездке Аксаков старался приобрести «не ученое, но живое знание славянских наречий»¹⁴. Однако для Славянского отдела ему требовался помощник. В письме от 5–6 октября 1861 г. к Блудовой Аксаков сетовал на то, что для этого отдела ему придется «много писать самому, сотрудников нет, или все одержимы непробудною ленью»¹⁵. Н.И. Цимбаев, исследователь жизни и деятельности И.С. Аксакова, отмечал, что он не знал славянских языков и не мог прочесть ни одной из получаемых им славянских газет¹⁶.

Первое время Аксаков переживал, что Славянский отдел будет «очень жидок», пока «не устроится то, о чем теперь хлопочут в Петербурге»¹⁷. Дело в том, что внешняя политика России на Балканах после Парижского мира 1856 г., направленная на восстановление ее престижа и влияния на Востоке и среди славянского населения и поэтому потребовавшая расширения здесь консульской сети, заставляла министерство иностранных дел ставить вопрос об информировании русского общества о славянских делах. В 1859 г. директор Азиатского департамента МИД России Е.П. Ковалевский (1856–1861) предложил создать особый отдел «Славянские земли» в газете «Санкт-Петербургские ведомости», которую издавал А.А. Краевский. В этой газете и прежде появлялись сведения о славянах, но они являлись перепечатками из иностранных изданий. Теперь же было решено передавать в редакцию газеты материалы из донесений российских консулов. Однако

«Санкт-Петербургские ведомости» так и не стали центральным славянским органом и никого не объединили, на что обращал внимание видный советский ученый С.А. Никитин, поскольку статьи были «сухи, как всякое официальное донесение, а фактические сведения не находили никакого истолкования»¹⁸. А в «Московских ведомостях» Славянский отдел «не состоялся за недостатком славяниста»¹⁹.

По инициативе Е.П. Ковалевского «Славянский отдел» газеты «Санкт-Петербургские ведомости» передавался газете «День», о чем было доложено императору Александру II, одоббившему это решение. Ковалевский позаботился также обеспечить редактора «Дня» сотрудниками. 28 сентября 1861 г. он пригласил В.И. Ламанского (1833–1914), который после окончания Петербургского университета служил в архиве министерства иностранных дел. Ковалевский познакомил его с новым директором Азиатского департамента Н.П. Игнатьевым, назначенным на эту должность в августе 1861 г. Тот обещал доставлять Ламанскому газеты, присылаемые Равевским. А.Ф. Гильфердинг был также «не прочь писать славянские известия». Сообщая эти приятные для Аксакова новости, Ламанский отмечал, что в Азиатском департаменте имелся всего лишь один чиновник – В.В. Макушев (1837–1883), кандидат Петербургского университета, который что-то знал о славянах²⁰. Важно, что информацию из Петербурга газета «День» получала бесплатно, поскольку в архиве МИД работал постоянный писарь, который по указанию Ламанского переписывал нужные материалы²¹. В газете «День» поэтому регулярно печатались сведения из Константинополя, Битола, Адрианополя, Салоник, Варны и др.

Но Аксаков не упускал возможность приглашать корреспондентов из славянских земель: «Пусть каждый Славянин пишет, что имеет сказать в пользу своей народности. Я даю всем им доступ в моей газете»²². Публицистические статьи Жинзифова, наделенного несомненным литературным талантом и горячим сердцем патриота, стали поэтому востребованными на страницах газеты «День».

Первая статья Жинзифова – «Письмо одного из учащихся в Москве болгар к редактору» газеты «День» от 28 октября 1861 г., где поднимался вопрос о взаимоотношениях русских и болгар, нашла живой отклик у читателей. У них «сжималось сердце», когда они читали, что в Македонии, Болгарии и Фракии «весь болгарский народ» имел «более или менее ясное понятие о русских», которых все славянские племена «считали и еще считают за будущих освободителей своих от чужого ига», а «русский народ не имеет ни малейшего понятия о болгарах»²³. И.С. Аксаков посчитал нужным немедленно прокомментировать слова автора письма, признав его упреки вполне справедливыми: «Мы, как русские, должны были бы свято помнить и сознавать свой нравственный долг, свои обязанности относительно наших страждущих младших братий, повинность, налагаемую на нас историей. Но

мы неверны своему призванию!». Редакция находила объяснение этому факту также в том, что славяне нуждались в русских, а русские в них нет, «они чают от нас духовную и материальную помощь и освобождение от турецкого, греческого или немецкого ига, а русский народ для решения своих внутренних вопросов обойдется и без их содействия»²⁴.

Газета «День» затем напечатала две статьи, которые явились резонансом на публикацию болгарского студента. Автором первой – «Несколько слов по поводу болгарского вопроса. Письмо к редактору» (1861. № 6) – являлся М.О. Коялович, историк, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии. Вторая статья – «О заслугах болгар для русского просвещения» – была подписана инициалами Н. М-въ (1862. № 14). Оба автора, чувствуя горечь от «непростительного невежества» русских по отношению к Болгарии, раскрывали вопросы культурных русско-болгарских связей²⁵.

Разумеется, неосведомленность русских в отношении болгарского народа, дискуссия о которой была развернута в газете «День», была явно и искусственно преувеличена. В связи с Крымской войной 1853–1856 гг. русская пресса охотно печатала материалы о предыдущих русско-турецких войнах и, в частности, воспоминания и записки русских офицеров о русско-турецкой войне 1828–1829 гг. В них много внимания уделялось описанию городов Европейской Турции, ее природы и населения – турок, болгар и греков. Значимы были достижения русского славяноведения, хотя, следует признать, что научные исследования по истории и культуре Болгарии были более интересны узкому кругу специалистов, чем широкой читающей аудитории. Но поражение в Крымской войне заставило русское общество сосредоточиться на своих внутренних проблемах, а громадной важности крестьянский вопрос заслонил собой все другие проблемы, в данном случае, славянские дела. Стремление Аксакова расшевелить русскую аудиторию и вызвать «живое и дружеское слово славянам» было достигнуто благодаря указанному письму Жинзифова. «Газета моя, слава Богу, имеет успех огромный, даже Славянский отдел возбудил интерес, и читается всеми»²⁶, – делился Аксаков своей радостью с Раевским.

В 1861 г. «День» также поместил сообщение болгарской газеты «Цариградски вестник» об униатском движении (№ 2), статью «Несколько слов болгарина о распре греков и болгар» (№ 5), подписанную инициалами К.С., а также вторую статью Жинзифова «Два слова о болгарской газете “Дунайский лебедь”» (№ 8), в которой он осуждал позицию ее редактора Г.С. Раковского, обвинявшего Россию в том, что в 1861 г. она «будто бы разными средствами заставила болгар переселиться» из Турции в Крым. Жинзифов, имея информацию о насилиях, грабежах, злоупотреблениях, которые совершались в Османской империи, считал, что никакого принуждения не было – «болгар Видинской области принудило искать себе прибежище в России одно только их безвыходное положение. В противном случае мы долж-

ны заключить, что болгарский народ под турецким игом благоденствует и все, что до сих пор писалось о положении этого народа, неосновательно»²⁷.

В следующем, 1862 году, Жинзифов опубликовал в газете «День» также две статьи. Но в тот год основное внимание редактора газеты «День» было направлено на освещение событий в связи с восстанием в Герцеговине во главе с Л. Вукаловичем, начавшимся в 1861 г. и поддержанным Черногорией, что в 1862 г. привело к черногорско-турецкой войне, а также к обострению отношений между Сербией и Турцией. Жинзифов отозвался на эти события статьей «Кое-что о черногорцах, сербах и болгарях» (№ 42. 20 октября) в виде письма «в редакцию “Дня” одного из учащихся в Москве славян». Автор переработал информацию сербской ежедневной газеты «Сербский дневник» («Српски дневник»), издававшейся в Белграде, и «Цариградского вестника» и сопроводил ее размышлениями о закончившейся черногорско-турецкой войне 1862 г., когда Англия и Австрия взяли сторону турок и не допустили участия в ней Сербии. Жинзифов несколько раз повторил мысль о том, что «будь черногорцы германского племени», то «собралась бы крестоносная рать против врагов христианства во имя европейской цивилизации». «К несчастью черногорцы – славяне!»²⁸, – этими словами заканчивалась статья. Это был первый опыт Жинзифова, так сказать, проба пера, на поприще ведения раздела «Славянское обозрение» в газете «День».

Вторая его обширная статья «Дмитрий и Константин Миладиновы» была опубликована в двух номерах газеты (№ 46. 17 ноября и № 48. 1 декабря). Тревожная информация о болгарском студенте Московского университета Константине Миладинове, впервые появилась в № 3 от 28 октября 1861 г.: было сообщено, что он был схвачен турками и брошен в тюрьму, как только приехал в Константинополь. «К несчастью, – писала газета, – он турецкоподданный», но «русское посольство в Царьграде хлопочет об его освобождении»²⁹. Еще прежде сам Аксаков обратился к имевшей большие связи графине А.Д. Блудовой, сообщив ей о том, что К. Миладинов, «очень близко мне знакомый», был посажен вместе со своим братом, бывшим учителем в Кукуше, «в крепость в Константинополе или в темницу – я хотел сказать, – такую, из которой живыми не выходят». «Нельзя ли его оттуда выручить?»³⁰, – спрашивал у графини Иван Сергеевич.

Но помощи они оказать не успели. 6 февраля 1862 г. в Москве было получено скорбное сообщение о смерти обоих братьев в турецкой тюрьме. В двух номерах газеты (№№ 21 и 22 от 3 марта и 10 марта 1862 г.) появились две статьи, в которых сообщались подробности о пребывании Миладиновых в тюрьме и о тщетности усилий российских дипломатов в Константинополе. В статье «Печальные известия о Македонии», автором которой был А.В. Рачинский, много рассказывалось о Константине Миладинове, в судьбе которого Рачинский принял самое деятельное участие, о Димитре Милади-

нове, в котором он увидел «впервые народного деятеля», выбравшего не почет и выгоду, а скромное место учителя³¹.

Р. Жинзифов, очень хорошо знавший братьев, не сразу откликнулся на данную весть статьей: необходимо было время, чтобы пережить это горе. Из всех славян, которые проживали в Москве, он дольше всех был знаком с Миладиновыми, их связывали общая родина, деятельность, убеждения. Жинзифов избрал жанр биографического очерка, в котором им были воссозданы жизненный путь и просветительская деятельность Д. Миладинова, а также короткая, но яркая судьба его младшего брата. Жинзифов подчеркивал, что они могли бы быть спасены, если бы изменили вере своего народа и приняли католичество, но они предпочли смерть. «Миладиновы пали жертвою клеветы и предательства!»³² – писал он.

Первые шаги Жинзифова на ниве публицистики были замечены редактором «Дня». Аксаков никак не мог найти в Москве человека, «которому можно было поручить чтение славянских газет и вообще ведение Славянского отдела!»³³, о чем он сообщал в письме к Раевскому от 11 декабря 1861 г. Н.И. Цимбаев установил, что с осени 1861 г. и до лета 1862 г. обязанность «читать все славянские газеты, делать выписки, опровержения, извлечения» лежала на В.А. Елагине, но Аксаков был им недоволен, упрекая его в лени. С наступлением лета Елагин и вовсе уехал из Москвы³⁴. Проблема с помощником никак не решалась, Аксаков в письме к Раевскому от 19 августа 1862 г. повторял: «Мне необходимо бы иметь человека, который читал бы славянские газеты постоянно и делал бы еженедельно обзор им в “Дне”, или бы делал извлечения известий интересных из газет»³⁵. К тому же в 1862 г. петербургские сотрудники «Дня» Ламанский и Макушев были в отъезде: Ламанский отправился в путешествие по славянским землям Западной Европы (1862–1864), а Макушев получил назначение на должность секретаря российского консульства в Дубровнике (Рагузе) (1862–1865). В это время Жинзифов проходил курс обучения у профессора О.М. Бодянского, который знакомил своих студентов со всеми славянскими наречиями³⁶. В архиве Бодянского, например, сохранился перевод на русский язык студентом 4-го курса Жинзифовым отрывка из «Истории славянских законодательств» польского историка В.А. Мацеевского³⁷.

Жинзифов принял приглашение Аксакова и с 1863 г. начал достаточно регулярно работать в газете «День». 1863 год он начал статьей «Несколько слов о взаимном сочувствии славян южных и славян русских» (№ 3. 19 января 1863 г.), где была вновь повторена мысль о том, что «южные славяне с давних времен и до сих пор питают самые отрадные, самые благоприятные чувства к славянам русским», но что теперь «о судьбе подвластных славянских племен заговорила русская журналистика, что в образованном обществе русском мало-помалу славянские племена получают известность и сочувствие к последним распространяется все больше и больше, хотя оно далеко

еще не развито в массе многомиллионного русского народа»³⁸. Заканчивается эта статья констатацией того, что «чувство соплеменности и братства мало-помалу растет», и это подтверждают пожертвования, собранные в 1862 г. «в пользу воспитывающихся в России молодых славян и в пользу “юнаков” Черногории редакцией “Дня” и редакцией “Современного слова”». Жинзифов приветствовал от имени славян дар русской императрицы в 300 руб. серебром, предназначенный «на воспитание молодых болгар в России»³⁹.

22 января 1863 г. началось Польское восстание, продлившееся до второй половины 1864 г., поэтому номера «Дня» за этот период были наполнены преимущественно информацией по польскому вопросу. Жинзифов также основное внимание уделял обзору славянской и западноевропейской прессы о событиях в Польше. Сведения о славянах в Турции отошли на второй план. В «Славянском обозрении» от 9 марта 1863 г. (№ 10) Жинзифов по этому поводу писал, что «славянские народы с каким-то нетерпением ждут и желают скорейшего разрешения русско-польского вопроса, исход которого был бы благополучен как для одной, так и для другой стороны. Славяне не желают ни малейшего ущерба России и, видимо, жалеют, что польские дела отодвинули назад, быть может, на продолжительное время, восточный вопрос, разрешению которого в пользу славян ни одна из западных держав не благоприятствует кроме славянской России»⁴⁰.

В 1863 г. стали выходить новые болгарские издания – газета «Советник» (1863–1865), выпускавшаяся в Константинополе Т. Бурмовым и Н. Михайловским; «Болгарская пчела» (1863–1864) в г. Браила, редактором которой был Хр. Д. Ваклидов, а также сатирический журнал «Гайда» (1863–1867), издаваемый П. Славейковым в Константинополе. В 1863 г. прошли выборы нового Вселенского патриарха Софрония III (1863–1866), который вследствие остроты церковной греко-болгарской распри в болгарских землях был вынужден незамедлительно приступить к ее рассмотрению. Разумеется, болгарская пресса была занята именно этим вопросом, что получило свое освещение в комментариях Жинзифова. Эта тема публицистического творчества Р. Жинзифова достаточно подробно освещена в статье болгарского архимандрита Калиника⁴¹. Советский ученый С.А. Никитин подчеркивал, что «День», в котором основными авторами, писавшими по болгарскому вопросу, являлись болгары, «стал органом выражения болгарских интересов в церковном вопросе». Все статьи в нем «говорили о справедливости болгарских притязаний на самостоятельную иерархию, указывали на притеснения греков, отмечали службу греческих архиереев туркам, их корыстность и симонию»⁴².

Проблема эллинизации славян Македонии, которая была поднята в очерке, посвященном братьям Миладиновым, стала одной из наиболее актуальных тем для Жинзифова-публициста. Ей специально было посвящено

несколько его статей. Основываясь на материалах болгарских газет «Советник» и «Болгарская пчела» (№ 39. 28 сентября 1863 г.), он сообщил, например, о том, что министр народного просвещения Греции Никопулос пригласил известных профессоров Афинского университета составить комиссию, в которой был бы обсужден вопрос о распространении эллинизма вне границ Греческого королевства, особенно в Македонии. Жинзифов, знакомя русского читателя с замыслами претворения Мегалии идею в жизнь, подчеркивал, что эти идеи «могут помешать успешному ходу образования и развития болгар и способны до огромного размера развить ненависть и международную вражду болгар и греков»⁴³. Со своей стороны Аксаков как редактор не удержался, чтобы не прокомментировать слова своего сотрудника, подчеркнув, что «этот враг опаснее турок». «Но ни унывать, ни уступать не надо, а бороться и несокрушимо верить в неперменное будущее торжество “ненавидимых и гонимых истины ради”»⁴⁴, – заявлял редактор «Дня».

Через год (№ 36. 5 сентября 1864 г.) в статье «Эллинский оратор в народном собрании эллинов» Жинзифов возвратился к теме просветительного эллинизма, которая обсуждалась в Народном собрании в Афинах, о чем сообщала газета «Советник». Греки проявляли беспокойство в связи с тем, что во многих городах Балкан эллинский язык был изгнан и замещен варварским языком, т.е. болгарским языком, что в самих Салониках и в Константинополе эллинская церковь, эллинский язык и эллинская народность стали «предметом ругательства и презрения». Собрание потребовало от министра просвещения отчета о тех мерах, какие он намерен предпринять для распространения эллинизма на Балканах и подавления варварского языка⁴⁵.

Конкретное проявление этой политики в Македонии было показано, например, в статье Жинзифова «Еще несколько слов о действиях фанариотов в Болгарии» (№ 5. 1 февраля 1864 г.). В Охриде в декабре 1863 г. по доносу местного фанариота было арестовано более десятков влиятельных жителей города, поскольку они осмелились открыть в городе болгарское училище и ввести в церкви церковнославянский язык. Были арестованы учитель и его отец, основавший это училище, изъяты все славянские книги, учебные и церковные⁴⁶.

11 апреля 1864 г. (№ 15) в статье «Еще слово о фанариотах в Болгарии. В ответ г. В. Неклюдову» Жинзифов раскритиковал позицию Неклюдова*, который защищал греков-фанариотов и выступал против борьбы болгар за свою церковную самостоятельность. Жинзифов был убежден, что «греческое высшее духовенство своим положением и силою могло бы помочь» болгарам в развитии своего народа, «могло бы утешить их в трудные, долго-

* Вероятно, речь идет о Василии Сергеевиче Неклюдове (1818–1880), первом секретаре русского посольства в Греции, камергере, писателе.

временные, несчастные и черные для болгар дни и години», но оно «никогда этого не сделало и не сделает никогда и вперед!»⁴⁷.

Злободневной темой для Македонии была деятельность католических миссионеров. В статье «Западная пропаганда в Македонии» (№ 3. 16 января 1865 г.) сообщалось, что католическая пропаганда действует по-прежнему, но не так открыто, «тихомолком», избрав себе путь образования, который, по мнению Жинзифова, «гораздо вернее ее прежнего пути». В Македонии, земле славян, работали уже два униатских училища – в Битоле и Энидже (Пазар). Журналист располагал достоверными сведениями об униатско-католическом училище Битолы, которое основала миссия лазаристов во главе с аббатом Лепавеком. Жинзифов был убежден также, что распространению унии способствовал битольский митрополит Венедикт, поскольку он запретил открытие славянского училища и употребление славянского языка в церкви⁴⁸.

В 1865 г. редакция газеты «День» испытывала известный информационный голод, поскольку сюда не доходили болгарские газеты. Жинзифов в «Славянском обозрении» (№ 37) подчеркивал, что «турецкое правительство, подражая Франции, устроило у себя карательную цензуру, устав которой до того строг, что издание независимых газет и журналов в Турции невозможно». На болгарском языке выходили газеты «Турция» и «Дунай», но они издавались самим турецким правительством. С августа 1865 г. в Константинополе начала выходить газета «Время», редактор которой Т. Стоянов-Бурмов обещал строго исполнять все правила нового турецкого цензурного устава. Следовательно, делал вывод Жинзифов, на ее страницах не будут обсуждаться вопросы о судьбах христиан Турции. Относительно церковного вопроса редакция «Дня», сообщал он, давно не получала никаких известий, и решение его «еще не предвидится»⁴⁹.

В № 51 (11 декабря 1865 г.) Жинзифов изложил содержание статьи из газеты «Время» от 6 ноября 1865 г., в которой речь шла об униатском движении в Болгарии в начале 1860-х годов и, помимо прочего, сообщалось, что по поручению Папы римского в Константинополе был рукоположен в епископы униатов болгарин Рафаил Попов. Газета предостерегала болгар от папского католицизма. Жинзифов, вполне соглашаясь с мнением редактора Бурмова, просил его, от имени редакции «Дня», «как можно почаше выступать против католической западной пропаганды, изобличать перед болгарам все ее губительные для болгарского народа козни и интриги», которые способны «раздробить народ на части, разрознить болгар между собою, и этим оно [униатское движение – М.Ф.] положит непреодолимые препятствия их лучшему будущему»⁵⁰.

В заключение хотелось бы остановиться на двух статьях, опубликованных в Славянском отделе газеты «День» (№ 12 от 23 марта 1863 г. и №

15 от 15 апреля 1863 г.). Они помещены в первом томе «Публицистики» Жинзифова под звездочкой, что свидетельствует о сомнениях в его безусловном авторстве. В первой статье сообщаются известия из Рагузы, Варны, Битола и Мостара. П. Орешков допускал, что Жинзифов являлся автором только сведений из Битола, датируемых 15 февраля 1863 г. Однако составители первого тома «Публицистики» были уверены, что все четыре сообщения принадлежали одному автору, т.е. Жинзифову. Благодаря проведенной нами исследовательской работе в Архиве внешней политики Российской империи, мы в настоящее время располагаем комплексом консульских донесений из г. Битола, которые позволили провести сопоставление сведений упомянутых статей с текстом документов, хранящихся в фонде «Посольство в Константинополе» АВПРИ.

В заметке о событиях в Битоле сообщалось о закрытии двух книжных лавок, владельцы которых были посажены в битольскую тюрьму⁵¹. Эта заметка из Битола является отрывком из обширного донесения Е.М. Тимаева, секретаря русского консульства в Битоле. Следует отметить, что это донесение от 30 января 1863 г. носит гриф «Секретно» и помимо напечатанного в газете материала содержит важные сведения о католической миссии в г. Битоле, о драгомане (переводчике) паши Джорджевиче и о некоторых других событиях⁵².

Во второй заметке из Битола от 13 марта 1863 г. сообщалось о мероприятиях, которые военные власти Османской империи предпринимали в Битольском эялете: с февраля в Ниш стягивались войска, подвозились вооружение и припасы. Эта информация – почти дословный пересказ донесения Тимаева от 28 февраля 1863 г.⁵³ Таким образом, сомнения Лекова и Унжиевой, составителей первого тома «Публицистики», относительно этих двух статей «Славянского отдела» газеты «День» были не беспочвенны, и их следует исключить из публицистического наследия Жинзифова.

Итак, в газете «День» в 1863 г. Жинзифов опубликовал 21 статью, из них 15 составляли раздел «Славянское обозрение» и 2 статьи освещали события в землях турецких болгар. В 1864 г. он напечатал 11 статей, посвященных церковному греко-болгарскому вопросу. Правда, в 18 номерах газеты за 1864 г. Славянский отдел совсем отсутствовал, и в 1865 г. он также нередко выпадал из содержания «Дня». В 1865 г. Жинзифов написал три статьи и «Славянское обозрение» для семи номеров. Подобную нерегулярность Славянского отдела в газете можно объяснить, исходя из признания Аксакова в письме к Блудовой от 5–6 февраля 1862 г.: «Пока будет существовать “День”, он будет посвящен преимущественно русским, нашим внутренним вопросам, пред которыми славянские имеют интерес уже второстепенный»⁵⁴.

Следует отметить, что Аксаков хорошо платил за работу: за перевод больших славянских статей – 15 руб. серебром за печатный лист, за «составление статей», «т.е. извлечений из славянских газет, из писем и проч.» – 20 руб. сер. за лист, за «самостоятельное сочинение» – 50 руб. сер. за лист.⁵⁵ Это было значительным подспорьем к ежемесячной стипендии в 20 руб. сер., получаемой Жинзифовым от Славянского комитета. Весной 1864 г. он переехал на новую квартиру, которая была расположена рядом с домом О.С. Аксаковой, матери И.С. Аксакова. Болгарского студента часто приглашали в гости, на обед и в Абрамцево⁵⁶. Однако он не стал для И.С. Аксакова тем помощником или сотрудником, которого тот так искал. 11 июня 1865 г. Аксаков писал Раевскому: «Уже четыре года сряду выношу я газету один на своих плечах и безвыездно остаюсь в Москве»⁵⁷. Вероятно, сказывались не только значительная разница в возрасте, различное социальное и материальное положение, но и личные качества редактора. И.С. Аксаков, человек страстный и увлекающийся, с трудом умел сотрудничать с кем бы то ни было⁵⁸. И это он сам понимал. «Помощника у меня нет, отчасти потому, что по душе помощника себе не нашел...»⁵⁹, – писал Аксаков Раевскому.

В целом, публицистика Жинзифова, работавшего в основном в формате «Славянского обозрения», в большой степени зависела от современных ему событий и, разумеется, от материалов, поступавших из зарубежной прессы, которые ему необходимо было комментировать. Болгарская тема поэтому не была доминирующей.

Самой значительной и замечательной статьей Жинзифова из всех, появившихся на страницах «Дня», на наш взгляд, стала статья, посвященная братьям Миладиновым. Она была в значительной степени написана на основании личных воспоминаний и представила, по существу, первые яркие биографии братьев-просветителей.

С.А. Никитин в свое время обратил внимание на то, что, в отличие от «Дня», «остальная русская печать мало интересовалась церковным вопросом в Болгарии». Нельзя не согласиться с его выводом, что «День» сумел «в этом вопросе стать центром объединения славян, в данном случае болгар, и тем осуществить свою задачу, с другой – оказался проводником болгарских идей в русское общество и содействовал привлечению внимания к болгарским делам»⁶⁰. Немалая заслуга в этом, безусловно, принадлежала Р. Жинзифову, поскольку большая часть статей на эту тему была написана именно им.

Райко Жинзифов как болгарский публицист выполнил свою задачу по созданию в русском обществе образа угнетенного, страдающего болгарского народа, ждущего помощи от России – как в решении церковного вопроса, так и в освобождении от турецкого ига.

Примечания

- ¹ *Конев И.* Райко Жинзифов // Известия на Института за българската литература. Кн. VII. София, 1958. С. 153.
- ² *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 2. София, 1964. С. 218.
- ³ Там же.
- ⁴ Архив Г.С. Раковски. Т. 2. София, 1957. С. 410.
- ⁵ *Пенев Б.* История на новата българска литература. Т. 3. София, 1977. С. 476.
- ⁶ *Билунов Б.Н.* К истории «Болгарской дружины» - организации болгарских студентов в Московском университете // *Билунов Б.Н.* Болгария и Россия. М., 1996. С. 193.
- ⁷ *Унжиева Ц., Леков Д.* Предговор // Жинзифов Р. Публицистика. Т. 1. София, 1964. С. 10–11.
- ⁸ «Мне необходим ... человек, знакомый с славянскими наречиями» (Переписка И.С. Аксакова с Б.И. Ордынским (1858)) // «Русская беседа»: история славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб, 2011. С. 380.
- ⁹ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. СПб, 1888. С. 66.
- ¹⁰ Там же. С. 2.
- ¹¹ День. 1861. № 1. С. 15; *Ор-ъ* О славянских газетах и журналах // День. № 5. С. 20.
- ¹² И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 68, 72, 193.
- ¹³ Там же. С. 72.
- ¹⁴ Там же. С. 27.
- ¹⁵ Там же. С. 193.
- ¹⁶ *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 78.
- ¹⁷ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 193.
- ¹⁸ *Никитин С.А.* Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века // Ученые записки Института славяноведения. Т. 6. М., 1952. С. 99.
- ¹⁹ «...Вы очень мне нужны здесь, нужны, т.е. "Русской беседе"» (Переписка И.С. Аксакова с М.П. Петровским. 1858–1866) // «Русская беседа»: история славянофильского журнала. С. 420.
- ²⁰ Переписка двух славянофилов. И.С. Аксаков и В.И. Ламанский // Русская мысль. 1916. Кн. 12. С. 93.
- ²¹ Там же. С. 108.
- ²² И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 66.
- ²³ *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 1. С. 32, 34, 35.
- ²⁴ День. 1861. № 3.
- ²⁵ *Н. М-въ.* О заслугах болгар для русского просвещения // День. 1862. № 14. С. 14.
- ²⁶ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 70.
- ²⁷ *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 1. С. 36–37.
- ²⁸ Там же. С. 39–40.
- ²⁹ Там же. С. 32.
- ³⁰ И.С. Аксаков в его письмах. С. 188–189.
- ³¹ День. 1862. 3 марта. № 21. С. 13–15.
- ³² *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 1. С. 41–58.
- ³³ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 73.
- ³⁴ *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 78, 84.
- ³⁵ Там же. С. 77.
- ³⁶ *Лантеева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997. С. 55–56.
- ³⁷ *Минкова Л.* О.М. Бодянки и Българското възраждане. София, 1978. С. 167–168.
- ³⁸ *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 1. С. 59.
- ³⁹ Там же. С. 65.
- ⁴⁰ Там же. С. 78.

- ⁴¹ *Архимандрит Калиник*. Райко Жинзифов и българският църковен въпрос // 100 години от учредяването на Българската екзархия. София, 1971. С. 322–326.
- ⁴² *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 196.
- ⁴³ *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 1. С. 132–133.
- ⁴⁴ Там же. С. 133.
- ⁴⁵ Там же. С. 165–166.
- ⁴⁶ Там же. С. 146–147.
- ⁴⁷ Там же. С. 154–155.
- ⁴⁸ Там же. С. 184–185.
- ⁴⁹ Там же. С. 204.
- ⁵⁰ Там же. С. 215.
- ⁵¹ Там же. С. 226–227.
- ⁵² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 25–28 и об.
- ⁵³ Там же. Л. 33–34.
- ⁵⁴ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 238.
- ⁵⁵ «Мне необходим ... человек, знакомый с славянскими наречиями». С. 373.
- ⁵⁶ Русия и българското национално-освободително движение. 1856-1876. Т. 2. София, 1990. С. 62.
- ⁵⁷ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 87–88.
- ⁵⁸ *Тесля А.А.* Значение 1863 года в истории русской общественной мысли // hrono.ru>Статьи на исторические темы>2011/tes1863.php
- ⁵⁹ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 73.
- ⁶⁰ *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян... С. 198.

III. К юбилею Т.Г. Шевченко (1814–1861)

Э.Г. Задорожнюк

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Т.Г. Шевченко и русская культура: Непрестанное взаимное обогащение

Abstract:

Zadoroznyuk E.G. T.G. Shevchenko and Russian culture: the incessant mutual enrichment.

The Russian-language works of Ukrainian poet T. Schevchenko are reviewed; the reasons for many Russian-language readers and even famous Russian writers to read his poems in Ukrainian language are discussed. By example of the works of Schevchenko it is stated that the matter of mutual language enrichment is significant from the cultural point of view not only for Russian and Ukrainian people, but also for the Czechs and the Slovaks, the Serbians and the Croatians, the Spanish and the Catalans, the British, the Scottish and the Irish, etc.

Ключевые слова: конструктивное взаимопонимание, восточнославянский мир, шевченкознавство и пушкиноведение, украиноязычная поэзия и русскоязычная проза, славянский романтизм, взаимное обогащение, национализм, интернационализм, русские и украинские писатели.

Современное шевченковедение (шевченкознавство), равно как и пушкиноведение, – сложнейшая область исследований, что требует расширенного и углубленного изучения творчества Т.Г. Шевченко с привлечением не только новых методов, но и учета новых вызовов в научном и венаучном контекстах, включая политические. Как только кто-либо утверждающий некий тезис (точку опоры) настаивает на полной достоверности такового (утверждается на ней), сразу же возникают носители контр-тезисов (точек опоры), тоже претендующие на свою достоверность. Как только наступают юбилейные даты, тут же «обосновываются» крайне пристрастные суждения, например, о якобы беспримесном национализме или же абсолютном интернационализме взглядов поэта. Его то сопоставляют с Пушкиным, то противопоставляют ему; редко кто согласится, что шевченковская и пушкинская линии, скорее, обогащают украинскую и русскую литературы на принципах комплиментарности (дополнительности).

В этом плане примечательно убеждение критика позапрошлого века, который отстаивал позиции почвенничества и прославился афоризмом «Пушкин – наше все», – А.А. Григорьева. В 1861 г. в статье «Тарас Шевченко» он писал: «По красоте и силе многие поставляли его наравне с Пушкиным и Мицкевичем: мы готовы идти даже дальше в этом – у Тараса Шевченко есть та нагая красота выражения народной поэзии, которая только разве искрами блистает в великих поэтах художниках, каковы Пушкин и Мицкевич, и которая на каждой странице "Кобзаря" паразит вас у Шевченко»¹.

Все же К.И. Чуковский, говоря о современных ему переводах, утверждал, что Шевченко в них практически не известен русскому читателю (или, точнее, известен по судьбе и силе, но не по красоте своих произведений). Его убеждение таково: «По странной аберрации вкуса у нас до самого недавнего времени очень немногие знали, что Шевченко – поэт гениальный»². Убеждение выражено в 150-летний юбилей Шевченко, но слова «до самого недавнего времени» этого критика и тоже поэта излишни, поскольку это «недавнее время» длится до сих пор...

В настоящее время в околополитических кругах бытует представление об «антимоскальстве» и едва ли не русофобстве украинского поэта. Но это совершенно не соответствует истинному положению вещей, более того, анализ многих фактов (и факторов) показывает, что творчество Шевченко и русскоязычная культура не только сущностно связаны, но и обогащают друг друга. Можно ли трактовать русскоязычное творчество Шевченко так, чтобы оно отчуждало носителей двух языков? Конечно, можно. Продуктивно ли это? В целях политики или политиканства возможно, но в плане культурного диалога здесь обнаруживается масса загадок и возможностей. Не случайно даже наиболее политически ангажированные шевченковеды избегают окончательных суждений в данном направлении. Так, диссидент с 1960-х годов, считающийся национальной совестью Украины, Е. Сверстюк утверждает: «Шевченко и украинский и русский языки – тема намного более глубокая и серьезная, чем мы привыкли себе представлять, когда об этих языках говорится на уровне поверхностно-бытовом, не учитывая самого духа языка»³. И еще: «Когда мы отыскиваем шевченково окружение в Украине или в России, то должны понять, что это может быть только мир, лишенный имперской, официальной или светской гордыни»⁴.

Современный украинский исследователь Е.К. Нахлик указывает, что в настоящее время интенсифицируется диалог современного шевченковедения с пушкиноведением и областью исследований жизни и творчества А. Мицкевича. Важно поэтому его обновление в ракурсе возрождения украинской полонистики и русистики, в частности, в ходе исследования такого кросс-национального феномена, как славянский романтизм. Примечательна цитата из заключительных страниц его книги: «Нет оснований утверждать, что Шевченко якобы более близок польским романтикам нежели россий-

ским (или наоборот). Сама постановка вопроса отражает те или иные национальные амбиции, симпатии и антипатии, либо политическую конъюнктуру. Каждый из сравниваемых художников слова является самодостаточной величиной и ценностью, независимо от его сравнения с другими, и осознание этого – намного важнее, нежели тенденциозное сопоставление кого-либо из них с одними национальными писателями и противопоставление другим. В чем-то существенном наиболее близки друг другу Пушкин и Мицкевич, в другом – не менее существенном – Мицкевич и Шевченко, еще в чем-то, не менее характерном – Пушкин и Шевченко или же Лермонтов и Шевченко. Едва ли нужно лишний раз акцентировать внимание на том, что Шевченко не теряется, не проигрывает, не блекнет на фоне избранного важного сопоставительного ряда. Важнее другое: понять, что Шевченко, как и каждый из сравниваемых (порівнюваних) поэтов, играл в континууме своей национальной литературы (и шире – культуры) незаменимую роль»⁵.

В данной связи важно рассмотреть, во-первых, русскоязычные творения украинского поэта, во-вторых, поставить вопрос, почему многие русскоязычные читатели, в частности великие русские писатели – создатели классической и значимой для художественного развития всего человечества литературы – все-таки читали украиноязычные стихотворения и поэмы Шевченко, в-третьих, почему они стремились донести их поэтическую мощь и до других народов.

Русскоязычная проза Шевченко в целом отстала от общего потока развития русской прозы, хотя ее автобиографическая составляющая интересна сама по себе. Естественно, если бы Шевченко не вырвали насильственно из литературной жизни, он смог бы уловить и реализовать идеи «гоголевского периода» русской литературы. Украинский литературовед И.Дзюба справедливо отметил, что именно Шевченко в прозе (повестях, в меньшей степени – в «Дневнике» и уж совсем в малой – в русскоязычной поэзии) стремился сказать: «Украина имеет свое лицо, отличное от лица России, свою историю и культуру»⁶. Экс-президент Украины Л. Кучма, в прошлом немало сделавший для кооперации русско-украинских научно-технических связей и знающий цену другим связям, подчеркивал: «У нас уже есть неразрушимый мост к русскому языку. Это русское творчество Шевченко. Даже не будь ничего другого – ни близкого к русскому староукраинского литературного языка XVIII века, ни Сковороды, ни Григоровича-Барского, ни Гоголя, ни трудов наших классических историков и этнографов, ни западноукраинского "язычия", ни даже нынешней языковой ситуации в Украине, русское творчество Шевченко стало бы одним из залогов наших особых отношений с русским языком, нашим мостом к русскому языку. Воспользоваться таким мостом или нет, каждый украинец решит для себя сам, никакой обязанности тут быть не может. Но возможность представлена всем – русский язык всегда будет у нас одним из важнейших

школьных предметов, русский язык никогда не должен чувствовать себя иностранным в Украине»⁷. Очень взвешенное заявление, и апелляция к русскоязычному творчеству Шевченко здесь едва ли не ключевая. Хотелось бы, правда, чтобы и украинский язык не чувствовал себя на задворках в России, хотя бы как французский и немецкий, учитывая, что его носителей тоже десятки миллионов...

В сфере культуры вопрос взаимного обогащения языков значим не только для двух упоминаемых народов, но также для чехов и словаков, сербов и хорватов, испанцев и каталонцев, англичан, шотландцев и ирландцев и т.д. Этот вопрос решается в течение длительного времени – и плодотворно – скорее, за письменными столами писателей и поэтов, историков и этнологов и т.п., чем в жестких политизированных столкновениях. Но часто и эти результаты являются предметом излишне пристрастных истолкований в национальном духе.

Если вернуться к русскоязычной прозе Шевченко, то, действительно, ему не удалось в повестях в полной мере реализовать свой талант, хотя негативизм по отношению к ним со стороны украинца П.А. Кулиша и русско-го С.Т. Аксакова можно считать чрезмерным и идеологически ангажированным. И то, что его повести не были приняты русскими журналами (украинских не существовало), несправедливо, хотя они и несоизмеримы по талантности с поэтическим творчеством Шевченко.

Повести увидели свет в 1888 г., их автор правомерно рассматривался, например, русским историком литературы А.Н. Пыпиным, в качестве оригинального прозаика. Так, повесть «Наймичка» содержит некоторые дополнительные сведения по сравнению с поэмой; важно, что чрезмерных обвинений в адрес обольстителя героини в ней не было, более того, он стремился снова сойтись с матерью своего сына, но та отвергла предложения улана. Поэма выиграла из-за отказа от этих излишеств. Л.Н. Толстой вряд ли плакал бы над «Наймичкой» в прозаическом варианте. И. Франко писал, что сюжет поэмы – «спрессованная, концентрированная, выкристаллизованная действительность», в повести те же сюжеты изложены обстоятельно и с юмором, что придает сюжету достоверность⁸.

Практически каждая из повестей имеет свое зерно. В «Капитанше» это сюжет и характер солдата-украинца, который спасает дочь одного капитана и ее дочь уже как наложницу капитана другого; в «Художнике» – автобиографические сведения; в повести «Близнецы» – идеи педагогического характера и т.д. Создание повестей Шевченко и попытки их публикации – сама по себе повесть при его жизни. Он писал их в ссылке для русскоязычных журналов в надежде на заработок, а также, скорее всего, потому, что там для поэзии у него не было «горючей массы». Кроме того, проза русскоязычная сделала большой рывок именно во время его вынужденного отсутствия – и Шевченко это осознавал.

Непростой вопрос и с побуждениями к написанию русскоязычных поэтических и драматических произведений. Что касается последних, то в сохранившихся фрагментах трагедии «Никита Гайдай», написанной в 1841 г., особенно примечателен призыв к славянскому единению; в ней ставится вопрос, ответ на который не найден и сегодня: «Ужели нам вечно суждено быть играми иноплеменников»⁹. Отрывок из пьесы был опубликован в девятом номере журнала «Маяк» за 1842 г., и для набиравшего силу движения славянофилов, а затем и идей панславизма, эти призывы и вопрос звучали очень убедительно (тот же С.Т. Аксаков многое «прощал» поэту, уже в конце 1850-х годов перешедшему на позиции революционного демократизма; другие славянофилы оценивали Шевченко пожестче, но и от него получали упреки, к примеру, И.С. Аксаков за «Русскую беседу» и за излишнее «ревнительство» властям).

Поэма «Тризна» носит во многом биографический характер, впрочем она и была написана по запросу княжны В.Н. Репниной, близкого друга поэта, дочки Н.Г. Репнина-Волконского (старшего брата декабриста С.Г. Волконского – отсюда и аллюзии на нелегкую судьбу ее героя). Но все-таки поэма – не биографическая, а аллегорическая исповедь. Однако именно исповедь – и как раз в ней ключ к пониманию судьбы поэта, его души, его терзаний, тяжелых коллизий, в которые ввергла его жизнь. Остается добавить, что поэма не могла бы быть написана не только без поэзии декабристов, включая созданную в 1838 г. А.И. Одоевским одноименную поэму, но и без «Кавказского пленника», и «Героя нашего времени». Именно русская классическая литература начала задавать высочайшую планку исповедальности, значимую для художественного развития всего человечества. В своей поэме Шевченко воспринимал и вместе с тем отвергал сложившуюся романтическую традицию, задавая уже свои формы исповедальности (как это зафиксировано в стихотворении «Три літа»).

В статье «Перекресток "Тризны"» американский ученый-славист украинского происхождения Г.Ю. Грабович трактовал поэму как результат поиска Шевченко новой идентичности, связанной с переходом от позиции сосредоточения на самом себе и преимущественно сентиментальной к позиции трибунной и прометеевской – таковая просматривалась в поэзии декабристов и глубоко любимого им М.Ю. Лермонтова. «Одновременно, – пишет автор, – она иллюстрирует особую миссию русскоязычной поэзии Шевченко»¹⁰.

Действительно, «Тризна» выступает как реквием и символ возрождения, она открывает и глубинную тенденцию обращения к библейским образам, в первую очередь, к Слову, которое спасает (недаром она и открывается словами первого послания апостола Павла о силе Глагола). Она мировоззренчески расширяет горизонты поэта (упомянувшего в поэме о мыслях Канта и Галилея), она же, будучи русскоязычным творением, знаменует

поворот к новому пониманию украинства. Остается добавить, что Шевченко не ушел от общей судьбы русских поэтов с фатальной цифрой 37 лет: столько он прожил в условиях свободы, а 10 лет у него «выгрызла» ссылка.

«Дневник» Шевченко, отличаясь от ряда дневников своего времени, несет на себе печать авторской индивидуальности, проявляющейся как раз через русский язык, который «пригодился» и для фиксации тонких движений души, и для выражения социальной позиции, и для эстетических суждений, и для философских размышлений. Этническая идентичность Шевченко при этом не только не пострадала, но и обогатилась новыми открытиями для диалога (которым по сути является любой дневник). Автор в нем зафиксировал некий экзистенциальный сдвиг – возвращение в свободную (освобождающуюся после николаевской тесноты) жизнь с новыми типами людей: это своеобразное «второе рождение». Особенно его радовали признаки возрождения украинства, причем на русской (точнее – имперско-национальной) почве в том же Петербурге, ставшем ко времени приезда в него Шевченко местом рождения первой украинской Громады.

Аналогов «Дневнику» на украинском языке практически не было, но весьма немного отыскивается и на русском – разве что «Дневник» другого бывшего крепостного А.В. Никитенко (встречу с которым Шевченко зафиксировал в своем «Дневнике» от 6 мая 1858 г., отметив, что тот не избегает даже «малороссийских выражений»; в той же записи Шевченко говорит и о В.В. Энгельгардте, сыне своего бывшего помещика, комментируя более раннюю встречу 14 апреля с этим «приличным юношею» словами: «Забвение прошедшему. Мир и любовь настоящему»)¹¹.

«Дневник» фиксирует, что и в Астрахани, и в Нижнем Новгороде, и в Москве, и, наконец, в Петербурге его встречали как поэта-страдальца, от него ждали новых стихотворений – и он оправдывает эти ожидания. Кроме того, он становится фигурой общественно-политической жизни всеимперского масштаба, налаживая отношения с теми, кто именовался революционными демократами, не теряя контактов со славянофилами и западниками.

«Дневник» – свидетельство богатейшей эрудиции поэта (которая была присуща, пожалуй, лишь одному писателю, также не получившему систематического образования – М. Горькому; надо добавить, что ключевая идея его знаменитого романа «Мать» выстраивалась не без влияния поэмы Шевченко «Неофиты»). В нем находят отражение не только сомнения и страхи, мелочи быта, но и высказываются упования в связи с будущим, которое для Шевченко не имело смысла без освобождения крестьян.

Конечно, даже самые пристрастные националисты не могут не признать, что Шевченко писал и на русском языке. Академические же исследователи отмечают, что поэт, будучи одним из представителей славянского триумвирата, включающего также Пушкина и Мицкевича, не мог не откликаться на их творчество (они, поэты-дворяне, не могли бы проигнорировать

и творчество поэта-крестьянина, но Пушкин погиб до выхода произведений Шевченко, а Мицкевич отошел от поэтического творчества). При этом, согласно современному исследователю Е. Нахлику, все они «создавали "должный", а не "сущий" образ протобытия своих народов», что еще больше затрудняет проблему соотношения их творческого наследия. В любом случае, согласно книге с весьма примечательным названием¹², содержащим одно слово на трех славянских языках (Доля, Los, Судьба), справедливо подчеркивается, что в данном отношении надо доходить до метафизического ядра личности Шевченко, чтобы оценить его взгляды на социальные и исторические реалии, а также пребывание в социуме Российской империи (другой для него не было).

В предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX века» Н.П. Огарев писал: «Украина проснулась в Шевченко, и – лучшее доказательство как сила обстоятельств влечет к самобытности областей и нераздельности союза, – Шевченко, народный поэт в Малороссии, с восторгом принят как свой в русской литературе и стал для нас родной: так было много общего в наших страданиях и так самобытность каждого становится необходимым условием общей свободы»¹³. На этом фоне парадоксально отсутствие полноценных переводов творений Шевченко на русский язык. Кто бы за них не брался, успеха не было, что не снижало интереса к творчеству поэта. Более того, многие русские поэты вступали в своеобразную тематическую и даже стилистическую перекличку с Шевченко – о таковой украинского поэта с Н.А. Некрасовым написаны десятки, если не сотни, трудов. Интересно свидетельство художника И.Е. Репина, не раз иллюстрировавшего поэтические труды обоих: «Мы, люди шестидесятых годов, любили их одинаково – и Шевченко, и Некрасова. И на стене своей комнаты вешали их портреты рядом»¹⁴.

К.И. Чуковский весьма убедительно проанализировал эту «аномалию»: Шевченко едва ли не принципиально непереволим именно на русский язык, но при этом он не может не считаться в качестве значимого элемента русской художественной культуры. Что касается филологических контекстов, то Чуковский постоянно подчеркивает: именно близость языков создает многие абerrации. Наиболее убедительным является пример с переводами ключевого стихотворения «Заповіт» («Завещание»). Поэт пишет: «Як умру, то поховайте/ Мене на могилі». Большинство переводчиков писали: похороните меня в могиле и, используя это слово, как будто бы отдавали должное украинской специфике. Но могила у Шевченко – не место упокоения, а высокий холм – курган. И только после этого меткого замечания упомянутого исследователя переводчики начали переводить без этой аномалии.

И еще одно наблюдение Чуковского: «Было бы сумасшествием думать, будто в русском языке не хватает ресурсов передать всю поэзию украинского подлинника. Мало существует таких трудностей, с которыми не

смог бы совладать этот многообразный язык... Именно потому, что украинский язык так родственно близок русскому, переводчик на каждой странице наталкивается на подводные рифы и мели, каких не существует при переводе с других языков. Здесь с особенной ясностью видишь, как безнадежны бывают в отношении точности дословные воспроизведения текста»¹⁵.

И все же поэзия Шевченко в полном объеме (не числа строк, а множества смыслов) может и должна быть освоена, в чем заключается и ответ на вызов к более полному освоению именно русского языка. Дело в том, что проникновение в богатство языка украинского способствует освоению глубин русского, что, собственно, и демонстрирует несомненный интерес к гению Шевченко гениев русской письменности.

Это не значит, что нужно едва ли не насильственным путем внедрять стихи Шевченко в самые разные образовательные структуры, где часто в век компьютерной грамотности и русские-то стихи приходится читать со словарем. Но в некоем пограничном видении следует сказать тем, для кого освоение языка – не только профессия, но и призвание (включая переводчиков): стихи Шевченко переводить мы обречены, и высокие образцы в этом деле уже достигнуты.

При освоении гения Шевченко надо брать не только филологический барьер, но еще учитывать и то, что Шевченко – поэт угнетенных. Как известно, русская классическая литература – плод творчества в основном писателей-дворян (даже А.П. Чехов, получив чин титулярного советника по окончании университета, считался дворянином). Шевченко – плоть от плоти представитель не только украинства, но и крестьянства, да еще крепостного. Горечь судьбы крепостных – живописцев, художников, музыкантов – с трудом поддается описанию (таковые – герои с трагической судьбой повестей и самого Шевченко), но как раз русские писатели и художники в 1838 г. (22 апреля) сделали все, чтобы выкупить его из неволи.

Уже до этого он начал писать стихи, в которых отражались чаяния народа как в поэтическом ключе, так и в плане выражения его упований на свободу. Как раз поэтому в его поэзию начали вслушиваться великие мастера русского слова, даже И.А. Бунин оставил проникновенные строки об этом. Именно им удавалось расшифровывать сплав у Шевченко поэтичности и социальности без этнографизма и революционаризма, сентиментальности и националистических пристрастий. Переводчики оказывались в особенно трудном положении, и дело было не только в цензуре (хотя вплоть до 1917 г. многие стихотворения печатались лишь с купюрами или не печатались вообще). Феномен творчества Шевченко демонстрирует другое: вопреки наилучшим намерениям переводчики нередко выступали «самым ярким врагом переводимого автора»¹⁶. Иллюзия близости языков служила им плохую службу, каждый из переводчиков мог читать его своим (а то и своим). И все же Шевченко знали, знают и будут знать русскоязычные чита-

тели, многие из которых сами осваивают для понимания Шевченко украинский язык.

«"Кобзарь" знаменует радикальную демократизацию мировой культуры – идет речь о превращении всей ее общественно-художественной фактуры. С Шевченко заговорили целые социальные материи, еле намеченные на элитарных культурных картах, мощнейшие и до тех пор неизвестные массивы человеческого горя», – писал литературовед В.Л. Скуратовский¹⁷.

Отсюда такая любовь к нему всех народов: мало кому из поэтов воздвигнуто столь большое количество памятников по всему миру. Народные массы ощущают в нем «своего», несмотря на языковые барьеры, а представители «элитарных культурных карт» признают его гениальность как художника, который заговорил на сложнейшем языке практически без периода ученичества.

На поставленный же вопрос о том, следует ли читать Шевченко на украинском языке, нужно дать ответ: следует, и не в последнюю очередь для того, чтобы понимать мощь и глубины языка русского.

200-летний юбилей Тараса Григорьевича Шевченко приходится на непростые времена отношений между украинским и русским народами, а также их культурами (по крайней мере, русские СМИ с начала 2014 г. об этом юбилее практически ничего не говорят). Вместе с тем обращение к творчеству гениального поэта, анализ его сущностных связей с русской культурой, в первую очередь, с русской классической литературой, доказывают, что без конструктивного взаимопонимания возможны не только крах культурных взаимоотношений, но и – как следствие – окончательная гибель (восточно)славянского мира. Это и демонстрирует фигура поэта, значимая для развития не только украинской, но и русской культуры, ибо не считаться с тем, что сделал Шевченко для культуры русской (и что сделала она для него), никак нельзя.

Примечания

¹ http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0290oldorfo.shtml

² Чуковский К.И. Собр. соч. Т. 3. М., 2008. С. 363.

³ Сверстюк С. Шевченко і час. Київ, 1996. С. 118.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Нахлік С. К. Доля – Los – Судьба: Шевченко і польські та російські романтики. Львів, 2003. С. 551.

⁶ Дзюба І. Тарас Шевченко. Київ, 2005. С. 516.

⁷ Кучма Л. Украина – не Россия. М., 2003. С. 313.

⁸ Франко І. «Наймичка» Т. Шевченка // Франко І. Зібрання творів у 5 томах. Т. 9. Київ, 1981. С. 457.

⁹ Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів у шести томах. Т. 3. Київ, 1963. С. 58.

- ¹⁰ Грабович Г.Ю. Шевченко, якого не знаймо: З проблематики символічної автобіографії та сучасної рецепції поета. Київ, 2000. С. 50.
- ¹¹ Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів... Т. 5. С. 227, 237.
- ¹² Нахлік Є.К. Указ. соч. С. 11.
- ¹³ Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. Т.1. М., 1952. С. 466.
- ¹⁴ Шаблювский Е.С. Т.Г.Шевченко и русские революционные демократы. Киев, 1975. С. 263.
- ¹⁵ Чуковский К.И. Указ. соч. С. 344.
- ¹⁶ Там же. С. 325.
- ¹⁷ Батькові Тарасові – батько Союз Ukrainian national association. N.Y., 1989. С. 28, 31.

Образ Тараса Шевченко и его «Кобзарь» в польскоязычном культурном пространстве между Киевом и Вильно до начала восстания 1863–1864 гг.

Abstract:

Labyntsev Yu.A. *Figure of Taras Shevchenko and his book "Kobzar" ("The bard") in the Polish-speaking cultural space between Kiev and Vilna until the rebellion of 1863–1864.*

The article considers, how the Poles, who in the 1840s–1860s were living on the vast territories of the contemporary Ukraine, Belarus and Lithuania, viewed Taras Shevchenko (1814–1861) and his poetic heritage. The conclusion is made that these views reflected certain political interests, which Ivan Franko described as a desire to see Ukraine as “an integral part of Poland”.

Ключевые слова: Украина, украинская литература, Тарас Шевченко, Польша, польская культура, польское восстание 1863–1864 гг., Белоруссия, белорусская культура, Литва, литовская культура.

Ровно сто лет назад в Варшаве вышла из печати небольшая книжка польского литератора Чеслава Янковского «Naród polski i jego ojczyzna»¹, сразу же вызвавшая негодование «3/4 польской общественности»², ибо в ней автор поднимал важнейший вопрос о реальных границах польского мира. Стоит ли говорить, что вопрос этот, особенно если вести речь о границах культурных, является весьма острым и спорным по сей день, а давняя «идеология» Ч. Янковского, «уменьшителя родины», все также считается по сути национальным предательством³. В наши дни разговор собственно о польском культурном пространстве становится еще более актуальным в связи с появлением на политической карте и развитием новых независимых государств, таких как Украина, Белоруссия и Литва, на территориях которых польский язык и культура столетиями были широко распространены, где родились Адам Мицкевич и Юлиуш Словацкий.

Можно сказать, что возникшее в позапрошлом веке своеобразное видение этих территорий в качестве особых польских «восточных окраин» («kresów wschodnich») ныне превратилось в своего рода устойчивый идейно-философский и политический миф, о котором пишутся многочисленные ученые трактаты. Впрочем, саму эту мифологию вслед за Д. Бовуа, можно именовать «колониальной»⁴. По его мнению: «Эта мифология сугубо помещичья: картина деревенской жизни в усадьбе, раскинувшейся среди хлебных нив, жизни в гармонии с простым, зажиточным и спокойным крестьянством. В то же время основательный анализ архивных документов позволяет

сделать вывод, что ситуация была далека от гармонии. В глазах украинцев слово “поляк” ведь еще недавно было аналогично слову “пан”. Польские землевладельцы рассматривали те земли точно так же, как французы Мартинику – колониально. Получали барыши, не позволяя им самостоятельно развиваться»⁵. Современная Польша подобный взгляд на «восточные окраины» практически не приемлет, потому еще сложнее исследовать и адекватно описать то давнее польскоязычное пространство белорусско-украинско-литовских земель⁶, где первые сведения о Тарасе Шевченко (1814–1861) появились уже в начале 1840-х годов.

Их автором был уроженец Виленщины Ромуальд Друцкий-Подберезский (1813–1856), которого сейчас именуют одновременно белорусским и польским литератором, писавшим в основном на польском языке. Личное знакомство бедного шляхтича Подберезского с Шевченко давало первому возможность непосредственно оценить литературный и художественный талант недавно выкупленного крепостного⁷. «Известный в русской и малорусской литературе господин Тарас Шевченко, а на Украине под именем Кобзаря или народного поэта, автор поэмы “Гайдамаки”, “Тризна” и национальной исторической песни о рыцаре Гамалие, а также как художник, обучающийся в здешней Академии художеств, выделяющийся своим творческим талантом в представлении изображений малороссийского народа, предпринял публикацию целого собрания гравюр, относящихся к истории, представляющих обычаи и живописные виды природы стороны, известной в истории под общим названием Малороссии»⁸. «Сторона эта, – продолжает Подберезский, – занимающая столь важное место в польской истории, не может быть не интересна нашей общественности. Интерес этот удваивается в настоящий момент, когда один из добропорядочнейших наших писателей, господин Михаил Грабовский, занимается составлением на ученом уровне обширного и неизмеримо важного (судя по накопленным материалам, которые мы имели возможность несколько месяцев назад видеть в Александровке⁹) произведения под названием: “Украина давняя и современная”. Это единство замысла у гениального писателя и талантливое художника-поэта обещает необычайно важную в своих результатах целостность для истории страны, судьба которой до сих пор ни в польской, ни в русской истории достаточно не освещена»¹⁰. Как видим, Подберезский не только делает несколько весьма важных акцентов для понимания нами того историко-культурного контекста, в который он вписывает личность Шевченко, но и обозначает некую возможную политическую спорность «стороны, известной в истории под общим названием Малороссии».

Несколько иное видение ситуации было у Антония Марцинковского (1823–1880), шляхтича средней руки, родившегося и прожившего всю жизнь под Киевом. Ученик по Киевскому университету знаменитого профессора Михаила Максимовича, с раннего детства оказавшийся в тесном окружении

украинского крестьянства, он прекрасно знал его язык, всю свою жизнь собирал местный фольклор, написал ряд украиноведческих исследований, среди них двухтомный труд «Lud ukraiński»¹¹, имевшийся и в личной библиотеке Тараса Шевченко, которого Марцинковский мог непосредственно знать. Примечательно, что первой печатной работой Марцинковского стала блестяще написанная отповедь-откровение в защиту нарождавшейся новой украинской литературы и ее творцов¹². Двадцатилетний автор этой отповеди, о котором до сих пор польские исследователи писали только как о литературном критике¹³ и притом очень немногo¹⁴, на самом деле оказывается сейчас куда более заметным украиноведом¹⁵, необычайно горячо поддержавшим в польскоязычном культурном пространстве права и жизнеспособность украинского слова, всей украинской культуры. Более того, в начале 1840-х годов юный Марцинковский выступил против целого, правда достаточно противоречивого направления в польской литературе XIX столетия – так наз. «украинской школы».

Примечательно, что эта первая публикация Марцинковского была помещена его близким знакомым Бенедиктом Доленгой (псевдоним Якуба Юркевича) в «Tygodnik Petersburski» – главный печатный орган группы польских писателей, среди которых одно из центральных мест занимал упомянутый выше М. Грабовский¹⁶. В том числе и на него со всей своей молодой силой обрушился Марцинковский в отстаивании прав новой украинской литературы. Очень серьезной критике подвергает Марцинковский «украинские» произведения своего земляка Тимка Падуры, «пишущего на языке самим» им искусственно созданном, ибо «таким языком не говорит ни одно руское племя». По сути, «это не более чем пародия польского языка», которую именуют «польско-русским наречием». «Ничтожные сочинения» Падуры «никакого отношения к Украине не имеют», они совершенно искусственны. В то же время проблема живого украинского языка вполне очевидна. Он существует и именуется «южно-русским, или так называемым украинским, или малороссийским», а утверждение о том, «что люд украинский не имеет и иметь не может родной своей литературы» безосновательно.

Марцинковский приводит лапидарную схему развития украинского языка и литературы, начиная с раннего Средневековья. «Появление украинского языка относится без сомнения к середине XI в., возник он, как можно понять, из языка общего для всех народов восточного славянства, который после изобретения кирилловского алфавита стал книжным и богослужебным в той части славянской земли, где распространилась христианская вера греческого обряда». Поэзия, по мнению Марцинковского, определяет «главный характер украинского народа», «заполняет весь быт украинца». «Мы видим, что народ украинский в высшей степени является поэтичным; чувствуем, что его думы, веками сохраняемые в памяти народа, будут вновь жить веками, если своими бардами будут вписаны в книги». Украинский язык

способен стать и уже стал языком новой литературы. Она существует, и «писатели должны только развивать ее далее». Представители польскоязычной стороны разбирают псевдоукраинские сочинения таких литераторов как Т. Падура, но ничего не говорят «о Шевченко, Тополе, Кулише, Основьяненко, Гребенке и многих других, произведения которых могут занять достойное место в любой литературе». Эти свои взгляды, особенно в части отношения к простонародной культуре и ее поистине общеславянской ценности, Марцинковский продолжал сохранять до конца своих дней, но столь же пылкое выступление в защиту новой украинской литературы и ее основоположников, прежде всего Шевченко, появится в польскоязычной среде еще не скоро.

Сделает это почти два десятилетия спустя сын мелкого шляхтича и украинской крестьянки с Подолья Леонард Совиньский (1831–1887), многолетний студент Киевского университета, находившийся в тесных контактах с так наз. «хлопоманами»*, в том числе со знаменитым впоследствии профессором Владимиром Антоновичем. Будучи довольно жестким критиком жизни польской шляхты на украинских землях, ее колонизаторского обращения со своими крепостными, Совиньский тем не менее выступал за широкое введение польского языка в школьное образование, присоединение Подолья к Королевству Польскому и одновременно стал одним из первых глашатаев славы Тараса Шевченко в польской среде, а также умелым переводчиком его произведений и исследователем жизни и творчества. В 1860 г. в «Виленском курьере» («*Kurierze Wileńskim*»), с которым он тесно сотрудничал в течение последующих нескольких лет, публикуется обширный его очерк «Исследования современной украинской литературы»¹⁷, в котором творчеству Шевченко уделяется надлежащее место. «Литературу побратимного русинского рода», душа которого вошла когда-то «в польский исторический организм» мы с необоснованным равнодушием отвергаем, констатирует в начале очерка Л. Совиньский. «Лет пятнадцать уже такие деятели как Кулиш, Костомаров, Шевченко работают на ниве нашей исторической сокровищницы, но до сих пор не подано им дружеской руки». Вместе с тем, желательно, «чтобы украинские писатели с такой же беспристрастностью осудили» негативные моменты нашей общей истории, ибо «была между нами распря религиозная, социальная, а может и национальная».

Очерк Совиньского стал своеобразным введением историко-культурного характера к планировавшейся им серии литературоведческих портретов отдельных украинских писателей и анализу «известных произведений украинской литературы»¹⁸. Замысел этот ему удалось осуществить лишь в отношении Тараса Шевченко, мысли о котором не оставляли Со-

* «Хлопоманы» – народническое движение украинской интеллигенции на Правобережной Украине середины XIX в.

виньского всю жизнь. Весьма примечательны первые слова из его книги «Тарас Шевченко: исследование... с приложением перевода “Тайдамаков”»¹⁹, вышедшей из печати всего лишь через несколько месяцев после публикации очерка-введения. «Присмотримся, панове, – восклицает Совиньский, – к отверженному крестьянскому образу: как прекрасен он в простой сермяге, как выразителен в наивной своей дикости! Душа Тараса – это душа крестьянского простонародья, наполненная убеждением правды и беззакония, растравленная страстной мольбой...». До сих пор мы слышали лишь тех, кто, поймав «народную ноту», слыл «за украинских поэтов», давайте же теперь «послушаем настоящего украинского кобзаря». Вот «несколько характерных черт духовного обличия» его:

- «1) Пламенная любовь к сельскому простонародью;
- 2) Ненависть и презрение ко всякому насилию;
- 3) Страстное сочувствие к испытывающим боль и унижение;
- 4) Склонность к простонародному фатализму, с умалением Провидения и воли;
- 5) Чувство собственной правоты и искреннее проникновение социальной идеей, узнанной за совершенно справедливую и святую»²⁰. Последнее, по мысли Совиньского, ничто иное как суть проявления понимания «так называемой украинской доли», что выразительнейшим образом отозвалось в стихах Тараса Шевченко. Впрочем, «сельский люд не имеет истории», но оттого для нас еще ценнее песни «украинского лирика» Шевченко, а «великий народный поэт обязан быть христианином»²¹.

К дальнейшим большим работам, связанным с литературным наследием «знаменитого украинского поэта Тараса Шевченко», Л. Совиньский вернется только в конце 1860-х годов²², после своей высылки в центральную Россию за поддержку и распространение предложения, непосредственно представленного императору Александру II, об административном присоединении Подольской губернии к Королевству Польскому. Эта высылка, которую известный украинский славист Г.Д. Вервес считал наказанием «за патриотическую деятельность»²³, спасла Совиньского от возможных серьезных репрессий в период польского восстания 1863–1864 гг., участия в котором он не принимал. Впрочем, это была уже совсем иная эпоха, отсчет которой обозначило само польское восстание и его последствия, в том числе с распространившимся в шляхетской среде интересе к бывшим крепостным, не поддержавшим своих панов. Причины последнего блестяще раскрыл значительно позднее и сам Совиньский, достаточно сослаться на его драму «На Украине»²⁴ или повесть «На распутье»²⁵.

В последний год предмятежного периода в Киеве выходит в свет первый том «Переводов малороссийских писателей» Антония Гожалчиньского, целиком посвященный Тарасу Шевченко²⁶. Практически сразу же на это издание, напечатанное в университетской типографии, в газете «Киев-

ский телеграф» появился отклик, в котором оно было положительно охарактеризовано²⁷, а переводы названы весьма удачными, содержащими «в себе прелесть украинской народной поэзии»²⁸. Издание это готовилось недавним киевским студентом в год смерти Тараса Шевченко, 1861-й, и потому отображало в своем содержании активизацию восприятия наследия поэта в кругу наиболее близкой к зарождавшемуся украинскому движению польскоязычной среды. «Несколько цветов, сорванных с могилы украинского пророка, – писал А. Гожалчиньский, – пересадим на родимую ниву», «поставим украинского поэта в свете исторической правды и эстетических представлений перед судом побратимов»²⁹. При этом Гожалчиньский сразу же обрушивается с резкой критикой на Совиньского, обвиняя его в явной несвоевременности перевода на польский язык такого произведения Шевченко как «Гайдамаки», воскрешавшего картины кровавой резни в период колиивщины*. И это, как утверждает Гожалчиньский, не только его личное мнение, но и общественности, повторяющей, что «перевод “Гайдамаков” не ко времени». А судить именно так заставляет обстановка и «совесть народа, к которому мы принадлежим, обязывает независимое положение, какое мы занимаем в отношении русинского края».

Дабы написать вступительный очерк к своему изданию, Гожалчиньский старался «собрать и прочесть все, что только вышло из-под пера Шевченко, просмотреть суждения, какие о нем сделали критики», «послушать высказывания о нем своих земляков». «Национальный поэт, – подводит итог Гожалчиньский, – выразитель массы», его лира – из миллионов струн народных чувств, поэт-пророк держит эту лиру и поет народу родную песнь, которую поймут все, и она зажжет их сердца. «Шевченко был таким поэтом», «впитавшим в душу с молоком матери ненависть к панам»³⁰. Тем не менее, «он не был глашатаем мести», произведения «Шевченко на века останутся чудесным цветком из степи и деревенской хаты, в будущем весь мир почтит мужика-поэта». После его кончины скорбела вся Украина, плакал весь народ. Это был человек правды, «человек-христианин», учивший не ненависти и мести, а любви. «Шевченко любил свой народ любовью отца, народ также называет его отцом; он скорбел над недолей народа и указал ему высшую жизненную цель»³¹. Первостепенной заслугой Шевченко «является воскрешение языка». «Выйдя из простого народа, поднявшись по образованию над ним, не утратил он ни любви к нему, ни сопереживания». «Засеял поле, с которого соберется богатый урожай народного просвещения» и остался в памяти потомков как глашатай правды. И для иных народов «Шевченко также замечательный поэт», его мелодии и мысли близки многим. Не пора ли и Вам панове, «что находитесь ближе всего к народу, пророком которого был Шевченко», отдать им должное. «Бросьте и Вы не-

* Колиивщина – гайдаматское восстание на Правобережной Украине в 1768 г.

много земли на его могилу, вложите кирпичик на надмогильный памятник во имя великого слова любви и братства». Своей книгой переводов сочинений «национального поэта Украины я плачу и провинный долг моего народа», ибо «кто не умеет уважать и чтить чужой народ, не чтит и свой и является наихудшим деспотом, деспотом мысли!»³².

Принадлежа к молодой части киевского польского общества, Гожалчиньский, как он сам подчеркивал, писал о Шевченко и переводил его стихи «в моменте», который непосредственно предшествовал восстанию 1863–1864 годов и значительному брожению в самом этом польском обществе, из которого тогда же со значительным общественным шумом выделилась группа «хлопоманов». Гожалчиньский не принадлежал к их числу, но его позиция дает возможность представить тот разбег местной польской мысли по отношению к украинскому населению, о которой, как и о самих ее выразителях, известно мало³³. Между тем, сообщений о Шевченко и переводах его произведений, особенно сразу же после смерти поэта, в польской печати Российской империи и зарубежья тогда появляется все больше и больше. Правда, они по объему и содержанию не столь значительны, часто носят характер короткой справки или упоминания, но и в самых небольших из них его все чаще именуют «известным малороссийским поэтом Шевченко»³⁴.

Сложилось так, что переводы Гожалчиньского, высоко оцененные его современниками-поляками³⁵, ныне, как впрочем, правда в меньшей степени, и переводы Совиньского, почти забыты и известны в основном в узком кругу специалистов-литературоведов, считающих, что переводы эти имеют «незначительную художественную ценность»³⁶. Иное дело перевод «Кобзаря», выполненный в конце 1850-х – начале 1861 г. известным поэтом Людвигом Кондратовичем, писавшим под псевдонимом Владислав Сырокомля (1823–1862). Его не без основания считают не только польским, но и белорусским литератором³⁷, в польском языке которого исследователи отметили огромное количество белорусизмов³⁸. Перевод Сырокомли оказался куда более востребованным читателями. И даже совсем недавно, 9 марта 2014 г., на праздновании 200-летнего юбилея Тараса Шевченко в Киеве, польский посол Г. Литвин прочитал отрывок из его «Kobzarza» – «Dumku» («Rzeka ciągle choć powoli...»), носящую в украинском оригинале название «Думка» («Тече вода в синє море...»).

Тяжелые жизненные обстоятельства не позволили Сырокомле сразу же опубликовать свой перевод «Кобзаря» – он вышел из печати уже после кончины переводчика в самом конце декабря 1862 г., датирован 1863-м г.³⁹, и тогда же, в январе 1863 г., появился в книжных магазинах Российской империи, включая Варшаву⁴⁰. Хорошо знавший обстоятельства работы Сырокомли над переводом, а это мог быть его секретарь Викентий Коротынский, в первой половине марта того же 1863 г. сообщал из Вильно: «"Кобзарь" Тараса Шевченко, переведенный с малороссийского Владиславом Сыроком-

лей, является последним изданием его произведений в прошлом году и датирован уже текущим годом. Этот перевод Сырокомля завершил еще в 1859 г., однако текст пролежал у издателя в рукописи, что, между прочим, является исключительным явлением в истории творчества поэта, сочинения которого буквально вырывали из его рук еще перед их завершением... С публикацией этой книги почти все произведения гениального поэта украинского народа имеются в польском переводе, а не печатавшиеся и может быть великолепнейшие, ждут своего издания в оригинале... Отображение его произведений на польском языке досталось двум знаменитым мастерам нашего слова; Кондратович в «Кобзаре» показал то, что в украинском поэте следует любить; Леонард Совиньский в «Гайдамаках» представил иную, черную сторону. Книга Кондратовича естественно для нас милейшая... Однако из этого еще не следует в целом осуждение издания пана Совиньского, как о том писано и переписано в Варшаве»⁴¹.

Даже в обстоятельных работах, посвященных Сырокомле, принадлежащих и его современникам⁴², и нынешним исследователям⁴³, о переводе «Кобзаря» практически ничего не говорится. Показательна в данной связи обширная биография Сырокомли, законченная 3 января 1862 г. в Варшаве, то есть через два месяца после его кончины, известнейшим польским писателем Ю.А. Крашевским, очень долго близко знавшим поэта⁴⁴. В этой биографии Крашевский сообщает буквально следующее: «Перевод “Кобзаря” Шевченко должен был быть отдан издателю» виленскому А. Ассу⁴⁵. Никаких сведений об обстоятельствах работы над переводом «Кобзаря» Сырокомлей не находим мы и в документах его разрозненного личного архива, основная часть которого сберегается ныне в хранилищах Вильнюса⁴⁶. И хотя по собственным словам Сырокомли, «за состав наших собраний нам нечего стыдиться пред миром»⁴⁷, его личный архив, увы, сохранился далеко не полностью, не сбереглись и рукописи переводов «Кобзаря». Приходится восстанавливать обстоятельства работы над этим переводом Сырокомли, ориентируясь на некоторые указания его секретаря и белорусского земляка Викентия Коротынского, писавшего, что «настоящий перевод большей части напечатанных произведений знаменитого, хотя зачастую слишком пристрастного поэта украинского народа, Кондратович сделал в основном во время своего пребывания в Борейковщине в 1861 г.»⁴⁸. В конце напечатанного текста самого перевода в издательской редакции 1872 г., также принадлежащей В. Коротынскому, дата и место перевода указаны следующим образом: «1860–1861. Борейковщина и Вильно» («1860–1861. Borejkowszczyzna i Wilno»)⁴⁹. В то же время в предисловии к переводу «Кобзаря» сам Сырокомля пишет о Шевченко, скончавшемся по старому стилю 26 февраля 1861 г., как о живом. Все это дает основание предположить, что стихи Шевченко Сырокомля начал переводить уже по крайней мере с конца 1850-х годов. Знакомы же они ему были, видимо, с давних времен, и его,

«сельского лирика», широко известного в польскоязычном мире, верного друга тех, кто первым открывал этому миру Шевченко, например, А. Марцинковского⁵⁰, весьма интересовала судьба украинского кобзаря, выходца из деревенского простонародья, которому свою жизнь во многом посвятил и сам Кондратович.

Вот почему столь важны его слова о Шевченко, приведенные в предисловии к переводу «Кобзаря»: «Тарас Шевченко, живой поэт, известный примечательными поворотами своей судьбы, он заслуживает признания ему звания главного ныне певца Украины. Чувствуя, что еще рано писать исследования о судьбе и произведениях живого автора, мы перевели без каких либо комментариев его “Кобзарь”, собрание думок и поэм, отличающихся живостью, силой, глубоким знанием и любовью к простому народу. Украинская поэзия, которая начала новую нашу эру, не может быть нам безразлична»⁵¹. В этом кратком предисловии Сырокомли, почти формуле, заключено его понимание сложной ситуации в польском обществе накануне грозных событий 1860-х годов, его предчувствие неизбежной исторической трагедии польской шляхты, стоящей на многих перепутьях, в том числе и по отношению к своим угнетенным крепостным, родным языком которых был не польский. В каком-то смысле сам Сырокомля оказывается в данной связи своеобразным поэтом польско-восточнославянского культурного пограничья, знающим простой крепостной люд, всячески сочувствующим ему, пишущим о нем, оставаясь при этом в польском шляхетском кругу.

Высокая оценка художественных достоинств перевода «Кобзаря» Сырокомлей, данная еще современниками⁵², с некоторыми коррективами подтверждается и последующими поколениями литературоведов⁵³. При этом стоит всегда помнить, что так же, как и Шевченко, Сырокомля воспринимался земляками-современниками не только лишь как поэт, но и виделся пророком, ведущим их в будущее. Его утрата, так же как и кончина Шевченко для украинцев, рассматривалась в его родной польскоязычной литературной среде как национальная трагедия: «Братья Соплеменники! Темно, темно и понуро на горизонте неба нашего народа, погасло солнце... Нет сегодня у нас в Литве национальных гениев, остаются только лишь таланты»⁵⁴. И случилось это за три месяца до начала польского восстания, накануне которого и угас «в Литве... жаворонок Виленский – Владислав Сырокомля»⁵⁵, блестящий переводчик «Кобзаря».

Поражение в восстании, которое в целом никоим образом не было поддержано местным крестьянством, украинским, белорусским, литовским, да и польским, что позднее признали его руководители («при равнодушии крестьян гибель восстания была неминуема»⁵⁶), непосредственно отразилось и на характере интереса в польском обществе, как в границах Российской империи, так и вне их, к личности и литературному наследию Тараса Шевченко. Правда, в основном оно ничего и не слышало о Шевченко, лишь ка-

кой-то малой части польского общества имя это в той или иной степени было известно. Для одних представителей этой малой части Шевченко становится еще более значимым глашатаем воскрешения кровавых событий коливищины, для других – справедливым борцом за народное освобождение, прежде всего из крепостного состояния, третьи пытаются сделать его возможным союзником в борьбе против России. К последним, например, можно отнести Павлина Свенцицкого (1841–1876), весьма близкого к кругу киевских «хлопоманов»⁵⁷, в большинстве своем не только не сочувствовавших восстанию, но и резко выступивших против него. Свенцицкий напротив, в восстании участвовал, бежал в Австрийскую империю, осев во Львове. Здесь он издавал журнал «Село» («Siolo»), в котором в духе польского эмигрантского антироссийского сообщества во главе с Ф. Духиньским⁵⁸ пытался проповедовать своеобразное небескорыстное украинофильство с привлечением имени Шевченко, чьи произведения печатались здесь в оригинале не кириллицей, а латиницей, предлагаемой в издании как замена кириллицы⁵⁹, дабы упростить сближение «русинов» с поляками. А это, в конце концов, приведет к тому, что в восточной части Европы между Россией и «Западом встанет непреодолимая стена – славянская Украина-Русь»⁶⁰. С журналом Свенцицкого сотрудничал и такой давний корифей польской литературы как Юзеф Богдан Залесский (1802–1886), уроженец Киевищины, участник восстания 1830–1831 гг., заочно лично знавший Тараса Шевченко, посвятивший ему, находясь в эмиграции, несколько произведений политического содержания и даже подаривший томик своих стихов. Один из ближайших друзей Адама Мицкевича, превозносившего временами поэтический талант Залесского выше своего собственного⁶¹, Юзеф Богдан с редким пафосом вещал «о вечном с ляхами» мире украинцев. О нем, об этом ином мире, «из могилы сегодня» должен пророчествовать Шевченко, ведь когда тебя «лях дарил братской слезой и объятьем, Москаль истязал твою душу»⁶². «Siolo» мгновенно отозвалось на эти стихи, опубликованные в сборнике Залесского «Вещая оратория» («Wieszczce oratorium»), и даже целиком перепечатаło их в восторженной рецензии⁶³.

Конечно же, в СССР и странах социалистического лагеря при рассмотрении отношения Ю.Б. Залесского к Шевченко наличия явных антироссийских акцентов старались избегать⁶⁴, что вело к прямым фальсификациям. Не упоминалось также и о характере особого политического интереса тогдашнего польского общества к украинскому поэту и его наследию, переданного и последующим поколениям поляков⁶⁵. Впрочем, уже в XIX в. все это прояснили сами украинцы, не таясь объявили в 1862 г. в пламенной исповеди В. Антоновича⁶⁶, а в 1886 г. в критическом эссе Ивана Франко «Юзеф Богдан Залеский»⁶⁷. Анализ жизненных реалий в отношении Залесского и его польских сподвижников, сделанный Франко, беспощаден: «начал свою высшую карьеру аплодисментами восстания 1831 года, в которой

даже принимал деятельное участие; а закончил свою карьеру плачем по неудачном восстании 1863– [18]64 г. Когда Украина в его песнях, та буйная, широкая, казацкая, с рыцарскими и искренне приверженными польскому панству Сагайдачными, с Ляхами Сердечными и т.п. или с романтическими Косинскими, Мазепами и Золотаренками, была только рефлексом шляхетских буйных мечтаний в неотрывной принадлежности той Украины к Польше, была поэтическим выражением той самой борьбы, которая подвигла польскую молодежь в Варшаве д[ня] 29 ноября 1830 г. к восстанию и выразилась многочисленными постановлениями демократических варшавских клубов, а в конце и военным походом генерала Домбровского, который “не мог представить существования Польши без Волыни, Подолья и Украины”. Через 30 лет образ песенной Украины уж очень-очень полинял; на фоне ее степей показываются уже такие темные пятна, как “Trzeci szturm do Stawiszcz” (1656) ославленного “поганого Степана” Чарнецкого, который, по словам одного польского историка (Antoniego J.), сильнее разрушил Украину, чем Батый и все Гирей, вместе взятые, – показывается над далеким Днестром новая “преславная могила Тарасова” (“przesławna mogiła Tarasowa”) – прорицательница новой эпохи в жизни Украины. А все-таки основная тенденция песен Залесского остается одинакова: Украина для Польши!... Вот эти две струны: бог, а скорее католическая мистика, и Украина, а скорее ее неотрывная принадлежность к Польше – были той живой силой, открытой в кристальном слове Богдана Залесского и побуждающей долгое время польскую общественность к известным движениям... Католическая мистика, которая вырождается под влиянием разбитых мечтаний о возрождении Польши в г. 1831, и политическая мистика, которая хочет в Украине видеть фундамент исторической Польши и таким способом является продолжением шляхетских традиций еще со времени Люблинской унии, – это те самые силы, которыми Залесский возбуждал польскую общественность. Были ли это живые силы украинской почвы? Нет. Сама Украина, украинский народ в его мировоззрении не были чем-то самостоятельным, живым, свободным; они должны были сойти за простую, красиво оформленную декорацию. Тщательно исключая из украинской традиции все, что напоминало такую самовластную, самостоятельную, протестующую Украину, Залесский должен был прийти до создания Украины фиктивной, нарисованной... “Украинская школа” в какой-нибудь чужой литературе теперь уже невозможна; “украинская школа” в польской литературе по своим ведущим мыслям была и осталась скорее чуждой украинскому народу»⁶⁸.

Примечания

- ¹ Jankowski Cz. *Naród polski i jego ojczyzna*. Warszawa, 1914.
- ² Jankowski Cz. *Polska etnograficzna*. Warszawa, 1914. S. 4.
- ³ Abramowski E. *Pomniejszyciele ojczyzny* // *Kurier Warszawski*. Warszawa, 1914. 25 marca.
- ⁴ *Kresomania*: Z prof. Danielem Beauvois rozmawia Agnieszka Sabor // *Książki w Tygodniku*. 2006. 26 marca. S. 15.
- ⁵ *Ibidem*.
- ⁶ Необходимо заметить, что сделать это не удалось и самому Д. Бовуа, автору целого ряда фундаментальных исследований об истории этих земель. А с его констатацией о том, что «на польских кресах недоставало проникновения культур, диффузия была очень поверхностной», едва ли можно согласиться. Подобное возражение вызывает и его недавнее утверждение: «что до крестьян, то взаимодействия и проникновения культур практически не было» – См.: Спор о кресах: С профессором Даниэлем Бовуа беседует Мартин Войцеховский // *Новая Польша*. 2012. № 7–8. С. 32.
- ⁷ Podbereski R. *Kilka słów o pracach malarskich w Petersburskiej Akademii Sztuk oraz o Polskich Artystach tamże pracujących, w szczególności, z powodu rocznej wystawy w tejże Akademii* // *Tygodnik Petersburski*. 1842. № 36. S. 198–199.
- ⁸ Podbereski R. *Ukraina malownicza* // *Tygodnik Petersburski*. 1844. № 95. S. 569.
- ⁹ Михаил Грабовский (1804–1863) – один из виднейших представителей так наз. «украинской школы» в польской литературе, уроженец Волыни, в 1825–1850 гг. постоянно жил в селении Александровка (ныне районный центр Кировоградской области Украины).
- ¹⁰ Podbereski R. *Ukraina...* S. 569.
- ¹¹ Nowosielski A. [Marcinkowski A.] *Lud ukraiński, jego pieśni, bajki, podania, klechdy, zabobony, obrzędy, zwyczaje, przysłowia, zagadki, zamawiania, sekreta lekarskie, ubiory, tańce, gry i t.d.* T. 1–2. Wilno, 1857.
- ¹² Gryf A. [Marcinkowski A.] *List do Benedykta Dołęgi, z powodu artykułu w Tygodniku o Literaturze Wszech-Słowiańskiej* // *Tygodnik Petersburski*. 1843. № 89. S. 529–530.
- ¹³ Arcimowicz W. *Antoni Marcinkowski jako krytyk literacki*. Wilno, 1932.
- ¹⁴ Kwapiszewski M. *Od Alberta Gryfa do Antoniego Nowosielskiego: Biografia intelektualna różnorodnego krytyka* // *Polska krytyka literacka XIX wieku*. Toruń, 2005. S. 170–189.
- ¹⁵ Лабынцев Ю., Щавинская Л. *Польский украинист Антоний Марцинковский*. М., 2008.
- ¹⁶ Ingłot M. *Poglądy literackie koterii petersburskiej w latach 1841–1843*. Wrocław, 1961.
- ¹⁷ Sowiński L. *Studia nad ukraińską literaturą dziesiętą*. Wilno, 1860.
- ¹⁸ *Ibid.* S. 66.
- ¹⁹ Sowiński L. *Taras Szewczenko. Studium przez Leonarda Sowińskiego, z dołączeniem przekładu Haidamaków*. Wilno, 1861.
- ²⁰ *Ibid.* S. III, XV–XVI.
- ²¹ *Ibid.* S. XLV–LVI.
- ²² *Najemnica z ukraińskiego Tarasa Szewczenki* przekład Leonarda Sowińskiego. Lwów, 1870.
- ²³ Вервес Г.Д. *Совинский Леонард* // *Шевченківський словник*. Т. 2. Київ, 1977. С. 227.
- ²⁴ [Sowiński L.] *Na Ukrainie*. Poznań, 1873.
- ²⁵ Sowiński L. *Na rozstajnych drogach*. Warszawa, 1886. T. 1–3.
- ²⁶ A.J. Gorzałczyńskiego *przekłady pisarzy małopolskich*. T. 1. *Taras Szewczenko (z portretem)*. Kijów, 1862.
- ²⁷ В. В. Сочинения Т. Шевченко в переводе на польский язык // *Киевский телеграф*. 1862. № 21. С. 85.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ A.J. Gorzałczyńskiego *przekłady...* S. I–II.
- ³⁰ *Ibid.* S. III.
- ³¹ *Ibid.* S. IX–XIII.

³² Ibid. S. XIV–XIX.

³³ К сожалению, подобных важных сведений не содержит и небольшая новейшая энциклопедическая статья о Гожалчинском, который по сути оправдал взгляд Шевченко в его «Гайдамаках», написанная Р. Харчук (См.: Харчук Р. Гожалчинський Антоній // Шевченківська енциклопедія. Т. 2. Київ, 2012. С. 243).

³⁴ Wiadomości z kraju i obczyzny // Gazeta Warszawska. 1861. № 76. S. 5.

³⁵ Молодой галицкий литератор Гвидо де Баттаглия писал в 1865 г.: «Переводчиком Тараса Шевченко, который наиболее удачно ввел в польскую литературу его произведения, является несомненно пан А. Гожалчинский... Гожалчинский понял Шевченко – и потому столь превосходным является его перевод» (См.: Battaglia G. Taras Szewczenko, życie i pisma jego. Lwów, 1865. S. 56).

³⁶ Urbanska D. Polskie przekłady poezji Szewczenki – zagadnienia wiersza // Тарас Шевченко і народна культура: Збірник праць Міжнародної (35-ї) наукової Шевченківської конференції. 20–22 квітня 2004 р. Кн. 2. Черкаси, 2004. С. 302.

³⁷ Мархель У. Уладзіслаў Сыракомля // Беларускія пісьменнікі: Біябібліяграфічны слоўнік. Т. 5. Мінск, 1995. С. 458–466.

³⁸ Trypućko J. Język Władysława Syrokomli (Ludwika Kondratowicza): przyczynek do dziejów polskiego języka literackiego w wieku XIX. T. 1–2. Uppsala, 1955–1957.

³⁹ Kobzarz Tarasa Szewczenki. Z małosyjskiego spolszczył Władysław Syrokomla. Wilno, 1863.

⁴⁰ Doniesienia // Kurier Warszawski. 1863. № 23. (17 stycznia). S. 128.

⁴¹ Korrespondencya Gazety Warszawskiej. Wilno, d. 12 marca 1863 r. // Gazeta Warszawska. 1863. № 72 (30 marca). S. 3–4.

⁴² Poezie ostatniej godziny Władysława Syrokomli (Ludwika Kondratowicza). Warszawa, 1862.

⁴³ Fornalczyk F. Hardy lirnik wioskowy: studium o Kondratowiczu – Syrokomli. Poznań, 1972; Мархель У.І. Творчасць Уладзіслава Сыракомлі. Мінск, 2005.

⁴⁴ Kraszewski J.I. Władysław Syrokomla (Ludwik Kondratowicz). Warszawa, 1863.

⁴⁵ Ibid. S. 210.

⁴⁶ См., напр.: Библиотека им. Врублевских АН Литвы. Отдел рукописей. Ф. 109 и другие.

⁴⁷ Библиотека им. Врублевских АН Литвы. Отдел рукописей. Ф. 109. Е. х. 1492.

⁴⁸ Kondratowicz L. (Władysław Syrokomla). Poezie. T. 10. Warszawa, 1872. S. 349.

⁴⁹ Ibid. S. 289.

⁵⁰ Nowosielski A. Pogadanki literackie // Gazeta Warszawska. 1855. № 107. S. 1–3.

⁵¹ Kobzarz Tarasa Szewczenki... S. [III].

⁵² Battaglia G. Taras Szewczenko... S. 56.

⁵³ Paczowski T. Władysław Syrokomla jako tłumacz Szewczenki // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Vol. XVIII, 6. Sectio F. Lublin, 1963. S. 149–166; Вервес Г.Д. Сирокомля Владислав // Шевченківський словник. Т. 2. Київ, 1977. С. 212–213.

⁵⁴ Библиотека им. Врублевских АН Литвы. Отдел рукописей. Ф. 18. Е. х. 244. Л. 2–2 об.

⁵⁵ Там же. Л. 3.

⁵⁶ Авейде О. Показания и Записки о польском восстании 1863 года. М., 1961. С. 620.

⁵⁷ Kozak S. Z polsko-ukraińskiego kulturowego pogranicza: Paulin Świącicki // Z polskich studiów slawistycznych. Seria X. Warszawa, 2003. S. 75–81; Серед О. Павлин Швенціцький у суспільному житті Галичини: до історії польського українофілства // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 15: Confraternitas. Ювілейний збірник на пошану Ярослава Ісаевича. Львів, 2006–2007. С. 475–486; Козак С. У колі хлопоманів – Павлин Швенціцький // Українсько-польські взаємини. Вип. 2. Київ, 2008. С. 30–37.

⁵⁸ Baudouin de Courtenay J. Z powodu jubileuszu profesora Duchńskiego. Kraków, 1886.

⁵⁹ (Т. М.) Z pod Lwowa // Siolo. Z. 1. 1866. S. 160–161.

⁶⁰ [Świącicki P.] Słowo wstępne // Siolo. Z. 1. 1866. S. IV.

⁶¹ A W [Alina Witkowska]. Zaleski Józef Bohdan // Rymkiewicz J. M., Siwicka D., Witkowska A., Zielińska M. Mickiewicz: encyklopedia. Warszawa, 2001. S. 610–612.

⁶² Zaleski B. Wieszcze oratorium. Paryż, 1865 / Poznań, 1866. S. 162–163.

⁶³ Siolo. Z. 1. 1866. S. 135–138.

⁶⁴ Гнатюк М.П. Залеський Юзеф Богдан // Шевченківський словник. Т. 1. Київ, 1976. С. 229.

⁶⁵ Rawita Gawroński F. Taras Szewczenko i polacy // Zdrój. 1918. № 3. S. 89–92.

⁶⁶ Антонович В. Моя исповедь // Основа. 1862. № 1. С. 83–96.

⁶⁷ Іван Франко. Зібрання творів: у 50 т. Т. 27. Київ, 1980. С. 23–32.

⁶⁸ Там же. С. 28–32.

Тарас Григорьевич Шевченко в современной украинской культуре: попытка «перезагрузки»

Abstract:

Vajdalova E.V. *Taras Hryhorovych Shevchenko in the modern Ukrainian culture: an attempt of “reset”.*

The article is devoted to those events in the modern Ukrainian culture, which suggest rethinking traditional role and meaning of Shevchenko’s work and his figure. Special attention is paid to de-mythologization of the poet’s image in the contemporary Ukrainian literature. The functioning of «Shevchenko’s text» in the fine arts and music is considered separately. The conclusion is made that although numerous attempt to deconstruct the national canon were taken, Shevchenko and his heritage do not lose their sacred meaning in the Ukrainian culture.

Ключевые слова: Шевченко, современная украинская культура, демифологизация, канон, деконструкция, сакральное значение.

Тарас Григорьевич Шевченко
вздыхнув значительно и честно
достал будильник с антресолей
и двинул в долгий путь веселый

он шел сквозь город тихий милый
пил очень пенистое пиво
стрелял сигарки у прохожих
такой живой так непохожий

С. Жадан

...и оставьте его наконец в покое с вашими
идолами и патриотической возней.

Ю. Андрухович

Часто о выдающихся деятелях истории и культуры принято вспоминать лишь в годы их юбилеев. Иная ситуация наблюдается, когда речь заходит о такой фигуре как Тарас Григорьевич Шевченко (1814–1861). Собираетел украинского этноса, пророк, символ исторической судьбы, национальный гений, апостол, моральный авторитет, отец нации – вот те немногие, но наиболее значимые дефиниции этого уникального поэта и художника в пространстве украинской культуры, которая как будто «всепроницаема» для Шевченко. Литература, музыка, художественное творчество, массовая культура и т.д. пронизаны творчеством и личностью украинского гения. Личностью, конечно же, не столько реально-исторической, сколько мифологизи-

рованной народно-патриотическим каноном (сначала революционно-демократическим, впоследствии – национальным)¹.

О зарождающейся мифологизации личности Шевченко писал еще Михаил Драгоманов в своей известной работе «Шевченко, украинофилы и социалисты» (1879) меньше чем через двадцать лет со дня смерти поэта: «Шевченко – нигилист и социалист. Шевченко – Христос и Белиал. Шевченко для посвященных и непосвященных. Так всегда с пророками»². К началу XX в. почитание Шевченко стало уже сложившимся культом, однако, как это и бывает, встретило попытку сопротивления внутри самой культуры. Одними из наиболее активных борцов с культом Шевченко стали украинские футуристы. Так, в предисловии под названием «Сам» к своему сборнику стихов «Дерзани» (1914) накануне столетнего юбилея Шевченко Михайль Семенко (лидер украинского футуризма) напишет, что «где есть культ, там нет искусства», «от “Кобзаря” попахивает салом и дегтем», «место Шевченко в записках научных обществ», и сам он «сжигает свой “Кобзарь”»³. Интересно, что через сто лет на рубеже XX–XXI вв. молодые поэты к столетию футуризма организуют вечер «Ремонт Шевченко», на котором пытаются определить самое авангардное стихотворение Шевченко⁴.

Еще один украинский футурист Гео Шкурупый при создании романа о жизни великого поэта сосредоточился на тех моментах биографии, которые не принято было освещать и которые не вписывались в идеологически конструируемый канон: на личной жизни поэта. (Роман полностью не сохранился, но несколько глав из него под названием «Повесть про горькую любовь» были напечатаны в журнале «Жизнь и революция».) Переосмыслить роль Шевченко в украинской культуре пытались писатели, стоящие и на других эстетических платформах. Например, в романе Владимира Винниченко «Хочу!» цитаты и аллюзии на творчество Шевченко служили средством создания иронического дискурса произведения, а главный герой романа Николая Хвылевого «Вальдшнепы» размышлял о негативной, а не позитивной (как принято было в то время) роли Шевченко для правильного становления украинского национального самосознания. Одновременно предпринимались попытки психоаналитического прочтения творчества и биографии писателя. Это, например, работы С. Балея (одного из основателей психоанализа на Украине) «Из психологии творчества Шевченко» (1916) и представителя одесской группы психоаналитиков А. Халецкого «Психоанализ личности и творчества Шевченко» (1926). Весь этот опыт противостояния мифологизации образа Шевченко и создания его культа по понятным идеологическим причинам прервался в 1930-е гг. и возобновился он лишь в конце минувшего века.

Первые попытки новой демифологизации Шевченко были предприняты вскоре после того, как Украина стала независимым государством. В авангарде этого движения была литературная группа «Бу-Ба-Бу» (Бурлеск-

Балаган-Буфонада), созданная в 1985 г. тремя поэтами: Юрием Андруховичем (Патриарх), Александром Ирванцом (Казначей) и Виктором Небораком (Прокуратор) и осуществляющая своей деятельностью «ироническую критику дискурса тоталитарного общества»⁵. Представителей этой группы часто называют первыми украинскими постмодернистами, одной из задач которых была сознательная деструкция сложившихся канонов и табу. Как отмечает Т. Гундорова, для «бубабистов» смешение культурных и социальных кодов, наблюдающееся в их творчестве, являлось «*формой культурной критики*, заново формулирующей национальную культурную парадигму преимущественно в аспекте массовой культуры»⁶. При изменении культурной парадигмы менялись и коды национальной культуры, в том числе образ национального поэта, его роль и значение в обществе. Иронизируя над каноническим образом Шевченко, «бубабисты» стремятся изменить то сакральное значение, которое закрепилось за этой фигурой в украинской культуре, тем самым придавая ей новые смыслы.

А. Ирванец, наиболее активно работающий с шевченковским текстом украинской культуры, в своем творчестве использует два варианта трансформации этого текста: пародирование прецедентного текста (в нашем случае текста стихотворений Шевченко) и введение Шевченко как персонажа в свои произведения. Так, например, в стихотворении А. Ирванца «Письмо к Т.Г. Шевченко, украинскому писателю, революционеру и демократу» (1991), уже в названии использование клише «писатель, революционер и демократ» создает комический эффект, который продолжает раскрываться в самом тексте:

Какая-то она, Тарас Григорьевич,
Эта наша жизнь невкусная –
Сплошные тебе Репнины
и Полусмаковы.

В этом стихотворении Ирванец затрагивает табуированную в советское время тему интимной жизни поэта: пишет о двух женщинах, близких Шевченко (княжне Варваре Репниной и несостоявшейся жене Кобзаря горничной Лукерии Полусмаковой). Делая фамилии этих двух женщин смысловым ядром текста, полагая рядом княжну и горничную, фокусируясь на внутренней форме фамилий (Репнина – репа – овощ с горьким вкусом; Полусмакова – обладающая неполным вкусом) в сопоставлении с «невкусной жизнью», поэт создает экспрессивный иронический заряд.

В стихотворении «Украино-немецкий разговорник» А. Ирванец пародирует широко известные строчки из стихотворения Т.Г. Шевченко «И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим на Украине и не на Украине сущим, мое дружеское послание»:

Німець скаже: – Ви моголи. –
 – Моголи! моголи! –
 Золотого Тамерлана
 Онучата голі.
 Німець скаже: – Ви слав'яни.
 – Слав'яни! слав'яни!
 Славних праддів великих
 Правнуки погані!

Немец скажет: – Вы монголы. –
 – Монголы! монголы! –
 Золотого Тамерлана
 Внучата голые.
 Немец скажет: – Вы славяне.
 – Славяне! славяне!
 Славных прадедов великих
 Правнуки поганые!

В современной постмодернистской версии диалог с немцем продолжается перечислением тех ролей, которые готовы брать на себя украинцы: монголы, славяне, поляки, европейцы, христиане, участники блока НАТО – и все это «если немец скажет»⁷. В стихотворении намеренно смешиваются разные культурные пласты: перечисляются исторические личности, принадлежащие разным народам и разным эпохам (Пилсудский, Робеспьер и Риббентроп, помещенные в одну строфу за созвучность фамилий), представитель массовой культуры (Брюс Ли) и мало кому известный слепой украинский писатель Владимир Ерошенко, печатавшийся в Японии и Китае в 1920-е гг. (Айрошянке). Таким образом, вербальная игра и смешение разных культурных пластов освобождает шевченковское слово от клишированного восприятия.

Самому Шевченко и его культу посвящает отдельное эссе и Патриарх «Бу-ба-бу» Юрий Андрухович. Это эссе имеет заглавие на английском языке «Shevchenko is OK». Оно состоит из нескольких глав. Первая глава – «Харизма» – заключает в себя не сильно пространное путешествие по основным жизненным вехам великого поэта, начиная с «агиографического» похода к краю земли в возрасте шести лет, которое представлено, как и почти вся остальная биография Шевченко, не как достоверный, а как только возможный факт. В этой возможной, условной биографии Кобзарь оказывается не Кобзарем, а Нарциссом, который плачет хором с многочисленными слушателями своей поэзии, смешивает водку с чаем, курит настоящие кубинские сигары, плохо танцует, но всех очаровывает и при этом всю жизнь страшно страдает. Смерть Шевченко Андрухович называет «последней харизматичной инстанцией», а то, что происходит после смерти, – «похоронным психозом», частью которого становится перевозка тела поэта для захоронения на Украине. Эта перевозка названа в эссе «двухнедельным перформансом». Вторая глава – «Культ» – кратко представляет создание из Шевченко культовой фигуры украинской культуры: «Есть несколько признаков святости (правда, особенной – не традиционной церковной святости, а как бы сказать, секуляризованной или *общественной*): подвижническая жизнь, каноничность текстов, Святая Гора как место погребения и постоянного паломничества»⁸, – все эти признаки, по мысли Андруховича, есть в культе

Кобзаря. Разные идеологические лагеря конструируют своих собственных «малых шевченко»: коммунистического, националистичного, христианского, атеистического и богоборческого, диссидентского, анархичного. Отдельная глава («Поляки») посвящена непростым украино-польским взаимоотношениям. Смысловой акцент делается не на поэме «Гайдамаки», как это традиционно бывает при затрагивании этой темы, а на стихотворении «Полякам» («Ще як були ми козаками»), законченным поэтом в период возвращения из ссылки в 1858 г. (начато в 1847 г.). Андрухович подчеркивает амбивалентность позиции Шевченко, который, с одной стороны, призывает к примирению с поляками, а, с другой – подчеркивает, что метафизическое зло, разрушившее совместный украино-польский «рай», приходит от «несытых ксендзов и магнатов». В последней главе – «Слава мира» – развенчивается миф о мировой славе Шевченко: обнаруживается, что переводы поэта на другие языки из рук вон плохи, а памятники, стоящие по всему миру, оказываются поставленными исключительно украинцами-эмигрантами на свои собственные средства. В завершение Андрухович рассказывает о своем выступлении в поэтическом кафе одного из пуэрториканских кварталов Нью-Йорка, когда его неожиданно «догнала» шевченковская слава в виде признания старого седого пуэрториканца, основателя того самого кафе. Одобряя стихи Андруховича, он сказал, что «Taras Shevchenko is my favorite poet»⁹ и прибавил к этому крепкое русское выражение – то есть знал две приятные, как он думал, для автора вещи и обе ему поведал.

Концентрация в этом эссе не характерных для эпохи Шевченко слов: харизма, психоз, перформанс, – вместе с ироническим тоном всего текста деконструирует сложившееся каноническое восприятие образа национального поэта. Однако нельзя согласиться с Т. Гундоровой, что в результате всех этих деконструкций утрачивается сакральное для национальной культуры значение официального поэта, первым и главным из которых в Украине является Шевченко. Свое эссе Андрухович заканчивает многозначительным: «Слава тебе, батько наш Тарас, думал я, ошалевший. Ты вечно стоишь над нами и смотришь на нас сверху»¹⁰.

В последней книге¹¹, являющейся сборником эссе о разных городах мира, главу, посвященную Ленинграду, Андрухович практически полностью отводит своей встрече с духом Шевченко, которого называет то фамильярно «ТГШ», то интимно-почтительно, но вместе с тем и традиционно «Батько». В этот раз неканоническое прочтение получает языковой вопрос, который представлен как болезненный комплекс великого Кобзаря. В итоге беседа между двумя поэтами ведется на русском языке. На прощание Шевченко дает совет Андруховичу, «темноте необразованной», посетить знаменитый питерский рок-клуб на Рубинштейна, 13. И опять, несмотря на явное стремление автора деконструировать традиционный мифологизированный образ Шевченко, исключительность и даже сакральность этого образа остается

неизменной: «Я физически почувствовал, как мне теперь его не будет хватать. Когда я пишу “физически почувствовал”, то это надо понимать как “чуть не заплакал”»¹².

Переосмысление литературных канонов осуществляется и в жанре биографической драмы. В первую очередь, писатели-драматурги экспериментируют с самим жанром. Так, И. Драч пишет *документальную драму-коллаж* «Гора»¹³, А. Денисенко – *детективную хронику* «Сердечный рай, или Оксана»¹⁴, С. Росовецкий – *трагифарс* «Шевченко под судом»¹⁵. Между произведением метра украинской литературы Ивана Драча и двумя другими – десять лет независимости Украины. Если в «Горе» внимание писателя сосредоточено на реальных событиях (воссозданных по письмам, доносам, стихам, воспоминаниям, распоряжениям), касающихся захоронения Шевченко на Чернечьей горе, то две другие пьесы «квазидокументальны, внимание писателей концентрирует на себе не биография, а сам художественный образ, идея, артикулированная через него. Можно говорить, что Шевченко из ведущего персонажа превращается в информационный повод, рамочную структуру, в границах которой существенного (а иногда и лишнего) веса набирают второстепенные персонажи»¹⁶. Так, в драме «Шевченко под судом» образ украинского поэта максимально редуцирован: право голоса, главным образом, передано второстепенным персонажам. М. Шаповал причину такого конструирования драматического текста видит в том, что Шевченко – «объект сложный, для биографической драмы невыигрышный, потому что пребывает под охраной национального культурного канона, который перечитывается очень медленно и осторожно»¹⁷. В драме «Сердечный рай...» освещаются последние годы жизни Кобзаря (1860–1861), однако в центре всей драмы стоит его интимная жизнь, так и не достигнутый им «сердечный рай». Драматург использует многочисленные воспоминания современников Т.Г. Шевченко (О. Лазаревского, М. Костомарова, П. Кулиша, Г. Честаховского), биографические работы П. Зайцева «Жизнь Тараса Шевченко» и К. Широцкого «Невеста Шевченко»¹⁸, но они являются, скорее, материалом, от которого отталкивается драматург, создавая свой собственный образ Шевченко. В центре драмы конфликт между эфемерным образом «Беатриче» украинского классика (Оксаной) и реальной приземленной Лукерией Полусмаковой. Дополнительную интригу придает версия драматурга о том, что царское правительство, дабы контролировать неудобного поэта, специально «подставило девку» неженатому Кобзарю, и, следовательно, любовный конфликт трансформируется в конфликт власти (империи) и Поэта, в котором власти удастся физически уничтожить Поэта. Образ Шевченко в этой пьесе, несмотря на попытки «обновить» взгляд на Кобзаря, сакрализируется: как говорит сам автор драмы, «образ Тараса перед смертью напоминал икону. Таким светлым был его образ...»¹⁹.

Попытки приблизить поэта к молодому поколению, перечитать его произведения так, чтобы они воспринимались современным человеком не клишировано, предпринимались и украинскими музыкантами. В 1990-е гг. на текст «Вишневого садика» – одного из самых известных стихотворений Шевченко – пишут песни две культовые рок-группы: «Мертвый петух» и «Плач Еремии». Если в исполнении «Мертвого петуха» игровая трансформация текста происходит за счет сокращения текста на последнюю строфу и многочисленных повторов последней строки второй строфы («Так соловейко не дает»), что создает экспрессивный комический эффект, то лидер группы «Плач Еремии» Тарас Чубай включает первую строфу «Вишневого садика» в свой собственный текст. Это текст, в котором при сохранении уважительного тона, сакральное значение Шевченко нивелируется, поскольку автор говорит с поэтом на равных:

Я люблю Шевченко
Он Тарас как я
Он поэт как я
Он певец как я
Он кобзарь как я

Следует отметить, что это одно из немногих свидетельств современной украинской культуры о том, что Шевченко может быть не Пророком, не иконой, не «Батько-Тарасом», а просто поэтом, с которым оказывается можно вести творческий диалог.

В 2000-е гг. из музыкальных интерпретаций творчества Шевченко постепенно уходит игровое начало, в очередной раз актуализируется его народно-патриотическое мифологическое восприятие. Одним из наиболее известных коллективов, исполняющим композиции на стихи Шевченко в нетрадиционной манере, является рок-группа «Кому вниз», музыкальный стиль которой определяется как готический индустриальный рок (довольно тяжелая, мрачная музыка). Для этой группы важна принадлежность к традиционной украинской культуре, казачеству. Этим и обуславливается выбор текстов для песен: «Разрытая могила», «Стоит в селе Субботове», «Не ропщу я на Бога». Новый альбом группы «4», который выходит в честь юбилея писателя, полностью написан на стихи Шевченко, и на обложке даже стоит его имя. Тема былой казачьей славы в поэзии Кобзаря привлекает еще одну рок-группу, «Сад», которая придерживается музыкального стиля «хэви метал» («тяжелый металл»). За основу своей песни группа взяла отрывок из поэмы «Иван Подкова», а также спела композицию «Завещание». Не остались в стороне и представители поп-музыки. Так, популярная певица Ирина Билык исполнила песню на стихотворение «Бандурист, орел сизый», группа «Трансформеры» – «Зацвела в долине», а группа «Fata Morgana» сделала своей визитной карточкой песню «Гамалия». Таким образом, все вышена-

званные группы способствуют, скорее, популяризации творчества Шевченко, чем его новому актуальному прочтению.

В современном украинском художественном творчестве «дискурс Шевченко» не теряет своей актуальности, а в так называемом актуальном искусстве является одним из ведущих дискурсов. Во многом, это связано, конечно, с 200-летним юбилеем поэта, поскольку еще за несколько лет до самих торжеств к нему началась подготовка, которая предполагала открытие художественных выставок, проведение различных конкурсов и, что немало важно, выделение на эти мероприятия бюджетных средств. Однако еще в начале 2000-х гг. на выставке «Бренд “Украинское”» (2001), которая проходила в Центре современного искусства при Киево-Могилянской академии, одной из центральных в экспозиции стала инсталляция «Портрет Тараса Григорьевича». И это неслучайно. Организаторы выставки стремились подчеркнуть взаимозависимость искусства, рынка и социальных факторов. В таком контексте Шевченко, действительно, стал украинским «брендом». Без него невозможно представить Украину. Неслучайно поэтому особое значение вновь и вновь приобретает Шевченко именно тогда, когда в украинской жизни происходят события, которые могут повлиять на дальнейшую судьбу всей нации. Так, в годы «Оранжевой революции» рождается проект молодых художников – объединение под названием Р. Е. П. (Революционно-экспериментальное пространство). В рамках его работы создается целая серия портретов «современного» Шевченко: Шевченко на рынке, Шевченко на эскалаторе в метро и т. д. К юбилею поэта эта же идея приближения к народу будет отражена в серии работ Андрея Ермоленко «Наш Шевченко». На картинах Шевченко изображен в образах повстанца, гаишника, супермена, бедняка, богача. Каждое изображение сопровождается цитатой из стихотворений Кобзаря. Так, например, под портретом Шевченко-гаишника стоит надпись: «У нас учитесь!.. У нас дери, дери и дай и просто в рай»²⁰. Неканоническое изображение поэта можно найти и в работах Ильи Стронговского (Шевченко-Ктулху²¹) и Ивана Семесюка (Шевченко-хулиган). И. Стронговский сделал целую серию портретов украинских классиков, объединив их с известными образами массовой культуры. В интервью он говорит, что «эта серия портретов – своеобразное разрушение сакрализации украинской классики»²².

Отдельного внимания заслуживает еще один арт-проект «Мы просто шли...», также приуроченный к юбилею. В нем участвуют два известных украинских художника Петр Бевзя и Николай Журавель, которые хотят представить современного Шевченко: «Люди устали от «шароварщины», нужно показывать им Шевченко – современного»²³. Задача проекта – показать Шевченко не как культовую фигуру, а как актуального культурного героя, который может настроить на борьбу, как политическую, так и куда более сложную, – борьбу с собой. Работы обоих художников выполнены в

стиле мифопоэтического течения, актуального для украинского художественного искусства в настоящий момент. И вновь образ Поэта служит для того, чтобы зритель мог поразмышлять «о значимости роли Тараса Шевченко в формировании личности каждого украинца, восприятии национальной идеи и сплочения нации в условиях сегодняшних реалий»²⁴.

Таким образом, несмотря на многочисленные попытки деконструкции канонического образа Шевченко в украинской культуре, сакральное значение его творчества и мифологизированной биографии продолжает сохраняться. Как пишет один из современных исследователей творчества Шевченко Г. Грабович, «еще до последнего времени я был склонен утверждать, что при нормализации украинской культурной и политической жизни Шевченко перестанет быть иконой, пророком и станет “только” одним из великих поэтов человечества. Это, наверное, так. Но в какой-то мере он все-таки останется пророком, потому что нельзя не считаться с действием исторической памяти и своеобразной, так глубоко запечатленной в украинских сердцах, силы его слова»²⁵. Неслучайно поэтому именно образ Шевченко стал одним из основных символов Майдана: строчки из его стихотворения «Боритесь – и поборете!» размещены на транспарантах на Майдане, его портреты, изображающие в разных видах бойцов самообороны висят как на площадях, так и обошли весь интернет. Один из самых ярких портретов – «Шевченко на Грушевского»: на нем Кобзарь изображен на фоне пылающего города с покрывалом на плече. На настоящий момент – это его самый актуальный образ в современной украинской культуре.

Примечания

¹ Подробнее о мифологизации Шевченко можно прочитать в работах: *Грабович Г.* Шевченко, якого не знаємо. Київ, 2000; *Забужко О.* Шевченків миф України. Спроба філософського аналізу. Київ, 2001.

² *Драгоманов М.П.* Літературно-публіцистичні праці: у двох томах. Київ, 1970. Т. 2. С. 7.

³ *Льницький О.* Український футуризм. 1914–1930. Львів, 2003. С. 28

⁴ http://bit.ua/ai1ec_event/lyteraturnyy-vecher-100-let-futurizma-remont-shevchenko/?instance_id= (дата обращения – 26.04.2014).

⁵ *Гундорова Т.И.* Карнавал после Чернобыля (топография украинского постмодернизма) // Постмодернизм в славянских литературах. Москва, 2004. С. 165.

⁶ Там же.

⁷ Німець каже: Ви слов'яне?

– Слов'яне! Слов'яне!

Наше слово полум'яне

Повік не зов'яне!

Німець каже: Ви могли?
– Моголи! Моголи!
Брюса Лі і Айрошянке
Продовження кволе.

Німець каже: Ви – поляки?
– Поляки-поляки!
Ми від дуба Пільсудського
Всохлої гілляки.

Німець каже: Ви – Європа?
– Європа! Європа!
Не схотіли Робесп'єра,
Мали Ріббентропа.

Німець каже: ви хрещені?
– Хрещені! Хрещені!
Хрест на шиї, хрест на спині,
Два хрести в кишені.

Німець каже: ви до НАТО?
– До НАТО, до НАТО.
Як не спонсора шукати,
То хоч мецената.

Наша слава кучерява
Не вмре, не поляже.
Або, може, і поляже.
Як вже німець скаже.

⁸ Андрухович Ю. Shevchenko is OK // Андрухович Ю. Диявол ховається в сирі. Київ, 2007. С. 147.

⁹ Тарас Шевченко – мой любимый поэт (англ.)

¹⁰ Андрухович Ю. Shevchenko is OK... С. 158

¹¹ Андрухович Ю. Лексикон інтимних міст. Київ, 2011.

¹² Андрухович Ю. Лексикон... С. 249.

¹³ Драч І. Гора. Київ, 1997.

¹⁴ Денисенко О. Сердечний рай, або Оксана. Київ, 2009.

¹⁵ Росовецький С. Шевченко під судом // Коронація слова: Зб. п'єс лауреатів конкурсу 2006 та 2007 рр. Київ, 2008.

¹⁶ Шаповал М. Драма про Шевченка: інтермедійний ключ розуміння. // Слово і час. 2013. № 8. С. 69.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Харчук Р. Крізь опцію любові і смерті // Дві думки про «Сердечний рай» Олександра Денисенко. // Літакцент. 2009. 20 мая. <http://litakcent.com/2009/05/20/dvi-dumky-pro-serdechnyj-raj-oleksandra-denyzenka/> (дата обращения – 11.04.2014).

¹⁹ Константинова Е. «Шевченко жил вместе с теми, кто его отравлял и уничтожал». Сердечный рай Кобзаря – глазами писателя Александра Денисенко. http://gazeta.zn.ua/CULTURE/shevchenko_zhil_vmeste_s_temi_kto_ego_otravlyal_i_unichtozhal_s_erdechnyy_ray_kobzarya_glazami_pis.html (дата обращения – 18.04.2014).

²⁰ <http://gigamir.net/news/kyiv/capital/pub660909> 21.04.2014

²¹ Ктулху – мифологическое божество из ставших культовыми в массовой культуре *мифов* Ктулху, придуманных американским писателем Говардом Лавкрафтом (1890–1931).

²² http://gazeta.ua/ru/articles/culture/_dizajner-ilya-strongovskij-narisoval-sevchenka-so-schupalcami-vmesto-usov/473947 (дата обращения – 26.04.2014).

²³ <http://www.innovations.com.ua/ua/articles/mark/18806/shevchenko-i-suchasnist> (дата обращения – 16.04.2014).

²⁴ Интересно, что при этом арт-проект после Киева будет представлен в Нью-Йорке: <http://luxlux.net/kartyniy-ukrainskih-hudozhnikov-pokazhut-v-nyu-yorke-87141/> (дата обращения – 17.04.2014).

²⁵ Грабович Г. Поет як міфотворець. Семантика символів у творчості Тараса Шевченка. Київ, 1998. С. 193.

IV. Война в судьбах славянских народов

П.А. Искендеров

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Балканские корни Первой мировой войны: правда и вымысел*

Abstract:

Iskenderov P.A. *Balkan roots of World War I: truth and fiction.*

The article is devoted to a critical analysis of modern concepts of the Balkan roots of World War I from the point of view of their plausibility to the situation in the Balkans in 1913 and 1914. Special attention is paid to the state of affairs within the so called St. Petersburg–Vienna–Belgrade triangular and Russia’s role in the settling of the Serbian-Albanian contradictions. The author comes to the conclusion that accusations posed against Serbia of her responsibility for the outbreak of World War I were groundless.

Ключевые слова: Европа, Балканы, Первая мировая война, Сербия, Россия, Албания, межнациональные отношения, геополитика.

Трудно не заметить происходящий в последнее время в западноевропейской и отчасти балканской историографии процесс «переосмысления» проблемы истоков Первой мировой войны в совершенно определенном смысле. В духе известных антисербских и антиславянских концепций делается попытка объявить (вопреки положениям Версальского мирного договора) Сербию и стоявшую за ее спиной Россию главными виновниками общеевропейского военного конфликта, раздуть сербо-австрийские противоречия до уровня глобального геополитического узла, увести в тень собственные планы Берлина, Вены, Лондона, Парижа и других мировых игроков по переделу сфер влияния в мире, реформатированию колоний, захвату источников сырья, установлению контроля над транспортными путями. Понятно также, что признание решающей роли Тройственного союза за развязывание Первой мировой войны перекидывает невыгодные Западу аналогии с сего-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (Грант РГНФ № 14-01-00264 «Историческая типология межнациональных конфликтов на примере Балкан»).

дняшними попытками США, НАТО и других стран и структур перекроить мировую карту в выгодном им смысле. Отсюда и беспрецедентный накал дискуссий по событиям столетней давности – тем более, что сам юбилей предоставляет подобным дискуссиям соответствующую трибуну.

Наиболее заметно данная тенденция прослеживается в Германии. Следует напомнить, что с 1960-х годов в этой стране, в сфере исследований мировой политики, существует признанная «школа Фишера», названная так по имени одного из крупнейших германских историков, профессора Университета Гамбурга Фрица Фишера. В своей хрестоматийной книге «Схватка за мировое господство» он убедительно доказал, что именно Германия толкнула человечество в Первую войну мировых масштабов, желая перераспределить соотношение сил в мире, захватить новые колонии и природные ресурсы. Фишер доказывает «глобальный аспект немецких притязаний стать мировой державой и добиться мирового положения»¹.

Действительно, вряд ли есть основания сомневаться, что «в борьбе кайзеровской Германии за мировую гегемонию ее колониальные цели накануне и во время Первой мировой войны играли очень видную роль»². Однако в последние два десятилетия в германской историографии наметилась четкая тенденция отказа от наследия «школы Фишера». Показательно, что никаких новых документов, позволяющих снять с Берлина ответственность за развязывание Первой мировой войны, найти так и не удалось. Зато активно используются более чем сомнительные исторические параллели с сегодняшним днем. Этим, к слову, грешат и американские, и британские историки. К примеру, британский ученый Крис Кларк в вышедшей в 2013 г. нашумевшей монографии под названием «Лунатики: Как Европа в 1914 году вступила в войну» в качестве аргумента в пользу пересмотра устоявшейся концепции исторических корней Первой мировой войны приводит трагические события в боснийском городе Сребреница летом 1995 г., в которых Запад сразу же обвинил местных сербов. По мнению Кларка, «после Сребреницы» о Сербии и сербах якобы нельзя писать, как раньше, необходимо пересмотреть всю сущность сербского национального движения на протяжении многих веков – разумеется, в обвинительном духе³.

Между тем, анализ развития ситуации в треугольнике Белград-Вена-Петербург осенью 1913 – весной 1914 гг. отнюдь не дает оснований определять их в качестве чуть ли не решающего фактора возникновения Первой мировой войны. Наоборот, к июню 1914 г. Сербия и Австро-Венгрия при активном посредничестве России смогли урегулировать или по крайней мере смягчить многие разногласия и противоречия. И хотя коренные расхождения в целях и задачах монархии Габсбургов и сербского национального движения никуда не делись, считать их главной причиной начала общеевропейской войны представляется необоснованным.

Напомним, что наибольшего накала эти отношения достигли осенью 1913 г., на пике очередного албанского кризиса. Тогда, в соответствии с постановлениями Лондонской конференции послов великих держав 1912–1913 гг., представители этих держав обратились к правительствам балканских государств с коллективной декларацией, в которой подчеркивалась необходимость принятия ими всех надлежащих мер к ограждению прав и интересов национальных меньшинств в присоединенных к ним новых областях. В том, что касается Сербии, дипломатические представители великих держав в Белграде сделали 17 августа 1913 г. официальные представления в вышеуказанном смысле, а также особо подчеркнули факт продолжавшегося нахождения сербских войск на албанской территории, вопреки соответствующим постановлениям Лондонской конференции. В ответ глава сербского правительства Никола Пашич в циркулярной ноте, направленной европейским правительствам, а также в личных объяснениях по этому вопросу с их дипломатами указал на беспочвенность подобных требований по отношению к его стране, так как Сербия уважает все положения Берлинского трактата 1878 г., касающиеся прав национальных меньшинств и вероисповедных групп⁴, а кроме того, в стране действует «одна из самых либеральных в мире» конституций, которая обеспечивает в полном объеме политические и иные права всех граждан несербской национальности, при условии соблюдения ими законов страны⁵.

Глава сербского правительства имел в виду, в первую очередь, две статьи Берлинского трактата. Статья XXIII гласила, что «Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите органический устав 1868 г., с изменениями, которые будут признаны справедливыми.

Подобные же уставы, примененные к местным потребностям, за исключением, однако, из них льгот в податях, предоставленных Криту, будут также введены и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не было предусмотрено настоящим трактатом.

Разработка подробностей этих новых уставов будет поручена Блистательной Портой в каждой области особым комиссиям, в коих туземное население получит широкое участие.

Проекты организаций, которые будут результатом этих трудов, будут представлены на рассмотрение Блистательной Порты.

Прежде обнародования распоряжений, которыми они будут введены в действие, Блистательная Порта посоветуется с Европейской комиссией, назначенной для Восточной Румелии»⁶.

Статья XXXV уже напрямую относилась к сербским реалиям. В ней говорилось, что «в Сербии различие в религиозных верованиях и исповеданиях не может послужить поводом к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том, что относится до

пользования правами гражданскими и политическими, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям или до отправления различных свободных занятий и ремесел, в какой бы то ни было местности.

Свобода и внешнее отправление всякого богослужения обеспечиваются как за всеми сербскими уроженцами, так и за иностранцами, и никакие стеснения не могут быть делаемы в иерархическом устройстве различных религиозных общин и в сношениях их с их духовными главами».⁷

Кроме того, Пашич заверил иностранных представителей, что сербские войска уже покинули Албанию, за исключением Орошской области, где продолжались антисербские выступления по причине, по его словам, отсутствия в этом районе организованной местной власти. Позднее, однако, глава кабинета сделал сообщение уже в существенно ином смысле, указав, что хотя главнокомандующий сербской армией уже отдал своим войскам категорическое распоряжение об их выводе с оккупированных албанских территорий, тем не менее, данная операция еще не завершена, так как ее осуществление требует определенного времени⁸.

Одновременно, как телеграфировал 17 августа 1913 г. из Белграда российский посланник Н.Г. Гартвиг, «сербское правительство обращает внимание на то, что по самым достоверным сведениям после недавнего посещения Вены Иссой Болегинацем (Иса Болегини – *П.И.*) и другими албанскими главарями, австрийские и итальянские агенты организуют албанские шайки в 30-40 человек, раздают им оружие и деньги. Шайки эти должны производить нападения на новую сербскую границу, вызвав волнения среди албанцев будто бы в доказательство недовольства их сербским режимом. При таких условиях, по мнению Пашича, отзывание последнего сербского отряда с пограничных мест послужит сигналом к возбуждению крайне опасных осложнений»⁹.

Неудивительно, что, ссылаясь на соображения государственной безопасности и охраны общественного порядка, сербское правительство не признало возможным сразу распространить действие конституции на присоединенные к Сербии территории (это было сделано лишь в конце 1913 г.) и постановило регулировать их устройство особым «Наказом об организации освобожденных областей», утвержденным королевским декретом от 31 августа 1913 г.

Согласно статье 82 данного документа, министр просвещения и церковных дел Сербии осуществлял надзор за деятельностью православной церкви в соответствии с принципами сербского законодательства и церковными канонами. Аналогичный надзор министр осуществлял и в отношении неправославных и нехристианских религиозных организаций, разрабатывая «предписания и инструкции, в целях обеспечения их устойчивого функ-

ционирования, в соответствии с основными принципами этих учреждений, а также с учетом государственных интересов»¹⁰.

Согласно статье 92, данное предписание должно было действовать до тех пор, пока сербская скупщина не присоединит предусмотренным законом путем освобожденные области к Сербскому королевству, что предполагалось осуществить на ее очередной сессии¹¹.

Подписали вышеуказанный документ король Сербии Петр, председатель Совета министров Н. Пашич, министр финансов Л. Пачу, министр внутренних дел С. Протич, министр строительства Й. Йованович (одновременно являвшийся заместителем министра народного хозяйства), министр просвещения и церковных дел Л. Йованович, министр юстиции М. Джуричич и военный министр генерал М. Божанович¹².

В ответ на сделанное 2 сентября 1913 г. представление великих держав об открытии для населения Албании свободного доступа в города Дjackовица и Дебар и о выводе сербских войск со всей албанской территории, управляющий министерством иностранных дел М. Спалайкович первоначально дал вполне благоприятный ответ, заявив, что к допущению албанцев в указанные города сербское правительство не видит никаких препятствий – «при условии, конечно, соблюдения, согласно мнению совещания послов, местных таможенных и полицейских постановлений»¹³.

Однако несколько дней спустя, во время своей встречи с поверенным в делах России в Сербии В.Н. Штрандтманом Спалайкович сообщил, что глава сербского правительства Пашич неодобрительно встретил его заявление, ибо сам он намеревался сделать свое заявление по тому же вопросу в другом смысле, поставив положительный ответ Сербии на представление европейских стран в зависимость от действий самих албанцев; последних же он намеревался вынудить присоединиться к Сербии путем создания препятствий к переходу ими границы¹⁴.

Еще более колебаний и непоследовательности было проявлено правительством в вопросе о выводе из Северной Албании остававшихся там сербских войск. На неоднократные благожелательные указания со стороны России сербское руководство отвечало уклончиво, оправдывая свои действия постоянными грабежами и другими насильственными акциями со стороны самих албанцев, подстрекаемых Австро-Венгрией, и невозможностью обеспечить полноценную защиту сербской территории вследствие включения в состав Албании на Лондонской конференции важных стратегических пунктов, защищающих горные проходы, ведущие в Сербию. Высказывавшиеся в ответ представителями России доводы о желательности, в интересах самой Сербии, избегать обострения отношений с Австро-Венгрией, встречали со стороны сербских официальных лиц указания на отсутствие в Сербии всякого страха перед соседней монархией, а в ответ на напоминание о том, что зимой 1912 г. та не начала военные действия против

Сербии в первую очередь благодаря позиции, занятой Россией, Спалайкович упорно утверждал, что и ныне Австро-Венгрия не предпримет никаких решительных действий, «упустив слишком много удобных случаев причинить серьезный вред Сербии во время Балканского кризиса»¹⁵.

Ситуация в соседней Албании действительно не могла внушать оптимизма сербскому правительству. Ведь албанские лидеры также не сидели сложа руки. Они решили не дожидаться начала работы разграничительных комиссий и уже в августе снарядили депутацию в Италию и Австро-Венгрию. Как сообщал в Санкт-Петербург 26 августа 1913 г. российский представитель в итальянской столице Крупенский, «в Рим приехала на днях албанская депутация в составе албанского министра Муфид-бея и некоторых других правительственных лиц. Эти господа были приняты в Консульстве парламентским товарищем министра иностранных дел, князем ди Скалеа, и были также у министра иностранных дел в Валломброза.

По сообщенным мне сведениям, албанцы благодарили итальянское правительство за его поддержку в вопросе о южной границе Албании и настаивали на необходимости, чтобы долина Аргирокастро (Гирокастра – *П.И.*) и разные другие спорные местности были присуждены Албании». Характерно, однако, то, что, оказав, по словам Крупенского, албанской депутации «предупредительный» прием, «обещаниями итальянского правительство себя не связало»¹⁶.

Дипломатические усилия албанские лидеры пытались подкрепить вооруженными акциями. В течение всего августа по наущению австро-венгерских агентов и на венские деньги албанские отряды осуществляли нападения на передовые сербские части – в первую очередь, в районе Дебара. Целью являлось создать у великих держав впечатление о широком недовольстве албанцев намеченной на Лондонском совещании послов великих держав сербо-албанской пограничной линией и побудить их пересмотреть принятые решения по разграничению¹⁷.

Красноречивые данные содержались в российской дипломатической переписке. Так, 3 октября 1913 г. российский дипломатический представитель в Афинах С. Урусов направил в Санкт-Петербург примечательную подборку документов. Как отмечалось в сопроводительном донесении, речь шла о выдержках «из очередных донесений вице-консула нашего в Авлоне (Влера – *П.И.*), свидетельствующих об усилившемся расколе среди албанского правительства и об анархическом состоянии в создаваемом албанском государстве»¹⁸. Вот эти красноречивые выдержки (даты указаны по старому стилю):

«15 августа. – Христианское деревенское население подвергается постоянному нападению банд, отбирающих у них скот. Христиане, не имея ни малейшего доверия к албанским властям, воздерживаются от принесения

каких-либо официальных жалоб, зная, что они не будут приняты во внимание. Временное правительство привлекло к полицейской службе самых завязтых разбойников, как например Хусни Тоска и Сали Мурат. Последний терроризировал христианское население в прошлом году и теперь, занимая важную должность в жандармерии, не изменил к ним своего отношения.

28 августа. – Прибыл член Английской Палаты Герберт, близкий друг Измаила Кемаля¹⁹. В сопровождении конвоя он отправляется в Берат, Эльбассан, Тирану и Дураццо.

Корреспондент «Трибуны», только что прибывший из Дураццо, сообщил мне, что там, так же, как и в прочих городах Санджака, положение невозможное. Католики-малиссоры против воли и советов священников намереваются отправиться в Дураццо для свержения властей и учреждения демократического правительства, отказываясь признавать также и Авлонское правительство²⁰.

Эссад Паша²¹ в большой нерешительности. Весьма противоречивы сведения о его намерениях в ближайшем будущем и о характере его отношений с австрийским правительством, поддерживающим временное Авлонское правительство. Эссад Паша телеграфировал президенту, укоряя его в несоблюдении программы и условий соглашения, вследствие чего он более не признает Авлонского правительства; ходят слухи, что вокруг Эссада формируется новое правительство, во главе которого он станет, перенеся центр управления в Дураццо. Телеграфное сообщение между последним и Авлоной прекращено. В день Байрама Эссад телеграфировал, будто бы, султану, поздравляя его и подписавшись "Ваш преданный генерал". Телеграмма эта была перехвачена Измаилом Кемалем и не дошла до назначения. Это и послужило причиной размолвки между ними.

Эссад наложил запрещение на все таможенные доходы и налоги в Дураццо. Он в стачке с католическим епископом и старается склонить к себе православных митрополитов, обещая им неприкосновенность духовных прерогатив. Влияние его в санджаке большое и распространяется до Фиери, где его семья в свойстве с Триони. Его влияние в Авлоне также ощутительно. В Берате положение неопределенное и там, по-видимому, преобладает пока влияние Азис Паши (здесь и далее приводятся имена политических и военных албанских лидеров рассматриваемого периода – П.И.).

В Авлоне положение, в административном отношении, на вид спокойно, в политическом – наоборот, полное неопределенности и граничащее с полной анархией.

Муффит бей еще не вернулся и склонен, будто бы примкнуть к Эссаду. Оба находятся под влиянием Сурея бея, находящегося в Европе.

Измаил Кемаль бей чувствует, что почва уходит из-под ног и все же всеми силами старается удержаться. Он скрытен, но теряя временами самообладание, выдает себя неуместными выходками.

12 сентября. – Эссад Паша не выполнил своих намерений, как говорят вследствие телеграммы адмирала Берней²² – известие это мало правдоподобно. В той же телеграмме адмирал взваливает всю вину за избиение христиан на Эссада, избиение, имевшее место в Грубове, в Бератском санджаке. Подобная телеграмма была будто бы адресована адмиралом президенту Измаилу Кемалю. Эссад Паша телеграфировал президенту, что он настаивает на реорганизации кабинета и на перенесении столицы. Комиссия, в составе министров Муффит Бея, С.Погас и Азиз Паша Вриони, отправилась к Эссаду, чтобы с ним сговориться и убедить отказаться от своих замыслов. Президент противился посылке комиссии, ввиду ее официального характера. Он придает большое значение положению, которое займет Берат; боятся, как бы Эссад не вошел в этот город.

Местная печать нападает на Эссада. Оппозиция, так же, как и сторонники правительства, считают положение критическим.

Ожидается присылка пулеметов, для приобретения новых послана была в Австрию особая комиссия. Друзья и сторонники Эссада желали бы активных с его стороны действий до полочки этого боевого груза.

Вследствие политического раскола и царящего тревожного положения, вокруг резиденции президента приняты строгие меры охраны²³.

Российские призывы к сдержанности оказали определенное влияние на настроения в Белграде, однако не заставили правительство пересмотреть свои приоритеты в отношении Албании. На экстренном заседании Совета министров Сербии было принято решение о частичном отводе сербских войск с албанской территории (в том числе и из Ороши), с сохранением, однако, позиций, преграждавших албанцам доступ на сербскую территорию, вплоть до нормализации положения внутри Албании. По окончании заседания Спалайкович встретился с Штрандтманом (информация о данной беседе была немедленно сообщена российским поверенным в делах в Санкт-Петербург секретной телеграммой от 12 сентября) и на замечание последнего о возможности для Сербии защитить свои границы путем перевода войск на позиции, находящиеся на сербской территории вдоль намеченной сербо-албанской пограничной линии, возразил, что «ключи проходов, ведущих в Сербию, лежат в Албании», и что до «установления порядка в Албании сербское правительство не считает себя вправе оставить беззащитной эту границу, постоянно подвергающуюся нападениям и к тому же Комиссией (по разграничению – П.И.) окончательно еще не установленную»²⁴. Он также заявил о том, что подобный же ответ сербское правительство намеревается дать и на новое коллективное представление

великих держав, представители которых в Белграде уже получили от своих правительств соответствующие инструкции²⁵.

Однако после дополнительных консультаций с итальянским поверенным в делах, убедившись в реальности возникновения серьезных осложнений в случае отказа Сербии считаться с требованиями европейского сообщества, Спалайкович признал желательность для своей страны полного освобождения албанской территории и пообещал вновь обсудить этот вопрос на заседании Совета министров. После указанного обсуждения Пашич обратился к Штрандтману с просьбой довести до сведения министерства иностранных дел России следующее заявление кабинета (что было сделано российским поверенным в делах в секретной телеграмме от 15 сентября 1913 г.): «Сербское правительство, желая, в согласии с дружественными указаниями России, избежать нареkania со стороны держав, выражает готовность отозвать свои войска из Албании, в каком-то смысле завтра будут отданы соответствующие приказания. Вместе с тем оно однако не может еще раз не отметить то состояние анархии, которое ныне царит в Албании и следствием коего, по всей вероятности, явится возникновение новых беспорядков с уходом сербских войск, а равно вынуждено предвидеть необходимость для последних, в видах обеспечения сербской окраины от нападений, принимать и в будущем обусловливаемые обстоятельствами меры. Поэтому сербское правительство искренне надеется, что к водворению в Албании надежных административных и полицейских властей будет приступлено возможно скоро, ибо до осуществления этого условия ему крайне трудно совмещать обязанности по охране жизни и имущества своих подданных с желанием строго уважать пограничную линию, пока еще только намеченную»²⁶.

Неудивительно, что в подобных условиях в Сербии усилились анти-австрийские настроения. Вену обвиняли (и не без оснований) во всемерной поддержке албанцев. К тому же в правящих сербских кругах действительно существовали представления о грядущем крахе Австро-Венгрии. На них особо указал посетивший в июле–августе 1913 г. все югославянские области монархии Габсбургов представитель Санкт-Петербургского телеграфного агентства В. Сватковский. По его словам, рассуждения активистов югославянского освободительного движения строились следующим образом.

Распад Австро-Венгрии при первом же серьезном вооруженном столкновении является предопределенным. Тем не менее, данного столкновения следует попытаться избежать в течение ближайших шести-семи лет, чтобы Сербия могла спокойно урегулировать свои внутренние проблемы и качественно укрепить армию (на необходимость чего неоднократно указывал и глава сербского кабинета Н. Пашич). В военных действиях против Турции и Болгарии в ходе Балканских войн принимала участие преимущественно сербская молодежь; на борьбу же против Австро-Венгрии

поднимутся самые широкие народные массы, причем, не только самой Сербии, но и всех югославянских областей монархии Габсбургов. Кроме того, на стороне Сербии выступают представители других славянских народов, в частности, чехи. Этим силам Австро-Венгрия сможет противопоставить немцев, венгров и поляков. Но первые два народа составляют далеко не самую боеспособную часть австро-венгерской армии, а что касается поляков, то они занимают второе место после хорватов по числу дезертиров и уклонившихся от исполнения воинской повинности (за предыдущие 12 лет – то есть с начала XX века – полмиллиона поляков эмигрировали в Америку). Таким образом, по мнению идеологов югославянского движения, ожидаемая война должна закончиться полным поражением и как следствие этого – расчленением Монархии. В результате раздела, по их оценкам, к России отойдут Галиция, Карпаты и часть Венгрии до Дуная включительно, вместе с частью Будапешта (Пешт). Другая часть Будапешта (Буда) отойдет к Сербии, вместе со всей южной и западной Венгрией, а также югославянскими землями Австро-Венгрии вплоть до середины Штирии и Каринтии на севере. Чешские земли (Чехия, Моравия и Силезия) должны будут объединиться с единоплеменными словацкими землями Северной Венгрии, образовав единое государство северо-западных славян с населением в 11 миллионов человек. Что же касается поляков, то они, независимо от области проживания – как галицкие и силезские, так и познанские – должны непременно войти в состав России, «ибо Россия наконец поймет же, что русско-польский вопрос может быть так или иначе разрешен только при условии объединения всех польских земель под русской властью и отсутствия заграничной ирреденты, подобно тому, как малорусский, или украинский, вопрос не разрастется до опасных размеров только при присоединении Восточной Галиции, Северной Буковины и Угарской Руси к России»²⁷.

Другие области Австро-Венгрии окажутся в результате поделенными между Румынией, которой достанется Трансильвания и Южная Буковина, Францией (она получит Эльзас и Лотарингию) и Данией, к которой будут присоединены Шлезвиг и Гольштиния. Что же касается земель с собственно немецким населением, а именно Нижней и Верхней Австрии, Зальцбургской области, северной части Штирии, Каринтии и Тироля, то они могут объединиться с южногерманскими и западногерманскими территориями в «особую католическую Германию в противовес разбитой и приуменьшенной со всех сторон протестантской Германии»²⁸.

Не добавляли Вене уверенности и распространившиеся в Австро-Венгрии после завершения Балканских войн слухи о формировании югославянской молодежью особого «легиона смерти», члены которого готовились осуществить целый ряд покушений, а также взрывов арсеналов, мостов, железнодорожных путей и других стратегически важных объектов в

случае начала австро-сербской войны. Косвенное подтверждение данных слухов давалось в том числе и депутатами парламента. При этом район предполагаемых акций не ограничивался югославянскими областями, а включал в себя и крупные центры в других районах страны, в том числе и Вену. Основным лозунгом, под которым объединялись югославянские группировки, являлось провозглашение Великого Сербского королевства с границами от Адриатического моря до Будапешта²⁹.

Что касается общей ситуации в Австро-Венгрии в конце 1913 – начале 1914 гг., то как начавшееся оживление экономической и финансовой жизни страны, так и в целом спокойный тон публикаций в местной прессе свидетельствовали о наступлении определенной стабилизации во внутриполитической жизни Монархии. По сообщениям российских дипломатических представителей и информационных служб, несмотря на военные маневры вокруг Сараево, а также военные приготовления в Галиции, общественное мнение страны и биржа, всегда хорошо осведомленная и чутко реагирующая на любое изменение обстановки, оставались спокойными³⁰.

Тем не менее, как в правительственных сферах, так и в самом обществе преобладали серьезные сомнения в длительности и прочности нынешнего внешнеполитического положения государства. Разногласия в этой связи касались, главным образом, сроков наступления будущих осложнений: от весны 1914 г. до ближайших пяти-шести лет. Представитель Санкт-Петербургского телеграфного агентства отмечал, что «все верят в новые грядущие осложнения на Ближнем Востоке и неминуемое вовлечение ими Австро-Венгрии рано или поздно в войну на один, два или три фронта»³¹.

В этой связи представляется интересным мнение ряда чешских депутатов-аграриев, а также лидера чешских национальных социалистов Клофача, которые, объясняя проводимую ими политику обструкции в парламенте, отмечали, что, хотя указанные действия и не преследовали каких-либо конкретных целей, тем не менее, они осуществлялись на основании убеждения в том, что «ввиду неизбежной в будущем войны, спокойная парламентская работа даже в лучшем случае не может дать чешскому народу прочных выгод. Для чехов после их глубокой деморализации поражениями России на Дальнем Востоке и русской революцией необходимо поддержание духовного подъема, вызванного балканскими событиями... Чехов надо-де приучить к мысли, что им нечего ждать от этого парламента и от самого государства, что все надежды на будущие внешние события»³². Еще в большей степени подобными убеждениями были проникнуты депутаты от югославянских земель³³.

В самой Сербии в связи с обострением ситуации на сербо-албанской границе значительная часть общественного мнения и политических кругов призвали правительство предпринять самые решительные меры против

албанцев. Это привело к возникновению серьезного внутривластного кризиса. Оппозиционные депутаты в скупщине потребовали от кабинета Н.Пашича представить всесторонний отчет о своей деятельности и наказать тех должностных лиц, по вине которых безопасность государства была поставлена под угрозу. Реальная возможность отставки нависла над военным министром Божановичем и министром финансов Пачу, не пожелавшим в свое время ассигновать необходимые кредиты на содержание дополнительных воинских контингентов в южных областях Сербии. Правительство нашло, однако, возможность возложить всю ответственность за кризис на бывшего ближайшего помощника главнокомандующего сербской армией воеводы Р. Путника генерала Ж. Мишича, подготовившего, по мнению правительственных кругов, непродуманный план размещения сербских гарнизонов вдоль сербо-албанской границы, имевшей протяженность около 500 км³⁴. Король Петр издал указ о его увольнении, что, в свою очередь, вызвало новую волну протестов и нападок на кабинет Пашича, положение которого, в свете предстоящего открытия заседаний скупщины и готовившихся оппозиционными партиями целого ряда запросов по вопросам внутренней и внешней политики, потеряло прежнюю устойчивость³⁵.

В сербском правительстве существовали два взгляда на стоящие перед страной насущные задачи. С одной стороны, присуществовало понимание необходимости использовать мирную передышку, наступившую после двух Балканских войн, для того, чтобы организовать административное управление, судебные власти, пограничную и иные службы в присоединенных к Сербии областях, а с другой стороны, - и этот взгляд превалировал, - среди членов правительства существовало твердое убеждение в том, что «Австро-Венгрия и Италия не дадут порядку водвориться в Албании, и что, следовательно, необходимо теперь же добиваться исправления установленной на Лондонской конференции послов, невыгодной для Сербии в стратегическом и экономическом отношениях, границы»³⁶.

Тем временем, итальянский поверенный в делах в Сербии, по поручению маркиза А. ди Сан-Джулиано, передал сербскому правительству еще одно настоятельное указание итальянского кабинета соблюдать крайнюю осмотрительность в албанских делах, ибо военная партия в Австро-Венгрии оказывает энергичное давление на свое правительство с целью побудить его предпринять решительные действия против Сербии. В ответ Спалайкович отметил, что Сербия вынуждена предпринимать решительные действия ввиду угрожающей ей со стороны Албании опасности, и добавил, что отношение Австро-Венгрии к этому вопросу ему безразлично, ибо венское правительство, по его мнению, не решится на активные выступления. Одновременно сербское правительство получило аналогичные советы и от Германии. Германский канцлер Т.Бетман-Гольвег заявил сербскому поверенному в делах в Берлине, что Австро-Венгрия ищет удобный

повод для вмешательства в балканские дела, и что Россия в данных условиях не окажет поддержку сербским устремлениям³⁷.

Жаркие дискуссии развернулись в Сербии и после предъявлений Белграду Австро-Венгрией ультиматума с требованием вывести войска за пределы установленной международным сообществом сербо-албанской пограничной линии. Наряду с осуждением действий Австро-Венгрии, в печати и среди политиков появились обвинения главы сербского кабинета в малодушии, ибо, по их мнению, австро-венгерское правительство никогда бы не осмелилось претворить свои угрозы в жизнь.³⁸ Однако в итоге возобладала более умеренная позиция умудренного опытом сербского премьера Пашича, прислушавшегося к советам со стороны России.

В конце октября 1913 г. в Белград стали поступать сведения о готовящемся новом вторжении на территорию Сербии албанских отрядов, на сей раз по направлению к Призрену и Джяковице, причем, по данным сербского правительства, в этих приготовлениях вновь принимали участие австро-венгерские представители, доставлявшие албанцам оружие и боеприпасы³⁹.

Принимая во внимание эту информацию, правительство Пашича приняло решение увеличить численность пограничных гарнизонов в указанных областях, а также обратилось к дипломатическим представителям великих держав с заявлением, что оно намерено дать самый решительный отпор в случае перехода албанцами сербо-албанской границы. Однако до серьезного вооруженного столкновения дело так и не дошло. По свидетельству военного министра Сербии, албанские отряды, предварительно занявшие позиции на албанском берегу Черного Дрина, после незначительной перестрелки с сербским пограничным постом у села Джеликушта отошли в глубь албанской территории⁴⁰.

На заседании Контрольной комиссии 5 декабря 1913 г. по просьбе сербского правительства был поднят вопрос о сосредоточении албанцев в районе Дебара и Люмы. В результате обсуждения было принято решение обратиться по этому поводу с запросом к правителям Дурреса и Эльбасана. Одновременно члены Комиссии выразили мнение, что опасения сербской стороны являются преувеличенными, ибо после недавних ожесточенных боев албанцы вряд ли предпримут новое наступление⁴¹.

Однако ситуация от этого в самой Албании не становилась стабильнее. Красноречивая констатация содержалась в секретной телеграмме Петряева в Санкт-Петербург от 10 декабря 1913 г. касательно возможных способов формирования местных органов обеспечения правопорядка. Российский комиссар в международной Контрольной комиссии был категорически против того, чтобы «поручить устройство милиции местным муниципалитетам, состав коих, из находящихся во вражде элементов, лишь только увеличил бы опасность кровавых столкновений»⁴². Он сообщал, что «вчера и се-

годня комиссия совещалась с вернувшимися из поездки по Албании голландскими офицерами. По мнению их, теперешнее анархическое состояние Албании делает неотложной организацию жандармерии, которая могла бы быть образована в Валлоне и Скутари, как только будут даны средства. Они высказали также мысль о возможности образовать теперь же в виде первого опыта жандармский отряд для посылки на юг Албании. В этом смысле комиссией сформулировано тождественное предложение... Измаил Кемаль Бей сочувствует этой мере и готов помочь людьми и оружием»⁴³.

В середине декабря 1913 г. Эсад-паша сообщил Контрольной комиссии, что нет никаких оснований опасаться нападения албанцев на сербские гарнизоны в районе Дебара и Люмы, где в данное время ведет свою работу направленная им лично специальная комиссия для организации в указанных областях гражданской администрации⁴⁴.

Тем не менее, сербо-албанские отношения продолжали оставаться напряженными. Находившиеся в окрестностях Шкодера албанцы – уроженцы областей, отошедших к Сербии, отказывались возвращаться на родину без получения гарантий безопасности со стороны сербского правительства. В связи с этим Австро-Венгрия и Италия решили обратиться к кабинету Пашича с официальным представлением о необходимости обеспечения свободного доступа албанского населения на места его постоянного проживания на основании постановлений Лондонского совещания, которые предусматривали доступ албанцев на рынки Дебара и Дзяковицы, а также равное положение албанцев с представителями других народов с точки зрения их гражданских прав. Это требование было также поддержано российским правительством с оговоркой, что албанцы, находящиеся на сербской территории, должны подчиняться законодательным положениям, установленным сербским правительством⁴⁵.

В соответствии с указаниями российского министерства иностранных дел, Гартвиг имел специальную беседу с Пашичем, в ходе которой обратил внимание главы сербского кабинета на необходимость создания благоприятных условий для беспрепятственного возвращения албанских беженцев на свою родину. Со своей стороны, Пашич подчеркнул, что «сербское правительство не только не препятствует, а напротив оказывает всяческое облегчение возвращению иноплеменным уроженцам земель, отошедших к Сербии, при условии, конечно, подчинения их установленным законоположениям, приравнивающим всех к коренным сербам»⁴⁶. Тем не менее, председатель Совета министров сообщил, что его правительство, в соответствии с указаниями России и в предупреждение возможного официального представления Австро-Венгрии, не замедлит подтвердить посредством телеграфных сообщений манифест короля Сербии о всеобщей амнистии, с изъятием, правда, «лиц, совершивших уголовные преступления,

и известных главарей, продолжающих поджигать албанцев к восстанию, как Болетинац, Риза-бей и другие»⁴⁷.

Но даже и в эти месяцы второй половины 1913 – первой половины 1914 гг. власти Сербии не оставляли попыток установить взаимовыгодные контакты с отдельными влиятельными албанскими лидерами в интересах стабилизации обстановки и встречали позитивный отклик со стороны последних. Назначенный сербским консулом в Дуррес Симич в беседе с российским делегатом в Международной контрольной комиссии А.М. Петряевым весьма деликатно сообщил последнему 17 декабря 1913 г., что он «имеет доверительное поручение вступить с Эсад-Пашой в переговоры по вопросам, интересующим Сербию и Албанию»⁴⁸.

В этой связи представляет определенный интерес депеша Гартвига, отправленная за месяц до его вышеуказанной беседы с Пашичем, 4 ноября 1913 г., в которой, со ссылкой на только что полученные сербским правительством сведения говорилось о том, что «двое из наиболее выдающихся албанских главарей – Иса Болетинац и Риза-бей – заявили королевским пограничным властям, что они горят желанием жить в мире и согласии с сербами, к которым албанский народ питает доверие», объясняя недавнее албанское восстание подстрекательской деятельностью эмиссаров Австро-Венгрии, «лживым обещаниям которой они больше не поддадутся»⁴⁹.

В этой связи стоит напомнить и о предложениях А.М. Петряева касательно тех мер, которые правительство Сербии должно было, по его мнению, предпринять в целях обеспечения защиты своей территории от новых албанских вторжений. После получения информации о данных предложениях, российский посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг имел по этому поводу объяснение с Н. Пашичем, который заявил, что «сербское правительство по опыту убедилось, что материальная помощь албанцам, к сожалению, редко удерживает их от предательской измены в удобную для них минуту, и не раз обращали они полученное от сербов оружие против славянского населения»⁵⁰. Тем не менее, продолжал Пашич, некоторые албанские племена в последнее время проявляют стремление установить добрососедские отношения с сербским населением; вследствие чего местные сербские власти уже распорядились о выдаче денежных пособий отдельным влиятельным байрактарам (военным и политическим лидерам на местах). Однако, заключил глава кабинета, сербское правительство все же полагает, что пограничные волнения и столкновения едва ли прекратятся без установления в Албании администрации и международной жандармерии⁵¹.

Тем не менее, 17 декабря 1913 г. назначенный сербским консулом в Дурресе Симич прибыл к месту несения дипломатической службы, имея доверительное поручение Пашича вступить в непосредственные переговоры с Эсад-пашой по вопросам, представляющим взаимный интерес. Одно-

временно при правительстве Исмаила Кемали во Влере должен был получить аккредитацию прибывающий в этот город через несколько дней генеральный консул Сербии Гаврилович⁵². Таким образом, Белград стремился установить рабочие отношения с двумя главными и непримиримыми противниками на албанской сцене.

Однако накануне прибытия Симича в качестве консульского представителя в Дуррес Эссад-паша – после консультации с австро-венгерским консулом – издал специальное постановление о том, что все подданные балканских государств должны покинуть управляемую им территорию. Посетившему его Симичу Эссад-паша предложил подчиниться данному распоряжению, категорически заявив, что в случае отказа он не ручается за личную безопасность сербского представителя; после чего Симичу не осталось ничего другого, кроме как спешно покинуть Дуррес. По данным российского комиссара в Албании, такая позиция Эссад-паши, являвшегося фактически верховным правителем Дурреса, объяснялась тем обстоятельством, что он регулярно получал советы и инструкции от венского кабинета через находившегося в данном городе австро-венгерского консула, заручившись предварительно обещанием, что Дуррес станет местом пребывания нового албанского князя (против прибытия которого он и его сторонники, как говорилось выше, активно апеллировали к Белграду). Для Эссад-паши австрийская поддержка имела особое значение в условиях его продолжавшегося соперничества с главой центрального албанского правительства Исмаила Кемали, штаб-квартира которого находилась во Влере.

Однако, не желая, вместе с тем, обострения своих в целом позитивных отношений с белградским правительством (с которым он продолжал вести тайные переговоры через специально командированных агентов), Эссад-паша за несколько часов до отъезда сербского представителя направил к нему свое доверенное лицо выразить сожаление по поводу случившегося и подчеркнуть, что данная мера, не носящая враждебного по отношению к Сербии характера, была вызвана объективными и не зависящими от самого албанского лидера обстоятельствами.

Разумеется, понятно, что председатель центрального албанского правительства во Влере, узнав о последних действиях своего политического соперника, настоял на скорейшем приезде в город Гавриловича, назначенного сербским правительством генеральным консулом. По прибытии во Влеру сербский дипломат был тепло встречен самим Исмаилом Кемали, выразившим свое удовлетворение тем фактом, что Гаврилович вручил ему верительное письмо за подписью Пашича, в чем он усмотрел столь важное для него косвенное признание своего правительства иностранной державой⁵³.

Такова лишь часть конкретной истории тех действительно напряженных месяцев осени–зимы 1913–1914 гг. в отношениях Сербии, Австро-Венгрии и албанцев, которые сегодня на Западе принято трактовать как проявление сербского национализма, шовинизма и гегемонизма. Как видим, подобные оценки не соответствуют ни элементарному здравому смыслу, ни, главное, историческим документам. Они отвечают лишь современным геополитическим установкам тех американских и западноевропейских политиков и экспертов, кто стремится к новой перекройке Балкан, Европы и всего евразийского пространства в ущерб, в том числе, России и славянам.

Примечания

¹ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des Kaiserlichen Deutschland 1914/1918. Dusseldorf, 1962. S. 792.

² Машкин М.Н. Колониальные цели кайзеровской Германии в 1918 г. // Вестник Московского Государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2012. № 5. С. 51.

³ Подробнее см.: Clark Ch. The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. Harper, 2013.

⁴ Имелась в виду, в частности, статья XXXV, гласившая следующее: «В Сербии различие в религиозных верованиях и исповеданиях не может послужить поводом к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том, что относится до пользования правами гражданскими и политическими, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям или до отправления различных свободных занятий и ремесел, в какой бы то ни было местности.

Свобода и внешнее отправление всякого богослужения обеспечиваются как за всеми сербскими уроженцами, так и за иностранцами, и никакие стеснения не могут быть делаемы в иерархическом устройстве различных религиозных общин и в сношениях их с их духовными главами» // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 197.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее - АВПРИ). Ф.Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 3.

⁶ Сборник договоров России с другими государствами... С. 192.

⁷ Там же. С. 197.

⁸ АВПРИ. Ф.Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 315, 317.

⁹ АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 337.

¹⁰ Уредба о уређењу ослобођених области. Београд, 1913. С. 25.

¹¹ Ibid. С. 27.

¹² Ibid. С. 28.

¹³ АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 355.

¹⁴ АВПРИ. Ф.Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 334; Там же. Д. 530. Л. 164.

¹⁵ Там же. Д. 530. Л. 165.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 75. Л. 157.

¹⁷ Документи о спољној политици Краљевине Србије. Т. VI. Св. 3. Београд, 1986. С. 294–295.

¹⁸ АВПРИ. Ф.Политархив. Оп. 482. Д. 332. Л. 129.

¹⁹ Исмаил Кемали – один из лидеров албанского национально-освободительного движения, глава первого правительства Албании, сформированного в ноябре 1912 г.

²⁰ Правительство, сформированное на Всеалбанском конгрессе во Влере 28 ноября 1912 г.

²¹ Эссад-паша Топтани – один из лидеров албанского движения начала XX в.

- ²² Британский адмирал, командующий международной эскадрой у берегов Албании.
- ²³ Там же. Л. 130–131.
- ²⁴ Там же. Д. 531. Л. 340. Вопросы состава, принципов и сроков деятельности Международной комиссии по определению северной и северо-восточной границ Албании активно дебатировались на Лондонском совещании послов еще в начале 1913 г. При этом, пожалуй, ключевую роль играл временной фактор. Как признавался в беседе с российским посланником в Белграде Пашич, «в виду топографического характера местностей работы комиссии могут затянуться на многие месяцы, в течение коих Сербии пришлось бы содержать свою армию на местах в настоящем боевом положении; а это неминуемо повлекло бы громадные расходы и сильное недовольство в войсках со всеми последствиями внутренних неурядиц». – АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 11. В итоге непосредственные работы на местности начались в октябре 1913 г. В состав комиссии входили шесть делегатов – по одному от каждой из великих держав, а также необходимый для осуществления конкретных работ на местности персонал, в первую очередь, геодезисты и топографы, и корпус вооруженной охраны. В силу существовавших между членами Комиссии разногласий по вопросам определения государственной принадлежности тех или иных территорий и толкования соответствующих решений Лондонской конференции, а также из-за наступивших в горах неблагоприятных погодных условий, сделавших практически невозможными какие-либо изыскания в указанных областях, работы по окончательному определению сербо-албанской границы не были завершены, и в начале декабря 1913 г. члены Комиссии прекратили работы по разграничению – Подробнее см.: АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530, 531.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 340.
- ²⁶ Там же. Л. 343.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 278. Л. 2.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Л. 1.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3392. Л. 66, 70.
- ³¹ Там же. Л. 70.
- ³² Там же. Л. 70–71.
- ³³ Там же. Л. 71.
- ³⁴ Там же. Д. 530. Л. 171, 180а.
- ³⁵ Там же. Л. 163.
- ³⁶ Там же. Д. 531. Л. 350.
- ³⁷ Там же. Л. 352.
- ³⁸ Там же. Д. 530. Л. 185.
- ³⁹ Там же. Л. 189; Д. 531. Л. 386.
- ⁴⁰ Там же. Д. 530. Л. 189.
- ⁴¹ Там же. Д. 2908. Л. 29.
- ⁴² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 19. Л. 42.
- ⁴³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2105. Л. 188.
- ⁴⁴ Там же. Д. 2908. Л. 37.
- ⁴⁵ Там же. Д. 531. Л. 428.
- ⁴⁶ Там же. Л. 430.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 19. Л. 49.
- ⁴⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 189–190.
- ⁵⁰ Там же. Д. 531. Л. 432.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. Д. 2908. Л. 53.
- ⁵³ Там же. Л. 57.

Русские генштабисты-эмигранты в годы Второй мировой войны*

Abstract:

Ganin A.V. *Russian emigrant General-Staff-officers in World War II.*

The article considers activities of the former General-Staff-officers, who were living in exile during World War II. Special attention is given to the events in Central and South-East Europe.

Ключевые слова: военная элита, русская эмиграция, Генеральный штаб, Вторая мировая война.

Вторая мировая война всколыхнула всю русскую эмиграцию и привела к крупнейшему расколу в ее среде, коснувшемуся и Генштаба, который в силу своей специфики просто не мог находиться в стороне от этих переломных событий. Уже в самом начале войны военная эмиграция неоднозначно восприняла действия СССР, о чем свидетельствуют документы Русского общевойскового союза (РОВС). В сводке сведений, поступивших в управление РОВС к 17 октября 1939 г. и не предназначенных для печати, отмечалось: «СССР решительно выступил на мировую арену и постепенно не только забирает то, что было потеряно по Версальскому договору, в котором Россия не участвовала, и по Рижскому трактату, но и захватывает земли, ранее нам не принадлежавшие. Таким образом, Сталин становится “собирателем земли русской”. Само собою разумеется, это обстоятельство никак не может изменить нашего отношения к советской власти, а, если бы, паче чаяния, появились настроения, благоприятные большевикам, в виду «собираения ими земли русской», то, конечно, с подобными настроениями необходимо всячески бороться. Большевики были, есть и будут врагами народа русского, врагами Национальной России. Необходимо также иметь в виду, что в захваченных землях большевики полностью проводят всю свою программу и подвергают население всем ужасам большевизации. Мы по-прежнему должны считать своей первой задачей борьбу с ними до конца – до возрождения России»¹. Позицию РОВС проясняет заявление его начальника генерала А.П. Архангельского в военном собрании Брюсселя 28 сентября того же года: «СССР как будто делает русское государственное

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

дело... Мы боремся с большевиками не потому, что они отдали русские земли, а потому, что они разрушают душу русского народа, разрушают семью, религию, лишают крестьянина его земли, не дают свободы труда, уничтожают инициативу, и интересы русского народа и России им безразличны»². Как представляется, Архангельский не смог убедительно обосновать причины продолжения борьбы с большевиками, тем более, что он и не знал советских реалий того времени. Между тем, глава РОВС был лидером военной эмиграции и, если даже он осознавал шаткость своей позиции и был вынужден давать объяснения в связи с включением в состав СССР ранее утраченных территорий Российской империи, то менее активные эмигранты, скорее всего, были смущены значительно сильнее его и, вероятно, начинали понимать, что между советским руководством образца 1917–1918 гг. и 1939 г. были серьезные различия. На позицию части военной эмиграции особенно повлияли сведения об усилении Красной армии, росте ее технического оснащения и повышении международного влияния СССР. К 1945 г. разница стала еще более очевидной и привела к многотысячному потоку не только принудительно, но и вполне добровольно уехавших в СССР эмигрантов. Настоящим шоком и крушением надежд для многих стало то, что в результате войны коммунистический режим в СССР не только не рухнул, но, наоборот, значительно укрепил свои позиции.

В историографии последних лет не принято заострять внимание на тех эмигрантах, которые выступили против Германии и ее союзников. Единственное исключение, пожалуй, составляет генерал А.И. Деникин, причем его позиция, сложная и, во многом, противоречивая, нередко искажается. Об отношении других практически ничего не известно. Если говорить именно о военной эмиграции и о Генеральном штабе, то, действительно, СССР активно поддержало абсолютное меньшинство изгнанников, большинство же видело в немцах потенциальных освободителей России от большевиков. Более того, немалая часть генштабистов (в сравнении с участием в прочих военных конфликтах), будучи непримиримо настроена по отношению к коммунистической идеологии, решила принять непосредственное участие в новом походе на большевиков. Наиболее яркой фигурой в этой, сравнительно многочисленной, группе был бывший донской атаман генерал П.Н. Краснов (хотя он прослушал лишь один курс академии и не был генштабистом в полном смысле слова), являвшийся убежденным германофилом еще со времен своего сотрудничества с немцами на Дону в 1918 г. Одной из составляющих его мировоззрения (впрочем, как и многих других кадровых офицеров русской армии) был антисемитизм, вполне укладывавшийся в предлагавшуюся Гитлером систему взглядов. Кроме того, идеология национал-социализма была близка правому крылу эмиграции, к которому принадлежали многие военные (не случайно генерал А.А. фон Лампе уже в 1929 г. отмечал, что Белое движение в более ради-

кальном варианте было бы похоже на движение фашистское³). Помощником Краснова в рамках Главного управления казачьих войск был кубанский атаман В.Г. Науменко. С Красновым сотрудничал и генерал С.К. Бородин. В этом выборе определяющей для них, конечно же, была именно принадлежность к казачеству, а не к Генштабу. В Чехословакии с немцами сотрудничал генерал В.Ф. Кирей. К коллаборационистам в СССР присоединился бывший Генштаба полковник В.Г. Попов, находившийся в Новочеркасске.

В основном же выпускники академии (включая ускоренные курсы) служили в Русском охранном корпусе в Югославии. Среди них были генералы Б.А. Штейфон (возглавивший корпус в 1941 г., до этого – начальник штаба), Б.В. Гонтарев (начальник штаба корпуса), В.П. Агапеев, Ф.Э. Бредов, И.К. Гандурин (служил священником), М.М. Зинкевич, М.М. Георгиевич, Д.П. Драценко, В.М. Пулевич, В.Ф. Белогорцев, А.Е. Егоров, В.Н. Колобакин, В.В. Крейтер, В.Л. Малеванов, Н.В. Нагаев (служил в корпусе в качестве священника), М.К. Соломахин, В.Е. Флуг, полковники Ф.Н. Боровский, В.П. Бахмуцкий, Е.М. Гарабурда, Ф.Н. Гришин, Г.К. Дворжицкий, Ф.А. Думский, Е.Л. Ивановский, А.В. Черныш, К.М. Перевалов (служил фельдфебелем), С.А. Жуков, князь И.И. Максудов, В.К. Молостов, Е.Б. Плотников, С.П. Попов, П.М. Савельев, Н.А. Саборский, Ю.В. Сербин, Н.А. Саборский, В.Н. Ставрович, И.И. Третьяков, Б.В. Федоров, П.Е. Фетисов, Э.Э. Шляхтин, Я.А. Яковлев, В.В. Бальцар, Б.М. Иордан, Н.А. Кадушкин, Н.Н. Краснов, Б.А. Мержанов, подполковник В.З. Полюшкин⁴. Некоторые из эмигрантов, служивших в Русском корпусе, окончили курсы Генерального штаба в Белграде. В 1-й Русской национальной армии генерала Б.А. Хольмстон-Смысловского служили полковники С.Н. Ряснянский и Е.Э. Месснер. Генерал М.М. Георгиевич даже просил своего старого сослуживца, а теперь финского маршала К.-Г.Э. Маннергейма, порекомендовать его для службы на Восточном фронте⁵. Если в рядах Русского корпуса служили десятки генштабистов, то в Отдельном казачьем корпусе в Северной Италии (Казачьем Стане) их число было незначительно – на конец апреля 1945 г. среди 284 офицеров-эмигрантов было лишь 4 выпускника Николаевской академии и 14 выпускников эмигрантских курсов генерала Н.Н. Головина⁶.

По мнению одного из исследователей проблемы, некоторые из этих офицеров «обладали несравненно большим опытом, знаниями и тактической подготовкой, чем отдельные командиры стрелковых дивизий РККА, не говоря уже о воспитании, эрудиции, кругозоре и общем уровне культуры»⁷. Одну из сотен Русского корпуса лично благословил бывший русский военный агент в Сербии престарелый генерал В.А. Артамонов⁸. Кто-то шел в корпус по идейным соображениям, кто-то, вероятно, для самозащиты, а для некоторой части вступление в Русский охранный корпус было способом выживания в то время перед угрозой голодной смерти⁹. Немцы опасались русских офицеров-националистов и вместо отправки на Восточный фронт

использовали корпус в борьбе с югославскими партизанами И.Б. Тито. Всего через корпус прошло более 17 000 человек, 1132 (по другим данным, 3429) погибло. Среди погибших в рядах корпуса – генштабист генерал М.М. Зинкевич, командовавший батальоном, полковник Ф.А. Думский, попавший в засаду четников. В самом конце войны 30 апреля 1945 г. в Загребе неожиданно скончался генерал Б.А. Штейфон (по некоторым данным покончил с собой).

РОВС и казачьи организации в лице генералов А.П. Архангельского, А.М. Драгомирова, А.А. фон Лампе, П.А. Кусонского, Н.Н. Головина, Ф.Ф. Абрамова, И.А. Полякова, П.Х. Попова, И.А. Полякова, В.В. Крейтера, Г.В. Татаркина, В.Г. Науменко фактически поддерживали немцев, хотя за РОВС немецкой администрацией был установлен пристальный контроль, а его возможности ограничены. У генерала Архангельского немцы даже произвели обыск и взяли подписку о невыезде¹⁰. А.А. фон Лампе за месяц до немецкого вторжения на советскую территорию направил командующему сухопутными силами Вермахта генерал-фельдмаршалу В. фон Браухичу письмо с предложением использовать русских эмигрантов в предстоящей войне, но ответа не последовало. На второе письмо, направленное уже после начала войны, был получен отрицательный ответ¹¹. Аналогичное обращение к германскому военному атташе в Софии составил генерал Ф.Ф. Абрамов. После войны генерал А.И. Деникин в письме председателю РОВС генералу Архангельскому от 16 мая 1946 г. назвал «челобития» руководителей РОВС немцам с предложением услуг русских эмигрантов преступными. В особенности после того, как нацисты проявили стремление к разделу и колонизации России, а также к истреблению ее населения¹². В том же письме Деникин осудил формирование Русского корпуса, подавлявшего выступления сербов против немцев, обвинил руководство РОВС в отправке офицеров-эмигрантов на убой. Деникин писал, что действиями корпуса «русскому имени нанесен был... жестокий удар»¹³ и даже, что «РОВС, руководители которого запятнали себя предательством русских интересов, как русская национальная организация более не существует»¹⁴. В ответном письме Архангельский попытался опровергнуть эти обвинения, однако опровергнуть очевидные факты было невозможно. Но все это было позже, а пока, невзирая на возраст, к немцам потянулись семидесятилетние старики-генштабисты, как, например, генерал И.С. Свищев, переехавший из Югославии в Германию, чтобы стать подполковником вооруженных сил власовского Комитета освобождения народов России (КОНР)¹⁵.

Огромный интерес представляет письмо полковника Б.И. Бучинского генерал-майору А.А. фон Лампе от 20 января 1958 г., копия которого была любезно предоставлена нам известным исследователем наградных систем и коллекционером А.И. Рудиченко (Нью-Йорк). В этом письме Бучинский высказал свое возмущение оценками, данными ему фон Лампе, и, в свою

очередь, написал: «Вероятно, Вы всерьез почитаете себя начальником, а меня – своим подчиненным. Если это так, то спешу уведомить Вас, что я ушел из РОВСа 20 лет тому назад, т.е. в 1938 году и считал для себя возможным числиться в этом Союзе тогда, когда он возглавлялся таким безукоризненным в моральном и в служебном отношении лицом, как генерал Миллер. Но мне – старому офицеру Генерального штаба Императорской армии – совершенно невозможно и неприлично числиться подчиненным, хотя бы и номинально, такого лица, как Вы. Так что, если бы я не ушел из РОВСа в 1938 г., я бы это сделал немедленно после Вашего назначения. Я решительно заявляю и прошу принять к сведению, что никогда, ни одной минуты не числился Вашим подчиненным и не мог им быть по следующим причинам: 1) Вы именуете себя генералом Генерального штаба Импер[аторской] армии, что не только ложно, но просто абсурдно. В официальном списке Генеральн[ого] штаба за 1916 год Вы значитесь капитаном¹⁶, следовательно, быть генералом в феврале 1917 г. Вы никак не могли. Присвоение себе чинов и званий с целью обмана общественного мнения и, вероятно, с целью извлечения каких-либо выгод не только не совместимо со званием генерала, но даже является проступком уголовного характера, караемого по ст. 259 французского уголовного кодекса (Escroquerie – мошенничество). 2) В 1919 г. в Екатеринодаре Ваша «деятельность» как сотрудника газ[еты] «Россия» и Ваша пропаганда против командования Добровольческой армией обратила на себя внимание Генерал-квартирмейстера, и я получил от него приказание начать негласное расследование о Вашей личности и Вашей деятельности до появления в Добровольческой армии, то есть в советской России и на Украине. Результатом этого расследования был приказ начальника штаба армии посадить Вас под арест. Этот приказ не был приведен в исполнение вследствие общего отступления армии в Крым. 40-летняя давность этого события не позволяет мне привести все детали, добытые следствием. Но офицер, производивший дознание, жив, и я обратился к нему с просьбой сообщить мне все, что он знает по этому делу. 3) В 1936 г. ген. Миллер и полк. Кусонский¹⁷ сообщили мне, что по распоряжению Германского правительства Вы были арестованы в Берлине и посажены в тюрьму по обвинению в шпионаже в пользу сов[етской] России. 4) Несмотря на это недоразумение, и, может быть, вследствие [н]его, в 1941-45 годах Вы держали себя как верный сын немецкого народа и как злейший враг народа русского. Вы не сочли зазорным вступить на немецкую службу, носить “свастику” и приняли немецкое подданство в виде так называемого folk deutsche. В соответствии с эпохой Вы называли себя тогда фон-Лампе¹⁸. Сведения обо всем этом можно найти в газетах, издаваемых тогда в Германии, которые тогда продавались и во Франции. Если это германофильство является Вашим убеждением, то оно никого не касается. Но оно приобретает совершенно иной характер теперь, когда в Париже Вы оказались в роли рус-

ского патриота и борца за лучшее будущее России, которую Вы предавали в Берлине 10 лет назад. Соответственно этой новой роли Вы преобразовали себя из фон Лампе в Лампе просто. Такая метаморфоза отнюдь не идет к лицу, претендующему на звание генерала, да еще патриота и главе РОВС, т.е. остатков того, что было когда-то Добровольческой Армией. Такое ненормальное явление объясняется только тем, что Ваше прошлое было неизвестно ген. Архангельскому¹⁹, а также полным равнодушием Ваших подчиненных к этому вопросу...»²⁰. Таким образом, по мнению генштабиста-эмигранта Бучинского, сотрудничество одного из лидеров РОВС с немцами в годы войны было явным предательством по отношению к России. К сожалению, осознание такого рода очевидных фактов было присуще лишь единицам в общем потоке военной эмиграции.

В рядах коллаборационистов встречались довольно колоритные персонажи. Генерал-майор Б.А. Хольмстон-Смысловский, командовавший 1-й Русской национальной армией, до сих пор некоторыми авторами считается, якобы, слушателем ускоренного курса Николаевской военной академии 1917 года, не окончившим учебу из-за большевистского переворота²¹. Источником этих сведений был сам Смысловский, и такая его биография закрепились в эмигрантской среде, перекочевав затем на страницы современных исследований. Представляется, что этот вопрос заслуживает специального рассмотрения, как характеризующий не только самого Смысловского, но и то движение, в котором он участвовал. Дело в том, что в списках слушателей ускоренных курсов Николаевской академии (как окончивших обучение, так и зачисленных на курс) его фамилия не значится. Более того, даже по возрасту Смысловский не мог учиться на курсах академии в 1917 г., поскольку ему тогда должно было быть всего около 19–20 лет (он родился 21 ноября 1897 г.²², тогда как основная масса слушателей ускоренных курсов (курсовиков), включая даже выпуски 1918–1919 годов, была не моложе 1893–1894 годов рождения, и лишь единицы были 1895–1896 годов). И, наконец, большевистский переворот вовсе не прервал работу ускоренных курсов Николаевской академии, которые исправно функционировали и выпускали слушателей осенью 1917 – весной 1918 г. Таким образом, академическая история Смыловского была вымыслом от начала и до конца. Уже после войны члены РОВС, в том числе генерал А.А. фон Лампе и полковник С.Н. Ряснянский, справедливо обвиняли Смыловского в самозванстве, поскольку он приписал себе не только учебу на курсах Николаевской академии, но и окончание высших военных курсов Рейхсвера в 1920-е годы²³. По всей видимости, это был талантливый аферист, выдававший желаемое за действительное. После Гражданской войны он принял польское гражданство, а в период Второй мировой работал в Абвере. Легенда об учебе в академии нужна была ему, вероятно, для повышения собственного статуса в глазах немцев и русских эмигрантов. С Абвером сотрудничал и полковник

П.П. Дурново, погибший вместе с семьей при бомбардировке Дрездена в 1945 г. Генерал Р.К. Бангерский (Бангерскис) служил генерал-инспектором Латвийского легиона СС в чине группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС, в 1945 г. даже стал латвийским президентом, а позднее попал к англичанам. В 1995 г. его останки были перезахоронены в Риге²⁴. Генерал Б.А. Штейфон, несмотря на свое еврейское происхождение (сын крещеного еврея из Харькова), был в 1943 г. произведен в чин генерал-лейтенанта Вермахта, а на следующий год награжден Крестом военных заслуг 2-го класса с мечами.

Генштабисты служили и в немецкой администрации. Так, генерал В.В. Крейгер возглавлял при немцах Русское бюро в Белграде, позднее он вошел в состав Комитета освобождения народов России (КОНР). Генералы Б.А. Штейфон, В.Г. Науменко и полковник В.И. Базаревич состояли в Бюро по защите интересов русской эмиграции в Сербии²⁵. Генштабист полковник П.Н. Богданович стал заместителем начальника созданного немцами управления делами русской эмиграции во Франции. Генерал М.А. Свечин, живший на юге Франции, вошел во французский легион комбатантов, учрежденный маршалом А. Петеном²⁶.

Другие (в среде генштабистов их было меньшинство), не принимая установившийся в СССР режим, выступили против сотрудничества с немцами, считая их врагами России и ее национального возрождения (например, генералы А.И. Деникин и С.Н. Войцеховский). Принципиальная позиция генерала Деникина была известна в эмиграции задолго до 22 июня 1941 г. Противоречивость его подхода проявилась в том, что, хотя позиция Деникина в годы войны становилась все более благожелательной по отношению к СССР, однако, выступая против коллаборационизма, он рассчитывал на то, что Красная армия после победы повернет штыки против большевиков, беспокоился о судьбе бывших власовцев и, видимо, не считал, что они заслуживают наказания. К тому же в выражении своей позиции Деникин ограничился лишь отдельными заявлениями и призывами. Точно так же и генерал Войцеховский, несмотря на борьбу с гитлеровцами, при немцах стал работать на военных курсах²⁷.

Были и те, кто активно поддерживал Красную армию. Например, бывший начальник штаба врангелевской армии генерал П.С. Махров, призывавший эмигрантов к оказанию помощи Красной армии. Отношение Махрова к Великой Отечественной войне не было типичным в среде военных эмигрантов. Генерал проделал большую внутреннюю эволюцию и воспринял события 22 июня 1941 года как нападение на свою страну. Уже на следующий день, 23 июня 1941 года (22 июня приходилось на воскресенье, и почта во Франции была закрыта), он направил полпреду СССР во Франции А.Е. Богомолу письмо следующего содержания: «Господин полпред! Долг солдата меня обязывает защищать мою Родину вместе с русским народом. Я

прошу Вас ходатайствовать пред советским правительством о разрешении мне возвратиться в Россию и о зачислении меня в ряды Красной армии. Уважающий Вас П. Махров (генерал-лейтенант Генерального штаба)»²⁸. Однако письмо попало к вишистским властям Франции, Махров в августе был арестован и заключён в концлагерь Верне во французских Пиренеях, где содержались многие русские эмигранты. Только благодаря ходатайству знавшего Махрова²⁹ французского генерала А. Нисселя арестованный смог выйти на свободу в декабре 1941 года, сохранив жизнь и здоровье. Словно оправдываясь перед белой эмиграцией, Махров отмечал, что оборончество и национализм тесно связаны³⁰. По освобождении, находясь под надзором полиции, Махров с большим риском вёл дневник, в котором тщательно фиксировал события войны. Кроме того, генерал, как мог, боролся с пораженческими настроениями в эмигрантской среде³¹.

Ветеран колчаковской армии, выпускник ускоренных курсов академии полковник Б.Э. фон Вах после нападения Гитлера на СССР в разговоре со своим другом генералом В.М. Молчановым высказал сожаление о том, что в Гражданскую войну не перешел в Красную армию³². Очевидную оборонческую позицию занял бывший сотрудник генерала М.В. Алексеева полковник Я.М. Лисовой, живший в США. 4 ноября 1942 г. он отправил письмо в Государственную публичную историческую библиотеку Москвы, предложив безвозмездно передать библиотеке свою обширную документальную коллекцию. В 1945 г. эти материалы поступили в спецхран библиотеки (правда, советские архивисты не оценили в полной мере значимость этой коллекции, и позднее часть переданных уникальных материалов была уничтожена)³³. Ближе к концу войны полковник М.И. Изергин писал: «За успехами Гитлер просмотрел боеспособность и сопротивляемость русского, безразлично белого или красного солдата, просмотрел и то, что неудачи научили кой-чему до того безграмотное советское командование, просмотрел и могущество советской военной техники и понял, наконец, что оккупировать Россию и сделать ее немецкой колонией нельзя, что только оружием победить Россию тоже нельзя, что вообще Россию победить нельзя...»³⁴. Стронником открытия второго фронта был генерал В.А. Яхонтов, ездивший с пропагандистскими лекциями по США. Только в 1942 г. он выступил более 220 раз³⁵, хотя такая чрезмерная активность и особое положение Яхонтова в СССР, куда он неоднократно приезжал в послевоенное время, дают основания видеть в нем советского агента.

Отдельные генштабисты участвовали в вооруженной или подпольной борьбе против нацистов в приютивших русских беженцев странах (Ф.Е. Махин в Югославии; С.Н. Войцеховский в Чехословакии; Е.И. Носков, И.Г. Пехливанов в Болгарии)³⁶. Некоторая часть генштабистов подверглась репрессиям, но не всегда это были противники немцев. Например, генералы А.А. фон Лампе (арестован на 42 дня в 1933 г.³⁷ и в 1941 г., причем в по-

следнем случае за то, что не рекомендовал воинским чинам поступать в немецкие части³⁸), П.Н. Шатилов, П.А. Кусонский, П.Х. Попов были немцами арестованы. Шатилов был освобожден через 49 дней³⁹ (по другим данным – через 10 месяцев⁴⁰), Попов через несколько месяцев⁴¹, а Кусонский (в свое время предлагавший немцам использовать эмигрантов в борьбе с СССР⁴²) погиб в концлагере в форте Брендонк от побоев. Полковник Е.И. Носков был арестован вместе с другими подпольщиками весной 1944 г., приговорен к длительному тюремному заключению (13 лет тюрьмы и 16 лет лишения свободы), но освобожден уже во время народного восстания в Софии 9 сентября 1944 г.⁴³ Большая же часть генштабистов устранилась от войны и продолжала обывательское эмигрантское существование, в том числе работая в Германии и на оккупированных территориях и, тем самым, содействуя немцам.

И все же, хочется верить, отношение некоторых генштабистов к Красной армии было таким, как у белого генерала Н.Н. Шиллинга (не генштабиста) в Праге. Очевидец вспоминал: «И вот я опять встретил на одной из шумных пражских улиц Шиллинга. Он шел тем старческим, но твердым и уверенным шагом, каким ходят старики-военные всех стран и народов.

– Ну, как это было с вами?

– А вот как, – с довольным видом отвечает Шиллинг. – Арестовали меня, привезли куда следует. Полковник какой-то, а потом и генерал к нему присоединился, спрашивает меня: “Шиллинг? Заместитель Деникина, белой армией командовали?” “Так точно”, – отвечаю я. “А что же, – спрашивает один из них, – вы почувствовали, когда увидели нас на улицах Праги?” Я же им ответил: “Увидел генералов и офицеров с золотыми погонами, солдат по форме одетых, перекрестился и подумал – стоит Россия!” Ответ этот был искренним»⁴⁴.

Масштабным событием стали репрессии после освобождения советскими войсками стран Восточной и Центральной Европы, а также Китая. Надо сказать, что первый опыт такой «чистки» был получен еще в 1939–1941 гг., когда к СССР были присоединены Западная Украина, Западная Белоруссия и Прибалтика. Тогда подверглась репрессиям часть генштабистов, некогда обосновавшихся в Польше, Латвии, Литве и Эстонии. В Польше был застрелен бывший Генштаба полковник С.И. Соллогуб-де-Война. Главнокомандующий эстонской армией генерал Й. Лайдонер, который, кстати, вел переговоры с советским командованием и в итоге не отдал приказа о сопротивлении, был выслан из Эстонии в Пензу, а с началом Великой Отечественной войны арестован НКВД и находился под арестом на протяжении двенадцати лет до самой смерти в 1953 г. во Владимире. Бывший капитан русской армии В. Мутт был в 1941 г. арестован, а в 1942-м расстрелян⁴⁵. Были репрессированы бывший деникинец и генерал эстонской армии И.И. Терванд, а также служивший у украинцев, в РККА и у Врангеля

подполковник А.И. Парв. Еще один эстонский генерал, А. Ларка, был вывезен в СССР и погиб в 1943 г. 17 апреля 1941 г. был расстрелян 68-летний генерал Э.А. Верцинский, вывезенный в СССР из Таллина. В 1942 г. в Кирове был расстрелян вывезенный из Эстонии полковник П.Г. Осипов. Однако избежал репрессий будущий эсэсовец генерал Бангерский, скрывавшийся на хуторе у знакомого крестьянина.

В 1944–1946 гг. многие генштабисты, не перебравшиеся в западную зону оккупации, были арестованы контрразведкой «Смерш» и вывезены в СССР, где прошли через лагерь. Чистка в странах Восточной Европы и в Китае была тотальной. А.А. фон Лампе, как представитель Российского Красного Креста в Германии, занимался спасением советских граждан и эмигрантов от насильственной репатриации в советскую оккупационную зону⁴⁶. Этим же занимался и генерал В.В. Крейтер. Генерал Деникин даже обратился в январе 1946 г. к командующему американскими войсками в Европе Д. Эйзенхауэру с просьбой прекратить репатриации. Тем не менее, это была капля в море. Так, из Чехословакии были вывезены генерал С.Н. Войцеховский, полковники К.Л. Капнин и А.М. Шкеленко. По требующим проверки данным был также вывезен полковник М.А. Ковалев. Арестован генерал В.В. Чернавин (в том же году освобожден). Уже в 1944 г. после прихода коммунистов к власти в Болгарии был арестован и вывезен в СССР генерал Н.Э. Бредов. Белые организации были распущены. Из Югославии был вывезен полковник Р.К. фон Дрейлинг. Из Германии вывезены генерал Н.И. Глобачев, вскоре умерший и генерал В.П. Бреслер⁴⁷. Из Польши – генерал В.А. Синклер. Полковники М.И. Зимин и П.К. Ясевич также были вывезены в СССР из европейских стран. Англичанами в соответствии с ялтинскими соглашениями в Лиенце были выданы СССР генерал П.Н. Краснов и его родственник полковник Н.Н. Краснов, генерал М.К. Соломахин. Не меньшим был дальневосточный поток вынужденных репатриантов. Из Харбина в СССР были отправлены генералы Н.Г. Володченко, С.Н. Люпов, полковники А.В. Сулавко, Г.Ф. Радоман, Л.Л. Ловцевич, А.А. Тихобразов, А.Ю. Шиковский и М.В. Куклин, подполковник Г.И. Модестов 1-й.⁴⁸ В СССР был депортирован и приговорен к 10 годам ИТЛ 60-летний бывший курсовик полковник Л.Н. Канабеев⁴⁹. Также в Китае был арестован и депортирован в СССР выпускник ускоренных курсов академии в Томске полковник М.В. Кириченко.

По состоянию здоровья и в силу преклонного возраста путь в СССР практически для всех высланных оказался последним. В лагерях после войны скончались С.Н. Войцеховский, Н.Э. Бредов, Н.Г. Володченко, В.А. Синклер, С.Н. Люпов, А.Л. Мариюшкин, К.Л. Капнин, Г.Ф. Радоман, Л.Л. Ловцевич, М.И. Зимин, Н.Н. Краснов, Р.К. фон Дрейлинг, А.В. Сулавко, Г.И. Модестов 1-й и другие. П.Н. Краснов был повешен в январе 1947 г., М.В. Куклин и А.А. Тихобразов расстреляны в 1946 г. Полковник

А.М. Шкеленко до СССР даже не доехал и скончался в 1946 г. в пересыльной тюрьме города Ратибор в Польше⁵⁰.

Указом Президиума Верховного Совета СССР № 084 от 5 октября 1946 г. разрешалось «восстановление» в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи и их детей. Этим правом воспользовались тысячи людей. Часть офицеров-генштабистов добровольно уехала в СССР (в этой группе – генералы А.В. Говоров и П.П. Дьяконов), причем не все по возвращении подверглись репрессиям.

В период войны и после ее окончания погибли или были депортированы в СССР и репрессированы, по нашим данным, не менее тридцати шести генштабистов-эмигрантов. Некоторые генштабисты стали уезжать из Европы в США и другие, еще более удаленные от СССР, места, опасаясь роста советского влияния. Несомненно, именно США теперь становились основным центром военной эмиграции первой волны, где велась наиболее активная военно-научная деятельность и общественная жизнь. В декабре 1945 г. в США переехал А.И. Деникин. Среди других уехавших в США – генералы В.Е. Флуг, В.Н. фон Дрейер, Ф.Ф. Абрамов, П.Х. Попов, Ф.Э. Бредов, полковники П.Н. Богданович, С.Н. Ряснянский, Б.М. Иордан. Генерал М.М. Георгиевич уехал в Австралию, полковники Е.Э. Месснер и В.В. Бальцар – в Аргентину.

Дети генштабистов все больше ассимилировались в зарубежной среде и не всегда шли по стопам родителей. Если генштабисты-эмигранты, в целом, в годы Второй мировой войны поддержали Германию, то в среде их детей, по меньшей мере, не было таких однозначных предпочтений. Некоторые активно участвовали в борьбе с немцами. Сын генерала Головина работал в военно-технической разведке британских ВВС⁵¹. Сын умершего задолго до войны генерала П.К. Кондзеровского пошел добровольцем во французскую армию, позднее попал в немецкий плен⁵². Сын генерала Е.К. Миллера был арестован немцами в Загребе за распространение коммунистической литературы⁵³. Сын генерала Ф.Ф. Абрамова боролся с фашистами в одесском подполье и погиб в 1943 г. Сын генерала К.В. Сахарова, полковник И.К. Сахаров, наоборот, сотрудничал с немцами. Кто-то, как например, дочь командира Лейб-гвардии Егерского полка генерала А.П. Буковского (мне посчастливилось состоять с ней в переписке), был депортирован в СССР и долгие годы провел в заключении⁵⁴.

Вторая мировая война оказала колоссальное влияние на всю военную эмиграцию и расколола русских генштабистов-эмигрантов. Большинство из них, не приемля большевизм, видело в немцах потенциальных освободителей России от коммунистического режима. Многие решили принять участие в новом походе на большевиков. Позиция тех или иных руководителей военной эмиграции в годы войны задавала вектор дальнейших взаимоотношений в эмигрантской среде. В частности, лидеры РОВС оказались полностью дис-

кредитированы сотрудничеством с немцами, авторитет организации был подорван. Стоит отметить, что среди бывших офицеров Генерального штаба хватало здравомыслящих людей, которые трезво смотрели на произошедшее, так что далеко не все объединились под лозунгами поддержки гитлеровской Германии и ее сателлитов, некоторая часть военной эмиграции сознательно пошла по другому пути.

Примечания

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р–5796. Оп. 1. Д. 7. Л. 54–55.

² Там же. Л. 56.

³ фон Лампе А.А. Причины неудачи вооруженного выступления белых // Деникин А.И., фон Лампе А.А. Трагедия белой армии. М., 1991. С. 29, 30, 32.

⁴ Подробное см.: Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.И. Чины Русского Корпуса: Биографический справочник в фотографиях. М., 2009.

⁵ Густав Маннергейм и белая эмиграция. История в письмах. СПб, 2008. С. 53.

⁶ Александров К.М. Армия генерала Власова. 1944–1945. М., 2006. С. 494.

⁷ Александров К.М. Белая военная эмиграция и Вооруженные силы Комитета Освобождения Народов России // Белая Россия. Опыт исторической ретроспекции. СПб–М., 2002. С. 157.

⁸ Русский Корпус на Балканах. 1941–1945 гг. М., 2008. С. 83.

⁹ Маевский В.А. Русские в Югославии // Русский Белград. М., 2008. С. 146.

¹⁰ Голдин В.И. Армия в изгнании. Страницы истории Русского Обще-Воинского Союза. Архангельск – Мурманск, 2002. С. 237.

¹¹ Окозов А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 52. Публикацию письма см.: Голдин В.И. Армия в изгнании. С. 220–221.

¹² Александров К.М. Судьбы русского офицерства в изгнании во время Второй мировой войны. Переписка 1946 г. между генерал-лейтенантами А.И. Деникиным и А.П. Архангельским // Новый Часовой (СПб). 2006. № 17–18. С. 207.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 208.

¹⁵ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945 гг. Биографический справочник. М., 2009. С. 750.

¹⁶ Справедливости ради отметим, что в 1917 г. фон Лампе уже был подполковником, в годы Гражданской войны произведен в генерал-майоры.

¹⁷ П.А. Кусонский в годы Гражданской войны был произведен в генерал-майоры и генерал-лейтенанты.

¹⁸ Такое же написание имело место и в дореволюционных документах фон Лампе.

¹⁹ Предшественнику фон Лампе на посту главы РОВС.

²⁰ Копия письма из архива А.И. Рудиченко (Нью-Йорк).

²¹ Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 100; Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002. С. 450; Дробязко С.И. Эпопея генерала Смысловского // Материалы по истории Русского освободительного движения. Вып. 4. М., 1999. С. 118.

²² Дробязко С.И. Эпопея генерала Смысловского. С. 117.

²³ Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. Сб. статей и материалов. М., 2005. С. 195, 666.

- ²⁴ Генерал Р.К. Бангерский: материалы к истории Гражданской войны на Востоке России // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2001. № 9. С. 72; *Акунов В.В.* Еще один фрагмент к биографии генерала Р.К. Бангерского // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2003. № 12. С. 99–101.
- ²⁵ *Голдин В.И.* Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Мурманск, 2005. С. 164.
- ²⁶ *Цурганов Ю.С.* Указ. соч. С. 86, 89.
- ²⁷ *Vystrov V.* Z Prahy do GULAGu aneb překáželi. Praha, 1999. S. 104.
- ²⁸ *Махров П.С.* Белая эмиграция в период 2^{ой} мировой войны // Бахметевский архив Колумбийского университета (Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, BAR). P. S. Makhrov Collection. Box 6. Тетрадь № 2. С. 113
- ²⁹ Там же. Тетрадь № 6. С. 501.
- ³⁰ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 291.
- ³¹ Подробнее см.: «Не страшны никакие Соловьи-Разбойники». Начальник штаба Врангеля о Сталинградском триумфе / Публ. А.В. Ганина // Родина. 2013. № 1. С. 71–74.
- ³² *Ефимов А.Г.* Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918-1920. М., 2008. С. 389.
- ³³ *Кручинин А.С.* Полковник Я.М. Лисовой и его коллекция // Коллекция Я.М. Лисового. Опыт реконструкции. М., 1997. С. 19–24.
- ³⁴ Цит. по: *Чельшиев Е.П.* Уральская катастрофа. По архивам Генерального штаба полковника Михаила Ильича Изергина. М., 1996. С. 76.
- ³⁵ *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 235–236.
- ³⁶ Подробнее см.: *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты». М., 2013. С. 299–304.
- ³⁷ *Окороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция (1920-1945 гг.). М., 2002. С. 80.
- ³⁸ *Свириденко Ю.П., Еринов В.Ф.* Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–45 гг. М., 2000. С. 170.
- ³⁹ *Григуль П.* Корниловцы в рассееании // Русская армия в изгнании. М., 2003. С. 362.
- ⁴⁰ *Голдин В.И.* Армия в изгнании. С. 227.
- ⁴¹ *Балабин Е.И.* Далекое и близкое, старое и новое. М., 2009. С. 203.
- ⁴² *Окороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция. С. 94.
- ⁴³ *Голдин В.И.* Роковой выбор. С. 344.
- ⁴⁴ *Розов-Келчевский А.* На круги своя // Отчизна. 1990. № 11. С. 75–76.
- ⁴⁵ *Чичерюкин-Мейнгардт В.Г.* Воинские организации Русского Зарубежья после Второй мировой войны. М., 2008. С. 14.
- ⁴⁶ *Александров К.М.* Офицерский корпус. С. 549.
- ⁴⁷ Офицеры Генерального штаба (умершие, погибшие и без вести пропавшие). Париж, 23.09.1950. Документ предоставлен А.И. Рудиченко (Нью-Йорк).
- ⁴⁸ *Смирнов С.В.* Чтобы помнили...: судьбы неизвестных офицеров белой армии // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2001. № 9. С. 100–103.
- ⁴⁹ Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. Изд. 4-е. М., 2007.
- ⁵⁰ О депортациях генштабистов украинских армий см.: *Ганин А.В.* Генштабисты украинских армий 1917–1920 годов в Советской России и СССР после Гражданской войны (1920–1945 годы) // Славяноведение. 2013. № 5. С. 102–103.
- ⁵¹ *Александров К.М.* Российская контрреволюция глазами генерала Головина // Посев (Москва). 2003. № 12. С. 39.
- ⁵² П.В. Колтышев. На страже русской чести (Париж, 1940–1941 гг.) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб). 1992. Кн. 3. С. 181.
- ⁵³ *Голдин В.И.* Русское военное Зарубежье в XX веке. Архангельск, 2007. С. 140.
- ⁵⁴ Подробнее см.: *Прохоров В.* Судьба Ольги Буковской // Посев. 1998. № 9. С. 47–48.

Внешнеполитическая ориентация Болгарии накануне Второй мировой войны

Abstract:

Valeva E.L. *Bulgarian foreign-policy orientation on the eve of World War II.*

Graduate dismantling of the Versailles system was met in Bulgaria with relief; nevertheless the country had no potential for a self-consistent revision of the Treaty of Neuilly-sur-Seine. That is why she had to search for the international support. The main carrier of the idea of revision of the post-World War I treaties was Nazi Germany, which supported territorial changes in the Balkans. On the contrary, England and France were fighting for the maintenance of status quo. The USSR started a diplomatic fight for Bulgaria as well, the Bulgarian authorities, however, were scared of «Sovietization» and were ready for some restrained and dosed improvement of relationship with the USSR. Not long before World War II, Tsar Boris III strived for implementing policy of maximal temporizing and manoeuvring when determining the foreign orientation of the country. However, the international environment given was rather unfavourable, the authoritarian regime had to make a decision, which later would prove to be fatal.

Ключевые слова: история Болгарии, Нейский договор, Вторая мировая война, болгаро-германские отношения, болгаро-советские отношения, советско-германский пакт о ненападении, царь Борис III.

Статус-кво Болгарии в межвоенный период определялся Нейским договором 1919 г., в силу которого она лишилась значительной части своей территории и вынуждена была платить непосильные репарации. Страны-победительницы жестоко наказали побежденных в Первой мировой войне и тем самым заложили основы следующего опустошительного военного конфликта.

С середины тридцатых годов внешнеполитический курс Болгарии определялся обстановкой надвигающегося мирового конфликта, усиливающимся экономическим и идеологическим проникновением Германии на Балканы и превращением этого региона в объект ожесточенной борьбы между великими державами за установление там преобладающего влияния¹. Однако, несмотря на сильное дипломатическое давление со всех сторон, царь Борис III и болгарское правительство не спешили примкнуть к той или иной группировке и занимали выжидательную позицию, понимая, что в напряженной обстановке предвоенного соперничества цена маленькой Болгарии будет неуклонно повышаться. При этом правящие круги Болгарии ясно сознавали, что геополитическое положение страны и ее экономические связи не позволят ей долго оставаться в стороне от разгорающегося международного конфликта.

Еще в годы предвоенного политического кризиса перед царем Борисом, сосредоточившим с 1935 г. в своих руках непосредственное управление государством, встали две по сути противоречившие друг другу задачи: с одной стороны, решение национально-территориальной проблемы, а с другой – сохранение страны в стороне от надвигавшейся кровопролитной схватки. Борис понимал, что именно новая мировая война, которой он так боялся, может ликвидировать статус-кво, являвшийся последствием Нейиского мирного договора 1919 г., несправедливого в глазах почти каждого болгарина. Однако, учитывая то обстоятельство, что все соседние государства были объединены против Болгарии в пакты и союзы именно с целью сохранения статус-кво, София говорила о своих ревизионистских устремлениях очень осторожно, неизменно подчеркивая, что она выступает лишь за мирное их разрешение.

Радикальное изменение международной обстановки заставило Болгарию определить свою позицию. 15 сентября 1939 г. правительство Георгия Кыосеванова выступило с декларацией о полном нейтралитете Болгарии в начавшейся мировой войне. Учитывая сложность международной обстановки, непосредственную угрозу со стороны Турции, неподготовленность Болгарии к войне, болгарским дипломатам за границей предписывалось делать акцент на ее миролюбии. Нейтралитет был поддержан большей частью болгарского населения, поскольку воспоминания о двух национальных катастрофах были все еще свежи в народном сознании. Он приветствовался и основными демократическими политическими партиями – демократами, «земледельцами», социал-демократами и др. Маневрируя между великими державами – Германией, Англией, Францией, Италией и Советским Союзом, царь Борис в контактах с их представителями стремился доказать, сколь выгоден для каждой из них нейтралитет Болгарии. В то же время еще накануне войны начала обозначаться линия болгарского руководства на постепенное сближение с Германией.

Причин тому было несколько. Прежде всего, национал-социалистская Германия была носителем тех тенденций в европейской политике, от реализации которых Болгария объективно могла ожидать выполнения своих ревизионистских требований – возвращения Южной Добруджи Румынией, получения выхода к Эгейскому морю от Греции, а также присоединения Вардарской Македонии. Помимо общего стремления к пересмотру Версальской системы, будущему политическому сближению Болгарии с Германией способствовала тесная связь болгарской экономики с германской и зависимость вооружения болгарской армии от германских поставок. Тем не менее, осторожный царь Борис пытался избежать рискованного одностороннего выбора. Пытаясь сориентироваться в сложном лабиринте международных отношений, решение своих территориальных проблем Болгария стремилась искать в договоренности с несколькими великими державами.

Большие надежды в этом плане болгарский монарх возлагал на заключенный 23 августа 1939 г. советско-германский пакт о ненападении, открывавший путь к ревизии Парижских мирных договоров 1919 г. военным путем. В заключении этого пакта болгарское правительство увидело весьма благоприятное для себя решение, предоставлявшее возможность сближения и сотрудничества с обеими странами, от которых, по его мнению, теперь зависело разрешение территориальных проблем Болгарии. В то же время одним из последствий пакта было дальнейшее ослабление английского и французского влияния на внешнюю политику Болгарии.

Советско-германский пакт по разным причинам был встречен одобрительно как широкими народными массами, так и прогермански настроенным правительством Г. Кьосеванова². Последний выразил свое удовлетворение этим событием перед германским посланником в Софии: «Заключение германо-советского пакта убедило также прежних противников “шагания в ногу” Болгарии с Германией в правильности политики болгарского правительства. Вся страна восприняла пакт с радостью и большим облегчением»³. Немецкие наблюдатели сообщали в своих донесениях из Софии, что советско-германский договор был воспринят болгарским населением восторженно, многие отмечали это событие как праздник, как успех Болгарии⁴.

Посланник Болгарии в СССР Н. Антонов 4 сентября 1939 г. в беседе с заместителем наркома иностранных дел В.Г. Деканозовым выразил уверенность, что после заключения пакта «советско-болгарские отношения еще более улучшатся, ибо если раньше было некоторое недоверие между народами Болгарии и СССР, то теперь его уже быть не может»⁵. Действительно, с лета 1939 г., параллельно с усилением прогерманской ориентации Болгарии, наблюдается заметное улучшение ее отношений с СССР. Продолжительный застой, наступивший практически сразу после восстановления дипломатических отношений между Болгарией и СССР в 1934 г., не был случайным. Он объяснялся слабым интересом, который Советский Союз проявлял к Балканам вообще и к Болгарии в частности, а также общим антиревизионистским направлением советской внешней политики. Москва полагала, что дружба с Турцией обеспечивает ей привилегированное положение в Черном море и Проливах. Между тем политическая ситуация в Европе развивалась таким образом, что советскому руководству пришлось пересмотреть свои внешнеполитические приоритеты. Еще на конференции 1936 г. в Монтре оно осознало, что уже не может рассчитывать на турецкую гарантию в отношении Дарданелл, поскольку после итало-абиссинской войны Турция стала открыто ориентироваться на Англию. Это не могло понравиться советскому правительству, так как ему было ясно, что возможный англо-турецкий союз неблагоприятно отразится на равновесии сил на Ближнем Востоке и автоматически выдвинет на передний план вопрос о Черноморских проливах.

Посещение Софии в конце апреля 1939 г. заместителем наркома иностранных дел В.П. Потемкиным свидетельствовало о том, что в связи с новым соотношением сил в Средиземноморском бассейне Кремль начал проявлять повышенный интерес к Болгарии, которая в силу своего географического положения и своих исторических связей с Россией могла бы сыграть значительную роль в балканской политике Советского Союза. Основные цели этой политики были четко изложены в телеграмме наркома иностранных дел В. М. Молотова, направленной Потемкину в Анкару, куда тот прибыл в начале мая в ходе своей балканской миссии. «Имейте в виду, что в истории Стамбул брался всегда с суши, со стороны Болгарии, – писал Молотов. – Чтобы ликвидировать этот недостаток, нужно добиваться того, чтобы Болгария включилась в общий фронт миролюбивых стран против германской агрессии. Отсюда необходимость переуступки болгарам Южной Добруджи»⁶. Таким образом, в деле обеспечения безопасности СССР со стороны Черного моря и турецких проливов главный упор делался на налаживание сотрудничества как с Турцией, так и с Болгарией, причем привлечь на свою сторону Софию предполагалось путем уступки ей Южной Добруджи, захваченной Румынией после Второй балканской войны⁷.

Ярким проявлением перемены в отношении СССР к Болгарии был прием группы депутатов болгарского парламента в Москве в августе 1939 г. Болгарская делегация, официально прибывшая для посещения Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, была повсюду встречена подчеркнуто радушно. Она имела встречи и контакты с видными советскими государственными деятелями, а 9 августа была принята в Кремле В.М. Молотовым. Центральным вопросом на встрече стала внешнеполитическая ориентация Болгарии, как на текущий момент, так и в будущем. На дважды заданный Молотовым вопрос, не взяла ли Болгария на себя каких-либо внешнеполитических обязательств, председатель комиссии по иностранным делам Народного собрания Г. Говедаров дал категоричный ответ: «Болгария внешнеполитически ни с кем не связана и строго следует линии лояльного, эффективного и исчерпывающего нейтралитета. В Берлине шеф болгарского правительства г-н Кьосеиванов⁸ не принял никаких обязательств, ни военных, ни политических»⁹. Не вполне удовлетворенный этим ответом, присутствовавший на встрече замнаркома иностранных дел В.Г. Деканозов попросил Говедарова пояснить: «что означает в сущности ваш строгий, лояльный и эффективный нейтралитет?»¹⁰. Говедарову не удалось скрыть того факта, что болгарский нейтралитет находится в экономической зависимости от Германии. Это не ускользнуло от внимания Деканозова, который довольно жестко заметил, что события заставят Болгарию определиться.

На встрече был поднят и большой для Болгарии вопрос о ревизии Нейского мирного договора. Молотов категорично высказался за возвращение Болгарии Южной Добруджи, а также, хотя и в более сдержанной форме, за

обоснованность требования выхода Болгарии к Эгейскому морю. Подчеркнув, что Советский Союз желает, чтобы на Балканах существовала сильная Болгария и что он готов оказать ей всяческое содействие, Молотов в то же время предупредил, что «если кто-то в Софии думает открыть дорогу на Стамбул немцам и итальянцам, то пусть знает, что натолкнется на решительное противодействие Советского Союза»¹¹. С этой оговоркой Молотов пообещал содействие Болгарии как в экономической, так и в политической областях и сказал, что необходимо заключить торговое соглашение.

Подводя итоги визита делегации Народного собрания, болгарский посланник в Москве Н. Антонов в своем пространном донесении в МИД справедливо отмечал, что международная ситуация складывается так, что Советский Союз заинтересован теперь в заключении соглашения с Болгарией. Оно необходимо ему прежде всего для того, чтобы помешать сотрудничеству Болгарии с Германией и Италией в зоне, имеющей жизненно важное значение для СССР. Поэтому посещение болгарской делегации не останется без результатов, первым из которых будет заключение торгового договора, который Москва подпишет «по чисто политическим, а совсем не по экономическим соображениям». Но еще важнее – это стремление Москвы сделать Болгарию своим союзником, добиться гарантии, что Болгария ни в коем случае не окажется в стане врагов СССР. Если авансы Москвы будут отвергнуты, предупреждал Антонов, то может возникнуть острая реакция, которая даст «свободный ход всем турецким и румынским интригам против Болгарии». Чтобы предотвратить эту опасность, Антонов советовал, «не поддерживая официально союзнический темп, ... поддерживать разговоры... И поскольку речь идет о чисто моральной гарантии, не могли ли бы мы заключить эвентуально пакт о вечной дружбе, какой мы уже имеем с Югославией и Турцией, и который, полностью успокоив Советский Союз, ни к чему конкретному нас не обязывает?»¹².

Дальнейшее развитие событий подтвердило новый курс советской политики на Балканах. Пакт о ненападении с Германией, а затем в еще большей мере – советско-германский договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. лишили смысла важный советский внешнеполитический постулат – борьбу «против фашизма» и «против агрессора». Одновременно не мог не исчезнуть и антиревизионизм советской политики. СССР не только принял принцип ревизии, но и приступил совместно с Германией к его реализации. Особое значение Сталин придавал пересмотру системы управления Черноморскими проливами, чтобы преградить доступ туда иностранным судам. Болгария, представлявшая собой сухопутный мост к турецким проливам, эвентуально становилась одним из центральных звеньев советской системы безопасности.

Осенью 1939 г. советское правительство впервые выразило желание придать отношениям между двумя странами солидную договорную базу. В

сентябре царь Борис, обеспокоенный сообщениями о предстоящих действиях англо-французского блока на Балканах и против Болгарии, решил прозондировать вопрос о возможной помощи со стороны Советского Союза. 19 сентября Антонов встретился для этого с Деканозовым, а на следующий день – с Молотовым. Нарком высказался в том смысле, что советское правительство может оказать воздействие на Турцию, но оно желает знать точно, чего именно хочет Болгария, хочет ли она помощи от СССР и в какой форме. Когда же Антонов ответил весьма неопределенно, Молотов предложил заключить договор о взаимной помощи¹³. Антонов обещал запросить свое правительство и дать ответ.

Однако подобное развитие событий никак не входило в планы болгарских властей¹⁴. Отказываясь заключить с Москвой пакт о взаимной помощи, София надеялась в то же время на успех проходивших в октябре 1939 г. советско-турецких переговоров, которые уменьшили бы угрозу балканской операции западных держав и, соответственно, ввязывания Болгарии в балканский конфликт. Когда же турецкий министр иностранных дел Ш. Сараджоглу 17 октября уехал из Москвы с пустыми руками, а 19 октября Турция подписала пакт о взаимной помощи с Англией и Францией, царь Борис выразил мнение (а скорее – опасение), что «теперь для русских Болгария “возрастет в цене”»¹⁵. Он боялся, что «русские в их стремлении к Дарданеллам могут уготовить Болгарии такую же роль, как Эстонии относительно портов на Балтийском море»¹⁶.

В то же время София придавала важное значение отношениям с СССР, от которого надеялась получить поддержку при решении болгарского национального вопроса (то есть возвращения территорий, утраченных по Нейнскому договору). Так, в 1939–1940 гг. между двумя странами были подписаны договоры о торговле и мореплавании, а также соглашение об установлении регулярного воздушного сообщения между Москвой и Софией. Параллельно с экономическими связями накануне войны развивались и контакты в области культуры, точнее, расширялось культурное влияние СССР в Болгарии. После заключения германо-советского пакта болгарское правительство вынуждено было примириться с усилением советской пропаганды в Болгарии путем распространения научной и художественной литературы, газет и журналов. В Софии и Варне были открыты магазины по продаже советских книг. В кинотеатрах с огромным успехом демонстрировались советские фильмы. Шире развернули свою работу общества болгаро-советской дружбы. Все это способствовало росту среди болгарской общественности симпатий к СССР¹⁷. Исключительно благоприятные условия возникли и для усиления позиций и активизации деятельности Болгарской рабочей партии (БРП), которая стала широко использовать различные легальные формы проявления. Власти были вынуждены закрывать глаза на многие действия коммунистов, хотя и пререкрасно понимали, что за ними стояла Москва.

Таким образом, в конце 1939 – начале 1940 гг. Болгария придерживалась линии на сдержанное и дозированное улучшение отношений с СССР, но без перехода критической черты – заключения политических договорных обязательств в виде пакта о взаимной помощи.

В отношениях с Германией накануне войны Болгария продолжала «шагать в ногу» и согласовывать с ней свои важные внешнеполитические действия. В этот период Германия еще не проявляла той чрезвычайной политической активности на Балканах, которую она развернула немного позже (с весны 1940 г.), и ее пока вполне устраивал прогерманский нейтралитет Болгарии и теснейшие экономические связи между двумя странами. С середины 30-х годов XX в. торговый обмен между двумя странами непрерывно возрастал, и к 1939 г. Германия уже занимала более 1/3 объема болгарского экспорта и импорта. Она не только закупала большую часть продуктов болгарского земледелия, но и проникла очень глубоко в экономику страны¹⁸. Всесторонняя зависимость болгарского производства и болгарского рынка от Германии была результатом не только экономической экспансии рейха, но и пассивности хозяйственной политики других крупных индустриальных стран (в том числе и СССР – до начала 1940 г.). Об этом говорил еще в июле 1939 г. Антонов Потемкину: «Болгарскому правительству нельзя не считаться с Германией. Достаточно напомнить, что 80 % болгарского экспорта идет в Германию. Конечно, экономическая зависимость Болгарии от одной страны представляется для болгарского правительства стеснительной и нежелательной. Однако, вместе с тем, она является прискорбной необходимостью, ибо ни Англия, ни Франция, ни Советский Союз не проявляют никакого желания экономически поддерживать Болгарию – хотя бы путем закупки более или менее значительной части ее продукции, предназначенной для экспорта»¹⁹.

В силу стечения целого ряда внешних и внутренних факторов за полтора года Болгария прошла путь от нейтралитета до союза с гитлеровской Германией. Решающими среди них были задача возвращения утраченных в 1919 г. территорий и стремление болгарского руководства уберечь свою страну как от непосредственного участия в военных действиях, так и от коммунистического влияния. К середине 1941 г., казалось, удалось достичь этих целей: менее, чем за год, без единой капли крови была осуществлена мечта болгарского народа о возвращении территорий, отторгнутых по условиям Нейского договора. После завершения балканской кампании вермахта Болгария ввела 19–20 апреля 1941 г. свои войска в принадлежавшие Югославии и Греции районы Македонии, Западной Фракии и так наз. Западные территории, которые рассматривались Софией как болгарские национальные земли. Вместе с Южной Добруджей территория Болгарии увеличилась на 50%, а население – на треть. Мало кто в Болгарии мог в то время понять всю иллюзорность сложившейся ситуации.

Болгарская внешняя политика накануне и в годы Второй мировой войны – вопрос, который продолжает по сей день волновать историков и получает противоположные оценки. Как известно, подписав 1 марта 1941 г. Тройственный пакт, Болгария вступила во Вторую мировую войну на стороне фашистской Германии. Правильность решения царя Бориса III и правительства в исторической науке оспаривается. Одни ученые полагают, что присоединение Болгарии к Тройственному пакту было геополитически и экономически predetermined. Другие придерживаются мнения, что София проявила стратегическую недалекость, вновь выбрав проигравшего союзника, и считают, что Болгария должна была твердо придерживаться политики нейтралитета.

На наш взгляд, на примере Болгарии вновь найдла подтверждение известная истина, что малые страны, в особенности расположенные в зоне скрещивания геостратегических интересов великих держав, не имеют особых возможностей для выбора. Они всегда являются яблоком раздора, разменной монетой и фактически не могут отстаивать свои подлинные национальные интересы. В исключительно трудной международной обстановке царь Борис приложил максимум усилий для того, чтобы оградить свою страну от разгоравшегося военного пожара, а когда стало очевидно, что это невозможно – как можно дольше оттягивать момент вступления в союз с Германией.

Примечания

¹ См., напр.: *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация на България в навечерието на Втората световна война. // Годишник на Софийския университет. Т. LXI. Кн. III. София, 1968; *Сирков Д.* Външната политика на България. 1938–1941. София, 1979.

² Подробнее см.: *Валева Е.Л.* Советско-германский пакт о ненападении 1939 г. и реакция на его заключение в Болгарии // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989.

³ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее – ADAP). Serie “D”. Bd. VII. Baden-Baden. 1958. Dok. 314.

⁴ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1257. Оп. 1. Д. 28. Л. 33.

⁵ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП). Т. XXII: В 2-х кн. Кн. 2. 1939 год. М., 1992. Док. 538. С. 23.

⁶ Там же. Кн. 1. Док. 271. С. 328.

⁷ См. также: *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.* М., 1999. С. 53–54.

⁸ Речь идет о поездке Г. Кыосеванова в Берлин, где 5 и 6 июля 1939 г. состоялись его встречи с Гитлером и Риббентропом.

⁹ Научен архив на Българската академия на науките (далее – НА БАН). *Стойчо Мошанов.* Из спомениите ми. Сб. IV. Оп. 110. А.е. 157. Л. 420.

¹⁰ Там же. Л. 422.

¹¹ Архив на Министерство на външните работи (далее – АМВнР). Оп. 1ш. Д. 17. А.е. 120. Л. 80.

¹² Там же. Л. 82–83.

¹³ Там же. Л. 123; Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. 1917–1944. Т.1. М., 1976. С.465.

¹⁴ Там же. С. 468–469.

¹⁵ Politisches Archiv des Auswärtiges Amtes (далее – ПА АА). Bestand: Büro des Staatssekretärs. Akten betr. Bulgarien. Bd. I. Телеграмма германского посланника в Софии Рихтхофена в Берлин от 18.10.1939.

¹⁶ Ibidem. Донесение Вайцзеккера в МИД Германии от 27 октября 1939.

¹⁷ Подробнее см.: *Валев Л.Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964. С. 164–166.

¹⁸ Об экономической экспансии Германии в Болгарии см., напр.: *Валев Л.Б.* Указ. соч. С. 189–201; *Беров Л.* Германский капитал и България през годините на Втората световна война // Българо-германски отношения и връзки. Т. 2. София, 1979. С. 243–304; *Никова Г.* Историческая судьба Болгарии: между Германией и Советским Союзом. // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. Спб, 2002. С. 275–290.

¹⁹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 1. Пап. 6. Д. 56. Л. 8.

Э. Бенеш в Москве: шесть бесед с чехословацкими коммунистами (декабрь 1943 г.)

Abstract:

Maryina V.B. *Edvard Beneš in Moscow: six conversations with the Czechoslovak Communists (December 1943).*

In December 1943, the Czechoslovak President Edvard Beneš visited Moscow to sign the agreement on mutual assistance and postwar cooperation with the Soviet Union. Then he had a long meeting with Czechoslovak Communists based in Moscow. Talks were focused on development of the national liberation movement and the peaceful arrangements on the territory of liberated Czechoslovakia.

Ключевые слова: Эдвард Бенеш, визит, Москва, 1943 год, беседы с чехословацкими коммунистами.

В апреле 1944 г. Красная армия подошла к довоенным чехословацким границам. За несколько месяцев до этого, в декабре 1943 г., чехословацкий президент Эдвард Бенеш, с 1939 г. находившийся в Лондоне и возглавлявший борьбу за восстановление Чехословацкой республики, нанес визит в Москву с целью заключения с СССР Договора о взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Договор, подписанный 12 декабря 1943 г., был заключен на 20 лет. Он вступал в силу немедленно и подлежал ратификации в возможно короткий срок¹. Бенеш был доволен результатами переговоров в Кремле и подписанным договором, в котором он видел не только залог укрепления чехословацко-советских отношений в настоящем и будущем, но и своего рода маяк, указующий путь другим славянским народам. «Мой путь в Москву представляется мне символическим, – заявил Бенеш в своем выступлении по радио после посещения Всеславянского комитета. – Такой же путь в будущем совершат и все славянские народы. Мой путь сюда – это манифестация славянской солидарности»².

Помимо встреч с советскими руководителями, других официальных мероприятий Бенеш шесть раз в течение 13–18 декабря встречался с представителями Заграничного бюро Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ). Оно было создано в Москве в 1939 г. и развернуло здесь политическую деятельность по организации подпольного национально-освободительного движения в оккупированных Чешских землях и Словакии, которая в ту пору выступала в союзе с гитлеровской Германией.

О беседах Бенеша с коммунистами известно в историографии давно, но иногда без опоры на документы нечетко и даже извращенно излагаются позиции сторон во время этих встреч. Именно поэтому, как представляется, есть необходимость остановиться более подробно на записях бесед, сделанных коммунистами³. Сегодня материалы хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)⁴. Существует запись и на чешском языке. Она была опубликована в Чехословакии в 1965 г. в сборнике документов «Путь к Маю»⁵. Сравнение записей бесед на русском и чешском языках показало, что перевод на русский язык был выполнен весьма качественно. В статье автор будет обращаться к русскому тексту или предлагать свою версию перевода при обнаружении в нем неточностей либо изъянов.

Бенеш планировал встречу с представителями Загранбюро КПЧ в Москве. Не разделяя коммунистических воззрений, он считал важным сотрудничество с коммунистами как в период войны, так и после восстановления ЧСР. Еще 1 июля 1943 г. он обсудил с находящимися в Лондоне чехословацкими коммунистами ряд вопросов, касавшихся ведения национально-освободительной борьбы и организации жизни на освобожденной территории страны. Подробная информация о встрече и позиции Бенеша была получена в Москве⁶. На основании этих сведений Загранбюро КПЧ разработало политическую платформу, которую оно намеревалось предложить Бенешу для переговоров. Г. Димитров, который возглавлял тогда Отдел международной информации ЦК ВКП(б), по сути осуществлявший руководство международным коммунистическим движением после роспуска Коминтерна в 1943 г., был ознакомлен с позицией чехословацких коммунистов. 20 ноября 1943 г., за подписями К. Готвальда, Я. Швермы, В. Копецкого и Р. Сланского, он получил проекты двух писем, содержавших представления Загранбюро КПЧ по ряду актуальных вопросов в связи с предстоящими переговорами с Бенешем⁷. В первом из писем речь шла об организации и активизации антифашистской национально-освободительной борьбы, уровень которой во всех трех частях расчлененной Чехословакии по разным причинам был тогда близок к нулевому. Коммунисты делали акцент на развитии вооруженных форм борьбы, создании боевых дружин в городах и партизанских отрядов. Роль организаторов и руководителей национально-освободительной борьбы должны были выполнять национальные комитеты разных уровней. Предлагалось издать закон против сотрудничества с оккупантами и их поддержки правительствами Э. Гахи (протекторат) и Й. Тисо (Словакия). Подчеркивалась необходимость официального обращения к словакам, содержащего признание их национально-самобытным народом, положение которого в освобожденной республике будет решено согласно принципу «равный с равным». В обращении также должны были содержаться призы

вы к выходу Словакии из войны на стороне гитлеровской Германии и свержению братиславского правительства.

Во втором письме предлагались временные мероприятия конституционно-правового характера, которые должны были проводиться на освобожденной территории страны. Начиналось оно с изложения принципов, на которых коммунисты согласны были сотрудничать с буржуазным лагерем антифашистского Сопротивления, возглавляемым Бенешем. Выражалось желание, чтобы «национальный фронт, созданный в процессе освободительной борьбы чехословацкого народа против чужеземных оккупантов», сохранился и при организации «новой жизни в освобожденной родине»; «само собой разумеющимися» назывались «действительная демократизация внутри страны и крепкая дружба с Советским Союзом», а также то, что «окончательную форму и содержание государственного и общественного устройства освобожденной Чехословакии определит демократическим путем сам чехословацкий народ»; все временные мероприятия предлагалось проводить при активном участии политических организаций и людей, которые показали преданность народу и проявили себя «в национально-освободительной и антифашистской борьбе, как до Мюнхена, так и после него».

Временные мероприятия включали в себя: издание президентского декрета, провозглашающего суверенитет республики на всей домюнхенской территории; сохранение в силе вплоть до начала функционирования вновь избранного Национального собрания старой конституции и законов Чехословацкой республики, с теми изменениями, которые потребует переходный период. Далее высказывались предложения об организации и сложении временных органов власти: президент республики, временное правительство, временное Национальное собрание, земские, районные и местные национальные комитеты. Перечислялись задачи временных органов власти, которые должны были прекратить свою деятельность после избрания законодательного Национального собрания. Письменный текст выработанных коммунистами предложений Бенеш получил 16 декабря, то есть на четвертый день переговоров с ними⁸.

Беседы начались на следующий день после подписания советско-чехословацкого договора. От Загранбюро КПЧ в них участвовали депутаты довоенного Национального собрания ЧСР К. Готвальд, В. Копецкий, Р. Сланский, Я. Шверма. Продолжительность отдельных бесед в зависимости от сложности обсуждавшихся вопросов составляла от полутора до четырех с половиной часов. Со стороны представителей КПЧ в беседах, согласно записям, активный диалог с Бенешем вел только Готвальд, остальные ассистировали ему. Первые четыре беседы, если судить по записям, скорее походили на монолог президента, который считал нужным изложить свои представления по ряду вопросов. Во время первой встречи (13 декабря, ут-

ром) он поведал о трудностях, связанных с подготовкой и подписанием советско-чехословацкого договора, о негативной позиции в этом вопросе Англии и Америки, которую он назвал «самой реакционной державой». Бенеш подчеркнул свою твердую позицию в вопросе заключения договора с Советским Союзом, являющегося «жизненной необходимостью для Чехословакии», если она «не хочет иметь в будущем новый Мюнхен». Затем он рассказал «о тех предрассудках в отношении Советского Союза, которые существовали в Англии и Америке», и о том, что его «в официальных английских и американских кругах вначале рассматривали, как [краснорубашечника (*rudé sukno*), как паршивую овцу]⁹, как большевика». Он рассказал также о своих взаимоотношениях с чешскими властями протектората, президентом Э. Гахой и премьером А. Элиашем¹⁰, которым он какое-то время давал советы относительно их политики и поведения («из Праги в Лондон и обратно было послано 14 тыс. телеграмм»). Затем Бенеш коснулся своей политики в период мюнхенского кризиса, решения принять мюнхенский диктат и отказаться от помощи Советского Союза: «В качестве главной причины решения о капитуляции Бенеш приводит то обстоятельство, что Чехословакия в 1938 г. не могла воевать, поддерживаемая только Советским Союзом, что она была бы разбита, разгромлена»¹¹.

Вторая беседа состоялась в тот же день (13 декабря, вечером) и продолжалась около трех часов. Бенеш «дал связное изложение своего понимания перехода к восстановлению освобожденной республики». Он заявил, что полностью принимает идею Национального фронта с участием в нем коммунистов, и подчеркнул, что «единство политических партий» должно сохраняться в течение ряда лет после войны, чтобы иметь возможность «построить новую республику как республику современную», которая унаследует традиции первой республики, но будет иметь значительные отличия, «особенно в социальной области». Бенеш считал, что переходный период продлится примерно три месяца, в течение которых следует подготовить парламентские и президентские выборы, подавшее в отставку эмигрантское правительство будет исполнять свои обязанности, а он – функции временного президента страны. В освобожденной стране, по его мнению, согласно конституции «центр тяжести власти в отличие от положения дел за границей должен быть перенесен на правительство и политические партии». «Государство и народ заинтересованы в том, чтобы к руководству пришли новые люди... Произойдет революция», – полагал Бенеш, отводивший при этом значительную роль национальным комитетам всех уровней, в том числе и земским комитетам в Праге, Брно и Братиславе, как действовавшим снизу народным органам. На реплику К. Готвальда, что функционирование старого, даже подавшего в отставку правительства было бы неприемлемо для народа и не пошло бы на пользу самому Бенешу, тот предложил коммунистам высказать соображения насчет создания по возможности быстрее «нового

временного правительства», но чтобы это не выглядело, как дезавуирование участников заграничного сопротивления и президента. «В чешских областях, – по мнению Бенеша, – будет революция, будет борьба, будут и партизаны. Народ рассчитается с немцами сполна, как с немцами из Германии, так и с немцами нашими. Это будет национальная революция, комбинированная с социальной революцией». Он заявил также, что у него «имеются достоверные сведения» о том, что словацкая армия, жандармерия и полиция готовы к сопротивлению¹². Сегодня можно сказать, что на тот момент это было преувеличением и что тогда Бенеш выдавал желаемое за действительное.

Третья беседа (14 декабря, утром) продолжалась около трех часов. Бенеш сообщил, каким он видит состав будущего временного правительства. В отличие от первой республики, по его мнению, теперь руководство должно находиться в руках левых политических сил. К ним он причислял три, с его точки зрения, рабочие партии: коммунистическую, социал-демократическую и национально-социалистическую, которые должны объединиться (формы могут быть разные) и повести за собой большинство народа: «Иначе я не могу быть президентом». Обращаясь к коммунистам, Бенеш подчеркнул: «Вы будете самой сильной из рабочих партий. Вы будете также самыми сильными в вышеупомянутом левом блоке, который вы поведете. Если вы сумеете это сделать, то выиграете. Главное это то, что вы должны иметь превосходство в массах. Он добавил также, что речь будет идти не только о рабочих, но и о том, чтобы оказать влияние на крестьян, чему должна служить намеченная программа земельной реформы». Бенеш отметил, что эти его представления о будущем развитии и устройстве республики являются «его твердым убеждением» и «результатом его размышлений в течение долгих лет». Далее Бенеш обратился к собеседникам с просьбой высказать соображения относительно их действий в период до окончания войны с Германией (он предложил коммунистам войти в правительство) и во время восстановления освобожденной республики. Бенеш охарактеризовал состояние дел в лондонской эмиграции, говорил о постоянном сотрудничестве с коммунистами и весьма положительно отзывался об их деятельности. С большой симпатией Бенеш отозвался о В. Клементисе¹³, заявив, что это «образованный молодой человек, лучший из всех словаков за границей», заявивший, что, несмотря на исключение из КПЧ, он продолжает оставаться коммунистом и надеется урегулировать свои отношения с руководством компартии. Нелестно президент оценивал деятельность социал-демократической фракции, которая, по его мнению, пребывает в состоянии разложения, а её члены путем интриг борются друг с другом. Характеристики, данные Бенешем отдельным представителям социал-демократической и национально-социалистической партий, а также словацкой эмиграции, не отличались позитивностью¹⁴.

Во время четвертой встречи, состоявшейся утром 15 декабря и длившейся около трех часов, Бенеш давал подробные характеристики различным видным представителям чехословацкой эмиграции в Лондоне. В целом он охарактеризовал эмиграцию как «отвратительное» сообщество людей, которое трудно было хоть немного консолидировать. Но в то же время Бенеш считал, что теперь большинство лондонской эмиграции поддерживает его, хотя в его адрес раздается клевета и против него плетутся разные интриги. Он объяснил, почему сделал премьер-министром Я. Шрамека: «чтобы воздействовать таким образом на англичан и на западный мир. Я для этого мира красный... поэтому и выставил на первый план Шрамека как черного». Г. Рипку, государственного секретаря МИД, Бенеш считал человеком, «со всей преданностью» проводящим его линию внешней политики, «способного к развитию, склоняющегося налево и готового сотрудничать с коммунистами». Достаточно откровенно Бенеш высказывался и о других деятелях чехословацкой эмиграции (Странском, Файерабенде, Бехине). Говоря, например, о Лаушмане, видном представителе левой социал-демократии, он заявил, что «эта группа нападает на лондонских коммунистов, создает трудности Носеку (КПЧ – В.М.) и представляет себя “коммунистичнее, чем коммунисты”». Весьма негативно Бенеш оценил и национально-социалистическую партию, сказав: «В этой партии много негодяев». А вот о З. Фирлингере, чехословацком после в СССР, он говорил очень хорошо¹⁵. Президент заявил, что в восстановленной ЧСР ему хочется иметь «левый режим, с которым можно будет работать»¹⁶.

Во время пятой беседы, состоявшейся 16 декабря¹⁷ и длившейся четыре часа, К. Готвальд «от имени руководства партии высказал точку зрения в отношении проектов Бенеша» и изложил предложения коммунистов о том, «как надо действовать на конечном этапе чехословацкой освободительной борьбы и в период перехода к строительству новой жизни в республике». Именно тогда Бенеш получил предложения коммунистов в письменном виде. В записи беседы отражены реакция президента на них, а также позиция Готвальда в связи с этим. Бенеш согласился с мнением о начале вооруженной борьбы на родине, заявив, что спор по этому вопросу носит «более тактический, чем деловой характер». Он согласился и с предложением о необходимости уже теперь создавать национальные комитеты, подчеркнув, что если этот призыв «был сделан из Москвы, то это правильно, т. к. из Лондона этого нельзя было сделать в такой открытой форме». Бенеш не возражал и против подготовки и издания закона о наказании предателей народа. Когда Готвальд подчеркнул, что этот закон должен касаться также «капиталистов, промышленников и банковских дельцов, то Бенеш заявил, что он совершенно с этим согласен». Возражение президента вызвала постановка вопроса о словаках и Словакии. Он полагал, что «в будущей республике надо провести административную децентрализацию, но не по национальному признаку».

«Вы никогда не убедите меня в том, – сказал он, – чтобы я признал словацкую нацию. Это – моя научная точка зрения, которую я не могу изменить... я считаю, что словаки это чехи и что словацкий язык является только одним из наречий чешского языка. Я никому не запрещаю называть себя словаком, но не допущу, чтобы провозглашали существование словацкого народа. Но в основном этот вопрос должен быть решен после переворота. Должен вам сказать, что в лондонском правительстве вы бы по словацкому вопросу не сумели завоевать большинства на свою сторону».

При обсуждении вопроса об использовании чехословацких вооруженных сил на завершающем этапе войны, Бенеш «высказал свое пожелание, чтобы к десантным операциям на оккупированной восточной части республики готовились не только чехословацкие воинские части, находящиеся на территории СССР, но чтобы и некоторые советские части участвовали в них». Он заметил также, что «настоятельно просил советских руководителей не допустить, чтобы Венгрия была оккупирована только английскими войсками, но чтобы в оккупации Венгрии участвовали и советские войска», ибо «иным способом нельзя обеспечить проведение внутренней революции, которая навсегда бы устранила венгерскую реакцию в Центральной Европе». При обсуждении вопроса об организации жизни на освобожденной территории республики и создании временного правительства Готвальд выразил согласие с тем, что его основой должен стать блок трех левых партий, представляющих интересы народа, и прежде всего «рабочих, крестьян и интеллигенции». Признав правоту Бенеша, заявившего, что «коммунисты являются самой сильной партией блока и что они по существующему обычаю могли бы претендовать на пост председателя правительства», Готвальд сказал: «Все же обстановка будет чрезвычайной. Мы не хотим создавать вам трудностей и считаем, что председателем правительства должен быть ваш человек»¹⁸. Согласившись с такой постановкой вопроса, Бенеш заявил: «После выборов народ подтвердит, что вы являетесь самой сильной партией. Все другие партии находятся в состоянии кризиса. Вы находитесь в наилучшем положении. Соседство Советского Союза будет играть большую роль в деле усиления вашего влияния. Но вы должны быть осторожными и не перегибать [палку] в ваших действиях, чтобы не говорили, что всё сразу “большевизируется”», «вы будете самым сильным элементом нового режима, и я всегда буду его поддерживать». Готвальд ответил: «Если наша договоренность будет иметь откровенный характер, то коммунисты и Бенеш представляют вместе силу, которую никто не одолеет». Бенеш в целом, несмотря на разногласия по некоторым вопросам, был доволен итогами беседы и заключил её словами: «Если у нас и есть разные мнения, то они не должны служить препятствием к сотрудничеству»¹⁹.

Заключительная, шестая, беседа состоялась через день. Она продолжалась с 21 часа 18 декабря до 1 ч. 15 минут 19 декабря, то есть четыре с

лишним часа. Бенеш дал некоторые дополнения к предложениям коммунистов. Сославшись на беседу со Сталиным²⁰, он разъяснил свою позицию по вопросу выселения немцев и венгров из освобожденной республики. «Он заявил, что поражение немцев дает нам единственную историческую возможность радикально очистить наше государство от немецкого элемента. “Будущее государство должно быть государством чехов, словаков и закарпатских украинцев. Оно должно быть государством славянской нации”». Бенеш подчеркнул, что на выселение немцев, кроме антифашистов, демократов, коммунистов и всех, кто участвовал в антигитлеровской борьбе, «у него имеется согласие Советского Союза, и что ранее он получил на это согласие Англии и США. Подобным же образом придется поступить и с венграми, причем обмен венгерского населения на словацкое население облегчит всё дело». Уточнялись также другие, ранее затрагивавшиеся вопросы. Например, соглашаясь с необходимостью активизации вооруженной борьбы на родине, Бенеш заявил, что, близящееся открытие второго фронта «вызывает необходимость партизанского движения у нас». Обсуждались кандидатуры на важные министерские посты во временном правительстве. «В заключении беседы Бенеш сказал, что, по его мнению, по сравнению с другими партиями и политическими группами концепция коммунистов произвела на него впечатление наиболее продуманной и ясной». «Готвальд констатировал, что результаты переговоров можно выразить одной фразой, которая часто использовалась обеими сторонами во время переговоров, а именно: “Дело находится на правильном пути”»²¹.

Сразу после переговоров с Бенешем (21 декабря) Готвальд, суммируя их результаты, написал подробнейшее письмо чехословацким коммунистам в Лондон²². Бенеш отбыл из Москвы 22 декабря. 11 января 1944 г. он выступил перед членами Госсовета с информацией о результатах своего визита в Москву. Рассказал он и о переговорах с коммунистами. Положение в чехословацкой эмиграции в Москве Бенеш оценил в целом как «хорошее, лучше, чем в Лондоне». Он подробно говорил о мотивации коммунистов в связи с их отказом вступить в эмигрантское правительство, несмотря на положительное в целом, хотя отчасти и критическое, к нему отношение: «Дискуссия была лояльной, деловой, сердечной, до каких-либо разногласий дело не дошло... В ряде вопросов я с ними согласился, в ряде остался при своем мнении. Никаких конкретных обязательств ни с одной, ни с другой стороны взято не было. То, что они мне говорили и что послали своим людям в Лондон, это – их программа и взгляд». Интересны оценки Бенеша, касавшиеся З. Нееды²³. Упомянул Бенеш и о том, что не было достигнуто согласия в словацком вопросе и в оценке политики правительства в период Мюнхена. В заключении Бенеш заявил, что полностью удовлетворен итогами своего визита в Москву²⁴.

Примечания

¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1. М., 1981. С. 394–396. О визите Э. Бенеша в Москву см. подробнее: Марьина В.В. Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 149–172; она же. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М., 2013. С. 345–367.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6646. Оп.2. Д. 19. Л. 23–24 об.

³ Они сразу же перевелись на русский язык и передавались Г. Димитрову. Ознакомившись с записями, Димитров направлял их в НКВД СССР заместителю наркома иностранных дел А.Е. Корнейчуку.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 23–63.

⁵ Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Dokumenty. Sv. I–I. /Ed. M. Klimeš, P. Lesjuk, I. Malá, V. Prečan. Praha, 1965. S. 40–59.

⁶ Как свидетельствуют документы РГАСПИ (фонд Г. Димитрова), связь между чехословацкими коммунистами, находившимися в Москве и Лондоне, осуществлялась через чехословацкого посла в СССР З. Фирлингера и разведывательное управление НКВД СССР (П.М. Фитин). О полученной в Москве информации см.: Cesta ke Květnu. Sv. I–I. S. 35–36 (прим. 1)

⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 15–22; Д. 551. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 64–69; Cesta ke Květnu. Sv. I–I. S. 35–40.

⁹ В квадратных скобках: так в чешском тексте.

¹⁰ Генерал А. Элиаш был действительно связан с подпольным движением Сопротивления, арестован гестапо и расстрелян в 1942 г.

¹¹ О политике Бенеша в период Мюнхена см. подробнее: Марьина В.В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш... С. 198–257.

¹² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 27–30; Cesta ke Květnu. Sv. I–I. S. 42–44.

¹³ В. Клементис был исключен из КПЧ в связи с его критикой действий Советского Союза, пошедшего на заключение договора о ненападении с гитлеровской Германией в августе 1939 г. Интересно отметить, что Бенеш просил коммунистов пересмотреть их негативное отношение к Клементису (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 63). В конце войны Клементис был восстановлен в партии и введен в состав правительства Национального фронта чехов и словаков. После гибели Я. Масарика в 1948 г. стал министром иностранных дел ЧСР, в начале 1950-х годов был арестован как «словацкий буржуазный националист», проходил по делу Р. Сланского, в 1952 г. приговорен к смерти и казнен.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 495 Оп. 74. Д. 549. Л. 31–34; Cesta ke Květnu. Sv. I–I. S. 44–47.

¹⁵ «Это – не стареющий человек, всё время меняющийся в лучшем смысле этого слова... Фирлингер всегда склонялся к социал-демократии, но эта партия никогда не признавала его своим... В освободительном движении за границы он слыл даже за большевика... Фирлингер действует якобы на нервы министрам лондонского правительства, которые особенно возмущаются тем, что он имеет собственную точку зрения, которую он защищает. Поэтому отношения между Фирлингером и Масариком и Рипкой всегда напряженные... Между Бенешем и Фирлингером дескать самые хорошие отношения». В апреле 1945 г. З. Фирлингер возглавил сформированное в Москве во время нахождения там чехословацкой правительственной делегации во главе с Бенешем первое правительство Национального фронта чехов и словаков. В 1948 г. Бенеш разошелся с Фирлингером, даже перестав общаться с ним.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 495 Оп. 74. Д. 549. Л. 35–48; Cesta ke Květnu. Sv. I–I. S. 47–52.

¹⁷ В этот день Э. Бенеш встречался с В.М. Молотовым. См.: Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 156–158.

¹⁸ Следует отметить, что Бенеш и ранее неоднократно предлагал коммунистам войти в состав эмигрантского правительства. Об этом, в частности, сообщали Готвальду из Лондона Крейбих

и Носек в феврале 1943 г.: «Большинство из нас того мнения, что еще не подходящее время для такого шага. Наша точка зрения такова: деятельность этого правительства должна кончиться одновременно с освобождением Чехословацкой республики. Характер и деятельность этого чехословацкого правительства не отвечает настроению дома; оно в своей политике в большей части зависит от английских кругов; нет надежды, чтобы с нашим вступлением в правительство его состав действительно изменился». Решение вопроса оставлялось за руководством КПЧ в Москве (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 548. Л. 22).

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 49–57; *Cesta ke Květnu. Sv. I–I. S. 52–56.*

²⁰ Беседа Э. Бенеша с И.В. Сталиным состоялась 18 декабря. См.: Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 159–161.

²¹ РГАСПИ Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 58–63; *Cesta ke Květnu. Sv. I–I. S. 56–59.*

²² РГАСПИ Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 95–108; *Cesta ke Květnu. Sv. I–I. S. 59–68.* Письмо в переводе на русский язык Димитров направил Молотову 2 января 1944 г. с припиской: «Полагаю, что эта информация представляет интерес для Вас» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 94).

²³ «Подчеркиваю, что все разговоры о Неедлы и наших депутатах [Национального собрания], которые якобы выступали и действовали против Лондона и правительства, не являются правдивыми. Неедлы ведет себя необычайно лояльно, занимает в Москве важную научную позицию, в политике не участвует, насколько мне известно, в политическое партийное руководство не включен; я сам настаивал, чтобы Неедлы был привлечен к участию во всех официальных делах. Я также встречался несколько раз с Неедлы, и всё с ним обсудил».

²⁴ *Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Praha, 1999. S. 216–218.*

Почему не реализовались новые планы по расширению Советской Украины за счет Румынии в 1945 г. *

Abstract:

Stykalin A.S. *Why the new plans to expand the Soviet Ukraine at expense of Romania in 1945 were not implemented.*

In the spring of 1945, the Communist leadership of the Soviet Ukraine, headed by Nikita Khrushchev, was planning an annexation of the Romanian County of Maramureş, contiguous with Trans-Carpathian Ukraine. Although these plans also gained support of the Command of the 4th Ukrainian Front, they were nevertheless rejected by Stalin, who refrained from violations of the territorial integrity of Romania, what might weaken the position of the Communists in that country.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Румыния, Советская Украина, Закарпатская Украина, Дунай, И.В. Сталин, Н.С. Хрущев.

Ставшие доступными для исследователей в последние полтора десятилетия фонды российских дипломатических и партийных архивов обещают еще немало интересных открытий историкам стран Дунайского бассейна там, где дело касается национально-территориальных споров новейшего времени. Речь идет не только о так наз. «трансильванском» вопросе, находившемся в центре внимания Парижской мирной конференции 1946 г., или о вопросе «бессарабском». Гораздо меньше мы знаем о некоторых других, менее масштабных государственно-территориальных спорах, не успевших привлечь внимание прессы и мирового общественного мнения и разрешившихся, что называется, «в рабочем порядке», в том числе в процессе секретных двусторонних контактов.

В числе таких споров предпринятая весной 1945 г. попытка распространить власть «Народной Рады Закарпатской Украины» на румынский уезд Марамуреш с центром в приграничном городе Сигету-Мармацией (Сигет). Наличие в Марамуреше немалочисленного украинского (русинского) меньшинства внушало надежды на возможность реализации этого плана. События, связанные с этим инцидентом, нашли отражение в ряде донесений красноармейских политработников и представителей Союзной Контрольной

* Работа выполнена в рамках проекта ОИФН РАН «Национальные меньшинства Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение».

Комиссии (СКК) в Румынии, адресованных в Москву (отчасти они уже опубликованы в российских научных изданиях¹).

Соседний с Марамурешем край, Закарпатская Украина (или Подкарпатская Русь), как известно, по итогам Первой мировой войны отошел от Венгрии к Чехословакии, однако Венгрия вернула его себе вследствие насильственного расчленения первой Чехословацкой республики. Южные районы Закарпатской Украины перешли к Венгрии вместе с Южной Словакией в результате первого Венского арбитража в ноябре 1938 г. В марте 1939 г. вооруженные силы режима Хорти оккупировали весь край. В конце осени 1944 г., когда Красная Армия прорвалась через Карпаты, в Закарпатской Украине была сформирована местная власть, контролируемая Москвой, – так наз. «Народная Рада»². Вопрос о послевоенной судьбе этого края был формально отложен до окончания войны. Президент Чехословакии в эмиграции Эдвард Бенеш еще задолго до конца войны ожидал, что рано или поздно советская сторона, ссылаясь на право украинцев воссоединиться в одном государстве, предъявит претензии на эту область, заселенную преимущественно этнически близким украинцам населением³. Опыт присоединения к СССР Восточной Галиции в 1939 г. и Северной Буковины в 1940 г. не оставлял в этом смысле никаких иллюзий. Контактируя с эмиссарами Москвы, Бенеш не скрывал своей позиции: Чехословакия в принципе не возражает против передачи Советскому Союзу этой, хотя и слабо развитой в экономическом отношении, но стратегически важной области⁴. Она настаивает лишь на том, чтобы эта акция была осуществлена договорным путем, с соблюдением всех норм международного права и только после восстановления границ Чехословакии на сентябрь 1938 г. (так наз. «домюнхенских» границ). Известны слова Бенеша: нам не стоит удерживать за собой этот бедный край ценой русской вражды. С другой стороны, рассуждал Бенеш, если отдать Закарпатье СССР до восстановления довоенных границ, это могло бы создать нежелательный прецедент и дать повод для предъявления претензий на чехословацкие территории со стороны других соседей, прежде всего Венгрии. Достаточно только одного прецедента, и нас быстро «растаскили бы кто куда», заметил как-то президент Чехословакии⁵.

Надо при этом заметить, что в стратегических планах Москвы Чехословакии придавалось немалое значение. В неоднократно публиковавшейся записке руководителя одной из комиссий Наркомата иностранных дел СССР И.М. Майского наркому В.М. Молотову от 10 января 1944 г. отмечалось: «СССР выгодно стремиться к созданию сильной Чехословакии, которая ввиду политических настроений ее населения, а также в связи с недавним (декабрь 1943 г. – А.С.) подписанием советско-чехословацкого пакта о взаимопомощи на 20 лет способна быть важным проводником нашего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе»⁶. Бенеш не мог знать об этом конкретном и других документах, подготовленных в Москве для внутренне-

го пользования. Однако стремление Сталина сделать Чехословакию проводником российского влияния в Центральной Европе в противовес германскому влиянию было ему хорошо известно. Последовательный союзник британской и американской демократий и убежденный либерал, Бенеш тем не менее смотрел на присутствие (конечно, временное) Красной Армии по другую сторону Карпат принципиально иначе, чем либералы Запада, явно негативно (как, может быть, неизбежное, но большое зло) оценивавшие перспективу перехода советских войск через Карпаты в Дунайскую низменность и превращения их в фактор давления в Центральной Европе. В подходе Бенеша, напротив, возобладали в то время не опасения сталинского диктата, а стремление сделать Красную Армию гарантом неопосагаемости на чехословацкие земли со стороны ближайших соседей – Германии, Венгрии и Польши.

Примерно через два месяца после формирования в Ужгороде Народной Рады Закарпатской Украины, в начале февраля 1945 г. в соседний румынский уездный центр Сигет (укр.: Сигот) прибыли ее эмиссары для подготовки «съезда народных представителей», от которого ожидали положительного решения вопроса о присоединении уезда Марамуреш к Закарпатской Украине. Состоявшийся 4 февраля съезд специально отобранных представителей принял соответствующий манифест, что дало повод начать работу по формированию в Марамуреше новых органов власти – «народных комитетов», подчиненных ужгородской Народной Раде. Им предстояло перенять функции управления у советской военной администрации. Поездка в Сигет уполномоченных Народной Рады и проведение съезда народных представителей были одобрены, насколько можно судить по донесениям⁷, Политическим управлением 4-го Украинского фронта Красной Армии, а также Центральным Комитетом Коммунистической партии (большевиков) Украины, чьи эмиссары к этому времени находились в Ужгороде (Хотя Закарпатская Украина до 29 июня 1945 г. еще не входила в состав СССР, вопрос о ее вхождении воспринимался украинской партийной элитой как фактически предreshенный.) Более того, наряду с делегацией Народной Рады в Сигет по указанию члена Военного Совета 4-го Украинского фронта Л.З. Мехлиса (в прошлом шефа военной контрразведки СМЕРШ) прибыли офицеры-политработники из Политуправления фронта. Они присутствовали на съезде и принимали участие в редактировании его резолюции. После того, как съезд провозгласил присоединение уезда Марамуреш к Закарпатской Украине и вслед за этим начали формироваться новые органы власти, руководство уездной и городской администрацией должно было осуществляться уже из Ужгорода; местной организации компартии также предстояло формально перейти в подчинение парторганизации Закарпатья, которая к этому времени уже фактически порывает связи с Коммунистической партией Чехословакией (КПЧ) и начинает интегрироваться в КП(б) Украины. Обо всем, что происходило в начале февраля в Сигете, Мехлис, как следует из тех же

документов, докладывал в Москву, в Главполитуправление Красной Армии, а также в Киев первому секретарю ЦК КП(б) Украины Н.С. Хрущеву, который всецело поддержал инициативу по присоединению уезда Марамуреш к Закарпатской Украине.

Между тем, эта инициатива была более чем проблематична уже в силу этнического состава территории. Ведь, в самом деле, даже согласно может быть и не совсем точным данным, которыми располагали красноармейские политработники, среди населения как в городе, так и в уезде, численно преобладали румыны. Среди горожан они составляли как минимум 55%, среди жителей уезда – 74%. Украинцы составляли 18% жителей уезда и 10% жителей города. 32% горожан приходилось на венгров, которых в селах почти не было. Численность еврейского населения в г.Сигете (на родине лауреата Нобелевской премии мира Э. Визеля и живописца Ш. Холлоши, который, работая в Мюнхене, стал учителем М. Добужинского, В. Фаворского и других известных русских художников) резко снизилась вследствие Холокоста. Евреи в большинстве своем были в то время в Сигете венгероязычны⁸.

Явно преобладавшее румынское население, недовольное отторжением уезда от Румынии, с готовностью восприняло призывы к саботажу принятых решений и даже (в определенной своей части) поддержало попытку вооруженного мятежа. Начало волнениям положили распространявшиеся 27 февраля по городу слухи о том, что новые власти уезда (отныне округа) собираются повсеместно закрыть румынские гимназии и школы, а вместо них открыть украинские. Для того чтобы заявить протест, в здание местной администрации явилась депутация учителей, которую, однако, заверили в отсутствии таких намерений. Между тем, на противников новой власти ободряюще действовала поступающая из Бухареста скудная и не всегда достоверная информация о резком обострении с середины февраля внутривнутриполитической борьбы между силами, поддерживавшими премьер-министра генерала Н.Рэдеску, и коммунистами, предпринявшими массированное наступление в целях свержения неугодного им правительства. В донесении политотдела железнодорожных войск (а одна из железнодорожных бригад Красной Армии как раз была дислоцирована в г. Сигете) были зафиксированы разговоры в городских очередях: «Рэдеску начал действовать, скоро наша очередь»⁹. В дни, когда прибывший в Бухарест зам. наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский шантажировал молодого короля Михая, требуя отставки действующего правительства, в Марамуреше ходили слухи о том, что начавшееся в столице «восстание» коммунистов якобы подавлено.

Вечером 4 марта, согласно тем же красноармейским донесениям, была предпринята попытка поднять вооруженное восстание в одном из сел уезда в расчете на поддержку румынских политических сил Северной Трансильвании. Советской военной комендатурой были получены сообщения о запланированном на утро следующего дня более крупномасштабном высту-

плении в уездном центре. Во главе движения стояли бывший префект уезда, примары румынских сел («начальники сельских управ»), высокопоставленные сотрудники полиции (уволенные с осени 1944 г., с приходом Красной Армии). Участвовали в нем и представители румынской православной церкви.

Организаторы приурочили начало восстания к открытию традиционной местной ярмарки: утром 5 марта в Сигет из многих окрестных сел (как украинских, так и румынских) должны были съехаться сотни конных подвод. Накануне примары румынских сел саботировали отправку мужского населения на восстановление железных дорог; в городе и окрестностях появилось много отпусковиков и дезертиров румынской армии, в том числе и офицеров, не зарегистрировавшихся, как полагалось, у советского коменданта. В районе Окна-Шуготаг были задержаны диверсанты, пытавшиеся, как указывалось в донесениях, затопить водой соляные шахты, снабжавшие солью два фронта Красной Армии – 2-й и 4-й Украинские. Организаторы восстания связались с представителями Великобритании в СКК и, по некоторым данным, с миссией международного Красного Креста. 3 марта два советских офицера в ресторане в центре Сигета зафиксировали встречу бывшего префекта и двух других оставшихся уездных чиновников с майором британской армии, прибывшим из Бухареста.

Ожидая серьезные волнения в уездном центре, советская военная комендатура запретила утром 5 марта въезд в город. Движение на подступах к Сигету было перекрыто красноармейскими патрулями. Многочисленные подводы, шедшие к городу, останавливали. Было изъято большое количество оружия. По установленным в процессе последующего расследования данным, для участия в массовом выступлении из окрестных сел должны были подойти, но главным образом подъехать на подводах до 10 000 человек. Всего в «демонстрации протеста» предполагалось задействовать свыше 15 000 человек. Расчет делался на перерастание поначалу мирной демонстрации в восстание с захватом административных зданий и последующей апелляцией к Союзной Контрольной Комиссии в связи с посягательством одного из соседей¹⁰ на территориальную целостность Румынии. Арестованные 5 марта и в последующие дни организаторы восстания (более 50 человек) категорически отрицали в ходе допросов, что выступление было направлено против Красной Армии, хотя и происходило в ее тылу. Некоторые из них, правда, признали, что оно способно было вызвать определенные осложнения в международных отношениях.

Тем временем внутривосточный кризис в Румынии завершился 6 марта формированием нового правительства Петру Грозы, представлявшего левые силы во главе с коммунистами. И только после этого Советский Союз дал долгожданное для румын согласие на передачу Северной Трансильвании румынской гражданской администрации. Ранее, осенью 1944 г., правительство Румынии параллельно с освобождением края от немецких и вен-

герских войск приступило, ссылаясь на некоторые положения соглашения о перемирии от 12 сентября, к восстановлению в Северной Трансильвании довоенных румынских административных структур, однако предпринятые им в этом направлении шаги натолкнулись на противодействие советской стороны. Ссылаясь на обострение румыно-венгерских межэтнических противоречий, нарушавших спокойствие в тылу Красной Армии, командование в ноябре 1944 г. издало приказ об упразднении всех уже сформированных румынских структур и повсеместной передаче управления в уездах Северной Трансильвании (в том числе в Марамуреше) в ведение советской военной администрации. Вопрос о разрешении Румынии на формирование в Северной Трансильвании своих собственных органов власти в течение нескольких месяцев, вплоть до марта 1945 г., оставался эффективным инструментом внешнеполитического давления на румынское правительство и всю политическую элиту. В конце концов официальная Москва добилась своего: в Румынии было сформировано приемлемое для сталинского руководства СССР левое правительство¹¹.

В конце марта 1945 г. в целях установления контактов с местными политическими силами и для содействия восстановлению в уезде Марамуреш румынской администрации в Сигет прибыл из Клузы Николае Гольдбергер, уполномоченный Национально-демократического фронта, объединявшего левые партии (он был одновременно секретарем объединенной северо-трансильванской организации румынской компартии). Гольдбергер, ссылаясь на изменение линии Москвы в отношении румынской администрации, попытался договориться с представителями органов, подконтрольных Народной Раде Закарпатской Украины, о порядке введения в уезде (как и во всей Северной Трансильвании) румынских административных структур, однако его попытки оказались тщетны – местные украинские органы (народные комитеты), как и следовало ожидать, категорически отказывались поступиться властью без указания Народной Рады. Не договорившись на месте, Гольдбергер направился в Ужгород, но его миссия и там не увенчалась успехом. Глава Народной Рады Закарпатской Украины Иван Турияница отказался вести переговоры о восстановлении румынской администрации в Марамуреше, рассматривая этот уезд как неотъемлемую составную часть Закарпатской Украины. О посещении Гольдбергером Ужгорода и его переговорах с Турияницей было хорошо осведомлено командование 4-го Украинского фронта (генерала армии И.Е. Петрова в это время сменил генерал армии А.И. Еременко), знали об этом и в Киеве, в ЦК КП(б) Украины.

Вернувшись в Сигет, Гольдбергер, не решившийся брать на себя ответственность за действия по введению румынской администрации в Марамуреше, обратился к одному из лидеров компартии и члену правительства Василе Луке с просьбой прибыть в отдаленный уезд. В. Лука, приехав в Сигет, также принял от имени правительства П.Грозы попытку догово-

риться с представителями Народной Рады о плавной реорганизации формирующихся украинских органов власти в администрацию, подчиненную Бухаресту. Не дожидаясь ответа из Ужгорода, он образовал уездный Совет Национально-Демократического Фронта (НДФ), который составили представители разных общественно-политических организаций левого толка, в том числе украинских. 9 апреля Совет НДФ официально провозгласил установление румынской администрации на основе реорганизации создававшихся органов местной исполнительной власти. Персональный состав административных органов был подобран Советом НДФ при активном участии уездной организации компартии, к этому времени контролируемой Гольдбергером. Введение румынской администрации прошло без каких-либо эксцессов. Однако большая часть украинских функционеров окружного комитета закарпатской Народной Рады, несмотря на предложение В. Луки принять участие в работе реорганизованных органов власти, уехала в Ужгород.

Представители СКК, ознакомившись с составом образованной румынской администрации, пришли к заключению, что она создана «на здоровой демократической основе» и «в общем отвечает соответствующим требованиям»¹². В то же время, по их мнению, в обновленных органах власти города и уезда украинцы были представлены недостаточно. Предложение представителей СКК ввести дополнительно во властные структуры заместителя префекта уезда и заместителя примара города из числа украинцев не встретило возражений со стороны местного Совета НДФ. Что же касается сел с чисто украинским населением (а в уезде Марамуреш было 10 крупных украинских сел), то в них по-прежнему действовали народные комитеты, избранные в соответствии с директивами Народной Рады Закарпатской Украины. Их состав решено было не менять. У нас отсутствуют документы, подтверждающие, что В. Лука действовал в соответствии с какой-либо межгосударственной договоренностью (пусть неформальной), однако, можно быть уверенным, что решающий сигнал был дан не из Ужгорода, Киева или Бухареста, но из Москвы. Очевидно, что инициатива по присоединению к Закарпатской Украине румынского города и уезда, будучи поддержана в Киеве украинским партийным руководством, вместе с тем не нашла понимания в Москве – в Наркомате иностранных дел и, выше, в Кремле.

Н.С. Хрущев упомянул о марамурешском эпизоде в своих многократно публиковавшихся и широко известных воспоминаниях. Согласно его версии, Туряница послал в близлежащий румынский уезд своих людей на собственный страх и риск. «Если в шутку, Туряница начал вести захватнические действия» против Румынии, заметил Хрущев. При этом закарпатский лидер был движим прежде всего (как и многие другие в то время) заботой о воссоединении украинского народа в составе Советской Украины. «Вообще тогда у всех украинцев возникла сильная тяга к воссоединению», – вспоминал в конце жизни Хрущев. Так, к нему в Киев приехала летом 1945 г. депу-

тация украинцев из Восточной Словакии. Они просили, наряду с Закарпатской Украиной, присоединить к Советской Украине отдельные районы Прешовского края. Сталин, однако, не хотел заходить так далеко, ибо это неизбежно вызвало бы конфликт с западными союзниками на Потсдамской конференции. А потому Хрущев был вынужден огорчить своих собеседников отказом, призвав их строить социализм в одном государстве с чехами и словаками. К Турянице и к Хрущеву (во время его поездки в Закарпатье) приходили также крестьяне из сигетских украинских сел и хлопотали о своем присоединении к Закарпатской Украине. Но ничего конкретного, продолжал Хрущев, нами не предпринималось. Из его воспоминаний узнаем, что вопрос был решен только после телефонного звонка Сталина в Киев. Хрущеву пришлось объяснять «хозяину», что Туряница не находится у него в подчинении, а всего лишь его «сосед», самостоятельно принимающий решения, хотя и прислушивающийся к мнению украинского руководства. Сталин в ответ распорядился: «говорят, вы имеете на него влияние, пусть отзовет свои отряды с территории Румынии»¹³.

В апреле 1945 г. Закарпатская Украина действительно пока еще не входила в состав УССР, но ее будущая судьба, как уже отмечалось, была предreshена. Хрущев посетил весной 1945 г. Ужгород и Мукачево для ознакомления с обстановкой в крае, который должен был в самом скором времени (после правового урегулирования вопроса с чехословацким правительством) войти в состав УССР. Возлагая в данном случае всю ответственность на Туряницу (которого, кстати, он высоко ценил как партийного работника, о чем пишет в мемуарах), Хрущев, очевидно, лукавил. Есть все основания предполагать, что руководство Советской Украины, испытывавшее огромные внутривластные трудности в западных областях, отошедших в 1939–1940 гг. от Польши и Румынии, было не прочь использовать новое территориальное приращение в пропагандистских целях. Программа «сбирания» украинских земель не обязательно должна была полностью реализоваться с присоединением Закарпатья. С точки зрения Киева не был закрыт вопрос об «округлении» границы в пользу Украины на некоторых других ее участках. В Кремле, в окружении Сталина, в свою очередь заботились об укреплении всей советской сферы влияния и могли ради этого пожертвовать амбициями коммунистов большой союзной республики. В Москве резонно опасались, что слабо мотивированная этническими аргументами территориальная уступка в пользу СССР (даже весьма незначительная) вызовет крайне негативный отклик в самых широких слоях румынского общества и породит серьезные внутривластные осложнения для прокоммунистического правительства П.Грозы, пришедшего к власти с советской помощью и отвечавшего в тех условиях планам сталинского руководства.

Правда, весной 1945 г. вопрос еще не был окончательно снят с повестки дня, он всплыл через считанные недели после присоединения Закарпат-

ской Украины к СССР 29 июня 1945 г. На сентябрь 1945 г. была намечена первая сессия Совета министров иностранных дел (СМИД) Великобритании, США, СССР, Франции и Китая, которому, в соответствии с решением Потсдамской конференции, было поручено заняться разработкой мирных договоров с бывшими европейскими союзниками Германии. Подготовкой советских предложений для вынесения на сессию занималась Комиссия Наркоминдела СССР по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства во главе с М.М. Литвиновым (в то время замом наркома). Как известно из скрупулезных архивных исследований известного историка Л.Я. Гибианского¹⁴, комиссия рассматривала вопрос о целесообразности некоторой корректировки границы в районе г. Сигет, с обязательным выходом к железной дороге. Пересмотр мотивировался тем, что построенная еще при Габсбургах железная дорога (между маленькими закарпатскими городами Тячевым и Раховым) разрывалась как раз при подъезде к г. Сигет границей с Румынией, что исключало возможность ее использования Советским Союзом для внутренних перевозок.

До войны аналогичная проблема также стояла, ведь железная дорога разрывалась тогдашней чехословацко-румынской границей, но вопрос о перевозках был легко решен договоренностью двух дружественных правительств стран-союзниц по Малой Антанте. Труднее было дело с СССР: прорыв «железного занавеса» пусть даже на участке в несколько десятков километров казался в Москве немыслимым даже такому последовательному стороннику сотрудничества с Западом, как Литвинов. Отдать кусок железной дороги соседней стране по существу означало отказаться от ее эксплуатации на всем протяжении, а провести соответствующий отрезок пути чуть севернее, по другому берегу Тисы (т.е. по советской территории) было невозможно из-за высоких скалистых гор – это не было сделано и в последующие десятилетия.

Претензии к Румынии не ограничивались участком железной дороги в Закарпатье. В комиссию поступила записка с пожеланиями Генштаба о корректировке границы в дельте Дуная. Речь шла о том, чтобы два наиболее судоходных русла Дуная (не только Килийское, но, если удастся, то и расположенное южнее Сулинское) с множеством мелких островов в дельте Дуная, а также более крупный остров Змеиный в Черном море около устья Дуная оказались под контролем СССР. При этом были заявлены претензии на некоторые земли, которые России никогда не принадлежали. Вопрос этот находился в поле зрения Наркоминдела еще летом 1940 г. при возвращении Бессарабии и присоединении к СССР Северной Буковины. Тогда, однако, Москва ограничилась занятием нескольких маленьких островов в Килийском русле. Что касается румынской стороны, то она, приняв ультиматум относительно Бессарабии и Северной Буковины, не только в 1940 г. (при занятии этих островов), но и позже, при обсуждении с новым, антигитлеров-

ским правительством Румынии условий соглашения о перемирии в сентябре 1944 г., всячески уклонялась от того, чтобы в письменном-договорной форме выразить согласие с каким-либо пересмотром границ в дельте Дуная.

Ставить перед западными союзниками вопрос о пересмотре границ в дельте международной водной магистрали – Дуная Сталин не считал целесообразным, предвидя жесткий отказ. Он надеялся, что ему удастся решить этот вопрос непосредственно с лидером прокоммунистического правительства П.Грозой, приведенного к власти, как уже отмечалось, в обмен на согласие Москвы восстановить румынскую администрацию в Северной Трансильвании, находившейся под властью Венгрии с 30 августа 1940 г., после второго венского арбитража¹⁵.

В сентябре 1945 г., в ходе обсуждений у Сталина предложений по мирному договору с Румынией, взвешивалось, возможен ли торг с Бухарестом. Если допустить некоторое упрощение, вопрос ставился примерно так: можно ли отказ от претензий СССР на участок железной дороги в районе Сигета компенсировать требованием о существенной корректировке границ в дельте Дуная. Это предложение, однако, осталось только в проектах, как и другое – внести в условия мирного договора с Румынией положение о том, что порт Констанца арендуется на 50 лет Советским Союзом у Румынии для строительства военно-морской базы (таково было другое предложение Генштаба, поступившее в комиссию Литвинова). От аренды Констанца отказались из опасений, что западные союзники взамен предложат включить в текст мирного договора с Италией пункт об аренде итальянских портов (это не было в интересах СССР). Что же касается вопроса о Сигете, то очевидно, что в отказе от притязаний на участок железной дороги и часть земель уезда Марамуреш сыграли решающую роль вышеназванные соображения: не создавать ненужных внутривосточных трудностей прокремлевскому румынскому правительству. По данным Л.Я. Гибианского, П. Гроза в ходе двухчасовой беседы со Сталиным в сентябре 1945 г. убедил его отказаться от этих планов. Румыния согласилась лишь передать СССР остров Змеиный, да еще пять мелких островов в Килийском русле (как мотивировал премьер-министр уступку Румынии, «дружба с СССР для нас важнее этих островов»)¹⁶.

Если же вернуться к событиям весны 1945 г., то при попытке присоединения Сигета к Украине налицо было несовпадение интересов центральной (московской) и местной (украинской) партийно-советской элиты, в результате чего события в приграничном румынском уезде были по-разному расценены в Москве и Киеве. Слишком самоуверенных украинских коммунистов пришлось одернуть из Кремля. Эта версия всецело подтверждается одним из документов – донесением уполномоченных советской части СКК в Румынии от 16 апреля 1945 г., где речь идет как раз об одобрении Хрущевым инициативы по присоединению Марамуреша к Закарпатыю¹⁷.

Сама же инициатива действительно исходила, вероятнее всего, от Туряницы. В этой связи заслуживает внимания высказанное как-то в начале 1945 г. Э. Бенешем мнение о том, что украинский национализм, и в частности, в Закарпатье «отбил от рук» Москвы и иногда «перехлестывает через край»; этой мощной националистической волной решили, согласно Бенешу, воспользоваться и украинские коммунисты, которые, преследуя свои цели, хотят поставить и Москву, и Прагу перед свершившимся фактом скорейшего (не дожидаясь окончания войны) присоединения Закарпатья к СССР¹⁸. Слова опытного политика едва ли следует воспринимать как проявление политической наивности или, напротив, как выражение лукавства, не отражающее его действительной точки зрения. Как известно из исследований (в частности, из вышеупомянутой работы В.В. Марьиной), проводившиеся в Закарпатье местной коммунистической властью меры по реализации избранной Кремлем линии на присоединение этого края к Советской Украине на самом деле часто опережали темпы, продиктованные центром, и, более того, выходили за установленные Москвой рамки. События в Марамуреше в этом отношении как раз показательнее всего, хотя и не являются единственными в своем роде. Аналогичные случаи касались ряда сел Восточной Словакии¹⁹. Сталин в телефонном разговоре с Хрущевым, о котором тот вспоминает в своих мемуарах, упомянул также о занятии закарпатскими вооруженными отрядами районов на левобережье Тисы, которые должны были отойти к Венгрии²⁰.

У румынского коммунистического режима, прочно утвердившегося у власти к концу 1947 г., были свои виды на Марамуреш и г. Сигету-Мармацией. В конце 1940-х годов небольшой городок в живописном междугорье Карпат, в километре от нынешней румынско-украинской границы (кстати, одно из любимых мест творчества венгерских художников эпохи австро-венгерского дуализма), станет местом заключения наиболее опасных оппонентов компартии. В начале 1953 г. здесь умрет в старой габсбургской тюрьме Юлиу Маниу, в том же году погибнет Г.Братиану. Режим Г.Георгиу-Дежа, осознававший свою неукоренённость в обществе, враждебность огромных масс населения и никогда не отключавший машину превентивного террора, считал целесообразным держать этих и им подобных арестантов именно в Сигете – ведь в случае каких-либо серьезных беспорядков в Румынии они могли быть в течение часа переправлены на советскую территорию.

А в 1990-е годы г. Сигету-Мармацией становится местом проведения представительных международных конференций по истории тоталитаризма в Центральной Европе²¹.

Примечания

¹ См.: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы / Отв. редактор Т.М. Исламов. М., 2000. С. 302–309.

² См.: Марьина В.В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М., 2003.

³ Дело в сущности не менялось от того, что не все они причисляли себя к украинцам, часть называла себя русинами, воспринимая русин (ruthenians) как самостоятельный славянский этнос, ориентирующийся на союз либо с русскими, либо с венграми, либо с чехами и словаками. Вопрос этот находится за скобками нашего исследования. Следует только заметить, что различия в национальной самоидентификации населения этого края находили самое непосредственное выражение в культурной жизни и были важным фактором формирования партийно-политических программ – в межвоенном Закарпатье были пророссийские, прочехословацкие, провенгерские партии; часть украинофильских сил в конце 1930-х годов искала пути решения украинского вопроса вне СССР (т.е. создания самостоятельной украинской державы) при поддержке нацистской Германии. В свою очередь и пражская политическая элита, поначалу расматривавшая население края как русин, лишь по мере сближения с середины 1930-х годов с СССР стала выражать больше готовности признать их за украинцев. Соответственно вместо более привычного для чехов и словаков названия края (Подкарпатская Русь) стало чаще использоваться другое – Закарпатская Украина.

⁴ В межвоенный период Закарпатская Украина обеспечивала общую границу Чехословакии с союзническими (по Малой Антанте) Румынией. Во время войны, в условиях формирования с лета 1941 г. антинацистской коалиции с участием СССР, чехословацкая политическая элита, находившаяся в Лондоне, считала существенным установление послевоенных границ с Советским Союзом как наиболее мощной в регионе державой, не заинтересованной в усилении германского влияния.

⁵ Подробнее см.: Марьина В.В. Указ. соч.

⁶ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. С. 222.

⁷ Там же. С. 302–309.

⁸ Данные приводятся в донесении функционеров Союзной Контрольной Комиссии (СКК) по Румынии в Наркомат иностранных дел СССР от 16 апреля 1945 г. См.: Там же. С. 309.

⁹ Там же. С. 302–307.

¹⁰ Т.е. Закарпатской Украины. С точки зрения международного права речь могла идти в марте 1945 г., конечно, не о субъекте международных отношений, а по сути дела о сепаратистской силе, нацеленной на присоединение (исходя из веских этнических и политических оснований) этого края к другой державе. Освобожденная от немецких и венгерских оккупантов Закарпатская Украина де-юре оставалась, хотя и неподконтрольной чехословацкому правительству, но все же частью Чехословакии; вопрос о ее присоединении к Советской Украине был формально решен через несколько месяцев.

¹¹ Из литературы по теме см.: Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М., 2008.

¹² Трансильванский вопрос. С. 308.

¹³ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Книга 1. М., 1999. С. 573.

¹⁴ См.: Гибианский Л.Я. СССР и некоторые проблемы мирного урегулирования с Румынией на завершающем этапе Второй мировой войны // Материалы Двусторонней комиссии историков России и Румынии (X Научная конференция. Москва, октябрь 2005 г.). М., 2007. С. 17–54.

¹⁵ См.: Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. С. 176–185.

¹⁶ См.: Гибианский Л.Я. Указ. соч. С. 17–54

¹⁷ Трансильванский вопрос. С. 307.

¹⁸ Подробнее см.: Указ. соч. С. 105.

¹⁹ См.: Zselicky В. Kárpátálja a cseh és szovjet politika érdektérében. 1920–1945. Budapest, 1998.

²⁰ Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 573.

²¹ См. серию сборников: Analele Sighet. 1–10. București, 1994–2003.

V. Славянские народы в XXI веке

О.Н. Майорова

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Польский «круглый стол»: 25 лет спустя

Abstract:

Mayorova O.N. *The Polish «round table»: twenty five years later.*

In the article, primary attention is paid to the process of negotiations between the government and the opposition at the so-called «round table», to the final agreements and their significance. The events under scrutiny are reassessed with regard to nowadays realities, from a quarter of a century distance.

Ключевые слова: Польша, власть, оппозиция, «круглый стол», соглашения, оценка, 25 лет.

В этом году исполняется 25 лет с начала переговоров между оппозицией и властями Польской Народной Республики, которые привели к мирному демонтажу коммунистического режима в стране. Так наз. «переговорные» революции – одна из характерных черт проходивших в конце 1980-х годов событий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Во многом по схеме польского проходили «круглые столы» и в других странах региона, правда, в гораздо более сжатые сроки и с меньшими по интенсивности столкновениями позиций. Отсюда – высокая степень значимости освещения данного процесса, сыгравшего ключевую роль в становлении постсоциалистической Польши.

Подготовка «круглого стола», проходившего с 6 февраля по 5 апреля 1989 г., заняла несколько лет. И властью, и оппозицией был пройден долгий и трудный путь в поисках компромисса¹. В настоящей работе основное внимание уделяется ходу переговоров за «круглым столом», итоговым соглашениям и их значению.

На протяжении 1980-х годов оппозиция не проявила себя сплоченной на программной основе: практически по любой значительной теме существовал широкий спектр мнений. Однако помимо общего врага их объединял ряд наиболее принципиальных требований: профсоюзный плюрализм, ликвидация номенклатуры, гражданские свободы². Что касается власти, то Комиссия по вопросам реформы государства, созданная руководством Поль-

ской объединенной рабочей партией (ПОРП), подготовила в 1987–1988 гг. проект коренных политических преобразований. Он предусматривал введение политического плюрализма, включение оппозиции во властные механизмы, установление парламентской демократии³. Таким образом, правящая коалиция стремилась возложить на оппозицию ответственность за дела в государстве при сохранении контроля власти над ходом общественных процессов. Оппозиция же ставила своей целью максимальное ограничение партийно-государственного контроля и получение права на собственный контроль над деятельностью власти. Политический перелом принес состоявшийся в декабре 1988 г. – январе 1989 г., в два тура, X пленум ЦК ПОРП. Партийные реформаторы с большим трудом, но все же сумели провести резолюции о политическом, а также профсоюзном плюрализме, что фактически означало повторное вхождение движения «Солидарность» в политическую систему.

Следует отметить большую роль католической церкви в подготовке и проведении переговоров за «круглым столом». Костел видел свою роль в примирении двух противников – с одной стороны, правящих сил, а с другой – резко активизировавшегося общества. То есть он стремился стать своеобразным моральным гарантом соглашений. При этом большинство экспертов спустя десятилетия признают, что симпатии Костела однозначно находились на стороне оппозиции. Несомненно также сильное влияние на руководство польского Костела Папы Иоанна Павла II, который понимал, что открывающиеся перед Польшей возможности требуют нетривиальных действий со стороны церкви.

Таким образом, не исключительно позиции польских коммунистов-реформаторов и деятелей оппозиции являются определяющими для тогдашних событий. В том, что Польша в 90-х годах XX в. вступила на путь демократии и рыночной экономики, огромную роль сыграли и другие факторы, в частности, изменение расстановки сил на международной арене, перестройка в СССР.

Всего за «круглым столом» собралось 56 человек, в том числе 14 от коалиции (ПОРП, Объединенная крестьянская партия, Демократическая партия, Объединение Пакс и др.), 20 – от оппозиции, 6 – от Общепольского объединения профсоюзов, 14 «независимых авторитетов» и 2 представителя Костела. Главными участниками с партийно-правительственной стороны выступали Ч. Кишак, С. Чосек, А. Квасьневский и Л. Миллер; «солидаристскую» оппозицию представляли Л. Валенса, Б. Геремек, Т. Мазовецкий, А. Михник и Я. Куронь.

За «круглым столом» обсуждались и решались самые насущные вопросы. По словам Т. Мазовецкого, который спустя несколько месяцев стал первым некоммунистическим премьером, «было ясно, что с Польшей нужно что-то делать». При этом важно, что представители правительственной сто-

роны «не ожидали нашего отказа от своих принципов, а мы не ожидали, что они извинятся за военное положение. Каждый оставался при своем мнении и сохранял свое лицо. Даже странно, что мы сели за стол переговоров, но мы сели обсуждать не то, с чем не согласны, а то, что у нас могло быть общего»⁴.

Поскольку большинство участников «круглого стола» по обе стороны имели желание достичь соглашения, то они искали различные формы общения. Следовательно, не стоит создавать каких-либо теорий заговора. Самым интересным в истории «круглого стола» польский исследователь А. Дудек считает третий уровень переговоров. Первый уровень – это официальные переговоры, проходившие во Дворце наместников; второй – неофициальные, секретные переговоры на вилле МВД под Варшавой в Магдаленке; третий – переговоры в узком кругу, оказавшиеся чрезвычайно важными для преодоления недоверия⁵.

Не следует недооценивать эти двухмесячные переговоры за тремя «столами» (политический, экономический, профсоюзный) и многочисленными «столиками» (всего в них приняло участие около 500 чел.). Итогом переговоров явился сценарий, предполагавший проведение после четырехлетнего переходного периода свободных выборов. В них планировалось участие на конкурентной основе свободно созданных политических партий. Соглашениями предусматривалось: 1) участие оппозиции в парламенте в намеченном объеме (35%); 2) воссоздание второй палаты парламента – Сената, выборы в который «не ограничены никаким соглашением о разделении мандатов»; 3) коалиционное правительство во главе с представителем ПОРП; 4) введение поста президента, избираемого двумя объединенными палатами парламента, т.е. Национальным собранием (ранее он избирался на всеобщих выборах).

Важными итогами переговоров за «круглым столом» явились повторная легализация «Солидарности», что представляло самую важную цель в течение всего длительного периода подпольной деятельности, фактический отказ ПОРП от монополии на власть, реформа избирательного закона и согласие ПОРП на частично свободные выборы в Сейм и свободные в Сенат. Ценой этого компромисса стала гарантия: доминирование в Сейме на первых порах коммунистов. Само соглашение явилось вынужденным продолжением соглашения, заключенного девятью годами ранее при завершении крупной забастовки на верфи в Гданьске и подписанного 31 августа 1980 г.

Таким образом, для участников переговоров за «круглым столом» принятые решения означали как далеко идущие уступки, так и определенные выгоды. Для ПОРП соглашения означали утрату монополии, хотя и представляли шанс на дальнейшее существование. Для «Солидарности» уступкой стал перенос выборов на конкурентной основе на четыре года и со-

глашение на роль парламентского меньшинства. Однако при этом создавалась возможность легализации движения, что считалось одной из главных целей оппозиции. Лишь третий участник переговоров – Костел – не делал каких-либо уступок в чью-то пользу, для него «круглый стол» стал объективной победой и подтверждением собственной политической силы.

Вот как оценивали впоследствии «круглый стол» его участники. Лидер «Солидарности» Л. Валенса отмечал, что он «важен как идея соглашения различных сил для реформирования Польши». Генерал Ч. Кишак подчеркивал, что это было «оригинальным польским изобретением... Именно в Польше имело место великое политическое и историческое событие, которое сделало возможным провести перемены бескровным способом и стало образцом для других стран Варшавского договора». Т. Мазовецкий считал это «началом. Тем камнем, который привел в движение лавину событий... Польша в результате “круглого стола” положила начало мирным переменам в постсоветском блоке. В этом его великий исторический смысл»⁶.

Однако с самого начала о «круглом столе» велись споры. Так, часть деятелей тогдашней оппозиции, не нашедших за этим столом места, расценивала подобную встречу как альянс коммунистов с теми, кто стремился скорее к реформе «реального социализма», нежели к его свержению, а призывы к достижению полной независимости считала излишне рискованными. В наши дни опасность заключается в том, что данная тема становится предметом манипуляций каждый раз, как только отмечается та или иная годовщина. Дискуссии о переломе 1989 г. в Польше крайне политизированы. Появилась тенденция давать более высокие оценки другим датам польской истории. Одни называют Август 1980 г., хотя выторгованные тогда уступки у власти были несравненно меньше, чем в 1989 г., за ним последовало военное положение, а после «круглого стола» – демократия. Возможно, здесь проявляется неудовлетворенная потребность мартирологии. Другие же настоящим общественным бунтом считают выборы 4 июня, хотя он проходил в границах установленного за «круглым столом» закона⁷. Бытует, в частности, тезис, что «круглый стол» вообще не был нужен, следовало лишь немного подождать, и система сама рухнула бы и без каких-либо уступок коммунистам. Котируется также следующий тезис: впоследствии, с изменением соотношения сил в Польше, следовало пойти на разрыв соглашения «круглого стола». Но те, кто постоянно критикует произошедшую революцию, недооценивают исторический контекст.

Решительно против суждений о «круглом столе» как о результате старательно отрежиссированного спектакля – заговоре коммунистических и солидаристских сил – выступает кс. Оршулик. Он утверждает, что подобного рода оценки – это «элемент сегодняшней политической игры, их придумали для дискредитации противника, снижения его авторитета»⁸.

Дискуссии о «круглом столе» вписываются в принципиальный спор о моральном и политическом климате современной Польши. Ответ на вопрос, явились ли соглашения «круглого стола» успехом поляков и их вкладом во всеобщую историю XX в., или же, напротив, поражением, предательством и упущенным шансом, определяет отношение к III Речи Посполитой (РП), а также к IV РП как к замыслу «реформировать надломленное государство, рожденное в грехе “круглого стола”». Если принять наиболее часто повторяемую критику его соглашений, следует признать, что страна в течение двух с половиной десятилетий являла собой некую жалкую имитацию независимого образования на политической карте современной Европы.

Ошибка нынешних противников «круглого стола» заключается в том, что вера в заговор коммунистов с частью оппозиционных элит приводит их к недооценке достигнутых соглашений. Ведь даже если бы, несмотря на отсутствие убедительных доводов, многое из их версии оказалось правдой, то всё равно нельзя не признавать значительный позитивный потенциал «круглого стола». Скажем, противники соглашений не могут отрицать, что их итогом явились действительно демократические выборы, независимая пресса, свободный рынок; Польша стала членом НАТО и ЕС. Даже если «круглый стол» и подготовке к нему контролировалась службой безопасности, если велись закулисные, неформальные переговоры, то этот мир возможных невидимых интриг не затмевает мира видимого! Как справедливо замечает польский обозреватель В. Владыка, рассуждения, что можно было бы выиграть больше и за меньшую цену, относятся к области альтернативной истории, к историческим манипуляциям⁹.

В последующие же годы, по мнению польских исследователей А. Дудека и А. Пачковского, оценка «круглого стола» будет зависеть от того, в каком положении окажется Польша¹⁰. Спор о заслугах будет продолжаться всегда, как не прекратится и идеологическая дискуссия о том, существовал ли иной способ свержения коммунизма. Но общая тенденция такова: всё больше историков будет отбрасывать обе легенды «круглого стола»: доминирующую сегодня «белую», согласно которой коммунисты мирно отдали власть оппозиции, и «черную» – о заговоре «красных» с «розовыми». Место этих двух легенд должен занять более трезвый взгляд на «круглый стол» как этап польского пути к демократии, как начало грандиозного процесса трансформации в Польше.

И сегодня, спустя 25 лет, представители обеих сторон по-прежнему положительно оценивают соглашения «круглого стола». Во время дискуссии, организованной в Сейме Союзом левых демократов, отмечалось, что это «одно из важнейших событий современной истории Польши». Бывший президент А. Квасьневский, в частности, подчеркнул «тот факт, что и после 25-ти лет не утихают споры о “круглом столе”, а это является доказательством того, что мы имеем дело с историей; это дни, которые изменили судьбу

поляков». Причем, он важен не только в политических спорах, но представляет интерес и для всех поляков, доказывает, что «диалог – лучший способ решения конфликтов». По его мнению, дух «круглого стола» был спасительным для Польши, особенно в период труднейших реформ: «это был дух мышления в категории сотрудничества». Один из лидеров оппозиции в тот период А. Михник отметил, в частности, большую роль, которую сыграл в подготовке «круглого стола» глава страны и I секретарь ПОРП В. Ярузельский. А. Велёвейский охарактеризовал переговоры как «эпохальное событие для Польши»¹¹.

Участники другой дискуссии в связи с 25-летием начала переговоров «круглого стола», состоявшейся в варшавском Доме встреч с историей, отметили, что его результаты застигли врасплох как оппозицию, так и власть. Исследователь А. Фришке из Института политических исследований Польской академии наук подчеркнул, что он не ожидал, что результаты «круглого стола» окажутся крупным успехом солидаристского лагеря: «Это было что-то необычайное, было известно, что это большое событие с перспективы военного положения, периода подполья и всего, что происходило в Польше в 80-е годы... Однако представлялось большой загадкой, чем это всё кончится. Я смотрел на это как на большой ненадежный эксперимент. Всё, что потом произошло, значительно превосходило горизонт моего воображения». Он отметил также «необычайную информационную кампанию», за которой ежедневно следили миллионы телезрителей в Польше: телевизор «ввел тему кардинальных реформ в каждый дом». Развивая мысль историка, что причиной переговоров за «круглым столом» был стремительно углублявшийся экономический кризис, исследователь Я. Скужиньский из Европейского центра «Солидарности» подчеркнул, что переговоры «круглого стола» были результатом поражения команды генерала Ярузельского: «Поэтому коммунисты намеревались втянуть часть оппозиции в ответственность за государство, прежде всего с целью оказания помощи в проведении болезненной для общества экономической реформы». По его мнению, переговоры «круглого стола» предопределили мирный распад коммунистической системы¹².

Вопрос стоял так: удастся ли запустить процесс демократизации Польши. Главное, что в результате «круглого стола» общество поддержало курс на трансформацию. На этом основывалась общественная и психологическая поддержка III РП, которая в течение последующих 10-ти лет никем не оспаривалась. Она возникла на основе исторического контракта, а не на обломках гражданской войны. Это дало возможность строить новый порядок при относительно небольшом уровне мстительности и ненависти.

Успешность плана руководства страны нарушили результаты выборов в парламент в июне 1989 г., на которых власть потерпела сокрушительное поражение; обескураженными оказались обе стороны. Оппозиция не ожидала такого успеха. По словам ее представителя А. Велёвейского, «даже

если бы оппозиция получила только половину мест в Сенате, то и это считалось бы успехом, так как до переговоров легально мы вообще ничего не могли делать»¹³. Выборы продемонстрировали массовую поддержку поляками политических перемен. Июньские выборы можно назвать переломным моментом, когда план включения «конструктивной оппозиции» в систему ПНР был нарушен и начался процесс демонтажа системы, опасный для коммунистов.

Следует привести мнения (в частности, Я. Качиньского), что в определенный момент следовало пойти на отказ от соглашений «круглого стола» и быстрее избавиться от коммунистов в правительстве Мазовецкого. Категорически не был согласен с подобного рода мнениями Б. Геремек, называя их демагогией. «Ведь тогда, – писал он, – Польша являлась членом Варшавского договора. Можно было бы распустить парламент после роспуска ПОРП, которая составляла парламентское большинство. Но это практически ничего не изменило бы»¹⁴.

Однако, как уже отмечалось, далеко не вся оппозиция была представлена за «круглым столом», а Валенсу упрекали в нарушении принципа плюрализма. Но если бы не этот механизм персонального диктата, то, например, список сенаторов на июньских выборах мог бы выглядеть иначе. Причиной, по которой партийно-правительственная коалиция столь сокрушительно проиграла выборы в высшую палату, стал следующий факт: в «команде Леха» насчитывалось сто кандидатов на сто мандатов, а почти 300 кандидатов от власти отнимали голоса друг у друга.

Главными достижениями прошедшего 25-летия все участники тех событий считают вхождение Польши в состав европейского политического и экономического сообщества со свободным рынком, частным предпринимательством, свободой слова, демократическими выборами, свободой передвижения. Они отмечают, в частности, что в отношении политических перемен был справедливо выбран осторожный вариант, а в отношении экономических – радикальный. В тех условиях спокойствие и чувство безопасности – что не будет провокации со стороны сил прежнего режима – трактовались как приоритет¹⁵. Мазовецкий подчеркивал, что «строительство новой Польши на обломках ПНР никто не мог запланировать, так как никто не знал, какими будут эти обломки». Неплохие успехи, достигнутые Польшей во внешней политике, в экономике, в самоуправлении, не отменяли правильности этой констатации. «Смена строя началась с реформы самоуправления и первых свободных выборов в органы самоуправления в 1990 г., в этом своя логика. Ведь реформа самоуправления – это большой акт декоммунизации, смены элит во всех гминах»¹⁶, – заключал будущий ведущий политик новой Польши.

Что касается основных ошибок, то в их числе называются, в частности, недостаточная вовлеченность поляков в общественную жизнь, а также

слабость гражданского общества. Б. Геремек замечал по этому поводу, что «мы взхлѐб говорили о гражданском обществе сопротивления, а в свободной Польше это исчезло. Если бы мы вовремя создали альтернативные объединения, партии, то, может быть, добились бы большей вовлеченности людей». Он также считал, что население следовало убедить в правоте шоковой терапии, поскольку «в современных демократиях убеждение столь же важно, как и программа. Нашей сильной стороной являлось то, что энтузиазм от полученной свободы давал один-два года времени терпения»¹⁷. Впоследствии же партийный интерес стал доминировать над интересами государства, отсюда последовало и отрицание всего, что сделало государство. Оказалось, что преобразования – это длительный сложный процесс, который должен затрагивать и общественное сознание.

Таким образом, анализ палитры оценок «круглого стола» спустя четверть века после его проведения показывает, что это был крайне сложный и разнонаправленный процесс, а задававшиеся им цели, в первую очередь политический плюрализм и свободный рынок, подвергались самым противоречивым трактовкам. Из трех основных участников переговоров – властные структуры, Костёл и «Солидарность» – именно последней удалось стать доминирующей силой. Дальнейшая политическая история Польши, которая характеризуется распадом казавшейся монолитной «Солидарности», подтверждает данное суждение. Приводимые же в статье мнения участников «круглого стола» свидетельствуют о том, что иного хода событий не было и не могло быть.

Примечания

¹ Подробнее см.: Майорова О.Н. Антикommунистическая революция в Польше // История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007.

² Подробнее см.: Labędz K. Spory wokół zagadnień programowych w publikacjach opozycji politycznej w Polsce w latach 1981–1989. Kraków, 1997. S. 268–269, 270, 272.

³ Подробнее см.: Skórzyński J. Uгода i rewolucja. Władza i opozycja. 1985–1989. Warszawa, 1995. S. 111.

⁴ Т. Мазовецкий о «круглом столе» // Газета wyborcza. 2009, 06.02 – Новая Польша. 2009.

№ 3. С. 25.

⁵ Paczkowski A., Dudek A. Ani legenda czarna, ani legenda biała // Tygodnik Powszechny. 2009.03.02.

⁶ Był kamieniem, który ruszył lawinę // Rzeczpospolita (Plus minus). 1999. 05.02. S. 16.

⁷ Janicki M. Ucieczka od Stołu // Polityka. 2009.10.02.

⁸ Цит по: Magierska A. Okrągły Stół w dyskusjach historyków i polityków III i IV RP // Polski rok 1989. Sukcesy, zaniechania, porażki. Warszawa, 2009. S. 368; Szostriewicz A. Raporty szły do Watykanu. Bp. Alojzy Orszulik, uczestnik Okrągłego Stołu, o roli Kościoła w tych rokovaniach // Polityka. 2009.07.03.

⁹ Władyka W. Spojrzenie na Okrągły Stół z perspektywy 2009 roku // Polityka. 2009.05.02.

¹⁰ Dudek A. Pierwsze lata III Rzeczypospolitej. 1989–2001. Kraków, 2002. S. 42; Paczkowski A., Dudek A. Ani legenda czarna...; См. также: Trembicka K. Okrągły Stół w Polsce – mity i stereo-

typy// Studia Polityczne. Warszawa, 2004. N 15. S. 79; Borodziej Wł., Garlicki A. Od redaktorów// Okragly Stół. Dokumenty i materiały. Warszawa, 2004. T.1. S. 9–11.

¹¹ <http://www.Onet.pl>. Wiadomości. 2014. 06.02.

¹² <http://www.Onet.pl>. Wiadomości. PAP. 2014. 06.02.

¹³ Wielowieyski A. Mielismy szczęście // Tygodnik Powszechny. 2009.03.02.

¹⁴ Geremek B. Trzeba było wygrać// Polityka. 2008.22.07.

¹⁵ Aleksander Smolar, prezes Fundacji Batorego. Od rewolucji do apatii. Janicki M., Władysław W.//Polityka. 2009.18.05.

¹⁶ Rozmowa z Tadeuszem Mazowieckim. Z grubsza normalny kraj. Jacek Żakowski pyta // Polityka. 2008. 07.06.

¹⁷ Rozmowa z prof. Bronisławem Geremkiem. Beres W., Burnetko K., Spoczylas J. Trzeba było wygrać //Polityka. 2008.22.07.

Роль историков-славистов в изучении современного мира (на примере Балкан)

Abstract:

Guskova E.Yu. *The role of historians-slavists in studies of contemporary world (the case of the Balkans).*

The nature of the events in Yugoslavia during the break-up of the federation in the early 1990s, their scape and drama, required serious knowledge of the history of the peoples living there. Only historians can see the true picture of many events, their roots, causes, motives, only specialists in the history of the region, who know the historical development of the peoples living there, their interactions, and who understand how the impact of the international factor in the region has evolved throughout history. In the article, theoretical speculations are proved by the very contemporary history of the Balkans in the recent twenty years. The author analyses the events in Srebrenica in the middle of the 1990s.

Ключевые слова: Балканы, кризис, историки, научный подход, Сребреница.

Современную историческую науку характеризует пристальное внимание к событиям, свидетелями которых мы являемся. Это отодвигает хронологические рамки новейшей истории буквально до наших дней. Особенно отчётливо это видно на примере славяноведения в связи с событиями на Балканах.

Когда в 1991 г. для многих неожиданно грянул гром распада самой большой страны на Балканах – в Югославии, то, казалось, это было дело журналистов описывать то, как распадается могучая федерация. Но, во-первых, в России подготовленных журналистов со знанием сербо-хорватского языка практически не было, а во-вторых, характер событий, их глубина, ширина (введение многопартийной системы, смена власти во всех республиках, изменение структуры политической власти, войны, участие международных организаций в урегулировании и т.д.) требовали серьёзных знаний истории населяющих Югославию народов, иного, нежели журналистский, подхода к балканским событиям.

Кроме того, именно тогда мы заметили, что интерпретация многих фактов, особенно в зарубежной прессе, политизирована: причины не упоминаются, как бы отсутствуют, а выпячиваются повод и последствия. Часто многие события заранее смоделированы, чтобы их результат удовлетворил одну из сторон конфликта. Управляемость кризисом стала заметна не сразу, но этот процесс стал перманентным, о применяемых методиках можно пи-

сать книги. Напомним такие заранее продуманные сценарии, которые позволили применить наказания и санкции: взрыв на улице Васе Мискина в Сараеве в 1991 г., который был нужен, чтобы ввести санкции против Югославии; два взрыва на рынке Маркале в Сараеве в 1994 и 1995 гг., за которыми последовали бомбовые авиаудары НАТО по сербским позициям; инсценированное «убийство» мирных албанских жителей в селе Рачак в январе 1999 г., после которого последовала 78-дневная агрессия НАТО против Югославии.

Особенностью исторического периода 90-х годов. XX в. и первого десятилетия XXI в. является то, что многие события имели антисербскую направленность, не были спонтанными, а развивались по плану, написанному не в странах бывшей Югославии. Многие процессы были управляемы извне, и сегодня в итоге Сербия не является самостоятельным государством во внешней и внутренней политике. Мы уже давно говорим о протекторате Запада, установленном в большинстве стран бывшей Югославии. Но, видимо, после так наз. переговорного процесса в Косове, надо говорить о прямом внешнем управлении в Сербии. Ведь власть, поставленная Западом, спокойно отдала часть своей территории и согласилась эту территорию сделать независимой.

Увидеть истинную картину многих событий, их корни, причины, поводы могут только историки – специалисты по истории региона, знающие особенности исторического развития проживающих здесь народов, их взаимоотношения, понимающие эволюцию развития международного фактора в регионе и его влияние на развитие событий на протяжении истории. Задача историков – собирать документы периода событий (историческая дистанция появляется очень быстро), анализировать их и, применяя методiku, известную этой науке, делать объективные выводы только тогда, когда все факты уже на руках.

Предлагаем наши теоретические выкладки подтвердить одним примером из современной истории Балкан, «возраст» которого приближается уже к 20 годам. Вспомним, что произошло в Сребренице в середине 1990-х годов.

Сегодня Сребреница стала синонимом геноцида мусульманского населения, якобы совершённого сербскими военными около Сребреницы в июле 1995 г. Манипуляция числом жертв началась ещё тогда, в 1995 г., и в СМИ то и дело появлялись цифры от 8 до 27 тыс. убитых мусульман. При этом о числе жертв всегда говорилось как о предположительных цифрах, поскольку прямых доказательств геноцида не было. Сегодня мусульманскую версию жертв никто не старается проверить, даже международные организации принимают её как аксиому. Однако данные о числе жертв не подтверждаются фактами, картина случившегося в июле 1995 г. остаётся неясной, сведения – противоречивыми, а многие обвинения – надуманными.

Довоенная Сребреница – небольшой городок с населением не более 10 тыс. человек. В самом городе большинство жителей – мусульмане, в окрестностях – преимущественно сербы. Вспыхнувшая в 1992 г. в Боснии и Герцеговине (БиГ) война не обошла стороной и этот город. Уже в 1992 г. в общине Сребреница было уничтожено 21, а в общине Братунац 22 сербских села, убито более тысячи мирных сербских жителей, главным образом, стариков, женщин и детей. В 1993 г. решением ООН Сребреница получила статус «защищённой зоны», туда вошли миротворцы. Это решение должно было принести мир в этот район Боснии, но получилось иначе. Алия {хе "Изетбегович"}Изетбегович, тогдашний президент БиГ, вспоминал, что правительство пыталось любыми способами перебросить в Сребреницу оружие для мусульманских солдат (всего было доставлено 18 вертолетов оружия¹), создать в городе под защитой «голубых касок» сильную группировку войск. И сразу начались нападения мусульманских солдат на сербские сёла, убийства, поджоги, расправы над мирным сербским населением. По сообщениям Верховного комиссара ООН по делам беженцев, когда в Сребреницу вошли миротворцы, мусульманские власти не разрешили эвакуацию из города женщин и детей, поскольку полагали, что сербы не будут наступать на город, если там будут находиться женщины и дети, т.е. фактически оставляли их в заложниках². Сребреница, в которой сосредоточилась 28-я мусульманская дивизия, превратилась в центр террористической деятельности. Главная задача дивизии состояла в том, чтобы оттянуть с сараевского фронта значительные силы сербской армии. По данным Института исследований сербских жертв, на территории общины Сребреница мусульманские силы в 1992–1995 гг. убили 3262 серба. Так продолжалось до 1995 г.

6 июля 1995 г. сербы начали крупномасштабное наступление на Сребреницу. Операция, которую осуществила армия Республики Сербской (РС), была связана, прежде всего, с обеспечением безопасности сербского населения. Была поставлена цель вытеснить мусульманские войска из города. Непосредственно перед занятием Армией РС Сребреницы ночью с 11 на 12 июля в городе находилось 40.000 человек, из них – 25.000 женщин, детей и стариков. Гуманитарная обстановка была тяжёлой. А командир мусульманской дивизии Насер Орич накануне сербского наступления с 20 офицерами покинул город. Это говорит о том, что у мусульманской армии вообще не было плана обороны Сребреницы.

В городе стоял голландский миротворческий батальон, который не имел приказа участвовать в военных действиях, и Армия РС заняла этот город очень малыми силами (200 солдат и два–три танка). Около 25 тыс. мирных жителей сосредоточились на базе УНПРОФОР* в Поточарах, а вооружённая колонна мусульманских солдат вышла из города по коридору, ос-

* Силы ООН по охране.

тавленному для них сербской армией, и направилась в сторону Тузлы. Большая часть колонны дошла до Тузлы, но в столкновениях погибли, по разным данным, от 400 до 700 человек.

Что же произошло с мирными жителями, сосредоточенными в расположении голландского батальона? Командование сербской армии предложило вывезти население города в безопасное место, предоставило транспорт и организовало его эвакуацию на территорию Тузланско-Подриньского кантона. Об этом есть документальный фильм. Мы видим кадры, как генерал Младич заходит в каждый автобус, представляется и успокаивает женщин, стариков и детей, обещая им безопасность. Так и было. Из Сребреницы тогда уехали 22 853 человека. В Декларации, которую днём позже подписали представители Армии РС, мусульман и УНПРОФОР-а, констатировано, что эвакуация произведена в соответствии с Женевской конвенцией³. Голландский батальон помогал эвакуации, так как в ином случае городу грозила гуманитарная катастрофа.

А дальше случилось следующее (не)предвиденное событие. Семьи Хасана Нухановича и Ризе Мустафича подали иск в голландский суд, обвинив миротворцев в том, что они якобы «выдали» мусульман сербам, согласившись на эвакуацию, и потому погибли члены их семей. В 2008 г. окружной суд в Гааге постановил, что Голландия не несёт ответственность за «неуспех» миротворцев. Дальше последовала апелляция истцов. 5 июля 2011 г. апелляционный суд в Гааге постановил, что Голландия ответственна за смерть трёх мусульман-боснийцев, погибших в Сребренице в 1995 г. Теперь уже апелляцию подал ответчик. И как результат – Верховный суд Голландии признал саму Голландию виновной в смерти трёх мусульман в Сребренице. Это позволило тем, кто утверждает, что их родственники были убиты при попустительстве голландских миротворцев, выдвинуть требования о возмещении ущерба.

Этот необычный процесс в Голландии интересен ещё и тем, что по запросу правительства Голландский институт военной документации 6 лет собирал материалы и документы о событиях в Сребренице, составив отчёт о проделанной работе на 6 тыс. страниц. В апреле 2002 г. состоялась презентация материалов в Гаагском парламенте⁴. По мнению экспертов, в задачу «голубых касок» не входила защита анклава, а действовал приказ «сдержанное военное реагирование». Впервые в этом документе часть вины возложена и на мусульманские войска, решившие колонной вместе с гражданскими пробиваться к Тузле. В докладе Голландского центра также упомянута «частичная ответственность» голландских военных за гибель мусульман в Сребренице.

Вся эта шумиха вокруг Сребреницы не могла не коснуться голландских миротворцев, которые долгие годы молчали о случившемся в Сребренице. В августе 2008 г. бывшие миротворцы из голландского батальона

ООН по своей собственной инициативе прибыли в Белград, чтобы предложить помощь адвокатам Президента Республики Сербской Радована Караджича, арестованного в Белграде и отправленного в Гаагский международный трибунал. 20 человек готовы были выступить свидетелями на процессе и говорить против обвинений о преступлениях сербских войск в районе Сребреницы в 1994 и 1995 гг.⁵ Они утверждали, что ничего не знали о расстреле мусульман, пока несли там службу, и лишь по возвращении домой слышали об этом. Они уже выступали перед парламентариями своей страны, однако Гаагский трибунал не хотел прибегать к их услугам. Свой поступок они назвали «миссией истины». Они рассказали, что находились под большим давлением некоторых голландских политиков и мусульманских организаций, требовавших от них признать преступление сербов. Командира батальона Кареманса даже грозили убить, и он вынужден был уехать из Голландии. Это очень влияло на моральный дух бывших миротворцев. По их признанию, начали распадаться семьи, двое покончили собой, некоторые впали в депрессию. Но в целом голландские миротворцы держались и не хотели признавать ложь. В 2006 г. Министерство обороны Голландии поддержало миротворцев и наградило «за успешное осуществление работы и хорошую службу в Сребренице». После этого критика со стороны мусульманского лобби усилилась. И... обвинили в геноциде самих голландцев: они якобы виноваты в соучастии убийства тысяч невинных мусульман. Их называли даже «миротворцы с кровавыми руками». В итоге, как мы знаем, ответственность на себя взяла страна, освободив от неё миротворцев. В результате можно ожидать следующее. Первое. Учитывая, что Трибунал озвучивает цифру 8000 убитых, Голландии надо собирать средства, чтобы выплатить компенсации всем жертвам. И второе. Интерес к произошедшему в Сребренице такими процессами только подогревается.

Вопрос о жертвах в Сребренице давно перешёл из правовой плоскости в политическую. Озвученная Трибуналом цифра 8000 погибших мусульман от рук сербских военных скоро станет неприкосновенной: уже звучат предложения на уровне международных организаций запретить пересматривать историю событий в Сребренице в июле 1995 г. А как же быть с истиной? Ведь учёные разных стран, в том числе и на Западе, – юристы, историки, патологоанатомы, демографы и исследователи других специальностей – анализируют имеющиеся данные, выявляют противоречия в официальной версии, применяют новую методику исследований числа жертв, все события ставят в исторический контекст, открывают новые аспекты событий, меняющие общую картину случившегося.

Сегодня проблема Сребреницы стала предметом политической спекуляции, в которую втягивают и самих сербов, хотя всё больше появляется данных, что Сребреница – это спланированная и хорошо осуществлённая операция мусульманских спецслужб. Ложь о Сребренице распространяется

по миру с огромной быстротой, и бороться с ней становится всё труднее. 15 января 2009 г. Европейский парламент провозгласил 11 июля «днём памяти геноцида в Сребренице, где силы боснийских сербов в 1995 г. убили 8 тыс. гражданских лиц».

В Институте славяноведения в 2009 г. мы проводили международную конференцию по Сребренице. В работе принимали участие более 30 учёных из разных стран. Впервые юристами, историками, патологоанатомами, демографами и исследователями других специальностей были проанализированы многие данные, выявлены противоречия в официальной версии, показана новая методика исследования числа жертв, все события поставлены в исторический контекст, открыты новые аспекты событий, меняющие общую картину случившегося. Это позволило начать пересмотр официальной версии.

После известных событий стали появляться документы и материалы, раскрывающие иную версию причин падения Сребреницы и корректирующие число жертв. Заговорили участники событий, публикуются документы спецслужб некоторых стран, проводятся серьёзные аналитические исследования, в том числе и западными журналистами и учёными. Обращу внимание лишь на некоторые новые аргументы, которые опровергают официальную версию о геноциде мусульманского народа в Сребренице.

1. Ибран Мустафич, основатель отделения Партии демократического действия в главе с Алиёй Изетбеговичем в Сребренице, депутат Скупщины Федерации БиГ в 1996 г. в интервью сараевской газете «Слободна Босна» открыто сказал, что «сценарий сдачи Сребреницы был подготовлен сознательно. К сожалению, в этом деле были замешаны боснийский Президиум и командование армии»⁶. Цель – дать повод сербским силам для нападения на демилитаризованную зону. Естественно, встаёт вопрос, зачем? В Докладе Генерального Секретаря ООН о падении Сребреницы (1999) отмечается, что некоторые боснийцы из Сребреницы утверждали, будто «президент Изетбегович... сказал им, что, как он узнал, вмешательство НАТО в Боснии и Герцеговине возможно, но только в том случае, если сербы ворвутся в Сребреницу и убьют по крайней мере 5000 её жителей»⁷. Это подтверждает бывший глава полиции Сребреницы Хакие Мехолич. В интервью журналу «Дани» он воспроизвёл слова Изетбеговича, обращённые к делегации из Сребреницы: «Знайте, что Клинтон мне предложил в апреле 1993 года: чтобы четнические силы вошли в Сребреницу, осуществили резню пяти тысяч мусульман, и тогда произойдёт военная интервенция»⁸. Об этом же пишет американец Джон Шиндлер, опубликовавший много новых данных, показывающих, что Сребреницу «сдавало» Сараево, чтобы представить миру трагедию, в которой опять виноваты сербы. Он тоже упоминает о предложении Клинтона совершить резню пяти тысяч мусульман, чтобы начать военную интервенцию⁹.

2. В 2000 г. не мусульманские власти, а Высокий представитель по БиГ Вольфганг Петрич предложил воздвигнуть Мемориальный центр и захоронение Сребреница-Поточари. Каждый год число захороненных увеличивается: сюда свозят тела многих мусульман, которые умерли и погибли в другие годы и других местах. Так, 914 человек из 2442, обнаруженных в массовых захоронениях в 2003–2006 гг., якобы расстрелянных в июле 1995 г., оказались живы. Они участвовали в выборах в сентябре 1996 г. По документам общин было также выявлено, что часть людей из этих списков – не расстреляны, а умерли своей смертью, часть погибла в боевых действиях до 1995 г.¹⁰

3. Анализ судебно-медицинских заключений, сделанных экспертами Гаагского Трибунала на основе обработки останков из массовых захоронений, показывает, что из 3568 заключений (1 заключение не означает 1 тело) в 92,4% случаев причина смерти официально не была установлена¹¹.

4. Тщательный демографический анализ населения Сребреницы до и после июля 1995 г. даёт крайне интересные результаты. Доля боеспособных мужчин, которых зарегистрировали живыми через месяц после июльских событий в общем количестве зарегистрированных беженцев и военных 28 дивизии Армии БиГ, даже немного выше, чем в июле 1995 г.¹²

5. Тогда в июле 1995 г. среди многочисленных журналистов и миротворцев ООН не было ни одного свидетеля, кто бы своими глазами видел «геноцид» в Сребренице.

6. В июле 2012 г. Белоруссия предоставила политическое убежище майору французской разведки, который показал документы о событиях в Сребренице. Согласно тем документам, убийства в Сребренице готовили разведки США, Англии и Франции, используя наёмников, о которых не знало командование Армии Республики Сербской.

Таким образом, новые данные позволяют говорить об иных, нежели официальные, причинах событий в Сребренице, а также об их содержании. А Голландия, возможно неосознанно, подогрела интерес к этому эпизоду войны в Боснии и Герцеговине и дала в руки исследователей повод ещё раз напомнить о необходимости бороться за историческую истину.

Под давлением Евросоюза сербы поторопились с признанием своей вины, и в марте 2010 г. сербская Скупщина выступила с извинениями за совершённые преступления. Однако делать этого не стоило до тех пор, пока все обстоятельства событий в Сребренице не будут выявлены и не станут достоянием общественности. Иначе это ляжет тяжёлым обвинением на плечи всего сербского народа, станет подтверждением версии натовцев о вине сербов за всё, что происходило на Балканах в 90-е годы, и оправданием бомбёжек в 1999 г.

Как нам кажется, сейчас главная задача – исследовать этот сложнейший эпизод войны в Боснии и Герцеговине, проверить все факты, выявить

новые данные, подвергнуть научной, медицинской и правовой экспертизе все обнародованные сведения, провести анализ документов, выявить причинно-следственную связь с предшествующими событиями по уничтожению сербского населения и предложить миру правдивую картину событий в Сребренице. Ещё живы свидетели, участники тех событий, начали говорить голландские миротворцы, публикуют свои исследования учёные, в том числе и на Западе. Сербский народ не должен нести ответственность за то, что не совершал, а руководство бесконечно извиняться, унижаясь и оправдываясь. После этого завтра уже никто не пойдёт защищать Родину, не станет отстаивать свою землю, бороться за её независимость.

К сожалению, таких эпизодов, которые ждут своих исследователей, в сербской новейшей истории много, как, впрочем, и в более ранней истории. Например, уже началась серьёзная дискуссия с западными историками по вопросам последствий турецкого ига на Балканах, причин начала и итогов Первой мировой войны, сараевского убийства 1914 г., ответственности за развязывание Второй мировой войны. В решении этих вопросов важную роль должны сыграть, прежде всего, историки.

Примечания

¹ Izetbegović A. Govori, pisma, intervju '95. Sarajevo/ 1996. С. 86–87

² Документ ООН. S/25519

³ Режим доступа: // <http://www.rusk.ru/st.php?idar=103537>

⁴ Beograd nije umešan u masakr // Политика. Београд. 2002. 11 април.

⁵ Marković M. Brane sebe, brane Radovana // Вечерње новости. Београд. 2008. 22 авг.

⁶ Цит по: Павич А. Клин клином: Разоблачение официальной версии о Сребренице на основе несербских источников // Международный Трибунал по бывшей Югославии: Деятельность, результаты, эффективность. М., 2012. С. 255.

⁷ Документ ООН. A/54/549, пункт 115.

⁸ Цит по: Павич А. Клин клином: Разоблачение официальной версии о Сребренице на основе несербских источников // Международный Трибунал по бывшей Югославии: Деятельность, результаты, эффективность. М., 2012. С. 256.

⁹ Шиндлер Ц. Р. Несвети терор. Босна, Ал Каида и успон глобалног цихада. Београд, 2009. С. 216.

¹⁰ Там же. С. 32.

¹¹ Симич Л. Анализ сообщений об аутопсии тел из массовых захоронений в Сребренице // Международный Трибунал по бывшей Югославии: Деятельность, результаты, эффективность. М., 2012. С. 222.

¹² Шкрбич Р. Анализ населения Сребреницы: на пути к истине // Там же. С. 244.

Традиционная семья в Чехии: социальные и культурные вызовы после 1989 г.

Abstract:

Korovitsyna N.V. *Traditional family in the Czech Republic: social and cultural challenges after 1989.*

The author analyses, how the historical shifts in social development of the region towards European integration have affected the institute of family in the Czech Republic at the beginning of the twenty first century.

Ключевые слова: Чешская Республика, социальная трансформация, второй демографический переход, модернизация ценностей.

Период истории славянских народов после 1989 г., насчитывающий уже ровно четверть века, нуждается в научном осмыслении. Завершился очередной цикл смены поколений, позволяющий – опираясь на конкретные данные – понять важнейшие системные сдвиги в общественном развитии посткоммунистического региона по пути европейской интеграции. Одним из них стала либерализация режима демографического воспроизводства населения сразу вслед за сменой режима политического. Молодежь рубежа XX–XXI вв. явилась носителем процессов интенсивной трансформации традиционной семьи и семейных ценностей.

Однако именно семейная солидарность на протяжении столетий служила основой существования, например, «чешского человека», который с давних пор прочно держит судьбы своего народа в собственных руках, полагаясь, прежде всего, на институт семьи. Его не поколебали события послевоенного периода, когда Чехия вместе с другими странами бывшего восточноевропейского блока испытала консервативную модернизацию периода социализма (индустриализация, урбанизация, рост уровня образования). В те годы брак и семья стали необходимой жизненной стратегией и важнейшей ценностью людей¹. Особенно ярко это проявилось в период «нормализации» общественной жизни в Чехословакии после событий Пражской весны 1968 г., когда осуществлялась демографическая политика, ориентированная на активную поддержку семьи, материнства и детства с целью стимулирования ранних браков и раннего обзаведения потомством. «Бегство в семью» происходило в условиях дефицита товаров и услуг, ограниченных возможностей путешествий, учебы, карьеры, использования свободного времени при облегченном пути создания семьи, когда государство устранило

его материальные барьеры, а семья воспринималась многими людьми как единственная альтернатива официальной власти.

Усиление поддержки традиционной семьи и ее ценностей в Чехословакии и других странах востока Европы во втором послевоенном 20-летии совпало с переходом к обществу потребления, но не индивидуалистического потребления западного типа, а скорее семейного. По утверждению чешского социолога И. Можны, «социализм у нас начался с того, что обобществил семью, а закончился тем, что был семьей тотально колонизирован»². До конца 1980-х годов Чешская Республика принадлежала к числу стран с универсальным уровнем заключения браков и рождения детей, т.е. в брак вступало хотя бы раз в жизни подавляющее большинство населения (95–97%), преимущественно в очень молодом возрасте, и бездетными оставались не более 7% женщин. Чешские социодемографы пишут о традиционных чертах брачного поведения в социалистической Чехословакии³, а в общественную науку стран региона даже вошло особое понятие – восточноевропейский тип демографического поведения и соответствующая ему модель семейной жизни, специфическим образом сочетающие традицию и современность. Их отличает признание высокого уровня эмансипированности женщин на рынке труда, предпочтение брачного союза другим формам партнерских отношений, сознание, что воспитание детей составляет сердцевину семейных отношений, и одобрение развода как формы разрешения супружеского конфликта⁴. Следующая этой модели Чехия, как и вся Восточная Европа периода социализма, по количеству вступающих в брак тяготела к группе стран с выраженной традицией католицизма, отличаясь от нее, правда, гораздо более высокими показателями разводов. Республика до 1989 г. принадлежала к числу традиционных обществ Центральной и Восточной Европы в том отношении, что взрослая жизнь здесь ассоциировалась с появлением потомства, и сохранялся довольно высокий возраст ухода из родительской семьи⁵.

Однако уже спустя два-три года после перехода к рыночной экономике демографические показатели начали резко изменяться. После смены парадигмы общественного развития «старая социалистическая» модель демографического режима, обеспечивавшая простое воспроизводство населения, стала сменяться на «новую трансформационную» – исторически беспрецедентную даже для чешской нации как самой западной и самой секуляризированной в посткоммунистическом мире. Главным проявлением либерализации демографического режима явился спад рождаемости (среди довольно многочисленных когорт так наз. гусаковского бэби бума 1974–1978 гг.), гораздо ниже уровня обеспечения воспроизводства населения. Как и в остальных бывших социалистических странах, в Чехии в течение нескольких лет уровень рождаемости, который был одним из самых высоких в Европе, упал до одного из самых низких в мире. Исторически минимальный для ЧР уровень рождаемости был преодолен уже в 1994 г., и впервые со

времен Первой мировой войны началась естественная убыль населения, которая, согласно прогнозам, не будет преодолена в обозримой перспективе. Падение рождаемости сопровождалось значительным снижением интенсивности заключения браков – на два десятилетия позже аналогичного процесса, начавшегося на Западе под названием второго демографического перехода (первый был неотделим от формирования общества современного индустриального и городского типа) как завершения «золотого века» брака и плюрализации форм семьи с наступлением эпохи постмодерна. Единственным процессом в семейной сфере на рубеже XX–XXI вв., разительно не отличавшимся от предшествующих тенденций развития, был продолжающийся рост разводов: сейчас в республике каждый второй брак распадается – это один из самых высоких в мире показателей.

Институт брака в последнее 20-летие в ЧР терял свой привычный охранительный смысл и монопольное положение как форма партнерских отношений. Все большее распространение получали прежде маргинальные их формы: незарегистрированные супружеские союзы (особенно ставшие общей нормой добрачные союзы), гомосексуальные пары, жизнь в одиночестве или неполных семьях. Одновременно значительно повысились брачный возраст и возраст рождения первого ребенка, процент бездетных людей (сама бездетность стала восприниматься как проблема выбора стиля жизни) и внебрачных детей (свободное материнство превратилось в стратегию улучшения материального положения), менялись массовые представления о супружестве и родительстве. Согласно результатам опросов общественного мнения, в вопросах супружества и брака у чехов уже начинают преобладать либеральные взгляды, тогда как в вопросах родительства остаются преимущественно консервативные. Немаловажно, что тесная взаимосвязь семейных и потребительских ориентаций, существовавшая в чешском обществе, с появлением значительных материальных различий между бездетными и семьями с детьми сменилась взаимным противопоставлением этих ориентаций, когда люди оказывались перед выбором – семья или экономическое благополучие⁶.

Происходившие в условиях глубоких экономических и культурных трансформаций после 1989 г. перемены в жизни семьи восточноевропейского типа приобрели подлинно революционный характер. На этом фоне с конца 1990-х годов в чешской науке идет дискуссия о соотношении структурных и ценностных факторов детрадиционализации семейной сферы в стране. Причем Чехия с ее специфическим историческим опытом движения «от капитализма к социализму и обратно», а также богатейшим исследовательским инструментарием в области общественных наук превратилась в «социальную лабораторию», способную решать ключевые вопросы современного развития в регионе. А именно – произошедшие после 1989 г. социодемографические сдвиги явились лишь отложенным на одно поколение повторени-

ем западного пути развития к обществу постмодерна через так наз. тихую (ценностную) революцию по Р. Инглхарту или были специфическим восточноевропейским феноменом периода общественной трансформации? И в чем в таком случае заключается основной смысл посткоммунистической динамики в целом – в приближении к европейским стандартам или кризисном развитии в странах бывшего восточноевропейского блока? Демографическая проблематика оказывается, таким образом, тесно сопряженной с политической, особенно в вопросах поиска выхода из сложившейся ситуации.

«Если второй демографический переход является неизбежным результатом расширяющейся свободы индивида, то ни одно демократическое общество не может “уберечься” от него. В том числе и чешское». Это одно из двух главных объяснений произошедших с чешской семьей перемен – результата ускоренного второго демографического перехода, который сопровождался ростом индивидуализма и потребности в самореализации в среде молодого поколения, т.е. *культурными* факторами. Так, падение рождаемости в среде молодежи 1990-х годов связывается с отложенным на более поздний возраст деторождением. В рамках этой парадигмы обосновываются преимущественно позитивные аспекты общественного развития после падения «железного занавеса», выражающиеся в значительном расширении спектра жизненных возможностей (образования, карьеры, путешествий, выбора товаров и услуг) как универсальной тенденции, закономерности перехода на более высокий – постсовременный – цивилизационный уровень, соответствующий западным образцам и достигаемый в результате евроинтеграции. Смена режима демографического воспроизводства рассматривается как свидетельство успешности геополитического «дрейфа» Чешской Республики в западном направлении.

Существует альтернативное представление о приоритете «внутренних» – ценностных – факторов объяснение демографических сдвигов и трансформации семьи. Его сторонники отдают приоритет «внешним» *социально-экономическим* условиям существования людей после 1989 г. Акцентируются скорее негативные аспекты перемен, выражающиеся в появлении новых барьеров при создании семьи и обезвреждении потомством в условиях кризисного развития (похожие процессы впервые наблюдались в стране в 1930-е годы), сопровождающегося демографическим шоком. В данном случае речь идет не столько о сходстве общеевропейских тенденций развития, сколько о различиях в темпах, последовательности и масштабах динамики демографического поведения западной и восточной частей Европы. Подчеркивается, что новые ценности, нормы и взгляды на Западе формировались в период экономического роста и социальной стабильности 1970–1980-х годов, тогда как в посткоммунистических странах – в гораздо менее благоприятном постреволюционном контексте. В этот период произошли ошутимое ухудшение экономических показателей стран и домохозяйств, рост матери-

альной дифференциации общества и неравенства в доходах, появилась безработица, люди стали бояться оказаться в категории бедных, наконец, совершился отказ от политики «сплошной» поддержки семьи и рождения детей в годы позднего социализма. Система социальных пособий неоллиберальной власти, ориентированная на материальную поддержку преимущественно нижних (малоквалифицированных и малооплачиваемых) слоев населения, как отмечалось, латентно способствовала росту внебрачной рождаемости в этой среде. В свою очередь, женщины-профессионалы, поставленные перед выбором – работа или семья, стали отдавать приоритет производственной деятельности и покидали скорее репродуктивный рынок, чем трудовой⁸.

Согласно результатам социологических исследований, взгляды чехов на семью были и остаются значительно более консервативными по сравнению с народами Западной Европы (особенно, что касается приверженности двухдетной модели семьи и традиционного разделения труда в семье)⁹. Чехи и сейчас не склонны считать брак старомодным институтом (что более характерно для Германии или Голландии, но меньше всего для католической Польши). Ориентация на семью и рождение детей по-прежнему глубоко укоренена в сознании чешской молодежи, но ее репродуктивные планы пришли в противоречие с «катастрофически ухудшившимися» у некоторых групп общества¹⁰ материальными возможностями их реализации, что и привело к глубоким структурным сдвигам в семейном поведении чешского населения¹¹. В конечном счете, эти сдвиги предопределило то, что называют *эффектом периода*, подразумевая под ним и переход к рыночному и открытому обществу после 1989 г., и возникшие в связи с этим экономические проблемы значительной части населения¹².

С начала первого десятилетия 2000-х годов в Чехии изучается зависимость вероятности вступления в брак и других демографических показателей от уровня образования различных возрастных когорт населения. Полученные данные свидетельствуют о нарастании социальной стратификации брачного поведения после 1990 г., а особенно после 1995 г. Причем, спад количества браков среди наименее образованных слоев – в новом историческом контексте наиболее подвергнутых социальным и экономическим рискам – начался непосредственно после 1989 г. и был особенно выразительным¹³.

Одновременно обнаружена любопытная закономерность, ставящая под сомнение объяснение современных процессов детрадиционализации семьи сдвигами в системе ценностей. Оказалось, что толерантные чехи, декларируемые взгляды и реальное поведение которых в последнее время явно расходятся, действуют по принципу: «передовые взгляды – традиционное поведение»¹⁴. Подобное противоречие особенно характерно для высокообразованных слоев чешского общества, которые со второй половины 1990-х

годов все чаще вербально соглашаются с нетрадиционными отношениями, но лично для себя предпочитают их наиболее консервативные формы – так наз. прямой брак без испытательного срока¹⁵. Причем, только 3% высокообразованных считают идеальным одного ребенка в семье, а три четверти предпочитают семью с двумя детьми, тогда как на однодетную семью чаще всего ориентируются люди с неполным (восьмилетним) средним образованием¹⁶. Последние в большинстве своем считают законный брак идеальной формой партнерского союза, но на практике чаще всего остаются незамужними и одинокими¹⁷.

В период вступления ЧР в Евросоюз пропагандировалось, что нетрадиционные формы семейного поведения получают распространение в результате вестернизации общества, прежде всего среди прогрессивных либеральных и высокообразованных слоев населения – современных, богатых и успешных, которые считают институты брака и даже материнства устаревшими пережитками, пригодными лишь для отсталых, зависимых групп общества. Развитие событий показало, что это совсем не так, и характерный для чехов скептицизм ярко проявился в среде высокообразованных. Они оказались меньше всего подверженными воздействию либеральной риторики, повлиявшей скорее на брачное поведение малообразованных граждан (особенно выделяются категории с неполным средним образованием и неквалифицированных рабочих) с неразвитым критическим мышлением¹⁸. Примечательно, что в последнее десятилетие регистрируется определенная ментальная контрреакция чешского общества на «либеральные 1990-е», противоположная процессам в западноевропейских странах¹⁹.

Результаты конкретных исследований, проведенных в ЧР, показывают, что быстрые и кардинальные сдвиги в режиме демографического воспроизводства страны на рубеже XX–XXI вв. были вызваны не столько сдвигами в ценностных ориентациях и образе жизни людей, сколько возникли как результат значительного ухудшения экономического положения некоторых слоев общества – «проигравших» от смены общественного порядка. В их среде кумулируются эффекты перемен в семейном поведении. Об этом ярко свидетельствует сильная негативная зависимость внебрачной рождаемости от уровня образования населения страны.

Увеличение в период общественной трансформации доли внебрачных детей в Чешской Республике с менее 8% до свыше 30%, а в абсолютном выражении – утроение, представляет собой сегодня наиболее острую проблему чешской семьи. Она сопоставима по значению с одновременным общим спадом рождаемости и уменьшением числа детей, рожденных замужними женщинами, почти наполовину. Причем, внебрачная рождаемость со всеми ее социальными последствиями в современной Чехии по-прежнему находится на подъеме, несмотря на то, что лишь для 12% незамужних матерей брак является пустой формальностью²⁰. Критикуя идеологизированные

трактовки проблемы, специалисты не устают повторять: «нет ничего более далекого от действительности, чем представление, что типичная незамужняя мать – успешная, образованная и эмансипированная»²¹. В такой социальной категории подобное явление скорее представляет маргинальное явление или исключение, и ребенок в 90% случаев просто появляется в незарегистрированном союзе. Поэтому у высокообразованных матерей сейчас (в начале 1990-х годов так не было) выше вероятность последующего брака или брака в недалекой перспективе.

Вместе с тем действительно типичная незамужняя мать – это одинокая женщина молодого возраста с самым низким уровнем образования из неблагополучных в социально-экономическом отношении, как правило, переживших в 1990-е годы деиндустриализацию регионов северной и западной Чехии (лидирует среди них Мост). Речь идет о регионах страны с высоким уровнем безработицы, смертности, количества разводов, суицидальности, с низкой средней заработной платой и религиозностью населения, наконец, с большим числом людей цыганской национальности. Напротив, Прага с повышенной долей высокообразованных и с максимальными в республике душевыми доходами ее жителей, которая могла бы быть бастионом «современных» форм поведения и альтернативного мышления, отличается пониженной долей внебрачных рождений. Правда, до демографической революции конца XX в. здесь наблюдался относительно высокий их уровень, но теперь он аналогичен показателям сельских поселений с менее 2 тыс. жителей, для которых характерен наиболее традиционный способ поведения²².

Уровень образования (а фактически социальное положение) в нынешней Чешской Республике является главным дифференцирующим признаком демографического поведения, в том числе внебрачной рождаемости. Обнаружена линейная зависимость: чем ниже уровень образования, тем больше вероятность, что мать ребенка в момент его рождения не будет состоять в браке, а отец не будет поддерживать с ним контактов²³. Причем, неблагоприятные экономические условия способствуют росту социальных различий, и в «бедных» регионах у низкообразованных женщин шансы стать одинокой матерью в 17 раз выше, чем у высокообразованных, тогда как в «богатых» – в 10 раз²⁴. В более религиозной среде социально-образовательные различия по этому показателю стираются. Высокообразованные женщины, несмотря на все чаще высказываемые ими прогрессивные взгляды, оказались, таким образом, в стороне от процессов трансформации демографического режима, как и рисков экономического неблагополучия в период перемен, 80% их состоит в браке на момент рождения ребенка. Настоящим объектом новых веяний, как семейного одиночества, так и незарегистрированного союза, стали в Чехии женщины с неполным средним образованием, для которых смысл жизни, по их признанию, напротив, все боль-

ше сводится к семье. Однако 70% их детей и 80% первых детей рождается вне брака и в большинстве случаев даже вне партнерского союза с отцом ребенка, и доля последних растет опережающими темпами²⁵. Малообразованные женщины чаще других придерживаются мнения, что и один родитель может воспитать ребенка. Следует заметить, что резкий рост внебрачной рождаемости во всем регионе Центральной и Восточной Европы после 1989 г. характерен в основном для одиноких, малообеспеченных матерей, тогда как большинство внебрачных рождений в Западной Европе происходит в контексте стабильных партнерских отношений²⁶.

«Свободное материнство» становится не только вынужденным выбором людей с крайне ограниченными жизненными альтернативами, но и своего рода перспективой, источником идентичности и основой положения в посткоммунистическом обществе. Среди самих матерей-одиночек преобладает объяснение подобного выбора отсутствием подходящего партнера, от брака с которым женщины этой социальной категории обычно ждут исправления своего положения, прежде всего экономического. Однако в современной Чехии у низкообразованных женщин наиболее высоки шансы встретиться с мужчинами аналогичного уровня образования, среди которых самая высокая в стране доля безработных, достигающая 25%. Они, согласно чешским опросным данным, меньше всего заинтересованы не только в браке, но даже в совместном проживании с матерью своих детей, практически не поддерживая с ними контактов. Не кто иной, как молодые низкоквалифицированные безработные мужчины, неспособные обеспечить семью, чаще всего в республике считают брак устаревшим институтом.

Наконец, для женщин из нижних слоев материнство является способом решения материальных проблем, поскольку в ЧР социальная политика ориентирована именно на одиноких матерей, и их правовой статус строго контролируется государством. В этой ситуации четверть женщин признается, что родили ребенка вне брака, руководствуясь финансовыми соображениями²⁷. Прагматичные «свободные матери» все чаще оказываются среди безработных и маргинализированных слоев населения, рассчитывая на помощь государства и родственников и теряя интерес к малооплачиваемому, рутинному, нередко физически тяжелому труду, предпочитая ему часто не меньшее по величине пособие по безработице. Даже по сравнению с замужними матерями они меньше ориентированы на активную производственную деятельность.

Существенно, что «ножницы» между различными социально-образовательными группами и регионами Чехии с точки зрения легитимности рождаемости, чем дальше, тем больше, что ведет к общей дестабилизации семейной среды в стране. Таким образом, общественная трансформация рубежа XX–XXI вв. отразилась на судьбах прежде всего достаточно многочисленных обедневших и опустившихся на социальное «дно» групп населения.

В их среде происходит распад семейной организации и утрата традиционных жизненных ориентиров. Капитализм оказался для чешской семьи более «твердым орешком» по сравнению с социализмом и его политикой консервативной модернизации²⁸.

Примечания

¹ Demografická situace České republiky. Proměny a kontexty 1993–2008. Praha, 2010.

² Česká společnost na konci tisíciletí. Díl 1. Praha, 1999. S. 31.

³ Rychtaříková J. Sňatečnost svobodných v České republice dříve a dnes // Demografie. 1995. № 3. S. 162.

⁴ Česká rodina v transformaci. Stratifikace, dělba rolí a hodnotové orientace. Praha, 1998. S. 36.

⁵ Proměny rodinných a profesních startů. Praha, 2010. S. 151–152.

⁶ Hašková H. Fenomén bezdětnosti. Praha, 2009. S. 25.

⁷ Rabušic L. Kde ty všechny děti jsou? Porodnost v sociologické perspektivě. Praha, 2001. S. 204.

⁸ Gender, Politics and Institutions. Towards a Feminist Institutionalism. New York, 2010. S. 116.

⁹ Kuchařová V., Tuček M. Sociálně ekonomické souvislosti rodinného chování mladé generace v České republice. Praha, 1999. S. 40.

¹⁰ Rychtaříková J. Současné změny charakteru reprodukce v České republice a mezinárodní situace // Demografie. 1996. № 2. S. 79.

¹¹ Hašková H. Fenomén bezdětnosti. S. 37.

¹² Proměny partnerství. Životní dráhy a partnerství v české společnosti. Praha, 2012. S. 119.

¹³ Ibid., S. 127.

¹⁴ Současná česká společnost, Sociologické studie. Praha, 2002, S. 132.

¹⁵ Děti na psí knížku? Mimomanželská plodnost v ČR. Praha, 2007. S. 35.

¹⁶ Коровицына Н. Чешский человек в первом десятилетии 2000-х годов. М., 2011. С. 164.

¹⁷ Chaloupková J., Šalamounová P. Postoje k manželství, rodičovství a k rolím v rodině v České republice a v Evropě. Praha, 2004. S. 18.

¹⁸ Sňatek a rodina: zájem soukromý nebo veřejný? Praha, 2006. S. 15.

¹⁹ Individuals and Households in the Czech Republic and CEE Countries. Praha, 2010. S. 190.

²⁰ Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe... Praha. 2010. S. 377.

²¹ Děti na psí knížku? S. 8.

²² Mimomanželská plodnost v České republice po roce 1989: sociální a ekonomické souvislosti. Praha, 2006. S. 23.

²³ Hamplová D. Děti bez manželství nebo bez otců? // Data a výzkum. 2007. № 2. S. 142, 149.

²⁴ Jaká je naše společnost? S. 391.

²⁵ Mimomanželská plodnost v České republice po roce 1989... S. 8.

²⁶ Individuals and Households ... S. 31.

²⁷ Mimomanželská plodnost v České republice po roce 1989... S. 377.

²⁸ Česká společnost ... S. 30.

VI. Литературно-художественное творчество славянских народов

О.В. Цыбенко
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Краковские впечатления русского переводчика Мицкевича (К 130-летию со дня смерти Н.В. Берга)

Abstract:

Tsibenko O.V. *The Krakov impressions of the Russian translator of A.Mickiewicz (Devoted to 130 years since N.V.Berg's death.*

N.V. Berg was the first to make a complete translation of the poem «Pan Tadeusz» by A. Mickiewicz into Russian. His great accomplishment became the writing of a historic study of the Polish rebellions which was remarkable for its objectivity. His essays about the turbulent revolutionary events in Krakov of 1863–1864 were based on the real impressions of the one who witnessed them. These essays were being published in popular Russian magazines in the same years.

Ключевые слова: очерк, русская публицистика XIX в., русские переводы Адама Мицкевича, польское восстание 1863 г., Краков.

Широчайший спектр позиций, высказываний русских деятелей культуры по польскому вопросу, обострившемуся в связи с польским восстанием 1863 г. и в последующий период, изучался во многих работах ученых России и Польши. Не в полной мере, тем не менее, исследовано восприятие поляков и Польши такими литераторами, чьи взгляды нельзя однозначно отнести к про- или антиправительственным. Независимая русская общественная мысль пробивала себе дорогу, вопреки ужесточившимся цензурным запретам, и в массовых печатных изданиях в 1860-е годы.

Привлекает внимание фигура Николая Васильевича Берга (1823–1884), выходца из небогатой семьи обрусевших прибалтийских дворян – поэта, переводчика, журналиста, историка. Он окончил Московский университет, служил чиновником, был корреспондентом на Крымской войне и в лагере гарибальдийцев, публиковал очерки по материалам поездок в Грецию, Турцию, Сирию, Палестину и Египет. В начале 1863 г. Берг как корреспондент газеты «Санкт-Петербургские ведомости» едет в охваченную восстанием Польшу. Его статьи появляются на страницах

газеты уже в марте–мае 1863 г., а в начале 1864 г. печатаются в «Библиотеке для чтения»¹.

Женившись на польке, он поселяется в Варшаве. В 1864–1869 гг. по заданию наместника Царства Польского графа Ф.Ф. Берга (своего однофамильца) занимается составлением истории восстания 1863–1864 гг. Заказчик рассчитывал увидеть в ней восхваление действий властей. Однако Берг, получив доступ к секретным архивам следственных комиссий и канцелярии наместника, создал серьезное исследование, пытался проанализировать не только ход, но и причины восстания².

С 1868 г. до смерти Берг – лектор русского языка и литературы в Варшавской Главной школе (с 1869 г. – Университете). В 1874–1879 гг. он редактировал официальную газету «Варшавский дневник», но вынужден был оставить этот пост из-за столкновения с цензурой. Берг – не столько активный деятель, сколько внимательный наблюдатель и летописец своей эпохи, он сотрудничал с изданиями различной ориентации, был знаком и переписывался с людьми самых разных взглядов, с виднейшими русскими писателями.

Наибольшую известность Бергу принесла его переводческая деятельность. Под влиянием М.П. Погодина и С.П. Шевырева в 1840-е гг. он занялся переводами славянской поэзии, к началу 1890-х гг. ему принадлежали не менее 3/4 переводов этой поэзии на русский язык, лирика некоторых народов впервые именно им была представлена русскому читателю.

Помимо многих других произведений Мицкевича, Берг впервые полностью перевел «Пана Тадеуша», издал перевод без цензурных купюр с двумя вступительными статьями в Варшаве в 1875 г. (фрагменты печатались ранее). В одном из предисловий – «Как и когда сделан мною перевод “Тадеуша”» – мы узнаем, что первые отрывки были опубликованы в «Москвитянине» в третьем номере за 1845 г.³ Неожиданно звучит, и это еще не привлекало внимания исследователей, признание Берга в том, что он увлекся поэмой под влиянием М.Н. Каткова. Чтение на польском сначала затрудняло Берга, и он вернул данные ему Катковым книги, не дочитав их и сказав, что «не нашел в них ничего особенно занимательного». Берг так передает реакцию Каткова:

«Удивляюсь – отвечал он – тут есть превосходные места! – Например, какие же? – спросил я. Он развернул первый том: – Например, вот это... вот это! – Указаны были, между прочим, „облака” в III песне, „леса” в IV, и „Войский трубит в рог” – там же.

Я взял книги обратно и заставил себя прочитать со вниманием эти места, а потом и всего «Тадеуша». Многое в нем меня до того поразило, что я, однажды вечером... присел и перевел под впечатлением сильного

вдохновения... сперва „леса”, потом „облака”; немного позже „Войский трубит в рог” и „жид играет на цимбалах”⁴.

При публикации первых двух отрывков, отмечает Берг, «разумеется, „литовские леса” стали „украинскими лесами”, „облака Литвы” изменились в „родные небеса”». После появления в 1832 г. в Париже III части «Дзядов» упоминание имени Мицкевича в печати было запрещено, но цензоры ни о чем не догадались. «Только одни поляки-студенты мне подмигивали и потирали руки, – пишет Берг. – Какая-то малороссийская дама писала к одному из моих знакомых в Москву: “Поблагодарите Берга за милое стихотворение о наших лесах, но та беда, что у нас таких лесов нет”⁵.

В 1858 г. Берг переводит еще два отрывка и публикует их в «Русском вестнике» уже как переводы из Мицкевича. Следующий «рывок» был сделан в 1860 г. и, наконец, в результате близкого знакомства с полякам и при сборе материалов для «Записок о польских заговорах и восстаниях» Мицкевич стал для Берга «почти родным по языку поэтом». «Весь Мицкевич» был у него «настолько же постоянно под руками, как Пушкин и Лермонтов». Свои переводы Берг читал другу Мицкевича Одынцу, который «нередко плакал», слушая их. Полное издание «Пана Тадеуша» по-русски автор перевода посвятил именно ему – «последнему Вайделоту Литвы», отмечая в заключение, что «в области искусства странно думать о нациях, о какой бы то ни было розни»⁶.

«Записки о польских заговорах и восстаниях» Берга дважды переводились в Польше в XIX в. (1880, 1900 – оба в Кракове). Автором последнего, полного варианта стал Кароль Радван Яскловский, участник январского восстания, затем эмигрант, потом организатор музея Чарторьжских в Кракове, который живо интересовался русской литературой, затрагивающей польский вопрос. В предисловии Яскловский характеризует труд Берга как первостепенный исторический материал, т. к. автор использовал недоступные источники. Особенно важна для него авторская позиция, так как «на протяжении всего повествования нигде не ощущается национального шовинизма, так сильно пробудившегося у русских после 1863 г.». Берг сохраняет возможную объективность, «особенно заметную, если его характеристику деятелей восстания сопоставить с характеристикой самых видных представителей победившей стороны»⁷. Добавим при этом, что Берг вовсе не был сторонником немедленного восстановления независимости Польши, мечты повстанцев считал несбыточными и много раз пытался убедить их в губительности их стремлений.

Уважение и симпатия к полякам, чьих позиций он не разделял, конечно, более отчетливо проявились в последнем издании «Записок...» 1884–1885 гг., тираж которого неслучайно практически полностью был уничтожен. Одним из немногих уцелевших экземпляров воспользовался для

своего перевода Яскловский. Но доброе, непредвзятое отношение к полякам, что удивительно, ощущается и в подцензурных очерках, публиковавшихся по горячим следам событий, например, в обширной (53 страницы) работе Берга «Краков и мои в нем похождения», напечатанной в массовом, пользовавшемся популярностью журнале «Библиотека для чтения» в марте 1864 г. Следует заметить, что этот очерк еще не привлекал внимания исследователей.

В ряде поэтических картин автор обозревает овеянные легендами прошлое Кракова, имевшего к тому времени тысячелетнюю историю. Его основатель Кракус, «с огромной силищей в плечах», с «добрым, бравым лицом, с усами Яна Собеского», глазами, как у орла; его дружина, «дюжие ребята, немного разбойники, это правда, но... хорошие разбойники» выбрали счастливое место для своих изб. Город, выросший в этом месте, пережил много политических бурь, нашествий, имел независимый характер, «самого забубенного кракусского закала», сопротивлялся «немецкому пауку», стремящемуся поглотить славянство. Передавая своеобразие краковской атмосферы, Берг прибегает к небольшим вкраплениям польской речи, вместе с тем это именно русское восприятие, автор использует местами гоголевскую манеру: романтический, приподнятый стиль, поэтизирующий размах, удаль славянской стихии. Со своего рода лирическими отступлениями соседствуют точные данные об изменении численности населения, важнейших исторических событиях, датах и т. д. Берг восхищается знаменитыми «плантациями», полувековыми каштанами, под которыми гуляют няньки с детьми и «раненые повстанцы с подвязанными руками» подле хорошеньких паненок. Замок, Флорианская и др. улицы, Рынок – живое сердце города, разнообразие городских типов обрисованы детально в ряде пестрых картин, так же, как и будничная, и праздничная одежда баб и мужиков. Берг побывал и в «поднебесном жилище почтенного трубача» на Мариакцкой башне, он цитирует в оригинале старую мазурскую песню о бое часов на башне и звуках трубы, подробно рассказывает о трубачисте Петре Вавжале, который, сославшись на старческую немощь, отказался даже за 2000 талеров влезать на шпиг для устройства иллюминации по желанию австрийцев, занявших Краков в 1796 г., и сделал это по собственной инициативе в 1809 г., когда ему было уже 70, приветствуя въезд в город известного предводителя наполеоновских польских уланов, Юзефа Понятовского. Это происшествие, по мнению Берга, показывает, «какая сила заключена в симпатии и любви и как плохо и трудно действовать без них, опираясь только на одни штыки или деньги».

На русских при их появлении на улице непременно будут коситься, могут и «брусничный сок» выпустить из заподозренного в шпионстве. И бесполезно беспокоиться и маскироваться, обиды вам не сделают, «надо только быть совершенно честным человеком». «Жиды и жидовки,

составляющие в Кракове необыкновенно оригинальную и необходимую часть населения», быстро разменяют ваши рубли. «Экипажи и добрые кони – слабость поляков», как считает автор. Следует подробнейшее описание саней, бубенчиков, карет и колясок, громкого щелканья бичей, «джентльменов-кучеров». Кафедральный собор на Вавеле поражает своим богатством, а самый дворец королей обращен австрийцами в казармы. Автор уделяет внимание театрам и их репертуару, модным кофейням и отелям.

Переходя к характеристике текущего политического момента, Берг здраво рассуждает об австрийской тактике подавления «повстанского» духа: спроваживании опасной молодежи в Конгресувку, часто им давали даже ружья; гибель удалцов на русских штыках или ссылка в глухомань вполне устраивали австрийцев. В краковских же театрах допускались «задорные куплеты и “живые” картины с загадочным содержанием – и тут же по городу усиленные патрули, аресты, ревизии». Описаны две вспышки «повстанского» движения в самом Кракове, борьба «благоразумной» партии с «неслышанными страстями», политика газет «Час» («Czas» – «Время»), «Хвиля» («Chwila» – «Мгновение») и «Век» («Wiek» – «Эпоха»); отмечены «несчастное польское свойство не уживаться под одной хоругвью, а лезть в сторону и думать о своей, отдельной партии», вместе с тем – солидарность, готовность «утопить и швабов, и русских в одной ложке».

Берг, прибыв в Краков «при вторичной вспышке», застал аресты и в то же время безнаказанные действия «подземного Жонда» (правительства). Краковский «Жонд» в тот период был столь же развит, как варшавский. По его декретам пало в Кракове и окрестностях более ста жертв. По ночам к Бергу, в Саксонскую гостиницу, приходили посетители, называвшиеся повстанцами, выпрашивали какую-нибудь мелочь, ходили они по домам по 3–4 человека. По истечении месяца Берг к ним уже привык. Слуга Станислав называл их «лотрами» (прохвостами), а не настоящими повстанцами.

Сюжетным центром очерка явились две сцены ревизий, произведенных в комнате Берга сначала «народовым Жондом», а затем австрийской полицией, воссозданные автором по контрасту, и последовавшие затем арест и двухдневное пребывание его в австрийской тюрьме «под телеграфом».

Господин в енотовой шубе и его помощник были вежливы и деликатны, представили разрешение на обыск, подписанное «народовым Жондом», с гербовой печатью, расспрашивали о цели приезда, познакомились с частной перепиской, уверили Берга, по его просьбе, что они действительно «поляки, народ, а не переряженная немецкая полиция». Господин в енотовой шубе (он показался Бергу студентом одного из российских университетов) перешел на русский язык: «Эх, батюшка! Да на

что австрийцам такие комедии и маскарады? Они просто придут с солдатами. Когда-нибудь убедитесь в разнице...». В разнице пришлось убедиться «даже очень резко и горько».

Через месяц обстановка в городе круто изменилась: участились аресты и ревизии, патрули двигались за патрулями. Каждый день из Саксонской гостиницы постояльцев забирали в тюрьму. 1 марта 1864 г. вышел императорский манифест, объявлявший Галицию и Краков на военном положении. Бергу после унижительного допроса власти предписали выезд в 24 часа, затем полицейские неожиданно нагрянули в гостиницу, бесцеремонно и без всяких объяснений везде рылись, конфисковали часть бумаг, фотографии, брошюры, свободно купленные в городе, «повстанскую ассигнацию», его статью о Кракове. Последовал еще один допрос, и он оказался, «в лучшей и удобнейшей повстанской тюрьме», в том здании, где был когда-то телеграф. Хуже было в «криминале», еще хуже – в «замке». От какого-то комитета в тюрьму носили «народову каву» и «народовы обяд» (казна обеспечивала только воду). На стенах соседствовали нарисованные углем надписи патриотического характера и шуточные стихи, латинские, польские, чешские и даже русские слова. Ненавидимый повстанцами предатель-поляк, служивший австрийцам полицейский чиновник, изображен был на виселице.

Описаны Бергом и разные типы повстанцев, а также их поначалу настороженное к нему отношение. Так, вскоре после описанных событий его пригласили на именины двух Казимиров, и там выяснилось, что среди вновь прибывших заключенных были два московских студента, хорошо знавших Берга, еще один поляк был осведомлен об обыске его повстанцами, которые убедились в том, что он честный человек, не шпион. Этот поляк рассказал, как они разоблачили одного швейцара-провокатора, скрывавшего свое настоящее имя. Атмосфера на именинах в стенах тюрьмы стала вполне дружеской. В более откровенном разговоре речь шла и о будущем освободительного движения. Повстанцы не теряли надежды – если не на успех, то на «движение вперед», «на какое-нибудь движение». Не было уныния на лицах даже тех, кого переводили в более строгую тюрьму. Магическое слово «poświęcenie» (самопожертвование) делало их беспечными, по характеристике Берга.

Фигуры случайных прохожих, уличные торговки, лица из толпы, служащие в гостинице, «лотры» из попрошаек, понятые при обыске, повстанцы, ставшие соседями по тюрьме, с их занимательными рассказами о своем участии в битвах чуть не по всему миру, девушка, приносившая в тюрьму воду в кувшине (хотя там воды было вдоволь), которая тут же выпивалась «сверх всякой необходимости», оказавшийся в тюрьме молоденький ксендз, вожди, журналисты, театральные деятели. Вся эта галерея лиц, метко и часто с юмором и симпатией изображенная на фоне

мелких подробностей быта, рисовала в воображении читателей образ народа живого, независимого, пестрого и одновременно единого в стремлении поддерживать друг друга, все отдать за свободу, за родину, презирающего предателей; не позволяла видеть в нем «плакатного» врага. Союзные австрийцы выглядят в очерке куда менее симпатичными, хотя и не демонизируются. С поляками же у Берга постоянно возникают доверительные отношения, он не отождествляет себя с ними, но чувствует в них братское славянское племя. И сам, в свою очередь, оказывается для них хоть и «москалем», но «честным человеком», а после отсидки в австрийской тюрьме становится чуть ли не героем для польских служащих Саксонской гостиницы.

Думается, очерк Берга о Кракове имел большое значение для русских читателей того времени, когда они были наслышаны в основном о поляках как предателях славянства, он многим любопытен и в наше время, увлекателен, в хорошем смысле слова «нравоописателен».

В последние годы появилось немало работ, где с новых позиций рассматривается политика русификации, подавления национального самосознания, исходившая от русских властей после 1863 г., и враждебное отношение, чувство протеста по отношению к русским со стороны большей части польского общества. Так, многозначительно само название коллективной монографии «Из дома неволи» под редакцией профессора Януша Мацевского. В этом сборнике опубликована статья профессора Янины Кульчицкой-Салони «Не присутствующие?» о том, что в Варшаве второй половины XIX в. были не только русификаторы, но и значительные русские деятели науки, литераторы, которые искренно интересовались польской жизнью и, в конечном счете, они не могут быть исключены из истории польской культуры. Она считает необходимым извлечь из „небытия” профессора-историка Н.И. Кареева и Н.В. Берга. Автор статьи характеризует переводческую деятельность последнего и высоко оценивает научную значимость, объективность его «Записок...»⁸.

Примечания

¹ Отдельный оттиск – «Статьи о польском восстании 1861–1863». 1865; очерк «Краков и мои в нем похождения» // Библиотека для чтения. 1864. № 3.

² См.: Русский архив. 1870–1873; Отдельное издание – М., 1873; Русская старина. 1879. № 2–5, 7–12. В значительно расширенном виде и без цензурных купюр под названием «Записки о польских заговорах и восстаниях» изданы Бергом за границей (Т. 1–4, Познань, 1884–1885; запрещены к ввозу в Россию). О том, что место их издания – Познань – указано фиктивно, см.: *Kulczycka-Saloni J.* Nieobecni?! // *Z domu niewoli. Sytuacja polityczna a kultura literacka w drugiej połowie XIX w.*, Wrocław, 1988. S. 183–196. О «Записках...» писал петербургский историк: *Sztakelberg J.I.* Pamiętniki o polskich spiskach i powstaniach 1831–1864 N.W. Berga // *Przegląd Historyczny*. 1968. T. 59. Zeszyt 1.

³ Перевод издан без упоминания автора – отсюда неточность в указанной выше статье Я. Кульчицкой-Салони: первые переводы Берга из Мицкевича она находит в сб. «Песни разных народов» (1854) – см.: *Kulczycka-Saloni J. Nieobecni?...*

⁴ Берг Н.В. Как и когда сделан мною перевод «Тадеуша» // Адам Мицкевич. Пан Тадеуш. Варшава, 1875. С. XXI–XXII.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. XXVIII.

⁷ Цит. по: *Kulczycka-Saloni J. Nieobecni?..* S. 194.

⁸ См. примечание 2.

**«...Это дело спорное...»
(Поэтика и морализм Н. В. Гоголя
в восприятии И. А. Гончарова)***

Abstract:

Mel'nik V.I. *"...This case controversial..." (Poetics and moralism N.V. Gogol in the perception I.A. Goncharov).*

The article considers the problem of creative influence N. Century Gogol by I.A. Goncharov poetics and at the same time the rejection of the author «Oblomov» from some ethical attitudes Gogol – primarily its moralism.

Ключевые слова: Гоголь, Гончаров, русская литература XIX в., поэтика, этика.

И.А. Гончаров вступил на литературное поприще тогда, когда Н.В. Гоголь уже совершил эстетические открытия, которые стали школой для целого ряда молодых писателей, будущих классиков русской литературы. Следы влияния автора «Шинели» и «Мертвых душ» легко отыскать в романе А.И. Герцена «Кто виноват?», в прозе Н.А. Некрасова (например, роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»), в «Записках охотника» И.С. Тургенева, в «Бедных людях» и других произведениях Ф.М. Достоевского и т. д. В письме к В.В. Стасову от 27 октября 1888 г. Гончаров писал: «У Пушкина – этого отца русского искусства в слове – было два прямых наследника: Лермонтов и Гоголь, породившие целую плеяду нас, деятелей 40-х, 60-х годов, с Островским, Тургеневым, Писемским, Салтыковым и т. д. А затем уже начался (говоря астрономически) млечный путь, целый бесконечный хвост, который тянется и дондесь»¹.

В Гоголе автор «Обломова» различал одновременно художника и моралиста. И оценивал эти две стороны неравноценно. Совершенно очевидно, что Гоголь, начиная с первых прозаических опытов Гончарова, как художник влиял на него слишком мощно, как бы даже против его собственной воли. Недаром Гончаров не только часто цитировал Гоголя, но и практически знал его наизусть. В письме к К.Ф. Ордину от 16 мая 1872 г. он говорит: «Препровождаю обратно и Гоголя: не знаю, зачем я пожелал его! Где ни разверну – везде все почти наизусть знаю!» Это знание «наизусть» несомненно сказывалось в произведениях Гончарова вольно или невольно: за-

* Работа выполнена при поддержке РФНФ. Грант 14-04-00286 «Этика и поэтика И.А. Гончарова».

хватывала стихия гоголевского юмора. Когда Захар говорит Обломову «Не я придумал клопов», то в его фразе, конечно, просвечивает Гоголь. В.И. Кулешов отмечает, что каждая вещь в комнате Ильи Ильича Обломова свидетельствует: «и я обломовская»². Магия гоголевского стиля и слова не отпускали его. Несомненно, истоки гончаровской иронии и юмора имеют началом юмор Гоголя. Ведь до «Вечеров на хуторе близ Диканьки» у нас в литературе никто не смеялся столь заразительно и ярко. Пушкин, столь много значивший для Гончарова, был для него универсальной школой вкуса и мастерства, однако не передал ему единственного, но существенно важного для него – иронии. Между тем неподражаемая ирония буквально проникает все гончаровские тексты – не только его художественные произведения, но и письма.

Уже герой первого прозаического произведения Гончарова (повесть «Лихая болеть»), Тяжеленко, по общему признанию, весьма напоминает Обломова. Малороссийский помещик Никон Устинович Тяжеленко как будто вышел из гоголевских повестей 1830-х годов и еще едва начал трансформироваться в собственно гончаровский образ. В повести заметна гоголевская шаржированность. Собственно, помещик Тяжеленко более всего походит на Ивана Никифоровича из повести Гоголя о двух Иванах. Это именно он «лежит весь день», а если и встает, то лишь для того, чтобы «спройти по двору». Прямое упоминание героев «Повести о том, как поссорились Иван Иванович и Иван Никифорович» встречается в «Письмах столичного друга к провинциальному жениху» (1848).

Уже самое начало повести «Счастливая ошибка» (1839) отсылает нас к гоголевской манере повествования: «Однажды зимой в сумерки... Да! Позвольте прежде спросить, любите ли вы сумерки? ... Да и как не любить сумерек? Кто их не любит? ... О, как я люблю сумерки, особенно, когда переносюсь мысленно в прошедшее!» Здесь языковая – лексическая и стилистическая – связь с Гоголем вряд ли требует особых доказательств. Сам риторический вопрос: «Любите ли вы...?», самое выражение: «Разве только...», самое постоянное перемежение восклицаний и вопросов – все это гоголевское, ставшее едва ли не общим местом в прозе 1830-х гг. Все это в дальнейшем не попадает (или почти не попадает) в произведения Гончарова.

Практически ни в одном произведении Гончаров не обходится без реминисценций из Гоголя. Естественно, что гоголевское начало мы встречаем и в «Обыкновенной истории», с которой, кстати, Гоголь был знаком. Гончаров в «Обыкновенной истории» умеренно пользуется гоголевскими приемами и гоголевской стилистикой. Изображая романтического героя, то и дело заносящегося мыслью в идеалистические высоты, романист прямо заимствует у Гоголя прием «возвращения на грешную землю». Ведь именно Гоголь всесторонне разработал этот прием – в тех же еще «Петербургских повестях», в том же «Невском проспекте». Уже в «Мертвых душах» Гоголь

возвращается к этому приему: «Словом, те слова, которые вдруг обдадут, как варом, какого-нибудь замечтавшегося двадцатилетнего юношу, когда, возвращаясь из театра, несет он в голове испанскую улицу, ночь, чудный женский образ с гитарой и кудрями. Чего нет и чего не грезится в голове его? он в небесах и к Шиллеру заехал в гости – и вдруг раздаются над ним, словно гром, роковые слова, и видит он, что вновь очутился на земле, и даже на Сенной площади, и даже близ кабака, и вновь пошла по-будничному щеголять перед ним жизнь» (гл. VI). Этот прием хорошо усвоит автор «Обыкновенной истории». Правда, вместо пафосного, драматического по духу снижения, Гончаров прибегает к мягкому юмору, что оставляет его в рамках органичного, «нефорсированного» изображения действительности. Характерный пример: рыдания Адуева после драматического объяснения с изменившей ему Наденькой Любецкой. Герой переживает трагический момент своей жизни, но это не мешает автору снизить пафос повествования, как всегда переключившись с «господ» на «слуг»: «Адуев только что спустился с лестницы, как силы изменили ему, он сел на последней ступени, закрыл глаза платком и вдруг начал рыдать громко, но без слез. В это время мимо сены проходил дворник. Он остановился и послушал.

– Марфа, а Марфа! – закричал он, подошедши к своей засаленной двери, – подь-ка сюда, послушай, как тут кто-то ревет, словно зверь. Я думал, не арапка ли наша сорвалась с цепи, да нет, это не арапка...

– Так что ж он, с голоду, что ли? – с досадой заметил дворник.

– Что! – говорила Марфа, глядя на него и не зная, что сказать, – почему знать, может, обронил что-нибудь – деньги...

Они оба вдруг присели и начали с фонариком шарить по полу во всех углах» и т.д. (Ч. 1, гл. V). Адуев, действительно, потерял нечто, а именно: любовь Наденьки. Прозаизация этой высокой потери через диалог дворника и Марфы вносит в роман здоровый юмор и является своеобразным авторским комментарием.

Гоголевская стилистика ощутима и в таких выражениях, как, например: «Кто не знает Антона Ивановича?».

Книга «Фрегат “Паллада”» связана с именем Гоголя не только многочисленными внешними отсылками к творчеству старшего современника, но и гораздо более предметно. Подобно тому, как Гоголь не написал бы «Мертвых душ» без своих поездок по Европе (см. письма к М.П. Погодину), подобно этому и «Обломов» не был бы написан Гончаровым без его кругосветного путешествия на «Палладе». В основе метода художественного исследования обоих лежит выявление коренных свойств русской нации в сравнении с другими. Только диапазон сравнения у Гончарова не европейский, как у Гоголя, а мировой. В сопоставлении с другими нациями – вся сила, свежесть и глубина гончаровской книги. При этом Гончаров разраба-

тывает свою оригинальную философию мировой истории цивилизации как части Божьего замысла о человечестве. Таким образом, гоголевский оригинальный метод включен Гончаровым в более обширный замысел.

Следующий шаг к Гоголю сделан в «Обломове». Можно сказать, что это самое «гоголевское» произведение Гончарова. Об этом говорят не только явные параллели в образах Обломова и Тентетникова, Обломова и Манилова и пр. Гончарову, который акцентированно выражает в своих произведениях идиллический, утопический планы жизни, ностальгическое настроение (что совершенно чуждо Пушкину), оказались близки глубоко залегающие в творческой личности Гоголя ностальгические настроения и мечтания. Речь идет прежде всего о том невыразимо тонком поэтическом описании, на котором построен «Сон Обломова» – эта самая концептуальная часть гончаровского романа. Большое сходство с гоголевскими «Старосветскими помещиками», вплоть до отдельных деталей, обнаруживает не только «Сон Обломова», но также изображение жизни героя в доме вдовы Пшеницыной.

В самом деле, описывая старую Обломовку, Гончаров не только иронизирует и критикует, но и любит некими непреходящими нравственными ценностями, которые для него таит в себе мир патриархальной жизни. И здесь огромный философский и художественный смысл заключается в том, что об этой жизни мы узнаем именно из описания сна Ильи Ильича. Изображая каждую новую клеточку «старосветской жизни», Гоголь всякий раз акцентирует внимание на культуре еды и сна. Но сатира у Гоголя неразрывно связана с идиллией и элегией, глубокий сон обитателей поместья вызывает у автора сложные чувства, он говорит о «дремлющих и вместе каких-то гармонических грезах...» – это уже совершенно другой «сон»: «Их лица мне представляются и теперь иногда в шуме и толпе среди модных фраков, и тогда на меня находит полусон и мерещится бывшее». Этот элегический «полусон» входит составной частью и в «Сон Обломова». Не только точка зрения на старую жизнь, в которой оба писателя видят и «живое», и «мертвое», сближает их. В обоих произведениях остро актуализирована проблема «природа и цивилизация».

В последнем гончаровском романе точнее было бы вести речь не о влиянии, а об использовании в «Обрыве» отдельных гоголевских тем и мотивов. Здесь снова как бы невзначай, эпизодически мелькают фигурки «старосветских помещиков», идиллических милых старичков Молочковых. Черты Чичикова узнаются в Аянове. Чичиковская тень мелькает уже в «Обыкновенной истории» и «Обломове», но лишь в «Обрыве», где тема «живых» и «мертвых» душ подана через призму религиозного самоопределения человека, параллель приобретает устойчивость. Аянов и Чичиков стремятся не к выработке «нормы жизни», а к «выделке» своей среды «обитания». Они схожи во многих планах. Едва ли не нарочито Гончаров вызывает у читателя ассоциацию с героем «Мертвых душ»: «Он – так себе: ни характер, ни бес-

характерность, ни знание, ни невежество, ни убеждение, ни скептицизм». Характеризуя Аянова, Гончаров не раз и не два будет повторять несколько измененные гоголевские формулировки, характеризующие Чичикова.

Ещё одна параллель с Гоголем кажется неожиданной. В «Обрыве», в отличие от «Обломова», сны героев могут быть страшными, фантастическими. Гончаров ранее не обращался к изображению ужасного, мистического. Роман «Обрыв» полон «чудовищ». Кроме злого волшебника Марка, мы встречаемся с гоголевским Вием, с языческими богами (Геркулес и пр.). У Гоголя Вий вошел в церковь, у Гончарова – злой волшебник Волохов посягает на всю Россию, на ее Веру. В «поэтическом сне» Марфеньки явственно сквозит мотив гоголевского «Вия». Геркулес, поднимающий глаза на Марфеньку, обнаруживающий ее и на нее указывающий всем остальным бесам, совершенно явственно ассоциируется с Вием, которому подняли веки – и он увидел философа Хому Брута. Вий превращается у Гончарова в античного Геркулеса, а бесы – в других мифологических героев (Диана, Марс, Венера и т.д.). При этом Гончаров не был бы самим собой, если бы вслед за изображением «ужасного» оно не было бы снято. Все завершается чуть ли не пародийно звучащей репликой Татьяны Марковны: «Надо морковного соку выпить, кровь очищает...»

Смысл этого далеко не случайного в романе сна Марфеньки еще предстоит разгадать. Ясно лишь одно: в отличие от сна Татьяны, предвещающего гибель Ленского, и явления Вия, повлекшего за собою смерть Хомы Брута, сон «солнечной» Марфеньки не влечет за собою никаких прямых трагических последствий, связанных со смертью, хотя и предвосхищает падение Веры. В античных (в данном случае – языческих) образах Гончаров воплощает тему «бесов», главный из которых в романе – Геркулес-Марк. Так тема «бесов» передается от пушкинского «Евгения Онегина» через гоголевского «Вия» к «Обрыву» Гончарова.

Между тем, очевидно, что все эти параллели с Гоголем в «Обрыве» – всего лишь частности. Гоголь к этому времени уже был пережит Гончаровым и занял в его художественном сознании почетное, но совсем не главное место. В письме к Л.А. Полонскому от 20 мая 1880 г., говоря о раннем влиянии Пушкина, он замечал: «Лермонтов и Гоголь не были собственно моими учителями: я уже сам созрел тогда и пописывал!»³

Гоголь в сознании Гончарова чаще всего присутствует в раздробленном, анекдотически-ситуативном виде. Для Гончарова процитировать Гоголя означает – подобрать яркую иллюстрацию к жизненному случаю. Однако это не равносильно тому, что Гончаров рассыпал Гоголя на анекдоты: Гоголь и его художественный опыт постоянно вызывали концептуальную, глубокую творческую реакцию Гончарова. Автор «Старосветских помещиков» то мощно втягивал Гончарова в свою неповторимую оригинальную стилистическую стихию, то становился предметом критического отношения.

Однако если в области поэтики влияние Гоголя на Гончарова, пусть и преодолеваемое со временем, видно невооруженным взглядом, то гораздо сложнее обстоит дело с той стороной гоголевского творчества и личности, которая связана с этико-философской настроенностью автора «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Несомненно, многие этические представления Гоголя и Гончарова близки или даже пересекаются. Отметим наиболее важные моменты. Прежде всего, этические идеи и Гоголя, и Гончарова выстраиваются на платформе, соединяющей Евангелие и просветительские идеи. А.Н. Лазарева пишет о Гоголе: «Просветительский энтузиазм играет огромную роль в гоголевской концепции нравственного преобразования. Моральная проповедь, вытекающая из художественной исповеди, перерастает в своеобразное просветительство. Гоголь понимает просвещение, прежде всего как путь нравственного воспитания и совершенствования человека и общества. «Сила влияния нравственного выше всяких сил».⁴ Религию, с которой просветители (не только атеистического направления) вели борьбу, он интерпретирует так, чтобы она могла служить выполнению той же задачи. Поэтому и евангельские заповеди выступают у него в тесной связи с делом воспитания и совершенствования души человека. Вне этого конкретного применения они, как и абстрактные лозунги Просвещения, представляются Гоголю малоценными».⁵ (Такой же подход свойственен и Гончарову, который, начиная с 1840-х годов, напряженно размышлял над тем, как соединить «вечность» и «историю», личное традиционное верование с понятиями и ценностями современной культуры и цивилизации.

Проблема соотношения «природы» и «цивилизаций» в современном русском обществе и Гоголем, и Гончаровым ставится в связи с вопросом о гармонической человеческой личности, о его «живой» или «омертвелой» душе. Для обоих писателей в центре указанной этической проблематики оказываются понятия «покоя» (у Гоголя – «привычки») и «страсти». Эти понятия стоят в ряду важнейших для просветителей XVIII в., в том числе и для Руссо. Согласно их воззрению, покой связан с тем, что дано человеку, природой, естеством, непосредственным чувством. Покой зиждется на том, что человек живет лишь «естественными», «природными» желаниями.⁶ Страсти же связаны с жизнью человека в обществе, с рациональной стороной его натуры. Просветители, включая и Руссо, ставили вопрос именно о гармоническом синтезе покоя и страсти в человеческой натуре, о слиянии в ней «природного» и «общественного» элементов. Гоголь в «Старосветских помещиках» задает вопрос: «Что же сильнее над нами – страсть или привычка?» И хотя далее он пишет о том, что «в это время мне казались детскими все наши страсти против этой долгой, медленной, почти бесчувственной привычки», не следует думать, что Гоголь окончательно решает вопрос в пользу «привычки – покоя». В художественном мире Гоголя есть и иные

«страсти», о которых он помнит даже в «Старосветских помещиках». Это «страсти», не разъединяющие людей, но, напротив, соединяющие их в единое «братство», «товарищество» («Тарас Бульба»). Может быть, это и есть искомый Гоголем синтез природного и общественного в человеке. Противопоставляя «покой» и «страсти», Гоголь все же считает, что без страсти нет и жизни, нет человека. Иное дело, что некоторые из страстей могут быть, по его выражению, «порождениями злого духа». Гончаров акцентирует эту мысль в духе просветительской философии. Природа «страстей» противоречива, но без них душа человека может стать «мертвой душой».

Полное единодушие с Гоголем Гончаров проявляет в оценке соотносительности «ума» и «нравственности», их взаимозависимости и дружной работы в личности человека. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь пишет: «Ум идет вперед, когда идут вперед все нравственные силы в человеке, и стоит без движенья и даже идет назад, когда не возвышаются нравственные силы...»⁷ Примерно в то же время, когда Гоголь пишет свою книгу, Гончаров печатает свой первый роман «Обыкновенная история». Романист показывает, что культура Петра Адуева основана на «знании», «уме», но не проникнута «чувством», не облагорожена «сердцем», или, говоря гоголевскими словами, «нравственностью». Гончаров так характеризует своего героя: «Он понимал все тревоги сердца, все душевные бури, но понимал – и только. Весь кодекс сердечных дел был у него в голове, но не в сердце» («Обыкновенная история», ч. 2, гл. I). К приведенным выше словам Гоголь добавляет тут же: «Поразительно: в то время, когда уже, было, начали думать люди, что образованием выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир, – дорогой ума». Уже позже, в период борьбы с этикой позитивизма, Гончаров, явно перекликаясь с Гоголем, напишет: «...Напрасно Бокль и подобные ему мыслители хотят измерить человеческий прогресс только мериллом знания – и в нем одном слить совершенствование человечества! Нравственное несовершенство, конечно, частью зависит от неведения, но большею частью и от дурной и злой воли. А победа последней достижима не одним только ведением, но и силою воли! А потому заповеди и евангелие будут на этом пути единственными руководителями!»⁸ Соотносительность «ума» и «нравственности» Гончаров делает специальным предметом своего художественного исследования. Он постоянно возвращается к мысли о необходимости преодоления «обрыва» между ними, возвращаясь к формулировке А.С. Грибоедова «ум с сердцем не в ладу». Тексты гончаровских романов, его «Фрегат “Паллада”», его письма в итоге составляют целый этико-философский трактат на эту тему. Здесь Гоголь оказывается его прямым предшественником.

Тем не менее, Гончаров неоднократно акцентирует некоторую дисгармоничность Гоголя. Во-первых, его смущает то, что Гоголь задал тот «отрицательный» вектор развития русской литературы после 1840-х гг., ко-

торый многих писателей, не имеющих творческой силы Гоголя, увел от серьезных художественных задач. В письме к С.А. Никитенко от 21 августа 1866 г. он замечает: «Скажу Вам, наконец, вот что, чего никому не говорил: с той минуты, когда я начал писать для печати..., у меня был один артистический идеал: это – изображение честной, доброй, симпатичной природы, в высшей степени идеалиста, всю жизнь борющегося, ищущего правды, встречающего ложь на каждом шагу, обманывающегося и, наконец, окончательно охлаждающегося и впадающего в апатию и бессилие от сознания слабости своей и чужой, то есть вообще человеческой природы. Та же идея была у меня, когда я задумывал и Райского, и если б я мог исполнить ее, тогда бы увидели в Райском и мои серьезные стороны. Но тема эта слишком обширна, я бы не совладал с нею, и притом отрицательное направление до того охватило все общество и литературу (начиная с Белинского и Гоголя), что и я поддался этому направлению и вместо серьезной человеческой фигуры стал чертить частные типы, уловляя только уродливые и смешные стороны»⁹. Трудно переоценить это признание художника, мечтавшего, как и Ф.М. Достоевский, создать образ «положительно прекрасного человека». Умение уловлять «только уродливые и смешные стороны» Гончаров позаимствовал у Гоголя, хотя и сумел перевести гоголевский юмор в более мягкую и лиричную иронию. Тем не менее, здесь слышен едва ли не скрытый упрек Гоголю.

Кроме того, Гончарову, несомненно, чужд морализм Гоголя, в чем он был, впрочем, не одинок. Писатель, конечно, был знаком с известным письмом В.Г. Белинского к Гоголю по поводу «Выбранных мест...». Гончаров, вероятно, далеко не во всем был согласен с критиком, но в оценке «Выбранных мест...», как книги морально претенциозной и во многом ошибочной, он должен был проявлять с Белинским единодушие. Напомним, что даже близкие к Гоголю люди порицали это сочинение как духовное заблуждение Гоголя. Так, С.Т. Аксаков писал ему после выхода книги, 9 декабря 1846 г.: «Уже давно начало не нравиться мне ваше религиозное направление... Пятый год душа моя наполняется этими чувствами и убеждениями, и, наконец, переполнилась мера»¹⁰. Будучи сам глубоко религиозным человеком, Гончаров, как и Гоголь, мечтает о своем «третьем томе» романа (эту роль должен был выполнить «Обрыв», однако положительно прекрасного человека Гончаров так и не написал). При этом, чтобы сохранить духовную трезвость, он проверяет свои этико-философские и религиозные поиски критерием художественности. По его мнению, Гоголь не сумел удержаться в рамках художественной правды после первого тома «Мертвых душ» и ушел в морализм. Вглядываясь в кончину Гоголя, он видит в ней не только христианский план, но и (в еще большей степени) трагедию художника. Последнее характерно отразилось в письме к С.А. Никитенко от 14 июня 1860 г.: «... я вспоминал Гоголя: как он, с христианской точки зрения, отка-

зался от дальнейшей славы, познал в своей поэтической деятельности мирскую суету и умер. Иногда я верю ему, а иногда думаю, что он не умел смириться в своих замыслах, захотел, как Александр Македонский, покорить луну, то есть не удовольствовался одною, выпавшею ему на долю ролью – разрушителя старого, гнилого здания, захотел быть творцом, создателем нового, но не сладил, не одолел, увидал, что создать не может, не знает, что надо создать, что это дело других, – и умер! Следовательно... это дело спорное»¹¹. В сущности, Гончаров повторяет здесь то, что уже однажды сказал Белинский в упомянутом письме: «Смирение, проповедуемое Вами... отзывается...страшною гордостью...»¹².

Примечания

¹ Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8-ми томах. М., 1952–1955. Т. 8. С. 501.

² Кулешов В. Роман – «знамение времени» («Обломов» И.А. Гончарова) // Вершины. М., 1981. С. 98.

³ Гончаров И. А. Письмо к Л. А. Полонскому от 20 мая 1880 г. // Страна. СПб., 1880. № 41. С. 2.

⁴ См.: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 17-ти томах. М.- Киев, 2009–2010. Т. 8. С. 460.

⁵ Лазарева А.Н. Духовный опыт Гоголя. М., 1993. С. 71.

⁶ См.: Верцман И. Жан Жак Руссо. М., 1958. С. 62.

⁷ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 17-ти томах. Т. 8. С. 414.

⁸ Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8-ми томах. Т. 8. С. 156.

⁹ Там же. С. 366.

¹⁰ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 17-ти томах. Т. 13. Письма. 1845–1846. С. 456, 460.

¹¹ Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8-ми томах. Т. 8. С. 337.

¹² Литературное наследство. Т. 56. В.Г. Белинский. Ч. II. М., 1950. С. 507–508.

Т.И. Радомская
(Институт мировой литературы РАН,
Государственная академия славянской культуры, Москва)

К вопросу о непрочитанных смыслах «Шинели». Проблемы герменевтики текста*

Abstract:

Radomskaya T. *On the senses unread in «The Overcoat»: Problems of the text hermeneutics.*

In this paper, the author presents a fragment of her lecture-course under the title «The Spiritual Foundations of national Russian literature: word, image, poetics» held at the State Academy of Slavic Culture. The author expresses sincere gratitude to Fr. Sergius Makhonin for his approaches to spiritual hermeneutics of the Russian literature.

Ключевые слова: Гоголь, «Шинель», герменевтика текста, Светлый гость, холод, пустота, пустырь.

Символичность образов. Значение имени и фамилии героя. Конфликт.

Работа над этой повестью заняла у Гоголя длительное время, в течение 1839–1840 гг. он неоднократно к ней возвращался, только в 1841 г. «Шинель» была завершена.

Если в «Медном всаднике» показан герой бедный, но «благородный» (что означает в переводе с греческого языка его имя Евгений), герой, происходящий из старинного, но обедневшего рода, то Гоголь изображает судьбу просто бедного титулярного советника в столице «отеческой державы» – Петербурге.

Художественный мир Гоголя обладает особым качеством – символичностью. Поэтому рассказ о жизни и смерти Акакия Акакиевича Башмачкина помимо реального плана изображения и реального смысла имеет смысл скрытый за этой реальностью. Нам важно не только понять и тот, и другой спектр значений, но и увидеть их взаимосвязь.

В начале повести Гоголь описывает происхождение Акакия Акакиевича Башмачкина, его родителей, что характерно для жанра житий святых. Тем самым автор как бы напоминает читателю и своему герою – бедному

* Автор работы выражает сердечную благодарность прот. Сергию Махонину за подходы к духовной герменевтике отечественной литературы.

титularному советнику – о той высокой системе координат, которая должна определять жизнь каждого человека.

К чему был призван Акакий Акакиевич и как его духовное назначение им исполнено? Такие вопросы – человеческого призвания и его исполнения – характерны для жанров житийной литературы, и такие же вопросы задает Гоголь в своей повести.

Имя героя – Акакий – имеет здесь, так же, как и в жанрах духовной литературы, важное значение. В переводе с греческого оно означает «незловбивый». Отца героя звали так же – дар незлобия, таким образом, является и даром духовным, и «наследием» родовым. Гоголь подчеркивает: имя, данное Башмачкину, «никак не искали», а что сами собою случились «такие обстоятельства, что никак нельзя было дать другого имени», но обстоятельства не бывают случайными, они определяются Промыслом Божиим. Таким образом, автор говорит о том, что имя, а с ним и духовный «вектор» души героя, заложенный в его значении, были предопределены не волей человеческой, но волей Божией. Это может означать здесь то, в частности, что Господь каждому при рождении дает свой духовный талант, который человек должен реализовать в своей земной жизни.

Имя героя, указывающее на высокий дар незлобия и смирения, контрастирует с его грубо вещественной фамилией – Башмачкин: «Уже по самому имени видно, что оно когда-то произошло от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего это неизвестно».

Незлобие, смирение и башмак. Странное, нелепое сочетание высокого и грубовещественного. Сочетание, которое указывает на конфликт между духовным, и материальным в человеческой жизни, конфликт между живой человеческой душой и мертвой вещью, наконец, конфликт между жизнью и смертью.

Развитие конфликта

Реализация духовного дара души в земной реальности – такое требование предъявляет Гоголь к своему герою, так как глубоко убежден, что для этого человеку дается от Господа жизнь.

Как же распорядился ею Акакий Акакиевич?

Незлобие и смирение являются бесценными дарами, способными изменить жестокие сердца и оживить их для жизни.

В повести есть эпизод, в котором показано, как Акакий Акакиевич своим незлобием изменил сердце одного молодого человека, изменил настолько, что тот не только уже никогда в жизни больше не смеялся над «маленькими людьми», но и вообще оставил пустой круг общения, «и с тех пор все как будто переменилось перед ним».

«Что-то странное заключалось в словах и в голосе...», «какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей».

«Странное», «неестественное» в этом контексте означает духовную силу, не понятную земному восприятию. Оказывается, эта сила была дана бессильному и униженному Акакию Акакиевичу, и эта сила – плод его незлобия и смирения. Она пробудила сердце молодого человека к любви и состраданию, не позволила ему омертветь душой в «тине житейских мелочей», что, большей частью, как раз и происходит с героями Гоголя.

Но сумел ли Акакий Акакиевич развить этот дар, данный ему от Бога?

Переписывание бумаг – не просто служебное занятие Акакия Акакиевича, но его любимое дело, которому герой отдает свою душу.

Чему отдает себя Акакий Акакиевич? Что означает его занятие – переписывание бумаг?

В статье «Русский помещик» Гоголь писал: «Народ наш не глуп, что бежит (...) от всякой письменной бумаги. Знает, что там притык всей человеческой путаницы, крючкотворства и каверзничества»¹.

Отношение Гоголя к «бумагам» здесь очевидно. Их переписывание в повести «Шинель» символизирует занятие Акакия Акакиевича мертвенным, неживым делом. Обратите внимание на то, что герой даже не составляет бумаги, а только переписывает их.

Мир мертвенный окружает человека и подчиняет себе.

Гоголь показывает мертвенность жизни в разных проявлениях. Это и род занятий Акакия Акакиевича, и люди, окружающие его. Их объединяет общая черта – отсутствие не только любви, но просто живого, сострадательного движения души по отношению к другому человеку. Холодный, мертвый мир сердец, подобных по своему состоянию «окамененному нечувствию», как оно определяется в духовной православной традиции. Жизнь таких людей состоит из внешних мелочей жизни, на которую растрачивается душа.

В статье «Об архитектуре нынешнего времени» (1834) Гоголь пишет: «Век наш так мелок, желанья так разбросаны по всему (...) что мы поневоле раздробляем все произведения на мелочи и на прелестные игрушки»².

Жизнь Акакия Акакиевича, занятия чиновников воображаются через ряд мелких, не связанных между собой, «дробящихся» подробностей. В «Мертвых душах» мир деталей, частных составит «разнообразную кучу», из-за которой не видно человеческого образа.

Для «Шинели» такой способ изображения, отражающий ненормальное, лишенное целостности и духовной основы человеческое существование, также характерен.

Стремление к высокому здесь заменилось на стремление к шинели, оно наполняет жизнь Акакия Акакиевича смыслом. Переписывание бумаг и желание приобрести шинель – к этому сводится жизнь героя. Мечта о шинели становится его заветной целью, которой он служит так, как человек должен служить Господу.

Образ шинели

Образ шинели в повести имеет также свою символику. Во-первых, он обозначает мир вещественный, которому служит Акакий Акакиевич так самоотверженно, как он должен был своими дарованиями служить Богу. С момента появления у героя мечты о шинели, он меняется духовно. «Он сделался как-то живее, даже тверже характером... *Огонь* порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: *не положить ли, точно, куницу на воротник?»* (курсив – Т. Р.). Это описание внутреннего мира Акакия Акакиевича строится на иронии. Она возникает из комического противоречия между тем высоким, что заложено в душе героя, и тем, на что направлены его усилия. Жизнь, огонь, целеустремленность, твердость характера – все вдруг разом проснулось в Акакии Акакиевиче. Но из-за чего? Из-за шинели, о которой он мечтает.

Образ шинели имеет и еще один спектр значений. Это одежда, которая должна укрыть героя от ветра, холода. Это то, что должно дать тепло, которого нет в холодном мертвом мире города Петербурга. Мечта о шинели заменяет для Акакия Акакиевича мечту о тепле и доме, и сама шинель для него становится символом названных ценностей. Очевидно, что это – иллюзия, обман, которому герой верит, и поэтому прикладывает все силы для реализации своей мечты. Мертвенный мир «подсовывает» человеку свои обманы и миражи: вместо истинного дома и тепла – шинель, претендующую стать для героя и домом, и теплом. Ведь мечты Акакия Акакиевича о шинели, как мы видим, становятся мечтами об обретении тепла, которого нет в мире и которое незлобивая душа героя стремится обрести.

«Боже! Пусто и страшно становится в Твоем мире!»

Мир не только обманывает, но, насытившись обманом, отбирает у героя его иллюзию. И в этот момент он предстает в своей страшной наготе, без прикрас и в том истинном виде, в котором он есть. Вот как сам автор описывает место, в котором с несчастного Акакия Акакиевича сорвали шинель: «Скоро потянулись перед ним *пустынные улицы*, которые даже и днем не так веселы, а тем более вечером. Теперь они сделались еще глуше и уединеннее: фонари стали мелькать реже – масла, как видно, уже меньше отпущалось; пошли деревянные дома, заборы; нигде ни души; сверкал только

один снег по улицам да печально чернели с закрытыми ставнями заснувшие низенькие лачужки. Он приблизился к тому месту, где перережевалась улица бесконечною площадью с едва видимыми на другой стороне ее домами, которая глядела *страшною пустынею*.

Вдали, Бог знает где, мелькал огонек в какой-то будке, которая казалась стоявшею *на краю света...* Он (Акакий Акакиевич – *Т.Р.*) вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторонам: *точное море вокруг него...*» – (Курсив – *Т. Р.*).

Пространство города, его дома, улицы на наших глазах вдруг превращаются в безлюдную пустыню, бесконечную, подобную морю. Образ моря здесь может ассоциироваться с образом «житейского моря», связанного с духовными жанрами. Ср. например: «Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве» (ирмос песни 6 Канона покаянного ко Господу нашему Иисусу Христу).

«Житейское море» не может преодолеть Акакий Акакиевич и не может обрести в нем «тихое пристанище» – свой дом земной и Дом Небесный, так как его жизнь вместо служения Отцу Небесному превратилась в служение тленному, вещественному – бумагам и шинели. Гоголь показывает, как человек в «житейском море» потопляется миром материальным, мертвым. Значение фамилии «Башмачкин» своей вещественностью, как башмаком, «раздавила» значение имени героя. Мир мертвенный «наступил» на образ Божий в человеке и исказил его так, что теперь дом и любовь у него способна заменить собой шинель.

После того, как шинель сорвана, миру обмана больше не надо обманывать уже им же обманутого и потонувшего в «тине житейских мелочей» маленького чиновника. Поэтому он (этот мир) уже предстоит без прикрас, в своем истинном облиции. В вышеприводимом отрывке Гоголь рисует *духовный пейзаж Петербурга, столицы Российской империи, не ставшей отчим домом своему подданному*.

Безлюдная, темная пустыня объяла Акакия Акакиевича. Когда он пришел в себя, «он чувствовал, что в поле *холодно* и шинели нет, стал кричать, но голос, казалось, и не думал долетать до концов площади». (Курсив – *Т. Р.*)

Холод, темнота, пустыня. Эти образы, несомненно, имеют духовную, символическую природу, они означают мир, живущий не по закону Божьих заповедей, закону тепла, жизни, любви, а по закону мертвенности, смерти, греха. Холод, темнота, пустыня – это могила, в которую при жизни загоняет себя живой человек. В духовной прозе Гоголя – «Светлом Воскресении», последней главе из «Выбранных мест из переписки с друзьями», появляются образы, близкие образам в повести «Шинель»: «И непонятной тоской уже

загорелась земля; черствей и черствей становится жизнь; все мельчает и мелеет, и возрастает только в виду всех один исполинский образ скуки, достигающая с каждым днем неизмеримейшего роста. Всё глухо, могила повсюду. Боже! Пусто и страшно становится в Твоем мире!»

Так, предметная детализация «Шинели», передающая обилие мелочей жизни, в которых «захлебывается» человек, сменяется образами, имеющими непосредственное отношение к жанрам духовной литературы, и, в частности, к духовной прозе Гоголя.

Слово – особый жанр проповеди в духовной литературе, и его элементы также появляются в повести «Шинель». Так, когда автор подводит итог жизни человека, не сумевшего реализовать свой дар незлобия в холодном и злобном мире, он произносит надгробное слово об этой ушедшей жизни.

«Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное... но для которого все же таки, хотя перед самым концом жизни, мелькнул *светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь...*» (Курсив – Т.Р.)

В надгробном слове Гоголя на могиле своего героя нет ни тени его осуждения. Здесь присутствует сострадание и вера в то, что Господь в виде «светлого гостя» осветил своим светом эту неудавшуюся, нереализованную жизнь, разменявшуюся на житейские мелочи. Акакий Акакиевич Башмачкин – обманутый, незлобивый человек, не сумевший своим незлобием изменить холодный мир, но не озлобившийся при этом на него. Может быть, поэтому автору видится отблеск Света Небесного («светлого гостя в виде шинели») в его земной бездомной жизни, лишенной «тихого пристанища», тепла и защиты, вместо которых герой наивно поверил в силу суконной шинели.

Образ Петербурга

Рассказ о жизни и смерти Акакия Акакиевича Башмачкина при всей его духовной многозначности и глубине предельно конкретен и реален.

Именно в существующей реальности и через существующую реальность Гоголь прозревает вечный духовный смысл, скрытый за ней, но при этом неразрывно с ней (этой реальностью) связанный.

Как же?

«Вечный титулярный советник» Акакий Акакиевич Башмачкин.

Какое удивительное в этом определении соединение социального, преходящего конкретного смысла (чин) и вечного. Почему? Потому что через вечное Гоголь постигает значение конкретной исторической реальности, раскрывает ее читателю и, таким образом, история России, история отдельной человеческой жизни мелкого чиновника 1830-х гг. в городе Петербурге

осмысляются им и социально, и духовно. Точнее, *в истории России и в истории частной человеческой жизни Гоголь выявляет вечное духовное содержание.*

Не случайно, что действие не только этой повести, но и повестей, которые сам Гоголь объединил в особый цикл, происходит большей частью в Петербурге. Условно говоря, они составляют «петербургский цикл».

Как вы помните, осмысление Петербурга как символа русской государственности и нового уклада жизни происходит в поэме «Медный всадник».

Гоголь развивает пушкинскую тему, но, в отличие от своего предшественника, показывает жизнь не потомка славной фамилии, а просто «маленького человека».

Мир Петербурга изображается Гоголем через образы городских жителей, погоды и пейзажа города.

Суровый северный мороз, порывистый ветер пустырей и улиц соответствует жестоким, холодным отношениям, царящим здесь между людьми. Отсутствие человеческого тепла раскрывается через городской пейзаж.

Отношения людей в Петербурге определяются, в частности, и табелью о рангах, принятой при Петре I в 1722 г. Теперь душа человека «пришпилена» мертвенной бумагой, и никуда не вырваться из этого определения «вечному титулярному советнику» Башмачкину. В городе, основанном Петром I, царит мертвенный дух. Не случайно Пушкин делает символом Петербурга образ неживого Медного всадника.

Дом, город, в основе которых ложится не твердое духовное основание, заповеданное традицией предков, подвержен разрушению, что тонко и глубоко было воплощено Пушкиным в поэме «Медный всадник».

Гоголь, развивая эту мысль поэта, показывает, как в «новом», «петровском» укладе и «граде Петровом» разрушается и физическая, и духовная жизнь человека, его «внутреннее» и «внешнее» хозяйство.

Бумага, а не живая человеческая душа строит отношения между людьми. «Бумага» (будь то табель о рангах, или какой-либо циркуляр) в художественном мире Гоголя отражает характерные тенденции социальной реальности, которые осмысляются писателем духовно.

И Пушкин, и Гоголь ощущали, что секуляризация национального уклада жизни, связанная, в частности, и с реформами Петра I, и есть то не твердое основание, на котором воздвигается новый государственный дом. Социальная сфера человеческой деятельности так же, как и культурная, начинает развиваться изолированно от православной традиции. Но без Бога нет дыхания жизни, поэтому рано или поздно твердь человеческого построения будет разрушена «житейским морем», что символически показывает Пушкин в «Медном всаднике».

У Гоголя образом-символом «петербургского периода» русской истории становится образ бумаги.

Управление городом, страной, забывшее о душе человека (а значит, и нарушающее Божии заповеди), теряет свою силу, потому что управляет не человеком, а чином. Живая человеческая жизнь не учитывается табелью о рангах и бумажными циркулярами. Чем больше она не учитывается, а следовательно, и не управляется, *тем больше появляется бумага*, долженствующих урегулировать и упредить отношения в государстве.

Жизнь общества, построенная не на духовном основании, особенно нуждается в системе ограничений. Чем более безнравственна становится такая жизнь, тем больше управленческих и регулирующих ее законов и «бумаг» она требует. Поэтому мир бумажной жизни становится неотъемлемой чертой художественного пространства Гоголя. В городе Петербурге жизнь строится так, что мир ложных, мертвенных, «бумажных» ценностей определяет «внутреннее» и «внешнее» хозяйство города и отдельного человека – Акакия Акакиевича Башмачкина.

«Житейское море» ложных ценностей окружает героев Гоголя, и они умирают (Акакий Акакиевич) или сходят с ума (чиновник Поприщин из «Записок сумасшедшего»).

В «Шинели» Гоголь изображает духовный пейзаж Петербурга и того нового уклада жизни, который развивается в этом городе. Пустырь, лишенный света, жизни, обступающий человека со всех сторон, как море. Вокруг ни души. Смысл этой картины позже раскрывается в восклицании Гоголя: «Боже! Пусто и страшно становится в Твоем мире!»

В «Медном всаднике» Пушкин создает аналогичный образ-символ своего времени: Евгений – а «вкруг него / Вода и больше ничего!» И «вечный титулярный советник» Акакий Акакиевич Башмачкин, и потомок старинного дворянского рода Евгений в своей отеческой державе, развивающейся не по отеческим законам, лишаются надежной духовной, а следовательно, и социальной защиты, твердого основания жизни. А без этого – разрушается все.

Поэтому Пушкин и показывает, как в процессе этого разрушения «храм» души Евгения распадается, и он сходит с ума.

Акакий Акакиевич умирает. Еще один герой петербургской повести Гоголя чиновник Поприщин сходит с ума, так как по «бумажной» табели о рангах ему не положено любить дочь своего начальника, а душа протестует против мира «бумаги». В этом протесте состав человека раздваивается, так как он начинает жить в выдуманном мире, а такое раздвоение есть начало душевной болезни. Потеряли себя, свою душевную целостность Евгений и Поприщин, духовно деформирован мир Акакия Акакиевича.

В конце повести «Записки сумасшедшего» есть слова больного Поприщина:

«Спасите меня! Возьмите меня! Дайте мне тройку быстрых, как вихрь, коней! Садись мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтеся, кони, и несите меня с этого света! <...> вон и *русские избы виднеют. Дом ли то мой синеет вдали?* Мать ли моя сидит перед окном? *Матушка, спаси твоего бедного сына* <...> прижми ко груди своей бедного *сиротку!* Ему нет места на свете! <...> Матушка! Пожалей о своем больном дитятке!..» (курсив –Т.Р.).

«С этого света», построенного не по заповедям Божиим, к себе «домой» рвутся лишенные дома русские люди. Крик Поприщина – это и молитвенный вопль к Божией Матери бедного сына, заблудившего в отечественных просторах.

Подобный крик на пустыре Петербурга мог вырваться и из груди Акакия Акакиевича. Никому не нужный со своим даром незлобия в жестоком мире, Акакий Акакиевич ищет утешения в мире вещей и оказывается жестоко обманут этой действительностью.

Но не Богом. «Светлый гость в виде шинели» не оставил Акакия Акакиевича в его сиротском блуждании по холодному миру, освободил от иллюзий и забрал к себе «с этого света». Свет «светлого гостя» незримо разлит над страницами повести и определяет ее художественное своеобразие.

Автор и герой

Странное, быть может, даже нелепое сочетание высокого и грубо вещественного определяет образную систему повести «Шинель». Но именно благодаря ему автор указывает на конфликт человеческой души в реальности, бедной теплом, любовью, всем тем, что составляет сущность жизни. Жизнь души в холодном мире – центральная проблема не только «Шинели», но и всего творчества писателя.

Противопоставление живого мертвому, души – вещи отражается и в особенностях поэтики произведения.

Гоголь описывает повседневную жизнь Акакия Акакиевича Башмачкина и других чиновников, жизнь, распавшуюся на ненужные пустые мелочи. Ряд мелких, не связанных между собой, «дробящихся» подробностей, рассеивающих человеческую душу и разрушающих ее, – так показана автором жизнь Петербурга. *Предметная детализация образа, описание его через внешний жест, движение* – все это передает суетливый, хаотический в своем суетном движении темп жизни чиновничества.

Внутренняя жизнь человека подчинена внешнему и поэтому передается Гоголем через череду действий героев и предметную детализацию окружающего их мира. Предельная конкретность, «вещественность» описания – характерные приметы художественного мира повести.

Как мы уже отметили, такое построение образа передает особое состояние человека, погруженного только в земное.

И именно такого человека, «раздробившего» свою жизнь на пустые мелочи, писатель поставил перед Вечностью, Богом. Если в «Ревизоре» и «Мертвых душах» герои «не в силах встретиться прямо со Христом» (слова Гоголя о состоянии современного человека), то в «Шинели» эта встреча осуществилась, но не благодаря герою, а благодаря *авторской позиции по отношению к нему*.

Гоголь сумел увидеть в «вечном титулярном советнике», мечтающем лишь о шинели, образ Божий, его живую человеческую душу, затерянную в «житейском море».

Непосредственно о таком прозрении мы узнаем из эпизода с молодым человеком, духовно изменившемся от слов Акакия Акакиевича: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» Он (эпизод) имел автобиографический характер: когда-то сам Гоголь увидел через кору повседневности Свет Христов, живущий в душе ничем не примечательного человека.

Свой собственный опыт прозрения образа Божьего в другом автор запечатлел в «Шинели», и это придает повести совершенно особое духовное значение, необычность, определившую ее художественное своеобразие.

Благодаря *видению* автора герой обрел свой образ Божий, забытый им самим и не востребованный другими. Именно это и есть встреча человека с Христом, а такое событие требует особого слова о нем. Поэтому в реалистическую «ткань» произведения Гоголь *«вплывает» «нити» духовной прозы*.

Так, рассказывая о самом трагическом событии в жизни Акакия Акакиевича – потере шинели, автор не смеется, хоть здесь, несомненно, возникает комическое противоречие между мелкостью происшедшего и трагичностью восприятия героя. Но в этом смешном случае Гоголь увидел действительную трагедию души, замерзающей в холодной пустыне города без тепла, которое он надеялся получить от суконой шинели.

О высоком и духовном писатель говорит здесь высоко. При этом он использует образы холода, пустыни, пространства, граничившего «с краем света», наделяя их особой, повышенной символичностью и тем самым приближая к образам духовной литературы.

Провожая своего героя в Вечность, автор произносит своеобразное надгробное слово над ним, близкое к духовному жанру проповеди. В нем Гоголь описывает перед читателем не внешний сюжет жизни героя, не исполнившего своего назначения в мире, разменявшего свою жизнь на переписывание бумаг и мечту о шинели. Нет, автор за фактами духовно нереализованной и бессмысленной жизни сумел увидеть другое. *Башимачкин, не обретший сам в себе образ Божий, не понявший своего высокого назначения, не нужный людям, нужен Богу*. Поэтому и в земной жизни его посещает Божья милость, «светлый гость в виде шинели», о чем и рассказывает автор читателю.

Востребованность человеческой души его Создателем, Отцом Небесным – такова тема авторского слова, и она определяет высокую лексику и введение в реалистическую повесть элементов духовного жанра проповеди.

Таким образом, обращение к духовным образам и жанрам в повести «Шинель» естественно вытекает из отношения автора к своему герою. Здесь Гоголь, в отличие от «Ревизора» и «Мертвых душ», борется с грехами человека не смехом и обнажением его пороков, но другим средством. Если в «Ревизоре» и «Мертвых душах» показывается творение, забывшее о своем Творце, то в «Шинели» автор напоминает читателю о милости Творца к своему творению, не познавшему Его. А это рождает и милостивый взгляд автора, увидевшего Свет Истинный в, казалось бы, бессмысленной и беспросветной жизни «вечного титулярного советника».

Слово автору о своем герое *органично* духовному жанру проповеди *по своему отношению* к изображаемому: в этой повести Гоголь хочет рассказать не только о тьме мира, но и о Свете *Христовом, просвещающем мир*.³

В этом смысле «Шинель» близка и к жанру проповеди, слова о милосердии Божиим.

Узрев в своем герое образ Божий, Гоголь приблизил не только его, но и своего читателя к Источнику Света, и его слово *пронзенное милостью*, именно поэтому звучит убедительно. В свое время Пушкин, так повлиявший на Гоголя, в заметках об Александре Радищеве написал: что «нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви»⁴.

В повести «Шинель» осуществились слова Пушкина: сострадание и милость дали художнику духовное видение и силу слова о человеке.

Примечания

¹ Виноградов И.А., Воропаев В.А. «Дело, взятое из души...» // Гоголь Н.В. Мертвые души. Поэма / Сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. М.: Сипергия, 1995. С. 21.

² Цит по: Виноградов И.А., Воропаев В.А. «Дело, взятое из души...» С. 18.

³ См.: Зубов В.П. Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди. М.: Эдиториал УРСС. 2001.

⁴ См.: Пушкин А.С. Александр Радищев Полн. собр. соч.: в 9 т. М.: Academia с. 319.

**Искусство славянских народов
в культурном пространстве Европы.
Скульптура Болгарии конца XIX – начала XX вв.**

Abstract:

Konenkova A.K. *Art of the Slavic peoples in the cultural space of Europe: Sculpture in Bulgaria in the late nineteenth – early twentieth century.*

The article is devoted to the professionalization of the art of sculpture in Bulgaria in the late nineteenth – early twentieth centuries. The fundamental origins of Bulgarian sculpture – which are related to pan-European traditions of visual arts of the age and enriched with the national traditions of Bulgaria – are exemplified by two outstanding sculptures, Andrey Nikolov and Ivan Lazarov. In the masterpieces of these artists the Bulgarian art of sculpture appears as deep in its content, revealing philosophical problems of life, and the heroism of the Bulgarian people, its resistance and optimism. Works of both sculptors show a variety of material which they were working with, their skill of using the expressive potential of each material, ability to solve specific problems of sculpture, disclose its ability to create an image of a human being.

Ключевые слова: формирование национальной школы изобразительного искусства, культурное пространство Европы, национальные традиции Болгарии, профессиональное мастерство скульпторов, основные проблемы скульптуры как вида искусства, раскрытие исторической судьбы народа.

В связи с изменением во второй половине XIX в. исторической ситуации на Балканах болгарское изобразительное искусство, как и культура Болгарии в целом, переживает период бурного развития.

Началом художественной жизни можно считать открытие в Софии в 1888 г. персональной выставки болгарского художника Ивана Ангелова, первыми посетителями которой были его друзья. В 1890-е годы развитие изобразительного искусства в Болгарии начало получать поддержку государства. В это время в Национальном музее был создан художественный отдел, приобретены картины болгарских художников, сформирована новая экспозиция болгарского изобразительного искусства, которая стала первой коллективной выставкой болгарских художников. Болгарское искусство получило и общественное признание, что выразилось в создании в 1892 г. «Общества поддержки искусства в Болгарии», а также издании в 1895–1897 гг. журнала «Искусство», редакторами которого стали художники Иван Мрквичка и Антон Митов. Итогом этого подготовительного периода явилось открытие в Софии в 1896 г. Государственного училища рисования¹. В

нем преподавали уже хорошо известные художники И. Мрквичка, Я. Вешин и скульптор Б. Шац, ученик М. Антокольского, приехавший в Болгарию в 1895 г.²

Таким образом, в Болгарии начала формироваться собственная современная национальная школа изобразительного искусства.

Как отмечают исследователи, для развития скульптуры, в отличие от живописи, «не было собственных традиций»³, хотя Болгария в средние века, а затем и в первой половине XIX в. славилась народными мастерами – искусными резчиками по дереву⁴.

Формирование собственно болгарской национальной профессиональной школы скульптуры в 90-е годы XIX в. – начале XX в. происходило в тесной связи с европейским культурным пространством. У ее истоков стояли такие мастера, как приехавший из Литвы по приглашению Фердинанда (в то время князя Болгарии) молодой скульптор Борис Шац (1869–1932), учившийся в Вильно, Варшаве и Париже, а также вернувшиеся из-за границы скульпторы Жеко Спиридонов (1867–1945), воспитанник Мюнхенской академии художеств, и учившийся в Праге Марин Василев (1867–1931)⁵. Их творчество показывает, что для скульптуры этого начального периода наиболее интересна общественная жизнь Болгарии. Мастера работают в жанре портрета, и героями их произведений становятся такие государственные и общественные деятели, как известный книгоиздатель Хр. Г. Данов, английский журналист Джеймс Д. Баучер, работавший в Болгарии в конце XIX – начале XX вв., видный военный и политический деятель Болгарии Стоян Заимов, писатель П.Р. Славейков и др. Работы, в целом, похожи по стилю, они объемны и пластичны, с прекрасной светотеневой моделировкой лиц. Материалы традиционны для скульптуры: это мрамор, камень и гипс. В скульптурах, которые воссоздают героические образы, точно передается портретное сходство, выражается дух напряженной и сложной общественной жизни Болгарии, строящей свое государство.

Новое направление в болгарском изобразительном искусстве, основанное на соединении национальных болгарских традиций и традиций европейской скульптуры, связано с именем выдающегося болгарского скульптора Андрея Николова (1878–1959), творчество которого определило целую эпоху в искусстве Болгарии.

Николов родился в небольшом городке Враце, расположенном к северу от Софии, у подножия горного массива Стара Планина, в семье выходцев из крестьян. С талантливым юношей, занимавшимся тогда резьбой по дереву, познакомился во время своего путешествия по Болгарии Б. Шац и пригласил его учиться в только что открытое Государственное училище рисования⁶. Б. Шац стал первым наставником Андрея Николова, именно он обучил его профессиональной работе скульптора. Николов закончил училище в 1903 г. в числе первого выпуска и, получив государственную сти-

пендию, по рекомендации своего учителя Щаца поступил в Парижскую школу изящных искусств, где учился до 1907 г. под руководством профессора Антонена Мерсье⁷.

В Париже, в поисках собственного творческого пути, Николов оказывается в самом центре борьбы различных художественных направлений, испытывает различные влияния, самым сильным из которых, в значительной мере определившим направление его творчества, становится влияние Огюста Родена. Основной темой скульптур Николова в этот период были не портреты, а тематические композиции, раскрывающие его представления о мире и человеке. В основном это проникнутые особой нежностью и лиричностью женские образы, изображения детей, а также работы в русле классической темы материнства, наполненные духовной красотой и эмоциональностью. Несколько его произведений были выставлены на ежегодной выставке «Салон французских художников», где увидевший их Роден воскликнул: «Болгария мала для этого автора!»⁸. Следует отметить, что во время учебы в Париже Николов первым из болгарских скульпторов освоил новый материал – мрамор, который стал для него в дальнейшем излюбленным материалом⁹.

По возвращении в 1907 г. в Болгарию Андрей Николов получил первую премию, участвуя в конкурсе на памятник воинам, павшим в сербско-болгарской войне 1885 г., который планировалось возвести в городе Видин. Замысел памятника был необычен. Впечатления современников хорошо отразили слова английского журналиста, писавшего о нем: «В Болгарии есть памятник победы, какого нет больше нигде в просвещенной Европе. Умиравший гренадер, хотя и победитель, сожалеет о братоубийственной войне с сербами. На такое самоотречение способен только болгарин...»¹⁰.

В 1914 г. по поручению правительства для наблюдения за подготовкой гербовых клише, заказанных Болгарией, Николов уехал в Италию и в связи с началом Первой мировой войны вынужден был надолго остаться там, вплоть до 1927 г. Как сообщают биографы художника, он поселился в Риме, стал изучать памятники итальянской скульптуры и совершенствоваться в работе по мрамору¹¹. За этот период им была создана серия портретов, среди которых по-прежнему основное место занимают женские образы и детские портреты, а также одна из его самых известных работ «Дух и материя». Итальянский период творчества Андрея Николова свидетельствует о возросшем техническом мастерстве скульптора: он в совершенстве овладел искусством тонкой моделировки. Недаром, по свидетельству искусствоведа Николая Бошева, итальянские критики в отзывах на появлявшиеся на выставках работы Николова писали о совершенстве, присущем только большим мастерам¹².

Несомненно, что работая в Италии, Николов познакомился с произведениями Микеланджело и его творческим методом. Соединение в его соз-

нании опыта Родена и опыта Микеланджело привело к рождению подлинного шедевра мирового искусства – скульптуры «Дух и материя». Композиция этого произведения построена таким образом, что создается впечатление, будто хрупкая фигурка девушки огромным усилием духа вырывается из недр мраморного блока. Поверхность камня тончайшим образом моделирована и кажется окутанной легкой дымкой света, что придает ей ощущение нематериальности. Часть каменного блока, наоборот, не обработана и передает ощущение тяжелого неподвижного каменного массива, сковывающего движение. На этом контрасте построена вся композиция как противостояние одухотворенности мысли и косности материи. Внутренняя динамика, скрытая в скульптуре, обращает наше внимание на главную творческую проблему этого вида изобразительного искусства, которую решали еще мастера античности – передачу движения в неподвижном камне. Своим творчеством Николов раскрывает древнейшие истоки культуры Болгарии, ее античные корни, вводя, таким образом, искусство своей страны в проблемное культурное поле Европы.

Выдающимся болгарским скульптором начала XX в., определившим своим творчеством еще одно направление развития болгарской скульптуры, был Иван Лазаров (1889–1952). Он родился в небольшом провинциальном городке Карлово, а в 1907 г. поступил в Художественно-индустриальное училище в Софии¹³, где учился у Жеко Спиридонова. Окончив училище в 1912 г., И. Лазаров, как стипендиат министерства просвещения Болгарии, по совету своего учителя уехал в Германию и в 1917–1919 гг. обучался в Академии художеств в Мюнхене¹⁴, городе, который в это время наряду с Парижем был главным центром, где сконцентрировались основные новые художественные течения Европы. Именно здесь в 1892 г. возникло немецкое направление общеевропейского стиля модерн – Мюнхенский Сецессион, а в начале XX в. работавший в Мюнхене В.В. Кандинский сформулировал и теоретически обосновал основные принципы абстракционизма¹⁵. Возможно, что именно здесь сложились основные особенности стиля Ивана Лазарова: лаконичность, обобщенность форм, работа широкими плоскостями, графичность основных композиционных линий. В соединении с национальными традициями болгарской резьбы по дереву, к которым обращался скульптор, мюнхенские стилевые тенденции способствовали формированию ярко выраженной творческой индивидуальности мастера.

Начало творческой деятельности Лазарова приходится на послевоенный период, и, как отмечают исследователи, первые значительные произведения скульптора были посвящены Второй Балканской и Первой мировой войнам («Они победили», «На водопое», «Снова на войну», «Ждущие» и др.)¹⁶. В работе над этой серией сложился основной круг тем и главных героев Лазарова – это болгарские крестьяне, их тяжелый труд, нелегкая жизнь, страдания, связанные с войной.

Главной в творчестве Лазарова стала тема раскрытия исторической судьбы народа. В этом контексте им были созданы монументальные образы «Рабочий» и «Крестьянка», выполненные из твердого зернистого камня, материала, который он особенно любил. Автор статьи о творчестве Ивана Лазарова Виолета Димчева приводит мысли скульптора об искусстве, которые, несомненно, легли в основу его творческой концепции: «Искусство, которое не имеет связей с духовным обликом и переживаниями народа, не может иметь общечеловеческого значения, не может быть большим искусством»¹⁷.

Творчество двух выдающихся скульпторов Болгарии, Андрея Николова и Ивана Лазарова, свидетельствует о том, что болгарское изобразительное искусство за короткий период рубежа XIX–XX вв. уверенно вписалось в основные художественные направления европейского искусства, сохранив при этом свои национальные истоки и традиции.

Примечания

¹ Божков А. Болгарское изобразительное искусство. Живопись, графика, скульптура. София, 1964. С. 5–98.

² Львова Е.П. Искусство Болгарии (Очерки). М., 1971. С. 97–100.

³ Божков А. Указ. соч. С. 98–109.

⁴ Цырлин И. Изобразительное искусство Болгарии XIX–XX веков. Очерк. М., 1953. С. 71–93.

⁵ Божков А. Указ. соч. С. 98–109.

⁶ <http://www.alefmagazine.com/pub3313.html> (дата обращения: 20.04.2014).

⁷ Знаменитые болгары: В руках Андрея Николова мрамор оживает // <http://bnr.bg/ru/post/100193696/znamenite-bolgar-v-rukah-andreya-nikolova-mramor-ojivaet> (дата обращения: 20.04.2014).

⁸ Знаменитые болгары... Указ. сайт.

⁹ Ранний этап творчества болгарского скульптора Андрея Николова // <http://www.artcontext.info/2010-11-30-12-08-18/50-2010-11-28-06-56-14/1281-nikolov.html> (дата обращения: 21.04.2014).

¹⁰ Знаменитые болгары... Указ. сайт.

¹¹ Художественный календарь 100 памятных дат. М., 1978.

¹² Знаменитые болгары... Указ. сайт.

¹³ Название Художественно-индустриального училища в Софии в 1908–1921 гг. носило Государственное рисовальное училище, основанное в 1896 г. В 1921 г. оно было преобразовано в Академию художеств.

¹⁴ Популярная художественная энциклопедия / Под ред. В.М. Полевого. М., 1986.

¹⁵ Голомиток И.Н. Искусство Авангарда в портретах его представителей в Европе и Америке. М., 2004. С. 141–150.

¹⁶ Божков А. Указ. соч. С. 98–109.

¹⁷ Иван Лазарев за изкуството / Съст. Д. Лазарева. [София, 1967]. – Цит. по статье В. Димчевой: <http://www.lorinda.ru/3jurnal71> (дата обращения: 21.01.2014).

VII. Культура славян сквозь призму языка

Т.Н. Курохтина

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Русско-украинское двуязычие в теории языковых контактов

Abstract:

Kurohtina T.N. *Russian-Ukrainian bilingualism in language contact's theory.*

The article describes various approaches to exploring bilingual situations. The analysis of different types of bilingualism reveals specific features of the linguistic situation in the Ukraine which is absolutely natural taking into consideration the fact that two closely related languages exist and interact with each other on the same territory for more than two centuries.

Ключевые слова: украинский язык, билингвизм, языковой контакт, языковая ситуация, близкородственное двуязычие.

Ни один язык не существует изолированно: в процессе своего исторического развития языки постоянно контактируют и взаимодействуют друг с другом. Языковые контакты возникают там, где непосредственно (или опосредованно) встречаются две или несколько языковых структур в их речевом использовании одними и теми же людьми. Существует «узкое» и «широкое» толкование термина «языковой контакт». «Широкое» понимание термина подразумевает такую межъязыковую связь, при которой двуязычия может не быть, как, например, при заимствовании лексики в процессе различных культурных, исторических, политических, экономических и иных отношений. «Узкое» толкование означает такую контактную ситуацию, которая непосредственно связана с наличием двуязычия¹. Языковая ситуация на Украине, контактирование украинского и русского языков должны рассматриваться именно сквозь призму двуязычия. Бесспорно, многовековая культурная близость, активные политические и экономические отношения способствовали постоянному контактированию украинского и русского языков. Однако именно ситуация двуязычия, формировавшаяся на Украине в течение нескольких столетий², является отправным пунктом при изучении языковых контактов и их последствий в украинской лингвистике.

Чтобы понять, как контактирующие языки влияют друг на друга, этот процесс надо анализировать с разных точек зрения, учитывая взаимодействие на разных уровнях. Во-первых, языковые контакты принято рассматривать как определённую языковую ситуацию, т.е. в социолингвистическом плане, на уровне взаимодействия разноязычных социумов. Во-вторых, принимается во внимание психолингвистический аспект, а именно наличие индивидуального двуязычия. И, наконец, последним, но не менее важным уровнем анализа языковых контактов является собственно лингвистический, который рассматривает эти процессы с точки зрения взаимодействия двух самостоятельных языковых систем³. Большинство специалистов, изучающих языковые контакты и их последствия, в своих исследованиях пытаются учитывать все три аспекта, но всё же внимание акцентируется на каком-то одном из них.

По мнению ряда лингвистов, решающими при языковом взаимодействии являются социальные условия контакта. С одной стороны, язык может «одолеть своих соперников не в силу каких-то своих внутренних качеств, а потому, что его носители являются более воинственными, фанатичными, культурными, предприимчивыми»⁴. С другой стороны, военная победа далеко не всегда означала и языковую победу, язык более развитой культуры не всегда побеждал. Н.Б. Мечковская в подтверждение этой мысли приводит примеры из истории римской экспансии, приведшей к латинизации завоеванных земель, и нормандских завоеваний, не повлекших, однако, за собой романизации языка Британии⁵. Таким образом, в сходных условиях контактов судьбы языков могут складываться по-разному.

Языковая ситуация на Украине скорее напоминает первую из обозначенных выше ситуаций. В результате активной языковой политики сначала Российской империи, впоследствии Советского Союза, способствовавшей развитию национально-русского двуязычия⁶, сферы функционирования украинского языка резко сократились, русский язык на Украине стал более престижным, взял на себя функции официального языка. Стоит отметить, что быстрое распространение русского языка на Украине было во многом обусловлено не только историческими факторами, связывавшими обе нации на протяжении многих веков, но и структурной близостью этих двух восточнославянских языков.

В настоящее время понимание билингвизма как редкого явления, которое можно обнаружить только в определённых странах (таких как Канада, Швейцария и Бельгия), жители которых одинаково бегло говорят и пишут на своих языках, говорят без акцента и могут переводить как устно, так и письменно без какой-либо предварительной подготовки, постепенно отмирает. Анализ типических языковых ситуаций свидетельствует об обратном: билингвизм присутствует почти в любой стране мира, во всех социальных классах и во всех возрастных группах; считается, что половина населения

мира двуязычна⁷. Следует отметить, что большинство билингвов усвоили свои языки в разные периоды жизни и редко одинаково хорошо ориентируются в них. Так, значительное число носителей двух (или более) языков говорит на одном из них хуже, чем на другом (и часто с акцентом), а многие билингвы, обладающие навыком свободного чтения или письма на языке, не имеют разговорного навыка этого же языка. С учетом перечисленных выше факторов *билингвизм* в представленной статье определяется как владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от коммуникативной ситуации (схожая дефиниция встречается, к примеру, у В.Ю. Розенцвейга⁸). Данная трактовка двуязычия не предполагает абсолютно свободного владения обоими языками; главным условием двуязычной ситуации является навык свободного переключения языковых кодов.

В зависимости от причин, приведших к сосуществованию двух языков в одном социуме, различают этническое и культурное двуязычие. Этнический билингвизм связан с совместным проживанием двух этносов в одной стране, городе или на пограничье двух соседних государств. В условиях этнического двуязычия билингвы внутри своих этнических групп общаются на своём родном языке, а при межэтническом контакте один из собеседников переходит на второй язык социума, неродной для него. Культурное двуязычие обусловлено причинами социального и культурного порядка. При культурном билингвизме представители одного народа могут общаться между собой как на родном языке, так и на втором языке социума, который является неродным для обоих собеседников. Примером культурного двуязычия может служить употребление русского и французского языков в среде русского дворянства начала XIX в.⁹.

Наряду с этническим и культурным двуязычием, Н.Б. Мечковская выделяет ещё смешанный тип – культурно-этнический, который характерен, например, для языковой ситуации в Белоруссии¹⁰. Русский язык в Белоруссии используется в качестве основного не только русскими, но и представителями других этносов (белорусами, поляками, евреями и др.), проживающими на данной территории. Подобная ситуация характерна также и для украинско-русского двуязычия. Несмотря на произошедшее в последнее десятилетие изменение статуса украинского языка и расширение сфер его функционирования, русский язык все ещё остаётся основным для большей части населения Украины. Современная языковая ситуация на Украине характеризуется в первую очередь наличием неоднородных культурно-языковых регионов, что объясняется продолжительным периодом разрозненности этнических украинских земель и длительной русификацией значительной их части. При этом доля этнических русских на Украине (17,3%, ср. этнических украинцев – 77,8%¹¹) и части населения, считающей русский язык своим родным языком (29,6%, ср. 67,5% населения Украины считают родным языком украинский), существенно меньше объёма устной¹² и печат-

ной¹³ коммуникации на русском языке. Причины распространения русского языка на Украине носят в первую очередь социально-культурный характер и во вторую – этнический, т.е. двуязычие на Украине также является смешанным.

Большинство лингвистов склонны выделять как особый вид двуязычия – *индивидуальное двуязычие*. Как совершенно справедливо отмечают В.И. Беликов и Л.П. Крысин, «функционирование двух и более языков в обществе было бы невозможно без двуязычия отдельных членов языкового сообщества»¹⁴. Таким образом, индивидуальный билингвизм рассматривается в рамках одноязычного общества, в котором отдельные индивиды владеют двумя языками и активно их используют ежедневно в различных ситуациях. К таким двуязычным индивидам можно отнести представителей многих социальных категорий, начиная от рабочего-переселенца, который вынужден говорить на языке страны, где он работает, вплоть до профессионального переводчика, который достаточно бегло говорит на обоих языках¹⁵. Таким образом, с точки зрения психологических и социокультурных обстоятельств формирование двуязычного индивида в большинстве случаев происходит путём сознательного изучения им второго языка, его фонетики, грамматики и лексики. Однако не только сознательное изучение языка ведёт к двуязычности индивида. Если рассматривать русско-украинских билингвов на Украине, то в большинстве случаев на развитие навыков владения двумя языками у индивидов будет оказывать влияние не только сознательное изучение неродного языка, а целый ряд других факторов, как то: язык общения в семье, с друзьями, язык образования, язык книг, газет, журналов, телевидения. В зависимости от того, какие из этих факторов влияют на формирование двуязычного индивида, учёные склонны выделять различные виды билингвизма (*искусственный, естественный и смешанный* билингвизм выделяются Л.В. Щербой¹⁶ и Е.М. Верещагиным¹⁷; *нормативный, односторонне-нормативный и ненормативный* билингвизм рассматриваются в типологии Т.А. Бертагаева¹⁸; В.А. Аврорин¹⁹ различает *полное и неполное* двуязычие; Е.М. Верещагин²⁰ – *рецептивное, репродуктивное и продуктивное*).

Все перечисленные виды двуязычия, выделяемые учёными по разным критериям, в зависимости от факторов, влияющих на развитие билингвальных индивидов (психологический, социологический или лингвистический), можно объединить в две группы по одному критерию – степень владения языками. Как при рассмотрении двуязычия с точки зрения соблюдения норм языка (лингвистический подход Т.А. Бертагаева), так и в зависимости от способности индивида думать на языке (психологический критерий В.А. Аврорина), и с учётом условий овладения языками (социологический уровень М.Е. Верещагина), – всё разнообразие типологий можно свести к одному значимому знаменателю, а именно к степени владения инди-

видом языками. Но не все лингвисты склонны различать типы билингвизма в зависимости от уровня владения языками. У многих учёных в определении двуязычия мы находим в качестве необходимого фактора, определяющего двуязычность индивида, исключительно свободное владение двумя (или более) языками²¹, которое в языковой практике встречается очень редко (к примеру, у выходцев из смешанных семей). Тем не менее, данный критерий является отправной точкой при анализе любого вида двуязычия, поскольку он опосредованно затрагивает и характеризует это языковое явление и с лингвистической точки зрения, и с психологической, и с социальной. Надо отметить, что в большинстве работ по билингвизму предпочтение отдаётся рассмотрению именно индивидуального двуязычия и интерференционных процессов, имеющих место в речи индивида. Но не стоит забывать, что билингвизм определяется именно социальными факторами, которые также необходимо учитывать наряду с механическими процессами, сопровождающими контактирование языков.

Какова же ситуация с индивидуальным двуязычием на Украине? Несмотря на значительные изменения в языковой ситуации на Украине в последнее время и на смещение приоритетов в сторону украинского одноязычия²², количество двуязычных индивидов в стране практически не изменилось. Точных данных о численности билингвов на Украине не имеется, поскольку никогда не проводилось каких-либо специальных исследований по данному вопросу. Однако, учитывая результаты социологических опросов, произведённых КМИС²³ в 2003–2007 гг., и аналитические подсчёты, сделанные на основе переписи населения 2001 г., можно сделать некоторые выводы. Согласно последней переписи населения, доля украиноязычного населения Украины составляет приблизительно 67,5%; что же касается русскоязычных граждан, то их количество равно 29,6%. Но надо отметить, что русский язык был и до сих пор является основным языком общения для большей части населения (т.е. и в тех случаях, когда он не является родным). Согласно данным исследования языкового поведения населения Украины КМИС²⁴, 68% населения страны владеют русским языком свободно и предпочитают его использовать в повседневной жизни. Чуть меньший процент (57%) владеет свободно украинским языком. Следовательно, можно предположить, что треть населения Украины является двуязычным.

Если рассматривать отдельных билингвов, чья языковая компетенция сформировалась в условиях украинско-русского двуязычия, то отнесение их к какой-то определённой группе (*естественного, искусственного или смешанного*) билингвизма практически невозможно. Однако украинский лингвист А. Тараненко предполагает, что у носителей украинского языка двуязычие может быть как естественным, так и искусственным, а у носителей русского языка оно в большинстве случаев искусственное, т.е. второй язык – украинский – выучен в школе²⁵. Все же более логичным было бы охарактере-

ризовать индивидуальное двуязычие на Украине как смешанное. Первое знакомство с неродным языком происходит ещё в раннем детстве, без целенаправленного его изучения. Системная близость украинского и русского позволяет овладеть этими языками по крайней мере пассивно. При сознательном изучении второго языка индивидом происходит усвоение его норм и правил, что ведёт к развитию *полного, чистого*, билингвизма, который, по классификации Т.А. Бертагаева, относится к *нормативному* двуязычию. Подобный вариант формирования двуязычного индивида является довольно редким для украинского сообщества. Для языковой компетенции большого числа индивидов наиболее характерным является развитие *односторонне-нормативного* или *ненормативного* двуязычия. Данный факт отчасти связан с отсутствием необходимости полного овладения нормами второго языка ввиду его схожести с родным, что, надо отметить, является базой для активизации интерференционных процессов в речи индивида.

Считается, что индивидуальное украинско-русское двуязычие на Украине является односторонним (в основном у носителей украинского языка как основного). Однако такая ситуация характерна скорее для украинского общества до 90-х годов. С начала 90-х в явлении индивидуального двуязычия наблюдаются постепенные изменения: носители украинского языка уже не всегда переходят на русский язык партнёра, тогда как представители русскоязычного населения страны в аналогичных ситуациях пытаются перестроиться на язык собеседника. Однако нельзя забывать, что в каждом конкретном случае тип двуязычия индивидуален и зависит от многих факторов, таких, например, как регион проживания индивида, его социальный статус, возраст, уровень образования, принадлежность к определённой концессии и проч.

Все вышеперечисленные типы двуязычия основываются на характеристике языковых способностей билингвального индивида. Однако многие лингвисты не ограничиваются описанием языкового поведения отдельных носителей языка, для них основным объектом исследования является языковой коллектив. Социальным (массовым) двуязычием (или многоязычием) называется сосуществование двух или более языков, используемых в социуме отдельными индивидами или группами людей. Для социального билингвизма не обязательна двуязычность отдельных членов социума. Он развивается при разнообразии языковых контактов как между странами и сообществами, так и внутри них. Групповое двуязычие появляется на пограничных территориях между странами, или в результате постоянного взаимодействия в процессе дипломатических, торговых, деловых или военных отношений, или в результате географического разделения диалектного континуума при установлении политических границ²⁶.

Именно как массовое использование двух языков в процессе ежедневного общения рассматривают билингвизм украинские лингвисты

Я. Радевич-Винницкий и В. Иванишин²⁷. Определяя двуязычие именно как массовое явление, учёные имеют в виду конкретную языковую ситуацию, сложившуюся на Украине. В результате того, что часть территории Украины сначала находилась в составе Российской империи, а потом входила в СССР, её население оказалось в особых условиях русско-украинского двуязычия с характерным функциональным «неравноправием» языков. Ввиду того, что к моменту присоединения Левобережной Украины к России (1654 г.) процесс формирования нового литературного стандарта украинского языка только начался²⁸, русскому языку без труда удалось вытеснить и заменить украинский на значительной территории его распространения в его основной функции, а именно в коммуникативной. Русский язык долгое время являлся не только наиболее предпочтительным средством общения, но и основным языком науки, литературы, официальной сферы, т.е. практически всех областей общественной жизни. Для украиноязычного населения, таким образом, единственным способом не быть исключённым из общественной жизни страны было усвоение русского языка как второго. Итогом общего процесса русификации стала ситуация непаритетного массового двуязычия на Украине.

Украинский лингвист Л. Масенко специально останавливается на рассмотрении причин массового билингвизма и считает, что это обусловлено экономической и политической зависимостью страны. В подобных условиях зависимое языковое сообщество вынуждено кроме родного языка выучить ещё один язык для использования его при общении в определённых обстоятельствах. Исследовательница подчёркивает, что массовое двуязычие может привести к полному вытеснению родного языка вторым, так как при таком контактировании двух языков один из них становится доминирующим и вытесняет другой. Примером такого массового двуязычия могут послужить языковые ситуации в бывших республиках СССР, в том числе на Украине. Вытеснение национальных языков русским проходило путём расширения сфер его функционирования в статусе языка межнационального общения с постепенным развитием национально-русского двуязычия, что в результате, по мнению Л. Масенко, должно было привести к русскому одноязычию²⁹. Этот процесс особенно активен, если языки структурно близки. При подобном процессе вытеснения украинского языка русским можно говорить о языковом сдвиге. Исследователи данного языкового явления признают, что не существует какого-то определённого набора факторов, которые приводят к языковому сдвигу и смене языка. Однако существуют обстоятельства, которые могут ускорить этот процесс или замедлить его. К ним относятся: изменение статуса и престижности языка этноса, поддержка второго языка со стороны государства, а также некоторые социально-экономические изменения. Эти факторы сыграли решающую роль в формировании языковой ситуации на Украине и в Белоруссии. В их значимости

можно убедиться, сравнив языковые ситуации в этих государствах на современном этапе. Если в Белоруссии русский язык наряду с белорусским является государственным, поддерживается тесными культурно-экономическими связями с Россией и, несомненно, обладает большим престижем, чем язык титульной нации, то на Украине в настоящее время происходит совершенно обратный процесс – попытка полностью отказаться от русского языка и вернуться к исходному языку этноса, украинскому. Переход от одного языка к другому может осуществляться в течение неопределённого периода: от трёх поколений до нескольких веков, – но неизбежной стадией смены языка является двуязычие общества.

Сокращение сфер использования украинского языка сопровождалось неизбежным процессом снижения языковой компетенции каждого последующего поколения. Функционирование двух близкородственных языков в стране не могло не отразиться на качестве владения этими языками населением. В зависимости от языковой компетенции население Украины можно разделить на три группы. К первой – она самая немногочисленная – относятся «полные» билингвы, владеющие в совершенстве как русским, так и украинским языками (возможно, с некоторыми незначительными отклонениями). В состав второй группы входят одноязычные индивиды, или их ещё можно назвать пассивные билингвы, имеющие навыки использования только одного языка, но в связи с генетическим родством украинского и русского языков они понимают второй язык, но не могут правильно строить на нём высказывания. Попытки изъясниться на неродном языке приводят к большому количеству речевых и языковых ошибок, возникающих под влиянием первого языка, а именно к интерференции. Третью группу представляют так называемые «полуносители», они не владеют ни одним из языковых кодов в совершенстве, их речь изобилует постоянными отклонениями от литературной нормы – в украинской лингвистике к этой группе относится определённая часть населения, использующая в своей коммуникативной практике суржик как основной языковой код.

Становление и развитие украинского литературного языка довольно специфично. С самого момента зарождения художественного стиля украинский язык развивался в условиях украинско-русского двуязычия. Последствием асимметричного массового билингвизма является не только внешнее ограничение сферы употребления украинского языка, но и условия для активизации процесса смешения элементов русского и украинского языков. Специфика украинско-русского двуязычия заключается в том, что эти языки являются настолько близкими по структуре и отчасти по лексическому составу, что фактически любой житель Украины может понять речь, произнесённую как по-русски, так и по-украински. Данную особенность населения страны иллюстрирует, к примеру, тот факт, что на украинском радио и телевидении продолжают существовать передачи, в которых ведущими являют-

ся два человека, один из которых говорит по-русски, а другой – по-украински. Однако то обстоятельство, что и украинский, и русский языки являются понятными для всех представителей данного социума, не даёт оснований полагать, что степень владения этими языками для всех одинакова. Данное утверждение объясняет, почему процесс взаимодействия этих языков является настолько активным, что приводит к глубоким интерференционным процессам.

Литература:

- Аврорин В.А.* Двужычье и школа // Проблемы двужычья и многоязычия. М., 1972.
- Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика. М., 2001.
- Бертагаев Т.А.* Билингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двужычья и многоязычия. М., 1972.
- Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двужычья (билингвизма). М., 1969.
- Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двужычья / под ред. Иванова В.В. М., 1990.
- Дешириев Ю.Д.* Введение // Развитие национально-русского двужычья. М., 1976.
- Мартине А.* Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972.
- Масенко Л.* Мова і політика. Київ, 2004.
- Масенко Л.* Суржик: історія формування, сучасний стан, перспективи функціонування // *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization. Studia Slavica Oldenburgensia* / G.Hentschel, S.Zaprudski. Oldenburg, 2008.
- Мечковская Н.Б.* Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учебное пособие. Минск, 2004.
- Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. М., 2000.
- Опельбаум Е.В.* Восточно-славянские лексические элементы в немецкой лексике. Киев, 1971.
- Останчук О.А.* Украинский литературный язык в свете сопоставительной типологии славянских языков // Славистички студии. Бр. 12. Скопје, 2006.
- Палінська О.* Білінгвізм в аспекті соціально-мовної взаємодії // Вісник Львівського ун-ту. Серія філолог. 2004. Вип. 34. Ч. 1. С. 340–345.
- Радевич-Винницький Я., Іванишин В.* Мова і нація: Тези про місце і роль мови в національному відродженні України. Кам'янець-Подільський, 2003.
- Розенцвейг В.Ю.* Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972.

Семчинський С.В. Семантична інтерференція мов. Київ, 1974.

Тараненко О. Мовна ситуація і мовна політика часів „перебудови” та державної незалежності України (кінець 80-х – 90-ті роки) // Українська мова / под ред. С. Ермоленко. Серія Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole, 1999.

Хмелько В.Є. Лінгво-етнічна структура України: регіональні особливості та тенденції змін за роки незалежності // Київський міжнародний інститут соціології [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://www.kiis.com.ua/materials/articles_HVE/16_linguaethical.pdf. – (дата обращения: 28.09.2013).

Шевельов Ю. Українська мова у першій половині ХХ ст. (1900–1941). Стан і статус. Чернівці, 1998.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Grosjean F. Bilingualism, Individual // Concise encyclopedia of sociolinguistics / edited by Rajend Mesthrie. Amsterdam, 2001.

М.Н.А. Blanc. Bilingualism, societal // Concise encyclopedia of sociolinguistics / edited by Rajend Mesthrie. Amsterdam, 2001.

Примечания

¹ См., например, *Опельбаум Е.В.* Восточно-славянские лексические элементы в немецкой лексике. Киев, 1971. С. 16; *Семчинський С.В.* Семантична інтерференція мов. Київ, 1974.

² Большинство учёных полагают, что формирование украинско-русского двуязычия связано с вхождением восточных земель Украины в состав Российской империи в XVII в. (см., например, *Шевельов Ю.* Українська мова у першій половині ХХ ст. (1900–1941). Стан і статус. Чернівці, 1998; *Масенко Л.* Суржик: історія формування, сучасний стан, перспективи функціонування // Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization. Studia Slavica Oldenburgensia / G.Hentschel, S.Zaprudski. Oldenburg, 2008.)

³ *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. М., 2000. С. 170.

⁴ Подобное мнение высказывал, к примеру, А. Мартине (см. *Мартине А.* Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972. С. 81–94).

⁵ *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. С. 170–171.

⁶ О том, как рассматривали национально-русское двуязычие в советской лингвистике см., например, Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия / под ред. Иванова В.В. М., 1990.

⁷ *Grosjean F.* Bilingualism, Individual // Concise encyclopedia of sociolinguistics / edited by Rajend Mesthrie. Amsterdam, 2001. P. 10.

⁸ *Розенцвейг В.Ю.* Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972. С. 9–10.

⁹ *Мечковская Н.Б.* Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учебное пособие. Минск, 2004. С. 189.

¹⁰ Там же. С. 192.

¹¹ Данные приведены за 2001 г. и взяты с официального сайта Государственного Комитета статистики Украины: <http://www.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality/>

¹² Несмотря на то, что Национальный совет Украины по вопросам телерадиовещания с 2004 г. прекратил регистрацию СМИ, транслирующих передачи на негосударственном языке, в рай-

онах компактного проживания национальных меньшинств разрешена трансляция каналов на негосударственном языке. К тому же, на Украине продолжают показывать фильмы и передачи на русском языке, если они сопровождаются украинскими субтитрами.

¹³ По данным Министерства юстиции Украины, среди изданий всеукраинского статуса зарегистрировано 2495 русскоязычных печатных изданий (ср. украинских – 4390), кроме этого, зарегистрировано 4459 изданий, выходящих на нескольких языках, в том числе русском (ср. украинских смешанных изданий – 4389).

¹⁴ *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика. М., 2001. С. 56.

¹⁵ *Grosjean F.* Bilingualism, Individual // Concise encyclopedia of sociolinguistics / edited by Rajend Mesthrie. Amsterdam, 2001. P. 11.

¹⁶ *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

¹⁷ *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969. С. 49.

¹⁸ *Бертагаев Т.А.* Билингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972. С. 84.

¹⁹ *Аврорин В.А.* Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972. С. 51.

²⁰ *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969.

²¹ См., например, *Дешириев Ю.Д.* Введение // Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976; *Аврорин В.А.* Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972. С. 49–62; *Палінська О.* Білінгвізм в аспекті соціально-мовної взаємодії // Вісник Львівського ун-ту. Серія філолог. 2004. Вип. 34. Ч. 1. С. 340–345.

²² В данный момент на Украине происходит активное внедрение украинского языка во все сферы общественной жизни, что заключается в сокращении числа учебных заведений с преподаванием на русском языке, а также в ограничении трансляций теле- и радиопередач на русском языке.

²³ Киевский международный институт социологии.

²⁴ *Хмелько В.С.* Лінгво-етнічна структура України: регіональні особливості та тенденції змін за роки незалежності // Київський міжнародний інститут соціології [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kiis.com.ua/materials/articles_HVE/16_linguaethnical.pdf. (дата доступа: 28.09.2013).

²⁵ *Тараненко О.* Мовна ситуація і мовна політика часів „перебудови” та державної незалежності України (кінець 80-х – 90-ті роки) // Українська мова / под ред. С. Ермоленко. Серія Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole, 1999. С. 44.

²⁶ *M.H.A. Blanc.* Bilingualism, societal // Concise encyclopedia of sociolinguistics / edited by Rajend Mesthrie. Amsterdam, 2001. P. 16–17.

²⁷ *Радевич-Винницький Я., Іванишин В.* Мова і нація: Тези про місце і роль мови в національному відродженні України. Кам'янець-Подільський, 2003. С. 65.

²⁸ Подробнее о формировании литературного стандарта украинского языка и этапах его кодификации см. *Остапчук О.А.* Украинский литературный язык в свете сопоставительной типологии славянских языков // Славистички студии, бр. 12. Скопје, 2006. С. 173–191.

²⁹ *Масенко Л.* Мова і політика. Київ, 2004. С. 9–11.

Болгарские пословицы о семье (Особенности национального менталитета)

Abstract:

Kitanova M. *Bulgarian proverbs about family (special features of national mentality).*

The concept of the “family” in the Bulgarian language can be reconstructed using the concepts of its members and through concepts related to different opportunities and challenges of its development. This article analyzes proverbs and sayings with the following key components: wife, husband, husband and wife, mother. The woman is presented as a wife and a mother of the family. As a wife, she may be contradictory, but as a mother she is exclusively monolithic. Woman is the “soul of the family”.

Ключевые слова: болгарский язык, пословицы, поговорки, менталитет, женщина, супруга, мать, семья.

Слово *паремия* известно из древнегреческого языка (*παροιμία*) и имеет значение “поговорка, пословица, притча, сравнение”. Это краткие тексты, кристаллизующие в себе народную мудрость. По этой причине они могут служить источником для выводов о ментальности того или иного народа. В работе не различаются пословицы и поговорки, как это делается в англоязычной паремиологии, и по этой причине мы не останавливаемся особо на попытках определения различий между ними (Пермяков 1975: 255; Жуков 1991: 11–12; Левин 1984: 119). Пословицы и поговорки описываются с учетом их тройной сущности как логическая единица, выражающая суждение, как языковой факт и как художественная миниатюра. С позиций лингвистики они являются одновременно и текстом, и знаком. Г.Л. Пермяков высказывает мнение, что как языковой знак пословицы относятся к лингвистике, а как текст – к фольклору (Пермяков 1975: 250–251). Согласно В.В. Гвоздеву (Гвоздев 1983: 13), они являются наиболее сложным образованием, которое представляет собой языковой знак. В качестве такового пословицы и поговорки являются средством “моделирования некоего фрагмента опыта, знаний” (Иванова 2006: 24) и имеют значение и внутреннюю форму. Ряд авторов (Grzybek 1994: 35–37; Yankah 1994: 130; Серль 1990: 322) подчеркивают, что пословицы можно анализировать только в контексте, так как большая их часть представляет собой открытые метафоры. Пословицы являются объектом исследования как когнитивной семантики, так и лингвокультурологии.

Предмет анализа нашей статьи – **значение** пословиц в соответствии с пониманием значения у Р.У. Лангакера (Langacker 1988: 44–90), который характеризует **семантическую структуру** как **концептуальную структуру**. Под **концептом** мы понимаем “основное ядро культуры ментального мира человека, многомерное образование, включающее в себя не только понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные характеристики” (Маслова 2006: 42, 59). В этом смысле значение пословиц рассматривается “как концептуальное отображение определенного “участка” мира” (Иванова 2006: 27). В статье мы проанализируем паремии с компонентом **жена**, компонентом **муж** или обоими компонентами (**муж и жена**), а также такие, в которых перечисленные компоненты присутствуют только на когнитивном уровне. Мы приведем лексикографические концепты **муж** и **жена** в болгарских пословицах и поговорках.

Таким образом, мы попытаемся выявить пословичную **картину мира**, отражающую “когнитивные, культурные и социальные характеристики народа – носителя языка...” (Иванова 2006: 44), обуславливающую менталитет болгарского народа и составляющую “интегральную характеристику людей, живущих в конкретной культурной среде, которая позволяет описать их видение окружающего мира и объяснить их специфическую реакцию на него” (Дубов 1993: 20). Разумеется, ментальность, проявляющаяся в **языковой картине мира**, есть языковая ментальность. Ментальность, отражающаяся в пословицах, мы будем называть **пословичной ментальностью**, так как пословицы представляют собой своеобразное хранилище стереотипов мышления и поведения, действующих во множестве различных ситуаций.

Ожидаемый результат такого анализа – выявление этнокультурных стереотипов на паремиологическом уровне. С этой целью нами предпринята репрезентативная выборка из соответствующих болгарских источников.

Пословичный знак характеризуется двумя семантическими планами / двумя когнитивными уровнями – **значением** и **внутренней формой**. Они образуют **пословичную когнитивную модель**, в основе которой лежат понятия традиционной семантики – значение, внутренняя форма, оценка, эмоциональность, метафоричность. При анализе этих уровней мы используем термин **когнитема**, понимаемый как “пропозициональная единица знания, реконструируемая при анализе семантического пространства одной или нескольких пословиц и функционально значимая для описания когнитивной модели одной пословицы, фрагмента пословичной картины мира или всей пословичной картины мира” (Иванова 2006: 97). Концепт является совокупностью когнитивных элементов, которые образуют когнитивную структуру, или, точнее, **концепт – это когнитивная структура** ментальной единицы более сложной, чем значение. При количественном анализе концептов и концептообра-

зующих когнитивом выделяется и так называемый **прототип**. Если определенные когнитивы отражают признак, повторяющийся с большой частотностью в пословицах и поговорках, то это служит показателем сущностного характера этого признака, то есть его прототипичности. Тем самым мы разделяем утверждение Дж. Лакоффа о том, что прототип есть центральный член категории, распознать который можно легче, чем члены периферийные (Лакофф 1988: 33–34).

Задача данной работы – отделение прототипических и единичных когнитивов в пословицах и поговорках болгарского языка, которые образуют концепт **жена-супруга**.

В нашем случае концепт является частью пословичных фрагментов, отражающих отношение к семье, к различным ее членам и к дому. Семья и дом служат центром человеческого мира, усвоенного “своего” внутреннего пространства. Оно является частью бинарной семантической оппозиции “свой – чужой”, в которой пересекаются и другие оппозиции, такие как “добро – зло”, “красивое – некрасивое”, “чистое – нечистое”. Таким образом, этот фрагмент **картины мира** “представляет исключительно ярко антропоцентричный характер паремийного жанра, так как в нем фокусируются взаимозависимости между определенными человеческими проявлениями и их конкретными следствиями и проявляется хорошее и плохое в человеческих отношениях и полезное и вредное человеческое поведение” (Петрова 2006: 17).

1. Концепт жены в болгарских пословицах и поговорках

Пословицы с компонентом *жена* составляют 45 единиц из эксцерпированного материала. Это сравнительно большая группа, которая достаточно детализирована и охватывает все аспекты традиционного понимания болгарина о качествах женщины, в основном как супруги, несмотря на то, что разграничение между компонентами *жена/съпруга* отсутствует. Используется лишь слово *жена*. Обращается внимание на то, что жена должна быть из хорошей семьи (*от сой*), и это показывает, что болгарин выбирал себе жену очень тщательно. Здесь на передний план выступает когнитива „жену выбирают по ее семье”. Ср. пословицы: „Избирай жена от сой, а куче от копаня”; „От зла рода няма и порода”; „И за кучето питат от кой е род”.

Некоторые из пословиц и поговорок, касающиеся выбора, не содержат компонента *жена*. Он присутствует в них только на когнитивном уровне. Ср. примеры: „Жената не е цвете да я помиришеш и познаеш каква е”; „Не е пънеш да го помиришеш, за да видиш зрял ли е”.

В 4-х единицах обнаруживается когнитива „жену выбрать трудно”: „Със свещ да я видиш жената, пак излъган ще бъдеш”; „Който иска жена без

кусур, без жена остава”; „Либи либе с кусура му”; „Който обича мене, обича и кучето ми”.

В 3-х единицах подчеркивается, наколко важно для мужа иметь хорошую жену: „Добрата жена и от имане е по-добра”; „Добрата булка и под вехтия сукман е добра”; „Добрата булка и под вето було се познава”.

Ети пословицы имеют свои семантические параллели и в Библии: „Честит е мъжът с добра жена и броят на дните му е двоен” (Сир. 26.1); „Добрата жена е честит дял” (Сир.26.3); „Който е намерил добра жена, намерил е благо и е получил благодат от Господа” (Притча 18.23); „Добронравна жена придобива слава за мъжа” (Притча 11.16.).

Здесь обнаруживается когнитива „хорошая жена очень ценна”.

Пословицы, в которых отмечается значение умной жены, представлены 10-ю единицами из привлеченного материала. В 5-ти из них противопоставляются умная и красивая жены: „Хубавата жена е угодна на очите, а умната на сърцето”; „Умната жена струва повече”; „Не хвали лична жена, а умна”; „Мома гиздосия, булка поразия”; „Отвънка гиздава, в главата гнидава”; „Жена, която е умна и разумна, не оставя мъжа си да страда”; „Жена с голямо чело, а кон с широки гърди”; „Жена му чини два града”.

В Библии обнаруживаются их семантические параллели: „Мъдрата жена урежда къщата си, а глупавата я съсипва с ръцете си” (Притча 14.1).

В 1-й единице наблюдается и отрицательное отношение к уму жены: „Размислена жена непрана оди”.

В 1-й единице привлеченного болгарского материала подчеркивается, что сочетание красоты и ума среди женщин встречается крайне редко: „Хубаво е да имаш жена и умна, и лична, ама Господ две добрини на едно място не прави”.

Здесь выделяются когнитивы „красотата в жене не есть ценность” и “ум жены есть ценность”: „Гизда къща не гизди”; „Хубост къща не крепи”; „Грозна булка дом бере, а хубава сбор бере”.

В болгарских пословицах отражается и отрицательное отношение к красоте жены (“хубавата жена не е само твоя”): „Ако жена ти е много хубава, не я пускай сама на сватба”; „Имаш ли добро вино и хубава жена, за приятели не плачи”.

В 5-ти единицах находим когнитиву „жена важна” и для мужа, и для семьи: „Жената е най-скъпата покъщнина”; „Де няма жена, няма и къща”; „Къща без жена, геран без кофа”; „Човек без жена като пън опален”; „Дай си, мъжо, жената, та иди в трънето”.

Встречается и прозрение о противоречивом характере жены (6 единиц): „Жената рай, жената вечна мъка”; „Жена трябва и за зло, и за добро”; „И с жена мъка, и без жена мъка”; „С тебе жено зле, а без тебеazole”; „Жената е колкото сладка, толкова и горчива”; „Жената къща отваря, ама и затваря”.

В них обнаруживаем и когнитивному „жена противоречива, но необходима“.

В 7-ми единицах подчеркивается, что в семье должна царить гармония, и жена в ней играет отведенную ей природой роль: „На жената господ е мъжо“; „Мъжът е вкъщи глава, а жената – душа“; „Мъжът къщата държи, а жената я краси“; „На жената уреда е до прага, извън прага – на мъжа е“; „Два петля на едно огнище не пеят“; „Два камика като се търкат, единият трябва да е по мек“; „В една къща двама господари не биват“.

Последние три примера являются метафорическими; в них отсутствует компонент *жена*; он обнаруживается только на когнитивном уровне.

Пословиц и поговорок, связанных с доминирующей ролью жены, имеется 9. В них эта несвойственная жене роль не получает одобрения (Узенева 2005: 340): „Жена му носи калпака“; „Жената не бие мъжа си, но лесно го надвива“; „Жената иска сякога все по нейната да става“; „Женина воля мъжа оголя“; „Дай на жена юзда, да ти опустее къщата“; „Жена много да не знае“; „Дорде е мома при майка от ягне е по-кротка, га се с мъжку смирише език, аршин показва“; „Един петел на десет кокошки седи, та ти ли на една жена не можеш“; „Тя е люта, аз съм крогък, ще поминем“.

Когнитивна „жена не должна доминировать над мужем“ в болгарских пословицах имеет семантические соответствия в Библии: „Голям срам е, когато жената преобладава над мъжа“ (Сир. 25.24).

В 1-й единице находим, что иногда необходимо спросить совета у жены: „Добре е понякога умна жена да се послуша“.

В ряде пословиц отражено понимание, что за всяким мужем стоит жена, которая его создает. На когнитивном уровне им близки следующие пословицы: „Жена мъжа носи на образа си, а мъжа жената на ризата си“; „Не питай кой съм, а коя вода“; „Мъж ми е, ако искам и владика ще го направя“.

В 7-ми привлекаемых единицах открываются когнитивы „жена обычно злая“. Злоба является признаком, приписываемым концепту **жена** с исключительной частотой: „По-лош душманин няма от зла жена“; „Зла жена яде повече от зла змия“; „Зла зима си отива, зла жена – не“; „Жената си крие злината като котка ноктите“; „Добра жена мъжо рай, зла жена мъжо ад“; „Зла зима си отива, зла жена не“; „Жена без злина не бива“.

В Библии также встречаются семантические параллели, не повторяющие библейскую семантическую модель: „По-добре да живееш в пуста земя, отколкото със сърдита и свадлива жена“ (Притча 21.19); „Непрестанното капане в дъжделив ден и свадлива жена едно са“ (Притча 27.15); „По-добре да живееш в ъгъл на покрива, отколкото със свадлива жена вкъщи“ (Притча 25.24); „Всяка злоба е малка в сравнение със зLOBата на жена“ (Сир. 25.21).

К единицам, связанным с выбором жены, можем добавить и те, в которых подчеркивается, что богатство жены не может быть целью при женитьбе. В них компонент *жена* опосредованно выражен через прилагательные: „Женино имане пресяда“; „Женските пари не са хаирлии“; „Женски пари, змейски кости“; „От женски пари братя се делиле и изтрепале“.

В них открываются когнитемы „приданое жены не важно“ и „приданое жены не приносит добра“.

К группе пословиц (7 единиц), раскрывающих различные аспекты трудностей и критериев при выборе жены (супруги), можем прибавить и те, в которых мы обнаруживаем когнитему „красота не важна“, характерную для болгарского языка: „Гизда къща не гизди“; „Не хвали лична, а умна“; „Имаш ли добро вино и хубава жена, за приятели не плачи“; „Имаш ли добро вино и хубава жена, за достове не плачи“; „Ако жена ти е много хубава, не я пускай сама на сватба“; „Грозна булка дом бере, а хубава – сбор бере“.

Этим пословицам имеются семантические параллели в Библии: „Миловидността е примамлива и хубостта – суетна; но жена, която се бои от Господа, е достойна за хвала“ (Притча 31.30); „Не се вглеждай в хубост женска и не пожелавай жена за похот“ (Сир. 25.23).

В 3-х единицах эксцерпированного материала открывается когнитема „честность ценна“ при выборе супруги: „Честната жена и сред войска да влезе, пак честна ще излиза“; „Жена и любеница на честта биват“; „Нечестната жена и в кафез да я сложиш, пак ще му намери колая“.

В болгарском пословичном фонде единиц с когнитемой „жену нужно бить“ совсем немного (2 единицы эксцерпированного материала): „Жена ако не се бие в неделята веднъж зад врато, гнездо лови“; „За орей и за жена сака ръка ячка“.

В то же время встречаются и пословицы с когнитемой „жену нельзя бить“ (1 единица эксцерпированного материала): „Ако биеш жена си, биеш главата си“.

В 2-х единицах встречается когнитема „жену легко найти“: „Жена и съдран калпак лесно се добиват“; „Жена и съдрана капа лесно се спечелват“.

В болгарском языке встречается большая группа пословиц, в которых открывается когнитема „жена хитра“ (10 единиц эксцерпированного материала): „На жената дяволите в тила и се мътят“; „Дяволът е дявол, ама жената е по-дявол“; „Жената е голям дявол“; „Жената е дявол (съблазнитель)“; „Жената се надява на плача си, а лъжеца на лъжата си“; „Жена и лисица како ги е една майка родила“; „Жена се смее кога може, а плаче кога ще“; „Жената има 99 дупки и за тях 102 похлупки“; „Парата е дявол, ама жената е по-дявол“; „Жена синор (вера) няма“.

Семантические параллели обнаруживаются в Библии: „От жената е началото на греха, и чрез нея всички умираме” (Сир. 25.27).

Когнитема „работяща жена хороша” противопоставлена когнитеме „ленивая жена плоха” (3 ед.): „Жена работница ноше й свети къщата”; „Мързелива жена къща запустява”; „Галена жена хурка не преде”.

В болгарском языке встречаем 1 единицу, в которой осуждается повторная женитьба: „Нахапана чушка да не ядеш, разоставена жена да не вземаш”.

С другой стороны, обнаруживается когнитема „жену выбирают по любви” в 4-х единицах, в которых компонент *жена* отсутствует: „Дето сърцето бежи, там и окоето лежи”; „Жени се без любов, ходи без пушка на лов”; „Любов хубост не гледа”; „Любовта е сляпа”.

Семантическая модель вышеприведенных пословиц метафорична.

В болгарском языке имеются пословицы и поговорки, подчеркивающие, что жена не может быть верной (7 единиц): „На жена, катър и куче, който хваща вяра ум няма”; „Пушката до себе, жената при тебе”; „Жена и кокошка синор нямат”; „Жената е като водата, накъдето я поведеш натам отива”; „Жената е като върба, където я насадиш, там расте”; „Женско сърце, памучен чорап, растяга се”; „Жената не мисли за мъж само когато я хапе куче и минава през дървен мост”; „На жена да са къси пътеките”.

В приведенных выше пословицах выявляются когнитемы „жену необходимо стеречь”, „жена не верна”.

В эксцерпированном болгарском материале отсутствует когнитема „чужая жена очень привлекательна”.

В небольшой группе собранного материала (3 единицы) содержится когнитема „с женой-растратчицей очень трудно”: „Имай жена разсипница, та да ти запустее къщата”; „Мъж да принася с колата, жена да изнася с иглата, пак не става”; „Жена знае „дай мъжо”, а не „дай боже”.

Небольшая группа болгарских пословиц (2 единицы эксцерпированного материала) подчеркивает, что жена *непостоянна, корыстолюбива, очень болтлива и опасна*: „Жена мъжа жалее, дор го гледа пред нея”; „Жена мъжа толкоз помни, колкото ври отнето гърне”; „Ако нямаш пари, жена не те чести”; „Жената не казва сал, което не знай”; „Жена, огън и море, да не срещаш по-добре”.

В одной единице осуждается пьянство жены: „Пази боже от туна буда, от пьяна жена и от бясна свиня”.

На основе проведенного обзора материала можно сделать следующие выводы.

В болгарском языке наблюдается динамика при раскрытии концепта *жена*, выраженная посредством предикатов: *избирам, срещам, жалее, казвам, обичам, зная* и др.

Основываясь на анализе болгарских пословиц и поговорок, можно охарактеризовать концепт **жена**, который реконструируется в языке с помощью относительно большого количества прототипичных когнитивов:

- жена очень ценна для мужа;
- жену нужно выбирать по семье;
- красота жены не является ценностью;
- жена не должна доминировать над мужем;
- умная жена более ценна, чем красивая;
- есть хорошие жены;
- хорошая жена ценна;
- жена часто злая;
- злая жена хуже всего;
- жену нужно бить;
- жену нельзя бить;
- жена хитра.

В болгарском языке можно выделить и когнитивы с меньшей частотностью:

- жена неверна;
- жена опасна;
- жена болтлива;
- жена расточительна;
- жена корыстолюбива;
- пьющая жена плохая.

Когнитивы: ”хорошая жена ценна”, ”умная жена более ценна, чем красивая”, ”красота не есть ценность”, ”жена часто злая” имеют семантические параллели в Библии, говорящие о том, что стереотипные представления о жене в болгарском языке связаны с библейскими и христианскими представлениями.

Концепт **жена** в болгарских пословицах исключительно детализирован, что свидетельствует о проеобладании в их значении мужской точки зрения, мужского менталитета (Иванова 2006: 214), и о патерналистическом характере традиционной модели социального уклада болгарина.

В болгарском языке отсутствуют повторы библейских семантических моделей – в 3-х охарактеризованных когнитивах наблюдаются преимущественно семантические параллели. Эти факты в свою очередь указывают на патерналистический уклад традиционной культуры болгарина.

Исследованный фрагмент паремий раскрывает менталитет жителей сел и небольших городков Болгарии: различий между понятиями *жена* и

супруга не обнаруживается; компонент *жена* употребляется вместо *супруга*. В некоторых случаях компоненты вскрываются только на когнитивном уровне. Несмотря на то, что и жена, и муж имеют свои четко очерченные роли в семье и доме, жена обычно изображается как противоположность мужу. Она противоречива и сложна и имеет больше отрицательных качеств, чем положительных, что вновь связывает ее с библейской моделью греха.

Источники

- Български притчи или пословици и характерни думи, събрани от П.Р. Славейков. София, 1972.
- Българска народна поезия и проза. Т. 7. Предания, легенди, пословици и гатанки. София, 1983.
- Български пословици и поговорки. Съст. Милко Григоров, Костадин Кацаров. София, 1986.
- Влахов Сергей*. Съпоставителен речник на пословици, български, руски, английски, френски, немски, латински, София, 1998.

Литература

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М. 1997.
- Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995.
- Гвоздев В.В.* Место пословиц как структурно-семантических образований в языке: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- Дубов И.Т.* Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. М., 1993. № 5. С. 20–29.
- Жуков В.П.* Предисловие к Словарю русских пословиц и поговорок. М., 1990.
- Иванова Е.* Пословичные картины мира. М., 2002.
- Иванова Е.* Мир английских и русских пословиц. СПб, 2006.
- Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 12–51.
- Левин Ю.И.* Провербиальное пространство // Паремнологические исследования: Сб. статей. М., 1984. С.108–126.
- Леурска П., Веселинов Д.* Съпоставка на лексикални картини на света през различни еталони *tertium comparationis* // Български език. Кн.2. София, 2001–2002. С. 51–63.
- Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М., 2006.
- Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки. М., 1970.
- Петренко О.А.* Этнический менталитет и язык фольклора. Курск, 1996.

Петрова П.С. Лингвокултурологично съпоставително изследване на английски и български пословици. Автореферат на дисертация за присъждане образователната и научна степен “доктор”. София, 2006.

Серль Дж.Р. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 307-341.

Телия В.Н. Русская фразеология. М., 1996.

Узенева Е. Репрезентация на джентърна идентичност в българските пословици // Български фолклор, Фолклор – идентичност – съвременност. Т. 10. София, 2005. С. 339–344.

Langacker R.W. A view of linguistics semantics // Topics in cognitive linguistics / Ed. by B. Rudzka-Ostyn. Amsterdam; Philadelphia, 1988. P. 49–90.

Yankah K. Do proverbs contradict? // Wise words. Essays on the proverb / Ed. by W. Mieder. N. Y., 1994. P. 127–142.

Бездомность как антиценность на материале лексикографических данных

Abstract:

Pazio-Wlazłowska D. *Homelessness as an anti-value based on the materials of lexicographical data.*

Based on eight monolingual Russian dictionaries, the paper analyzes the concept of *homeless* and juxtaposes it with the notion of *home*. The dictionaries characterize *homelessness* with respect to its four aspects: physical, social, metaphysical, and legal. In Russian several lexemes are used to convey it: *бомж*, *бесприютный*, and *бродяга*, among others. A thorough analysis has enabled the author to define a homeless individual as an individual who roams the streets, scraggly and unkempt, lacks permanent housing and family, and comes from the poor lower classes. It turns out that the dictionaries focus mostly on the physical dimension, i.e. lack of a permanent place of residence, neglecting the factors contributing to *homelessness* and its causes.

Ключевые слова: бездомность, концепт, языковая картина мира, толковые словари, когнитивная дефиниция.

Сегодня бездомный – это человек, которого фактически нет.
К. Казанцев¹

Бездомность является многоаспектным явлением, вызывающим в последнее время интерес многих научных дисциплин, в частности, социологии, экономики и психологии. Понимаемая в буквальном смысле как «отсутствие крова над головой», она кажется одной из существенных проблем современности². Считается, что в России бездомными являются от 1,5 до 4,2 млн человек, то есть до 3% населения³. Большинство бездомных проживает в больших городах – в Москве и Санкт-Петербурге⁴.

Существенной проблемой при попытке исследования бездомности является отсутствие общепринятого определения⁵. Поскольку бездомность может быть или непосредственным результатом социальной политики государства, или независимым решением индивида, можно как минимум выделить два ее типа: бездомность по выбору, которая присуща индивидам, отвергнувшим социальные нормы поведения, и вынужденную бездомность, являющуюся результатом процессов, проходящих независимо от воли и желаний индивида⁶. Число бездомных, которые покинули дом по собственному решению, невелико⁷. Но эта группа постоянно растет. В 1995 г. лич-

ным выбором отсутствие жилья мотивировало 3% бездомных, в 2003 г. такие показания дало более 14%⁸. Алексей Никифоров, руководитель программы помощи бездомным организации «Врачи без границ», подчеркивал, что: *«Это люди, которые по складу своего характера бродяги, они живут как анархисты. Но их очень мало. Думаю, что в основном «личный выбор» – это одна из форм психологической защиты»*⁹.

Светлана Стивенсон к непосредственным причинам бездомности относит природные и социальные катастрофы, а также экономическую миграцию. Значительную часть бездомных составляют бывшие заключенные и люди, ставшие жертвами преступных махинаций, связанных с продажей или обменом жилья¹⁰. Целесообразным кажется также выделение частью исследователей бездомности *sensu stricto*, которая понимается как отсутствие какого-либо жилья, и бездомности *sensu largo*, которая сводится к восприятию своего места проживания как несоответствующего требованиям, предъявляемым местам проживания человека¹¹.

Исследованию бездомности в советское время не уделялось особого внимания. По мнению Романа О. Рыжова возможность таких исследований была ограничена, в частности, преимущественно юридической интерпретацией явления¹². Проблема стала вызывать интерес социологов лишь на рубеже 1980–1990-х годов XX в. Существенным кажется то, что бездомность как социальное явление не только исторически обусловлена, но также имеет национальную специфику, выражающуюся, в частности, в недостаточном обеспечении населения жильем и одновременной зависимости реализации гражданских прав от регистрации по месту жительства или месту пребывания¹³.

Необходимо подчеркнуть, что бездомность обнаруживается как в физическом, так и в духовном плане. Марина С. Матлахова подчеркивает остроту «метафизической» бездомности как результата *«смены культурных парадигм, переходного состояния современной культуры»*¹⁴. Бездомность может быть воплощением творческого поиска, своеобразным состоянием жаждущего свободы человеческого духа. М.С. Матлахова замечает, что бездомность может восприниматься как *«область особого культурного опыта, переживаемого как опыт одиночества, свободы, творческой возможности, и вместе с тем тревоги и неустроенности, телесной и душевной израненности»*¹⁵.

Р.О. Рыжов утверждает, что *«социальное положение бездомных отмечено жестокой стигматизацией. Бездомным приписывается значительный набор негативных характеристик в сфере нравственности, гигиены, агрессии»*¹⁶. Возможным и по сути естественным является восприятие бездомного как «чужого»¹⁷. Симптоматично однако то, что само по себе отсутствие постоянного места жительства не является тождественным с негативной оценкой индивида, с присвоением ему стигмы. С. Стивенсон подчеркивает, что

*отсутствие жилья становится решающим фактором в идентификации лишь тогда, когда нет инстанции, которая присваивала бы индивиду социально приемлемую роль (будь то роль в системе общественной занятости, семье, общине)*¹⁸.

Бездомность неразрывно связана с понятием *дом*, принадлежащим к словам-ключам культуры и представляющим собой одну из основных ценностей. Концепт *бездомный* неотделим от концепта *дом* в рамках аксиосферы. Поэтому целесообразным кажется восприятие интересующего нас понятия сквозь призму описания дома, а также рассмотрение их взаимоотношений.

Для концепта *дом* существенным является человеческий фактор – у дома всегда есть хозяин, дом всегда кому-то принадлежит. Значимым для него является физический аспект, а в его рамках защищенность и уют. Дом воспринимается в толковых словарях в четырех аспектах:

1. физическом – как жилое здание или здание, предназначенное для учреждения, заведения;
2. социальном – как группа живущих вместе людей, характеризующаяся определенным набором черт;
3. экономическом – как учреждение, заведение;
4. политическом – как династия, род.

Дом и его жители – это дополняющие друг друга понятия. Дом без жителей пустой, неполноценный, человек без дома, человек, не имеющий «кровя над головой», асоциален.

Для концепта *дом* существенным является противопоставление «свой-чужой» и вытекающее из него восприятие дома как места, куда индивид возвращается после скитаний. Поэтому – как предполагает М. С. Матлахова – опыт расставания с домом и его утраты может восприниматься как константа культуры. Опыт поиска дома кажется важным для восприятия противопоставления концептов *бездомный* и *дом*.

Интересующий нас концепт *бездомный* реализуется несколькими лексемами: кроме слова *бездомный* это, в частности, *бездомовник*, *бездомник*, *бездомовный*, *бесприютный*, *бескровный*, *бродячий*, *бродяга*, *бродяжка*, *бомж*, *босьяк*, *шатун*, *побродяга*, *побродяжка*, *оборванец*. Лексический материал для анализа был отобран из восьми толковых словарей русского языка¹⁹.

В лексикографических дефинициях, являющихся предметом нашего интереса в настоящем тексте, бездомность характеризуется в четырех аспектах: физическом, социальном, метафизическом, правовом²⁰.

Доминирующим является первый из них, в толкованиях подчеркивается отсутствие «кровя над головой» в буквальном смысле слова, например:

бездомный: *не имеющий жилища, бесприютный* (БАС), *не имеющий жилья, приюта* (Ожегов; Шведова), *не имеющий жилья* (Кузнецов), *не имеющий своего дома, жилища, пристанища* (Горбачевич); бездомные: *не имеющие дома, жилья* (Скляревская); бездомовник: *устар. прост. тот, у кого нет своего дома, жилища, пристанища; бродяга* (Горбачевич); бесприютный: *не имеющий жилища, крова, приюта; бездомный* (Горбачевич), *лишенный приюта, крова* (Ушаков; Ожегов; Шведова); бескровный: *устар. лишенный или не имеющий крова* (Кузнецов). Подчеркивание физического аспекта бездомности ярко перекликается с восприятием концепта *дом*, для которого физический аспект тоже является доминирующим. Но бездомность в физическом аспекте четко противопоставляется идее дома: обладание предметом – отсутствие предмета обладания.

В социальном аспекте выделяются две фасеты, указывающие на, во-первых, бездомного как индивида и, во-вторых, на его отношение к другим. В первую можно поместить физическую и психическую характеристики бездомного, сказывающиеся на его отношениях с окружающей средой: *бродяга: обнищавший, бездомный человек, скитающийся без определенных занятий* (Ожегов; Шведова), *обнищавший человек без постоянного места жительства или определенных занятий* (Кузнецов), *обнищавший, бездомный человек, шатающийся без всякой работы; оборванец, проходимец* (Ушаков); *босяк: опустившийся человек из деклассированных слоев населения* (Ожегов), *опустившийся человек из низших неимущих слоев населения* (Шведова), *опустившийся, обнищавший человек из деклассированных слоев общества* (Кузнецов; Горбачевич), *представитель деклассированных слоев города; оборванец* (Ушаков); *оборванец: человек в оборванной, изношенной одежде, в отрепьях* (Ушаков).

Внешний вид бездомного характеризуется в лексикографических дефинициях при помощи прилагательных, вызывающих отрицательные коннотации: *обнищавший, опустившийся, оборванец, в оборванной, изношенной одежде, в отрепьях*. Подобным образом описывается его социальное происхождение: *из низших неимущих слоев населения, из деклассированных слоев населения, представитель деклассированных слоев города*, и предпочитаемый им образ жизни: *скитающийся без определенных занятий, шатающийся без всякой работы*. Отраженный в дефинициях образ отвратителен, он вызывает отрицательные эмоции.

Социальному аспекту принадлежит также характеристика отношения бездомного к другим, где подчеркивается одиночество, отсутствие семьи и близких²¹: *бесприютный: не имеющий приюта, крова; одинокий, неприкаянный* (Кузнецов). Однако характеристика бездомного как одинокого человека, лишенного семьи и близких, по сравнению с характеристикой внешности не существенна. Сравнивая социальный аспект концепта *бездомный* с соци-

альным аспектом концепта *дом*, следует подчеркнуть противопоставление: обладание признаком – отсутствие признака.

В метафизическом аспекте бездомность воспринимается как кочующий образ жизни, постоянное передвижение с места на место, а иногда также как природенная необходимость постоянного перемещения: бродячий: *постоянно передвигающийся с места на место, кочующий* (Ожегов; Шведова), *не имеющий постоянного места жительства, передвигающийся с места на место в связи с характером или поисками работы; странствующий* (Кузнецов); бродяга: *разг. о человеке, скитающемся без жилья, определенных занятий, средств к существованию; бездомный, бомж* (Скляревская); шатун: *человек, который любит шататься, ходить без дела, а также тот, кто ведет бродяжнический образ жизни (устар. и прост.)* (Ожегов; Шведова). Симптоматичным элементом этой характеристики является отсутствие цели перемещения, для бездомного перемещение является ценностью самой по себе. Таким образом, перемещение определяет истину его существования, становится его сутью. Сравнивая выделенный нами метафизический аспект концепта *бездомный* с восприятием концепта *дом*, легко замечается противопоставление: характерные для восприятия концепта *дом* укоренение, неподвижность, нахождение в одном месте, четко выделенном из окружающего человека пространства, противопоставляются непостоянности, вечному перемещению, неопределенности, существенной для концепта *бездомный*. В перспективе характеристики, проводимой в рамках метафизического аспекта, следует также упомянуть о важном для восприятия концепта *дом* компоненте хозяина, владельца (не всегда и не обязательно в правовом аспекте) жилья и отсутствии компонента принадлежности (принадлежности чего-нибудь) в восприятии концепта *бездомный*. Постоянно передвигающийся бездомный ничем не обладает, ничто ему не принадлежит, он не ощущает себя владельцем ничего. Он свободен.

В последнем, выделенном нами аспекте – правовом – бездомный это тот, у которого нет определенного местожительства и работы: бомж: *человек без определенного местожительства и работы (сокращение)* (Ожегов; Шведова), *лицо без определенного места жительства; бездомный, бродяга* (Кузнецов), *разг. тот, кто не имеет постоянного места жительства, прописки, определенных занятий; бездомный; бродяга* (Скляревская). Как утверждает Вера В. Шильдяева, слово *бомж* – основное воплощение правового аспекта – стало употребляться в 1970-е годы XX в. *Из-за стереотипного образа бомжа – грязного нищего бродяги-алкоголика, питающегося на помойках, спящего на земле, – слово “бомж” стало восприниматься как уничижительное для бездомных (хотя оно по смыслу обозначает именно бездомных), – пишет Шильдяева*²². Следует заметить, что правовой аспект не находит своего отражения в анализе восприятия концепта *дом*.

На основе отобранного материала можно попытаться сформулировать дефиницию бездомного как человека, не имеющего жилища и семьи, опустившегося, оборванного, происходящего из низших неимущих слоев населения, постоянно скитающегося без цели.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что лексикографические дефиниции не уделяют внимания причинам бездомности и ее разновидностям, сосредоточившись на ее буквальном понимании как отсутствия постоянного места проживания. Поэтому небезынтересным было бы проведение анализа рассматриваемого концепта на основе другого типа материала, прежде всего современной публицистики²³ и анкет.

Примечания

¹ Цитата почерпнута из статьи: *Котрелев Ф.* Бездомные. Бомж или бездомный: социальный портрет современного странника // Нескучный сад. 2003. № 7. URL: <http://www.nsad.ru/articles/bomzh-ili-bezdomnyj-socialnyj-portret-sovremenного-strannika>.

² *Рыжов Р.О.* Бездомность в городских сообществах современной России. СПб., 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/bezdomnost-v-gorodskikh-soobshchestvakh-sovremennoy-rossii>;

Стивенсон С.А. О феномене бездомности // Социологические исследования. 1996. № 8. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/216/391/1217/4_Stivenson.pdf. С. 26.

³ *Шильдяева В.В.* Подходы к определению бездомности. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-7-2012/sociology/shilyaeva.pdf>; ср. *Котрелев Ф.* Бездомные. Бомж или бездомный...; *Ермилова А.В.* Лица без определенного места жительства как маргинальная группа современного российского общества. 2003. URL: <http://www.dissercat.com/content/litsa-bez-opredelennogo-mestazhitelstva-kak-marginalnaya-gruppa-sovremenного-rossiiskogo-ob>.

Рыжов Р.О. утверждает, что количество бездомных в России насчитывает от 3 до 4,5 млн. человек, при чем ежегодно становится бездомными около 400 тыс. человек (*Рыжов Р.О.* Бездомность в городских сообществах...).

⁴ *Котрелев Ф.* Бездомные. Бомж или бездомный...; *Стивенсон С.А.* Положение бездомных в социальной структуре современного российского общества. На примере Москвы и Санкт-Петербурга. 1996. URL: <http://www.dissercat.com/content/polozhenie-bezdomnykh-v-sotsialnoy-strukture-sovremenного-rossiiskogo-obshchestva-na-prim-mo>.

⁵ *Стивенсон С.А.* О феномене бездомности. С. 26; ср. *Волков В.В.* Проблема определения понятий «бездомность» и «бездомный» в современной России // Социальные проблемы. СПб., 2009. № 1. URL: http://www.socprob.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=96:---qq-qq---&catid=35:-q-q-2009-1; *Duracz-Walczak A.* Bezdomność w Polsce. O ujednoczenie pojęć // *Polityka Społeczna*. 1998. № 5–6. С. 24–27; *Burek A.* Narracja jako sposób autoprezentacji osób bezdomnych // *Rozprawy Komisji Językowej*. ред. Miodek J., Wysoczański W., Wrocław, 2013. Т. XL. С. 203–221.

⁶ *Porowski M.* Bezdomność [статья в:] *Encyklopedia socjologii* / ред. Bokszański Z., Warszawa, 1998. Т. 1 А–J. С. 60.

⁷ *Стивенсон С.А.* О феномене бездомности. С. 26; ср. *Ринн Е.* Социальные и правовые аспекты проблемы бездомности в России (краткий обзор результатов исследования) // *Бездомность в современной России: проблемы и пути их решения*. Вестник Межрегиональной Сети «За преодоление социальной исключенности». СПб, 2008. Вып. 1. С. 8. URL: http://www.pravonadom.ru/files/documents/vestnik_seti_01.pdf.

⁸ *Котрелев Ф.* Бездомные. Бомж или бездомный...

⁹ Там же; ср. *Przymieński A.* Zjawisko bezdomności w Polsce współczesnej // *Polityka Społeczna*. 1998. № 4. С. 10.

¹⁰ *Стивенсон С.А.* О феномене бездомности. С. 26; ср. *Компелев Ф.* Бездомные. Бомж или бездомный...; *Ермилова А.В.* Лица без определенного места жительства...; *Ринн Е.* Социальные и правовые аспекты проблемы бездомности... С. 9–10; *Завьялов Ф.Н., Спиридонова Е.М.* Уровень и образ жизни бомжей // Социологические исследования. 2000. № 2. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/02-2000/007.ZAVIALOV.pdf>. С. 64.

¹¹ *Porowski M.* Bezdomność – obraz zjawiska i populacji osób bezdomnych, [в:] *Pedagogika społeczna*. Człowiek w zmieniającym się świecie, ред. Pilch T., Lepalczyk I., Warszawa, 1995. С. 434; ср. *Duracz-Walczak A.* Bezdomność w Polsce... С. 25.

¹² *Рыжов Р.О.* Бездомность в городских сообществах...; ср. *Стивенсон С.А.* Положение бездомных...

¹³ *Рыжов Р.О.* Бездомность в городских сообществах...; ср. *Кастанье М.* Осмысление бездомности в постсоветской России. Ненужные и незаменимые. 2009. URL: <http://www.pravonadom.ru/main.php?g=articles&c=110&v=i&i=2096>.

¹⁴ *Матлахова М.С.* Феномен бездомности в пространстве современной культуры. СПб, 2011. URL: <http://www.dissercat.com/content/fenomen-bezdomnosti-v-prostranstve-sovremennoi-kulturny>.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Рыжов Р.О.* Бездомность в городских сообществах...

¹⁷ ср. *Кастанье М.* Осмысление бездомности в постсоветской России...

¹⁸ *Стивенсон С.А.* О феномене бездомности. С. 27.

¹⁹ Толковый словарь русского языка / ред. Ушаков Д.Н., М., 1935–1940 (далее Ушаков); *Словарь современного русского литературного языка* / ред. Чернышев В.И., М.–Л., 1948–1965. Т. 1–17 (далее БАС); *Словарь русского языка в четырех томах* / ред. Евгеньева А.П. М., 1981–1984 (далее Евгеньева); *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992 (далее Ожегов); *Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения*. ред. Складарская Г.Н., СПб, 1998 (далее Складарская); *Большой толковый словарь русского языка* / ред. Кузнецов С., СПб, 2000 (далее Кузнецов); *Большой академический словарь русского языка* / ред. Горбачевич К.С. М.–СПб, 2004–2005. Т. 1–2 (далее Горбачевич); *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / ред. Шведова Н.Ю. М., 2011 (далее Шведова).

²⁰ Применяемая в данной статье методология восходит к методологии, разработанной в рамках международного конвентурия EUROJOS (*Językowo-kulturowy obraz świata Słowian i ich sąsiadów na tle porównawczym*).

²¹ ср. *Завьялов Ф.Н., Спиридонова Е.М.* Уровень и образ жизни бомжей... С. 65.

²² *Шильдяева В.В.* Подходы к определению бездомности...

²³ ср. *Зеликова Ю.* Бездомные и язык вражды. Анализ федеральных СМИ // Бездомность и язык вражды в средствах массовой информации: сборник материалов. СПб, 2009. URL: http://www.pravonadom.ru/main.php?g=articles&c=12&m=0&v=i&n=6&i=1480&s=&b=&e=&l=ru_RU&u=&p=&a=

Новые исследования сербской народной традиции: архаика и современность

Abstract:

Todorovich I. *New researches on Serbian folk tradition: archaism and modernity.*

Lately, there have been published new multi-aspect researches on the Serbian folk tradition, which was considered in its archaic and modern condition. In the article, the author suggests a general overview of the author's researches which reflect the results of field studies made in different parts of Serbian ethnic territory. In other words, this article, which is in fact a synthesis, pays attention to some distinctive examples which illustrate recent processes and trends when speaking about the study of forms of Serbian folk tradition today and first and foremost folk mythological and religious vision which are emphasized. Those are phenomena of folk medicine, mythology of gold, mythological creatures, archetype motives and initiation motives, which are highlighted. Special attention is paid to events, which throw light on the so-called reduction – amplification relation (that is mythological and religious visions). At the moment, it can be seen as distinctive that some of the events of Serbian folk tradition still demonstrate surprising vitality, whereas others have almost disappeared.

Ключевые слова: новые исследования и заключения, сербская народная традиция, архаика и современность, разные части сербской этнической территории, актуальные процессы и тенденции, редукция и усложнение.

Общие положения*. Изучение народной традиции, мифов и религиозных представлений. В современных обстоятельствах, в самом широком смысле слова, особенно остро встает вопрос об отношении традиционного и современного, это актуально, когда речь заходит о верованиях, ритуалах, мифологическо-религиозных представлениях, которыми мы в основном занимались в предыдущий период.

* Статья является результатом работы над проектом „Южнославянская народная традиция: архаика и современность“ (Сотрудничество САНИ и РАН), а также над проектом „Интердисциплинарное исследование культурного и языкового наследия Сербии“. Разработка мультимедийного интернет портала „Понятийный словарь сербской культуры“, № 47016, который финансирует Министерство образования, науки и технологического развития Республики Сербия.

Многочисленные примеры подтверждают важность традиции для современного человека, т.е. значение переноса того, к чему с трудом приходили целые поколения предков – прикладывая силы, чтобы открыть новое и неизвестное, как и для того, чтобы свои знания передать потомкам. Традиция, понимаемая таким образом (ср. Наумовић 2008) одновременно является и основой идентичности, как личной, так и коллективной¹. Более того, если обратимся к сути, когда речь идет о Сербии – «можно без преувеличения сказать, что вопрос отношения к собственному наследию и традиции является одной из основных линий разграничения между различными культурными и политическими опциями в этой стране» (Ђурковић и Вујадиновић 2010, 1361).

С другой стороны, традиционные идеи многократно демонстрировали свое современное и страшное лицо, а в отдельных случаях многие СМИ связывали некоторые убийства, которые произошли в последние годы, с народной магией². В этих ситуациях общественность могла столкнуться с очень актуальным и живым существованием этого скрытого измерения действительности, т.е. с тем фактом, что и сегодня (как и когда-то) многие люди живут в соответствии с принципами «давнишнего» магического взгляда на мир (ср. Eliade 1983, с. 88–98), т.е. прошлое сохранилось не только в своих лучших и принимаемых общественностью формах, но и в своих самых зловещих аспектах и проявлениях.

В значимости *традиции* и, прежде всего, *мифов* в современном сербском обществе мы убедились во время наших исследований, проведенных в предыдущие годы, а к подобному выводу подводят нас факты, которые, в виде короткого и сжатого/иллюстративного обзора – мы излагаем в данной статье. Многочисленные примеры нас убедили в том, что миф и реальность только на первый взгляд разделены³, представляя собой две стороны одного целого.

Более глубокое представление, которое мы получаем, глубоко изучая культуру и этнос, подводит нас к недвусмысленной констатации, что идеи из области религии и мифологии представляют как раз то, на первый взгляд, скрытое и с трудом замечаемое измерение, которое определяет смысл как индивидуальной, так и коллективной реальности. В связи с этим нашей целью является представление новых исследований сербской народной традиции – и здесь мы преимущественно занимаемся теми явлениями, в центре которых оказываются непосредственно мифы, а также аспекты реальности с мифологическим подтекстом.

Иллюстративные тематические комплексы. В нескольких характерных примерах представлены типичные образцы (фрагменты), процессы и формы сербской традиционной духовной культуры в прошлом и в настоящий момент, с акцентом на народные мифолого-религиозные представления. Подобный подход и соответствующий тематический комплекс непо-

средственно связаны с глубоким, более широко понимаемым разгадыванием первичных кодов мифо-ритуального и этнокультурного мышления, т.е. понимания действительности (см. работы Тодоровић 2005а; Тодоровић 2005б; Тодоровић 2009а). В данном контексте – в предыдущем периоде – базовые культурные, прежде всего мифо-ритуальные образцы, структура мифологического и магического мышления и основной мифологический код народной традиции сербов, как и основной код так. наз. «народной религии», отбирались из этнографического материала, собранного в разных частях сербской этнической территории (см. работы автора в списке литературы). В данной статье в фокус внимания попадает этномедицинский мифо-ритуальный комплекс, мифология поиска золота, поверья о мифических существах, вода в традиционных представлениях, архетипические мотивы и инициация. [Помимо приведенных тем, представленных в этой статье, ранее также были рассмотрены: ритуал ношения креста (как самый значительный ритуал до начала Второй мировой войны), национальная и религиозная идентичность, а также мифологическая роль и значение сербского народа (как современные показательные мифические системы, происходящие из традиционных семантических рамок); данных тем мы не будем касаться в этой статье, а читателя отсылаем к другим работам автора, посвященным этим темам (см. Тодоровић 2005б; Тодоровић 2010а)]. Другими словами, подобным образом – на основе релевантных и достаточно иллюстративных показателей/примеров – обращается внимание на систему опорных мифических образцов сербской традиционной духовной культуры, прежде всего – народной мифологии (которые в ранних работах представлены достаточно полно).

В более ранний период акцент делался на непосредственные полевые исследования, без которых, конечно, не было бы достаточно материала для теоретических обобщений и выводов. Исследования проводились в разных областях и культурных зонах (от Тумнавы и Мачвы до Верхнего и Среднего Полимья, Косова и Метохии, т.е. от Вишеградского Старого Влаха до Александровачкой Жупы, Црной Травы, Сврлишской области и т.д.); в отдельных регионах, которые наиболее репрезентативны, исследовательская работа проводилась более тщательно и в течение длительного времени. Также следует подчеркнуть, что данная работа является преимущественно обзорной, причем автор представляет результаты собственных поисков (при параллельном указании на соответствующие работы и выводы других авторов, полезные с точки зрения комплексного рассмотрения приведенной проблематики); в связи с этим автор часто ссылается на собственные работы, которые необходимо упомянуть в контексте проведения основного методологического концепта текста.

Базовый концепт о приоритетах этнолого-антропологической науки в Сербии в настоящий момент (дигрессивный обзор). Проблематикой изучения основных образцов традиционной культуры сербов и населения Сер-

бии, а также всей сербской этнической территории мы занимались, исходя из широкого понимания этнолого-антропологической науки с подчеркнутым мультидисциплинарным характером. Во время новых исследований особенно значительными оказались феномены витальности и стойкости явлений из области традиционной культуры, а также их редукция (с другой стороны), т.е. для обновления в предыдущем периоде забытых или вытесненных феноменов (как это было с крестным ходом; ср. Radić 1995, 188–196; Радић 2002, 229–234). Также акцент делался на христианском контексте, прежде всего на проблематике рассмотрения степени и роли христианства в формировании различных аспектов сербской народной традиции (см. Тодоровић 2006а; Тодоровић 2010а; ср. работы: Драгојловић 2008; Бојанин 2008а; Бојанин 2008б; Радосављевић 2004; Павковић 2005). В связи с вышесказанным, общий вывод заключается в том, что традиционная духовная культура сербов в современных обстоятельствах находится в исключительно важном, можно было бы сказать решающем *поворотном моменте* – причем в ситуации, когда она трансформируется в совсем новые формы, как в направлении дальнейшего усложнения, так и в направлении редукции ее содержания (ср. Тодоровић 2008а, 56–62; Тодоровић 2010а, 208–209).

Приведенная констатация согласуется с тем, что в современных обстоятельствах важное значение для этнологии и антропологии в Сербии (ср. Тодоровић 2005в) имеет интенсификация этнографических исследований (сохраненных форм и трансформаций) традиционной культуры, а также проведение исследований в области прикладной этнологии – прежде всего в связи с ревитализацией села, сохранением, обновлением и продвижением традиционной культуры (ср. Ђурковић и Вујадиновић 2010), как и с установлением равновесия плотности населения (на территории Сербии при реафирмации культуры жизни, т.е. рождения (ср. Тодоровић 2011а, 376–379 и далее). С этими приоритетами связано внимание к сербской этнической территории как феномену, который был полностью недооценен во время существования СФРЮ (ср. Милосављевић 2002; в позитивном контексте см. Энциклопедија 2008), в особенности – внимание к тем частям Сербии, которые в настоящий момент оккупированы (ср. напр. Косово и Метохија 2004; Косово и Метохија 2007; Косово и Метохија 2008). Также с упомянутыми приоритетами связаны: оценка теистического/теологического контекста и соответствующего аспекта действительности (Павићевић 2009; Павићевић 2006; см. Тодоровић 2012а; ср. Шијаковић 2002); интенсификация (совсем оставшихся в тени) этногенетических и палеоэтнологических исследований (Тодоровић 2008б; Тодоровић 2013; ср. и Милосављевић 2002; Лома 1993; Пипер 2008); обращение более пристального внимания к феномену антисербства/сербофобии и исключительно тяжелому положению сербского народа, языка и культуры в современных обстоятельствах (см. Пипер 2004, 57–59, 41–42; Антонић 2008;

Аврамовић 2009; Вуковић 2009; Vljajki 2001; ср. и Екмечић 2002, 343–365; Митровић 1991); „внутреннее“ исследование этнолого-антропологической науки и общественно-гуманитарных наук в сербском контексте, как и этнологических учреждений и научной общественности (Павићевић 2005; Тодоровић 2005в; ср. и Благојевић 2005а; Антонић 2007). Иначе говоря, без рассмотрения перечисленных вопросов невозможно понять современную и традиционную культурную реальность Сербии, что должно было бы являться основной задачей этнолого-антропологической науки в данном регионе.

Конкретные специфические пространства народной традиции.

Изучение разных аспектов народной медицины. Как уже было сказано, в контексте исследований современных явлений сербской народной традиции для нас ранее было важно изучение народной медицины с магическим характером. Здоровье – одна из важных тем в традиционной культуре, мифологическое мышление связано с этномедициной и сегодня сохранило витальность в сербском этническом контексте, о чем свидетельствует интерес СМИ (ср. напр. текст Svaki peti tražio pomoć maga ili vračare 2012; см. работы Раденковић 1996а; Раденковић 1996б). В соответствии с этим, с целью лечения применялись и все еще применяются разные практики – магического и немагического характера. Практики магического характера всегда занимали специфическое положение в сербской народной традиции, находясь на периферии разрешенного и принимая двусторонний амбивалентный характер «святого» и (одновременно) «ужасного», необходимого или зловещего и нечистого.

В связи с этим проблематика народной медицины магического характера может рассматриваться разными способами, в соответствии с фокусированием многих ее равнозначных аспектов. С «формальной» стороны – через представленный феномен (как идеальный исследовательский полигон) можно прийти к заключению о том, каким образом функционирует разум в культуре⁴; с другой, «семантической» стороны – через явления, которые он охватывает, можно непосредственно наблюдать некоторые существенные измерения патологии, содержащиеся в негативных аспектах народной традиции, т.е. в идейной системе, из которой происходят практики, связанные со «сглазом» и «колдовством» (см. Тодоровић 2007б; ср. Раденковић 1996а; ср. и ранние записанные примеры в: Казимиrowић 2006). В предыдущие годы в различных работах представлены многочисленные специфические и иллюстративные примеры, начиная от примеров, записанных в области Тамнавы, которая для наших исследований этномедицины была особенно важна (Тодоровић 2002/2003).⁵

Для нас наиболее существенным было то, что феномен *магического*, как и соответствующего специфического (способа) мышления и системы

идей, перешел из традиционной культуры в многочисленные современные контексты, сохраняясь в разных формах. В новейших работах рассматриваются также базовые постулаты магического мышления, т.е. его *коммуникационно-логическая структура*. Одним из основных тезисов является то, что магическое мышление, на котором основывается народная медицина сербов, может быть представлено при помощи сжатых формул, которые показывают его сущность; к этой базовой структуре можно подойти при помощи объективного и научно обоснованного способа. В соответствии с этим структура специфической „магической логики“ в предыдущих работах показана в крайне сжатом виде (Тодоровић 2006/2007), основываясь на результатах ранних исследований и моделей *универсальной первичной структуры мышления*, которая представлена обширнее в других работах⁶. Упомянутые конкретизированные представления структуры магического мышления выдвинуты на основе сербского этнографического материала с целью иллюстративного объяснения присутствия *первичной логической модели* (как ключевого аспекта упомянутой *универсальной первичной структуры мышления*) в основе магического мышления⁷.

В любом случае разнообразие и многочисленность народных верований и обычаев из этномедицинского комплекса и сегодня требуют постоянных полевых исследований и записей. В современных обстоятельствах народная медицина является одним из самых доступных проявлений традиционной духовной культуры сербов. В этот комплекс входит разное содержание, среди прочего (что уже было отмечено) чрезвычайно распространены магические практики (см. Тодоровић 2007б). Особенно важным является вопрос противостояния и переплетения православно-христианских и нехристианских пластов. Скажем, характерно, что упомянутые народные лекари часто отсылают своих пациентов и последователей к Церкви – понимая христианскую веру и духовность своим магическим образом – что вызывает негативную реакцию у представителей Церкви.

В предыдущих исследованиях было отмечено, что в современных обстоятельствах можно обнаружить многочисленные примеры как редукции (с одной стороны), так и усложнения (с другой стороны) мифологического и магического комплекса народной медицины, что непосредственно связано с процессами, характерными для народной медицины (в целом), но и с процессами урбанизации, как и с усилением влияния СМИ (см. Тодоровић 2008а, 58–59; ср. Ивановић-Баришић 2007). В связи с этим нужно подчеркнуть, что сегодня присутствуют новые формы, которые – разными способами – ревитализируют народную медицину как значительный аспект актуальной культурной действительности населения Сербии и сербской этнической территории.

Витальные народные мифические комплексы: представления о золоте. В контексте изучения новых выражений сербской народной традиции

для нас весьма важным является изучение мифологии золота, которая показательна из-за своей витальности, распространенности и комплексного характера. В мифических представлениях искателей золота/сокровищ, преимущественно на востоке сербской этнической территории (где этот феномен чрезвычайно распространен; особенно интересны были истории, записанные в Сврлишском крае) особым образом переплетаются древние и современные мотивы. В то время как старые мотивы можно связать с древними славянскими и балканскими представлениями, современные аспекты включают в ранее сформированные структуры многочисленные новые аспекты и мотивы (см. Тодоровић 2006б, 126, 133; Mijailović 1987/1990, 174). Жизнеспособность мифологии золота гарантирована вследствие того, что золото в современных обстоятельствах для многих искателей является смыслом жизни и наваждением, в основном деструктивного характера (ср. Филиповић и Миливојевић 2008), а каждый искатель золота (в восточной Сербии искателей золота/сокровищ часто называют *златар*) знает много историй с мифологическими элементами, связанными с нахождением золота и с соответствующими преградами (см. Тодоровић 2006б). Впрочем, уже сам материал, который записан и представлен в течение предыдущих двадцати лет (помимо работ автора см. также: Ромелић 1999; Раденковић 1990; ср. Karanović 1989, ср. и литературу на с. 192–211) представляет непосредственное доказательство длительного характера, т.е. усложнения и витальности отдельных проявлений традиционной народной мифологии сербов в современных условиях.

Во всяком случае, нужно подчеркнуть, что мифология, которая связана с золотом, чрезвычайно сложна и вдохновляет, как в общем контексте, так и когда речь идет о проявлении сербской народной традиции (см. Тодоровић 2010б). Часто золото рассматривается как сущность, приобретение которой одновременно представляет решение всех жизненных проблем, в результате чего оно перемещается из материальной, физической плоскости на метафизическую плоскость (Тодоровић 2010б, 290, 294, 302). В более ранних работах автора представлен разный спектр подходов к мифологии золота, начиная с сопоставительного обзора и заканчивая аналитическим контекстом (с подчеркиванием поиска базовых архетипических образов), который мифологический потенциал золота понимает на уровне синонимов для универсальной самореализации и достижения цели (Тодоровић 2006б, 132; см. разные аспекты этого типа в работе Тодоровић 2010б). Также особо подчеркивается связь структурно-семантических основ мифологии золота с концептом *первичной мифической матрицы* (Тодоровић 2010б, 297–301)⁸.

В этом смысле преимущественно выделяется связь золота с архетипическим, экзистенциальным и эсхатологическим контекстом (т.е. – изучение золота во всех семантических ключах), которые выделяют мифологическое значение в виде особого проявления сербской традиции, с возможными

древними корнями и актуальностью (Тодоровић 2010б; Тодоровић 2006б). В пользу присутствия древних мотивов в этом мифологическом контексте говорит целый ряд показателей, скажем – синонимия золота с «подземным солнцем», что сопоставимо со множеством родственных мифологических представлений и сценариев архетипического характера (Тодоровић 2006б, 130–132). Семантические направления, которые происходят из приведенной мифологической системы, весьма разветвлены и направляют нас к возможной реконструкции протомифических корней сербской народной мифологии (ср. Тодоровић 2010б).

Архетипы и базовые мифические представления. *Мифические сущности и первичные мифологические коды.* В течение последних лет были проведены многочисленные полевые исследования в разных областях сербской этнической территории, что – вместе с учетом результатов других исследователей и всех доступных факторов – помимо вышеприведенных аспектов народной традиции, способствовало обнаружению содержания особенного архетипического характера в сербской народной традиции. В подобных исследованиях произошло раскрытие единого мифического образца, который можно было бы определить с помощью термина *базовая идеалтипическая (глобального комплекса) сущность сербской народной мифологии*⁹.

То, что нам на первый взгляд кажется как неисчислимое множество разных мифических сущностей и мотивов, после глубинного структурно-семантического анализа предстает как единая и обрамленная мифическая архетипическо-логическая матрица, основанная на точно определенных семантических категориях и отношениях (см. Тодоровић 2004б). В этом смысле мы можем констатировать присутствие четырех базовых мифических сущностей (соотношение: *змај/здухаћ – вампир – вила – вештица*), которые находятся в основе соответствующей системы, т.е. четырехчленную матрицу первичного мифологического кода (см. Тодоровић 2004б, 220–225; Тодоровић 2009а, 172–174, 96–101; также ср.: Тодоровић 2005а, 364–370; Тодоровић 2005б, глава VII).

Приведенные основные мифические комплексы отмечаются и в тех областях сербской этнической территории, которые в предыдущих работах не были рассмотрены (в пользу чего можно было бы привести ряд примеров). Они представляют одну из первичных баз сербской народной мифологии, базу, которую мы обнаруживаем во время полевых исследований, за исключением специфических мифических сущностей и мотивов, которые не распространены (ср. Тодоровић 2009б, 236 и 237).

Архетипическая вода в народной традиции. Параллельно с приведенными мифическими представлениями о золоте и сверхъестественных существах, в контексте изучения архетипов и базовых мифологических представлений особенно важны сюжеты, связанные с водой. Она присутст-

увет в мифах и ритуалах, в различных верованиях и религиозных представлениях (см. напр. Купер 1986, 186–187; в общеславянском контексте см. Виноградова 2001). Именно по этой причине в ранних наших работах мы пытались дать ответы на вопрос – что выделяет воду как центральный мотив (мифолого-религиозный), во многих культурах, религиях и традициях и в сербской традиционной духовной культуре (ср. напр. Српски митолошки речник 1998, 104–106; Шапоњић-Ашанин 2001). В связи с этим мы можем заниматься водой также в контексте реконструкции *архетипического мифоритуального сценария*, характерного для гипотетического *универсального мифа* с архетипическим характером, который (в соответствии с предположением и исследовательско-методологическими рамками) находится в основе общечеловеческой культурной матрицы. Мы занимались и более глубоким, символическим значением воды и рыбы (ср. Елијаде 2003, 155–157; Елијаде 1999, 176–186), т.е. сущностными семантическими кодами их психологической символики¹⁰. На основе сербского и другого, сопоставительного материала – конкретизируются общие границы (в связи с феноменологией воды) на примере рассмотрения возможности реконструкции универсального мифа и его элементов в сербской народной традиции (см. Тодоровић 2004а).

Желинский дракон (Жељинска ала) – миф на службе у идентичности.

В контексте рассмотрения витальных современных мифологических преданий, т.е. – в связи с изучением все еще живых представлений о мифических существах (с целым рядом вариантов), особенно впечатляют сюжеты, в которых речь идет о желинском драконе; эти сюжеты присутствуют в области Александровачка Жупа и в ее окрестностях (см. Тодоровић 2011б; Тодоровић 2012б, 278–282, 285–286; Тодоровић 2014). Представления о драконе – в соответствии с их семантической многослойностью – могут быть истолкованы на нескольких уровнях, несколькими способами. Прежде всего, с одной стороны, желинский дракон управляет атмосферными явлениями и является местным защитником Жупы (см. Тодоровић 2011б, 209–210, 213–214). С другой стороны – в противовес этому – желинский дракон – враг, в первую очередь именно на уровне идентичности. Предоставляя благосостояние, этот дракон одновременно материально/буквально (постоянно поедает людей и скот, детей с похожими именами, братьев и сестер, избранных девушек и юношей, т.е. самый расцвет молодости) и символически (учитывая, что люди должны из-за благосостояния жертвовать/предавать свое будущее и свою независимость, т.е. свободу, покоряясь, но и „обожествляя“ дракона как своего покровителя) уничтожает население Жупы (Тодоровић 2014; ср. Тодоровић 2011б, 210–212). Население может рассматриваться здесь как репрезентативное/архетипическое проявление сербского этноса и его основной исторической дилеммы (в рамках соответствующего

коммуникационного кода и геополитического контекста), т.е. как главная проблема сербской этнической ситуации на протяжении веков, и прежде всего – сегодня¹¹. В соответствии с предыдущими исследованиями в новых работах в сжатом виде показано, как одна мифическая система на вневременном уровне коммуницирует с актуальным настоящим и каким образом миф, т.е. коллективная психика, предоставляет ответы на ключевые национальные вопросы и вопросы идентичности.

Инициальная мифо-ритуальная динамика. Инициальная структура и значение сербской сказки. Особенно важным для нас было изучение феномена инициации в контексте различных проявлений сербской народной традиции, причем как раз на примере мотивов инициации можно наблюдать процессы, характерные для сербской народной традиции сегодня; другими словами, отдельные традиционные формы почти полностью исчезли (сказка, которая основана на мотивах инициации), в то время как другие формы (ритуальная инициация мужчины) все же присутствуют в различных современных контекстах. Сказка – явление многопланового характера, но феномен инициации находится в особых отношениях с архетипичным масштабом действительности – и в сказке имеет ключевое значение (см. Pgor 1990, 533–546; ср. и Pgor 1982). Другими словами, на основе многочисленных показателей можно прийти к выводу, что суть сербских сказок представляет как раз инициация, цель которой – ритуальное введение в общество, т.е. в мир культуры, мир человеческого, признанных и взрослых, с венчанием как завершающим чином инициации (Тодоровић 2007а). В сказке ясно подчеркивается тенденция к преодолению, т.е. аннулированию основных биологических человеческих нужд и ограничений, которые в данном семантическом контексте представляют *природу*, в смысле *не-человеческое*, в противовес *культуре* – духовному и *человеческому*. Как уже было сказано, используя структурно-семантический аналитический подход, мы приходим к выводу, что в сербских сказках значительное число элементов находится в тесной связи с инициацией. Эти сказки в большой степени сохранили структуру инициации и значение – о чем свидетельствуют многочисленные примеры, из которых некоторые (особенно иллюстративные и специфические) представлены в предыдущих работах (Тодоровић 2007а; Тодоровић 2009а, 43–70). При помощи этих характерных примеров, как и сербского этнографического материала, мы можем раскрыть некоторые сущностные образцы функционирования мифо-сказочного феномена.

Пространство и время мужчин – в контексте инициации. При рассмотрении сказки в контексте инициации возникает еще одна тема. В традиционной культуре сербов обрамлены пространство и время, которые, практически или символически, были связаны с мужскими качествами. Это в основном осуществлялось через оппозицию мужской/женский и соответ-

вующей символикой¹². Инверсии на глубоких культурных уровнях присутствовали, но также существовало неизменяемое семантическое ядро, определенное традиционным патриархальным кодом. В настоящее время присутствуют реликты этих верований и символических систем, но дальше, в отдельных аспектах, можно говорить о пространстве и времени, предусмотренном исключительно для мужчин, в отличие от других экзистенциальных моделей, которые имеют или универсальный, или исключительно женский характер (ср. Кабакова 2001, 179).

В предыдущих работах мы сосредоточились на современных и традиционных способах выражения практического и символического проявления мужских качеств, непосредственно связанных с инициацией, которая означает переходный пространственно-временной контекст и которая в традиционной культуре представляет центр экзистенциальной парадигмы; именно инициация с половой точки зрения еще «неподтвержденного» мальчика/юношу производит в мужчину, и только после нее бывший неофит получает соответствующую роль в обществе. В соответствии с вышесказанным в сербском контексте выделяются аналогии традиционных и новейших мужских институций (колядники – болельщики – традиционные тайные мужские общества – прохождение военной службы) и косовский семантический круг, связанный с клятвами и инициацией (см. Тодорович 2008в; Тодорович 2010а).

Примеры, приведенные и рассмотренные в соответствующих работах (Тодорович 2008в), подтверждают тезис о живом присутствии в современных условиях образцов определения общественного статуса мужчины, который носит мифо-ритуальный характер и имеет архетипическое происхождение. Другими словами, и сегодня «пространство и время мужчины» могут быть реализованы через «мужскую инициацию», которая мужчине-неофиту (в некоторой степени аналогично примерам из сербских сказок) обеспечивает нахождение в мире сакрального, т.е. в измерении целевой действительности, вдалеке от мирских будней.

Современные исследования народных религиозных представлений сербов. В завершение следует подчеркнуть, что то, что мы называем сербской народной традицией, в большей степени определено народным пониманием религии, что представляет собой продолжение (а также трансформацию) *светосавского* православного культурного комплекса, характерного для сербской церковной традиции. Так наз. «народная религия сербов» (по формулировке Д. Бандича; см. Бандич 2004; Bandić 1997; Бандич 2003) представляет сложный феномен, который можно определить и рассмотреть разными способами (ср. напр. Јовановић 2008, 46–49). Проведенные исследования и опубликованные работы дали нам возможность представить один вид сжатого синтеза динамических процессов, характерных для народного

религиозного представления сербов сегодня. Отмечены общие тенденции и процессы (ср. Ивановић-Баришић 2006; более широкий общественный и религиозный контекст см. в Blagojević 2005; Blagojević 2004), которые связаны с современным контекстом «народной религии сербов», если они рассматриваются как части единой динамичной системы, то показывают, каким образом переносится, исчезает и переосмысливается традиционное наследие. На базовом уровне для этих процессов, прежде всего, характерно то, что они зависят друг от друга, т.е. существуют в бинарной, комплементарно-противоположной кодовой форме, т.е. они двусторонне направлены (и утвердительно и отрицательно; к упрощению или к усложнению содержания и т.д.); вместе они формируют один вид модели изменения¹³. Когда речь заходит о современном динамичном образце, который формулирует контекст народного понимания и практики православия, как общую тенденцию (в связи с отношением «народной» и «церковной» модели) мы замечаем приближение народных представлений официальным церковным учениям, так что, судя по всему, можно ожидать небольшое дополнительное переформулирование так наз. *народного православия* в этом направлении¹⁴. Между тем, принимая во внимание и другие влиятельные процессы, мы делаем вывод о значительно более сложных и бурных моделях трансформации, связанных с попытками крайней редукции самых значимых комплексов народной традиции, что ускорило соответствующие процессы сопротвления, т.е. придало значительную динамику и сфокусировало сознание на необходимости ревизализации традиционных культурных моделей¹⁵.

Новые исследования сербской традиции – завершающий обзор.

Быстрое исчезновение многочисленных проявлений народной традиции, которые сохранялись в течение многих веков и таким образом определили сербский этнический контекст, приводит нас к выводу, что она сегодня находится на историческом, временном перепутье, аналогично своему пространственному положению, которое часто определяется как «перекресток цивилизаций». Как уже было сказано, здесь очень коротко обращается внимание на разные, особенно иллюстративные, характерные и значимые аспекты изучения сербской народной традиции («когда-то и сейчас»), с особым акцентом на феноменах, которые 1) все еще демонстрируют *специфическую витальность*, или которые 2) интересны и значимы из-за *содержания архетипического характера*, находящиеся в непосредственной связи с реконструкцией первичных этнокультурных и мифологических структур и матриц. Цель заключалась в том, чтобы в крайне сжатой форме (на основе результатов собственных исследований и работ автора) дать обзор некоторых существенных аспектов современного проявления сербской народной традиции, т.е. обозначить направления для декодирования ее семантической основы.

Кроме проблематики, рассматриваемой в данной статье, ранее автором изучались вопросы, связанные с *культурными образцами и этнической идентичностью* (см. Тодорович 2007в; Тодорович 2009б; Тодорович 2009в; Тодорович 2011а), а также формулирование общих теоретических положений о функционировании культурных систем, которые проистекают из результатов мультидисциплинарных исследований (в. Тодорович 2009а). В более ранних работах преимущественно анализировались религиозные, мифические и ритуальные образцы, от дохристианских, т.е. нехристианских культурных слоев, до тех аспектов, которые непосредственно проистекают из (доминантной) православно-христианской традиции (см. напр. Тодорович 2006а; ср. и другие исследования о взаимоотношении христианских и дохристианских пластов, напр. Лома 2002; Раденкович 2006). Другими словами, в фокусе исследования было отношение дохристианских и христианских сюжетов, для того чтобы выяснить происхождение некоторых «модусов поведения», характерных для сербского этноса, т.е. для проявления его коллективной психики. В ранних работах применялся структурно-синхронный аналитический подход, была рассмотрена народная магия (см. напр. 2002/2003) и представление о *другом Израиле* (см. Тодорович 2010а; ср. Благојевић 1994; Благојевић 2011, 169–171; Поповић 2006, 19, 21, 71–73 и т.д.; Грчић 2011, 191), т.е. и „самых низших“ и „самых высших“ культурных комплексах, между (условно сказано) самыми обыденными и сакральными выражениями/проявлениями сербской традиции.

Как уже было сказано, в этой статье мы представили только некоторые результаты исследований сербской традиционной духовной культуры, с особым вниманием к проблеме из области мифологии и религии, в первую очередь в контексте рассмотрения отношений архаичных и современных образцов (которые проистекают из народной традиции). В дальнейшем ожидаются интенсивные полевые и теоретические исследования явлений, которые относятся к области приведенной проблематики в рамках соответствующего/упомянутого международного проекта мультидисциплинарного характера (см. начало), который объединяет этнологию, антропологию и лингвистику.

Перевод с сербского языка
Г.П. Пилипенко

Литература и источники

- Аврамовић 2009: Зоран Аврамовић, *Родомрски*, Институт за политичке студије, Београд, 2009.
- Антонић 2007: Слободан Антонић, *Расцепи у Србији и устаљење демократије*, Социолошки преглед, год. XXXXI, бр. 1, 2007.
- Антонић 2008: Слободан Антонић, *Културни рат у Србији*, Завод за уџбенике, Београд, 2008.
- Bandić 1997: Dušan Bandić, *Carstvo zemaljsko i carstvo nebesko*, XX vek, Beograd, 1997.
- Бандић 2003: Душан Бандић, *Верски идентитет савремених Срба*, Посебна издања Етнографског института САНУ (ЕИ САНУ) 49, Београд, 2003.
- Бандић 2004: Душан Бандић, *Народна религија Срба у 100 појмова*, Нолит, Београд, 2004.
- Берђајев 2001: Николај Берђајев, *Смисао историје*, Дерета, Београд, 2001.
- Благојевић 1994: Милош Благојевић, *О националним и државним интересима у делима Доментијана – Срби изабрани народ*, Историјски гласник 1–2, 1994.
- Благојевић 2004: Mirko Blagojević, *Neke društvene funkcije revitalizovanog pravoslavlja u Srbiji i Rusiji*, u: Religija između istine i društvene uloge, Dereta, Beograd, 2004.
- Благојевић 2005: Mirko Blagojević, *Religija i crkva u transformacijama društva*, Institut za filozofiju i društvenu teoriju, I. P. Filip Višnjić, Beograd, 2005.
- Благојевић 2011: Милош Благојевић, *Српска државност у средњем веку*, Српска књижевна задруга, Београд, 2011.
- Благојевић 2005а: Гордана Благојевић, *О лаографији и антропологији у Грчкој*, Зборник ЕИ САНУ 21, Београд, 2005.
- Благојевић 2005б: Гордана Благојевић, *Срби у Калифорнији*, Посебна издања ЕИ САНУ 54, Београд, 2005.
- Бојанин 2008а: Станоје Бојанин, *Крст у сеоском атару: сакрална топографија и њена друштвена функција у парохји средњовековне Србије*, Историјски часопис, књ. LVI (2008), Београд, 2008.
- Бојанин 2008б: Станоје Бојанин, *Курбан пре курбана: Крвна жртва на преосманском Балкану*, Посебна издања Балканолошког института 108, Београд, 2008.
- Виноградова 2011: Л. Н. Виноградова, *Вода*, у: Словенска митологија – енциклопедијски речник, ZEPTEK BOOK WORLD, Београд, 2001.
- Влајки 2001: Emil Vlački, *Demonizacija Srba*, Nikola Pašić, Beograd, 2001.
- Вуковић 2009: Слободан Вуковић, *Етика западних медија – антисрпска пропаганда деведесетих година XX века*, Издавачка књижарница Зорана Стојановића, Сремски Карловци, Нови Сад, 2009.

- Golubović 1991: Zagorka Golubović, *Antropološki portreti*, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, Beograd, 1991.
- Грчић 2011: Мирко Грчић, *Географија религија*, Географски факултет Универзитета у Београду, Београд, 2011.
- Драгојловић 2008: Драгољуб Драгојловић, *Паганизам и хришћанство у Срба*, Службени гласник, Политика, Београд, 2008.
- Духовна култура и религиозност некад и данас 2012: Тематски зборник *Духовна култура и религиозност некад и данас – различити контексти и традиције*, уредници Ивица Тодоровић и Гордана Благојевић, Група издавача, Београд, 2012.
- Ђорђевић 2006: Иван Ђорђевић, *Употреба традицијских мотива у домаћој научно-фантастичној књижевности*, Гласник ЕИ САНУ 54, Београд, 2006.
- Ђурковић и Вујадиновић 2010: М. Ђурковић, Д. Вујадиновић, *Политика етнологије: компаративно истраживање односа према фолклорном наслеђу у Србији, БЈР Македонији и Хрватској*, Теме, г. XXXIV, бр. 4, октобар-децембар, Ниш, 2010.
- Екмечић 2002: Милорад Екмечић, *Србофобија и антисемитизам*, у: М. Е., Дијалог прошлости и садашњости, Службени лист СРЈ, Београд, 2002.
- Eliade 1983: Mircea Eliade, *Okultizam, magija i pomodne kulture*, Grafički zavod Hrvatske, Zagreb, 1983.
- Елијаде 1999: Мирча Елијаде, *Слике и симболи*, Издавачка књижарница Зорана Стојановића, Сремски Карловци, Нови Сад, 1999.
- Елијаде 2003: Мирча Елијаде, *Свето и профано*, Издавачка књижарница Зорана Стојановића, Сремски Карловци, Нови Сад, 2003.
- Енциклопедија 2008: *Енциклопедија српског народа*, уредник Радош Љушић, Завод за уџбенике, Београд, 2008.
- Златановић 2003: Сања Златановић, *Свадба – прича о идентитету*, Посебна издања ЕИ САНУ 47, Београд, 2003.
- Ивановић.Баришић 2006: Милина Ивановић-Баришић, *Традиционална религиозност и ревитализација православља деведесетих година 20. века*, Зборник ЕИ САНУ 22, Београд, 2006.
- Ивановић-Баришић 2007: Милина Ивановић-Баришић, *Календарски празници и обичаји у подавалским селима*, Посебна издања ЕИ САНУ 59, Београд, 2007.
- Јовановић 2008: Бојан Јовановић, *Чајкановићев пут од античке и народне књижевности до српске религије и митологије*, Гласник ЕИ САНУ LVI (1), Београд, 2008.
- Jung 1996: Karl Gustav Jung, *Aion, Atos*, Beograd, 1996.
- Кабакова 2001: Г.И. Кабакова, *Жена*, у: Словенска митологија – енциклопедијски речник, ZEPTEK BOOK WORLD, Београд, 2001.

- Казимировић 2006: Радован Н. Казимировић, *Чарање, гатање, врачање и прорицање у нашем народу*, Sezam Medico, Београд, 2006; репринт издања из 1941. године.
- Karanović 1989: Zoja Karanović, *Zakopano blago – život i priča*, Novi Sad, 1989.
- Косово и Метохија 2008: *Косово и Метохија*, у: Енциклопедија српског народа, Завод за уџбенике и наставна средства, Београд, 2008.
- Косово и Метохија 2004: *Косово и Метохија у светлу етнологије*, Етнографски музеј у Београду, Београд, 2004.
- Косово и Метохија 2007: *Косово и Метохија – прошлост, садашњост, будућност*, Српска академија наука и уметности, Научни скупови СХV, Одељење друштвених наука 28, Београд, 2007.
- Kuper 1986: Dž. K. Kuper, *Ilustrovana enciklopedija tradicionalnih simbola*, Prosveta-Nolit, Београд, 1986.
- Levi-Strauss 1977: Claude Levi-Strauss, *Strukturalna antropologija*, Stvarnost, Zagreb, 1977.
- Lič 1982: Edmund Lič, *Klod Levi-Stros*, Prosveta, Београд, 1982.
- Лома 1993: Александар Лома, *Неки славистички аспекти српске етногенезе*, Зборник Матице српске за славистику, Нови Сад, 1993.
- Лома 2002: Александар Лома, *Пракосово*, Посебна издања Балканолошког института САНУ 78, Београд, 2002.
- Ludilo, vradžbine ili loš dan 2007: *Ludilo, vradžbine ili loš dan*, autori J. Lazić, D. Mihajlović, Vreme 865, 1. avgust 2007. <http://www.vremecors/cms/view.php?id=507541>
- Мижайловић 1987/1990: Јасна Мижайловић, *У потрази за закопаним благом*, Зборник радова Музеја рударства и металургије у Бору 5/6, 1987/1990.
- Милосављевић 2002: Петар Милосављевић, *Увод у србистику*, Филозофски факултет у Косовској Митровици, Требник, Косовска Митровица – Београд, 2002.
- Milošević 1980: Nikola Milošević, *Predgovor*, u: K. Levi-Stros, Mitologike I, Prosveta, BIGZ, Београд, 1980.
- Митровић 1991: Јеремија Д. Митровић, *Србофобија и њени извори*, Научна књига, Београд, 1991.
- Наумовић 2008: Слободан Наумовић, *Традиција*, у: Енциклопедија српског народа, Завод за уџбенике, Београд, 2008.
- Павићевић 2005: Александра Павићевић, *Идентитет етнологије и (не)оствареност антропологије*, Зборник ЕИ САНУ 21, Београд, 2005.
- Павићевић 2006: Александра Павићевић, *На удару идеологија*, Посебна издања ЕИ САНУ 57, Београд, 2006.
- Павићевић 2009: Александра Павићевић, *Да ли су антрополози дужни да буду (не)религиозни (или Прилог проучавању „антрополошког материјала“)*, Теме 4/2009, Ниш, 2009.

- Павковић 2005: Никола Ф. Павковић, *Народна религија у Законику и времену цара Душана*, Законик Цара Душана, САНУ – научни скупови књ. CVIII, Одељење друштвених наука књ. 24, Београд, 2005.
- Пипер 2004: Предраг Пипер, *Српски између великих и малих језика*, Београдска књига, Београд, 2004.
- Пипер 2008: Предраг Пипер, *Увод у славистику I*, Завод за уџбенике, Београд, 2008.
- Поповић 2006: Даница Поповић, *Под окриљем светости – култ светих владара и реликвија у средњовековној Србији*, Посебна издања Балканолошког института САНУ 92, Београд, 2006.
- Прелић 2008: Младена Прелић, *(Н)и овде, (н)и тамо: етнички идентитет Срба у Мађарској на крају XX века*, Посебна издања ЕИ САНУ 64, Београд, 2008.
- Проп 1982: Vladimir Prop, *Morfologija bajke*, Prosveta, Beograd, 1982.
- Проп 1990: Vladimir Prop, *Historijski korijeni bajke*, Svjetlost, Sarajevo, 1990.
- Раденковић 1990: Радослав Раденковић, *Народне приче о закопаном благу*, Развитак 6, Зајечар, 1990.
- Раденковић 1996а: Љубинко Раденковић, *Симболика света у народној магији Јужних Словена*, Просвета Ниш, Балканолошки институт САНУ, Ниш, 1996.
- Раденковић 1996б: Љубинко Раденковић, *Народна бајања код Јужних Словена*, Просвета, Балканолошки институт САНУ, Београд, 1996.
- Раденковић 2006: Љубинко Раденковић, *Додир са светим у народном хришћанству*, Зборник ЕИ САНУ 22, Београд, 2006.
- Radić 1995: Radmila Radić, *Verom protiv vere – država i verske zajednice u Srbiji 1945–1953*, Inis, Beograd, 1995.
- Радић 2002: Радмила Радић, *Држава и верске заједнице 1945–1970 I*, Институт за новију историју Србије, Београд, 2002.
- Радојичић 2007: Драгана Радојичић, *Научноистраживачка делатност Етнографског института Српске академије наука и уметности*, Гласник ЕИ САНУ LV (2), Београд, 2007.
- Радосављевић 2004: Недељко Радосављевић, *Религиозност српског друштва крајем XVIII и почетком XIX века*, Братство VIII, Београд, 2004.
- Ромелић 1999: Живка Ромелић, *Легенде о злату*, Етно-културолошки зборник V, Сврљиг, 1999.
- Svaki peti tražio pomoć maga ili vračare 2012: *Svaki peti tražio pomoć maga ili vračare*, аутор Marko R. Petrović, Blic magazin, 9. septembar, 2012.
- Српски митолошки речник 1998: Ш. Кулишић, П. Ж. Петровић, Н. Пантелић, *Српски митолошки речник*, Етнографски институт САНУ, Интерпринт, Београд, 1998.
- Тодоровић 2002/2003: Ивица Тодоровић, *Прилог проучавању народне медицине у области Тамнаве*, Гласник ЕИ САНУ L–LI, Београд, 2002/2003.

Тодоровић 2004а: Ивица Тодоровић, *Феноменологија воде – општи митско-обредни контекст*, Бдење 7, Сврљиг, 2004.

Тодоровић 2004б: Ивица Тодоровић, *Прилог реконструкцији базичног митолошког кода српске народне религије – Митска бића Тамнаве*, Гласник ЕИ САНУ LI, Београд, 2004.

Тодоровић 2005а: Ивица Тодоровић, *Ритуал ума – значење и структура литијског опхода*, Посебна издања ЕИ САНУ 53, Београд, 2005.

Тодоровић 2005б: Ивица Тодоровић, *Митска истина Срба*, Звоник, Београд, 2005.

Тодоровић 2005в: Ивица Тодоровић, *Приоритети савремене етнологско-антрополошке науке у Србији*, Зборник ЕИ САНУ 21, Београд, 2005.

Тодоровић 2006а: Ивица Тодоровић, *Хришћанска и претхришћанска димензија ритуала литијског опхода*, Гласник ЕИ САНУ LIV, Београд, 2006.

Тодоровић 2006б: Ивица Тодоровић, *Митско злато*, Братство X, Београд, 2006.

Тодоровић 2006/2007: Ивица Тодоровић, *Слично и супротно – прилог проучавању комуникацијске структуре магијског мишљења у народној медицини*, Етно-културолошки зборник XI, Сврљиг, 2006/2007.

Тодоровић 2007а: Ивица Тодоровић, *Иницијацијска структура и значење српске бајке – етнологски контекст*, Probleme di filologie slavă/Проблеми словенске филологије XV, Universitatea de vest din Timișoara, Timișoara, 2007.

Тодоровић 2007б: Ивица Тодоровић, *Народна медицина некада и данас*, Зборник радова „Историја медицине, фармације и народне медицине“, Институт за савремену историју – посебна издања, Београд – Зајечар, 2007.

Тодоровић 2007в: Ивица Тодоровић, *Резултати савремених етнологских истраживања Горњега Полимља*, Милешевски записи 7, Пријеполје, 2007.

Тодоровић 2007г: И. Тодоровић, *Резултати истраживања обрета литија – допунски осврт*, Зборник радова ЕИ САНУ 23, Београд, 2007.

Тодоровић 2008а: Ивица Тодоровић, *Резултати савремених истраживања народне религије Срба – општи пресек*, Гласник ЕИ САНУ LVI (1), Београд, 2008.

Тодоровић 2008б: Ивица Тодоровић, *Етнологско-антрополошки поглед на Лепенски Вир*, Етно-културолошки зборник XII, Сврљиг, 2008.

Тодорович 2008в: Ивица Тодорович, *Пространство и време мужичине в историко-антрополошком контексте*, Наша повседневная жизнь, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва, 2008.

Тодоровић 2009а: Ивица Тодоровић, *Света структура*, Посебна издања ЕИ САНУ 71, Београд, 2009.

Тодоровић 2009б: Ивица Тодоровић, *Митске представе и идентитет у Горњем Полимљу и околним областима*, Милешевски записи 8, Пријепоље, 2009.

Тодоровић 2009в: Ивица Тодоровић, *Резултати нових етнолошких истраживања српског југа*, Лесковачки зборник 49, Лесковац, 2009.

Тодоровић 2010а: Ивица Тодоровић, *Матерњи језик сакралне географије Срба – митска симболика Косова у контексту одређења српског идентитета и пројекције историјске судбине*, Тематски зборник „Косово и Метохија у цивилизацијским токовима“, Језик и народна традиција књ. 1, Косовска Митровица, 2010.

Тодоровић 2010б: Ивица Тодоровић, *Значење злата: Специфични семантички простори митологије злата у српској народној традицији – некад и данас*, Тематски зборник „Традиција – фолклор – идентитет“, Институт Академије СПЦ за уметности и конзервацију, Сремски Карловци, 2010.

Тодоровић 2010в: Ивица Тодоровић, *Традиција поново*, Гласник ЕИ САНУ LVIII (1), Београд, 2010.

Тодоровић 2011а: Ивица Тодоровић, *Прилог разматрању основних савремених проблема српског југа и српског истока – „унутрашњи аспекти“*, Лесковачки зборник LI, Лесковац, 2011.

Тодоровић 2011б: Ивица Тодоровић, *Жељинска ала. Резултати нових истраживања народних митолошких представа Жупе*, Гласник ЕИ САНУ LIX (2), Београд, 2011.

Тодоровић 2012а: Ивица Тодоровић, *Проблем мултидисциплинарног проучавања односа између науке и религије – преиспитивање доминантне научне парадигме*, у: Духовна култура и религиозност некад и данас – различити контексти и традиције, Рашка школа и други издавачи, Београд, 2012.

Тодоровић 2012б: Ивица Тодоровић, *Резултати нових истраживања митско-религијских представа и идентитета на Пештеру и околним областима. Борба са пештерском аждајом и сродне представе*, Милешевски записи 9, Пријепоље, 2012.

Тодоровић 2013: Ивица Тодоровић, *Нове могућности етногенетских проучавања становништва Србије*, Гласник ЕИ САНУ LXI (1), Београд, 2013.

Тодоровић 2014: Ивица Тодоровић, *О комуникацијским аспектима и могућностима српског мита – на примеру разматрања примарних значења представа о жељинској али*, Фолклорна и литерарна истраживања – Зборник Института за књижевност и уметност посвећен др Мирјани Дрндарски и др Ненаду Љубинковићу, Београд, 2014 (у штампи).

Традиција – фолклор – идентитет 2010: Тематски зборник *Традиција – фолклор – идентитет*, уредници Гордана Благојевић и Ивица Тодоровић,

Институт Академије СПЦ за уметности и конзервацију, Сремски Карловци, 2010.

Традиционално и савремено 2003: Тематски зборник *Традиционално и савремено у култури Срба*, Посебна издања ЕИ САНУ 49, Београд, 2003.

Филиповић и Миливојевић 2008: В. Филиповић, С. Миливојевић, *Уништавање археолошких локалитета, утврђења и сакралних места у области Сврљига*, Етно-културолошки зборник XII, Сврљиг, 2008.

Шапоњић-Ашанин 2001: Снежана Шапоњић-Ашанин, *Вода у народној традицији*, Народни музеј у Чачку, Чачак, 2001.

Шијаковић 2002: Богољуб Шијаковић, *О науци и религији у савременом свијету живота*, Тематски зборник Наука – Религија – Друштво, Богословски факултет СПЦ, Министарство вера Владе РС, Београд, 2002.

Примечания

¹ В предыдущем десятилетии традиция в Сербии рассматривалась в многочисленных этнолого-антропологических и в более широком смысле культурологических работах и тематических сборниках. См.: Традиционално и савремено 2003; Традиција – фолклор – идентитет 2010; Духовна култура и религиозност некад и данас 2012. Ср. также: Турковић и Вујадиновић 2010; Павићевић 2006; Радојичић 2007; Ивановић-Баришић 2007. О новейших исследованиях идентичности сербов (в различных контекстах) см. напр.: Благојевић 2005б; Прелић 2008; Златановић 2003; Тодоровић 2007а.

² См. характерный (и ужасный) случай, произошедший в селе Ябуковац в восточной Сербии. Мужчина под влиянием верований в черную магию (местного происхождения) убил девять человек и ранил еще несколько. Об этом на протяжении долгого времени сообщали все СМИ, см. напр.: Ludilo, vradžbine ili loš dan 2007.

³ Как утверждает известный философ Николай Бердяев и как это подтверждают многочисленные выводы в этнолого-антропологических исследованиях, все по-другому, т.е. «миф не является чем-то противоположным реальному, но наоборот, миф указывает на самую глубокую реальность», и именно подобный подход «находит ключ для решения загадки метафизики истории» (Берђајев 2001, 62).

⁴ Проблема «способа, как разум функционирует в культуре» особенно подчеркивается в контексте структуралистского подхода в этнологии и антропологии. См. прежде всего подход и работы К. Леви-Стросса; см. напр.: Levi-Strauss 1977; Lič 1982; Milošević 1980; Golubović 1991. По мнению Леви-Стросса, „мифы являются продуктом множества людей, которые на протяжении тысяч лет переносят в устной форме рассказ, в котором он заимствуется и заново толкуется, передаваясь далее другим индивидуумам и поколениям“, и, вследствие этого, является „безвременной операцией, которая показывает не „как люди думают, но как мифы функционируют, а (люди) не осознают“ (Golubović 1991, 186). Другими словами, «неосознанные принципы духа упорядочивают культурные системы» (Golubović 1991, 191).

⁵ Во время исследований, проведенных в упомянутой области, а также в других областях сербской этнической территории, были взяты интервью у большого числа информантов – разного возраста, пола и степени образования. Таким образом был собран многоаспектный материал, который позволяет получить ясную картину о функционировании этномедицины магического характера в прошлом и настоящем.

⁶ См. прежде всего Тодоровић 2005а, глава VIII; Тодоровић 2005б, глава VII.2; Тодоровић 2009а, 215-252.

⁷ Ср. выводы, сделанные в работе Тодоровић 2006/2007 с рассмотрением природы логических моделей в других культурных феноменах (см. предыдущее примечание).

⁸ О *первичной мифической матрице* и родственных структурных моделях см.: Тодоровић 2005а, 364-370; Тодоровић 2009а, глава III.2.

⁹ См. структурное представление схемы в: Тодоровић 2004б, 222.

¹⁰ Ср. тексты К. Г. Юнга и его последователей. См. прежде всего Jung 1996.

¹¹ Ср. рассмотрение соотношения идентичность – благосостояние в: Ђорђевић 2006, 106–109. Джорджевич, анализируя употребление традиционных мотивов в сербской научно-фантастической литературе на основе репрезентативных примеров разбирает проявление – в данный момент очень актуального – отношения благосостояние/идентичность, через интерпретацию новейшей сербской фантастической литературы. В избранных иллюстративных примерах вопрос, который беспокоит главных героев, „является типичным традиционным образом, согласно которому сербский народ находится перед вызовом: определиться в сторону благосостояния, но ценой потери веры, т.е. национальной идентичности, идентифицируемой с ней“ (Ђорђевић 2006: 106).

¹² В славянской традиционной культуре «женщина противопоставлена мужчине, как левое правому, как негативное позитивному» (Кабакова 2001, 179).

¹³ См. соответствующие структурные представления в: Тодоровић 2008а, 62, 65, 68.

¹⁴ См. общие выводы в: Тодоровић 2008а, 68–69.

¹⁵ Обновление *традиционной системы ценностей* на сербской этнической территории характеризуется движением вверх, которое логично направляется к тому, чтобы установить соответствующую общественную и государственную систему.

VIII. Дискуссионная платформа: научные проекты

Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Научный проект Института славяноведения «Модернизация по-балкански»

Abstract:

Grishina R.P., Shemyakin A.L. *Research project of the Institute for Slavic Studies «Balkan-style Modernisation».*

The present paper summarises the results of a long-term research on important regional-comparative theme «Balkan peoples in the process of modernization: the nineteenth and the first half of the twentieth centuries». In 2002–2012, in its framework, seven volumes of proceedings under the umbrella title «The Man in the Balkans» were published. This name became a «hallmark» and at the same time an «identification mark» of our project, marking the anthropological approach its basic methodology. As a result of ten-year work, the research team came to the following conclusion: «Behind the facade of European innovation in the form of a «standard» set of attributes of the liberal-bourgeois form of government, stable structures and skills of traditional society were hidden; those were they, which defined the way of life and behaviour, not only for a humble peasant, but for the most of the Balkan elites».

Ключевые слова: Институт славяноведения РАН, «модернизация по-балкански», «Человек на Балканах», Homo Balkanicus, антропологический принцип.

В начале 2000-х годов в рамках работы Комиссии историков России и Болгарии в Институте славяноведения РАН был подготовлен сборник статей «Человек на Балканах* в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века»¹. Он был посвящен в основном политическим вопросам, особенно актуальным в то время в связи с кровавым распадом Югославии и неуверенным положением других балканских стран, которые после развала

* Это название «Человек на Балканах...» конкретно для данного сборника предложил академик Г.Г. Литаврин. Но оно показалось нам настолько емким по смыслу и «складным» по форме, что впоследствии стало «визитной карточкой» и одновременно «опознавательным знаком» нашего проекта, маркируя антропологический принцип, как основу его методологии.

социалистической системы вдруг оказались предоставленными самим себе. Политические причины, часть которых лежала на поверхности и активно использовалась публицистами разных стран для объяснения произошедшего, казались ученым Института недостаточными. Необходим был взгляд в историческое прошлое балканских народов, изучение корней и истоков того политического поведения, которое проявилось в столь резкой и кровавой форме в 1990-е годы. В историографии существовало никем не оспариваемое утверждение, что балканские страны, обретя независимость в 1870-е годы, развивались затем как капиталистические, буржуазные. Но одна эта констатация не давала понимания того, почему, например, в Югославии процесс распада социалистической системы получил столь трагическое выражение, когда брат пошел на брата. Или какими поведенческими традициями обуславливалась в 1990-е годы сравнительно спокойная (хотя и в разной степени) адаптация других балканских славян к новым реалиям, в том числе в рамках отношений «Восток – Запад». Время требовало углубиться в историю балканских народов, по крайней мере, двух последних столетий, причем к изучению ее на новой базе – на основе социокультурного анализа, с привлечением данных из смежных с историей наук – этнологии, демографии, социологии, культурологии и др., с использованием нового исследовательского инструментария.

Такие веяния, носившиеся, что называется, в воздухе, нашли отражение в статьях названного сборника, причем их авторы пришли к этому сами, «стихийно». Что позволило выделить в труде разделы: 1) мироощущение и ментальность балканских народов, национальные идеалы, ценности и герои; 2) демографическая и конфессиональная картина Балкан в XX в.; 3) Балканы – зона столкновения геостратегических интересов ...

* * *

Следующим этапом исследования стала целенаправленная разработка темы «Балканские народы в процессе модернизации. XIX – первая половина XX в.», поощренная грантом РГНФ. Конкретно это означало изучение особенностей модернизационных процессов в балканских странах – сугубо аграрных, с неполной социальной структурой, зависимых внешнеполитически и приступивших к строительству собственной государственности в то время, когда на Западе идеология либерализма и доктрина государственности достигли расцвета. Другая сторона исследования была связана с попыткой обрисовать характерные проявления ментальности «Балканского человека», сложившейся в давние времена, но продолжающей действовать как матрица в Новое и Новейшее время. Следует сказать, что изучение проблем мироощущения и ментальности (общественного сознания) балканских народов при переходе общества от во многом архаичного уровня к цивили-

зационно более высокому, что собственно и является сутью *модернизации*, – было (и остается) фундаментальным научным направлением², соответственно и наше исследование справедливо было отнесено к разряду приоритетных.

Решение столь сложных задач потребовало привлечения к исследованию специалистов по смежным с историей дисциплинам – демографов, социологов, культурологов, филологов, политологов и др. Изучались теории модернизации западных (М. Вебер, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт) и отечественных (В.Г. Федотова, В.И. Пантин) философов. Последовательно на специальных тематических конференциях были рассмотрены три главных показателя состояния общества в балканских странах ко времени приобретения ими собственной государственности – уровень экономического, политического и культурного развития, а затем и первые модернизационные шаги в каждой из областей.

Основные результаты этого этапа исследования нашли отражение в серии изданий под общим именем «Человек на Балканах»: «Синдром отягощенной наследственности»³, «Государство и его институты: гримасы политической модернизации»⁴, «Социокультурные измерения модернизации на Балканах»⁵.

Что можно считать новым и актуальным благодаря проведенным изысканиям?

Изучение механизма догоняющего рывка «из балканского мрака на европейский свет» показало, что одним из факторов, тормозящих процесс подключения молодых балканских государств к общеевропейскому модернизационному процессу, явилось многомерное влияние доставшихся от прошлого архаичных общественных структур. Помимо общеизвестных обстоятельств (неполная социальная структура, отсутствие потомственной элиты, почти 80-процентный крестьянский состав населения с его ментальной ориентацией на «вечные» ценности в противовес повседневному, слабой социальной мобильностью, высоким уровнем неграмотности и др.), дополнительно выявлено, что крестьянская ментальность не только была присуща практически всей конструкции общества, снизу до верха, включая его руководящие и интеллигентские круги, но и обладала такой силой, что и в XX в. балканские власти строили государственную политику, исходя преимущественно из интересов мелкого земельного собственника, защищая и *сохраняя* его, поощряя в нем дух патернализма и общинного коллективизма, что никак не совпадало со стратегией модернизационных реформ.

Анализ модернизационного процесса, который более интенсивно происходил в политической сфере, позволил ученым поставить вопрос об *институциональной революции* в регионе и особенностях ее протекания. Представляется, что некоторые выводы, полученные исследователями, имеют значение с точки зрения как теории, так и практики. Например, о том,

что в условиях цивилизационного отставания той или иной страны «скоростному» методу строительства в ней государственно-политических структур по «передовому» европейскому образцу (принятие либеральных конституций, введение широкого избирательного права, формирование парламента и системы политических партий) сопутствует появление, или сохранение в видоизмененной форме, иррациональных для государства, нелегитимных, «подпольных» органов и организаций, в том числе вооруженных, к тому же действующих параллельно с законными структурами. Симбиоз легальных и нелегальных органов, их нерасчлененность способствуют консервации изначально низкого уровня политической культуры местного населения и правящих кругов, ориентированных по большей части на разрешение конфликтов с позиции силы, а не на поиски компромисса.

Другой пример: политическая модернизация, проводимая сверху и не имеющая под собой достаточного социально-экономического основания, оборачивается простым заимствованием иностранной модели управления, чаще всего, западной. Скрывающиеся за фасадом «пересаженных» на неподготовленную почву новаций (номинально демократических конституций, институтов власти и пр.) устойчивые структуры и навыки традиционного общества препятствуют строительству современного государства, к чему стремятся местные элиты. Но создаваемый ими государственный остов длительное время являет собой лишь «фанерную» имитацию избранного образца, повторяющую его форму и контуры, но не содержание, которое обеспечивало бы полноценное функционирование государства. Отсюда постоянные сбои из-за несоответствия фундамента и надстройки, в том числе в виде государственных переворотов, политических убийств и хронической нестабильности.

Возможно, более общее значение имеет и балканский опыт адаптации населения к изменявшимся условиям жизни, выразившийся, в частности, в появлении особого типа политического менталитета. Балканцы, с генетически и исторически присущими им чувствами общинности, соборности, локального патриотизма, в гораздо меньшей степени обладали чувством государственности, а именно его социологи считают определяющей чертой политического менталитета нации^{*}. Недостаточность государственнического настроения, в свою очередь, препятствует формированию чувства ответственности, причем на всех этапах общества, включая руководящие государ-

^{*} Когда весь политический процесс базируется на личностных (в рамках патриархальной местечковой лояльности), а не на формальных (порождаемых индустриализацией и ускорением внутренних миграций) принципах, то чувство долга к своему ближайшему кругу – родственникам, землякам и друзьям, – как того требовал древний *обычай*, проявляется у его участников значительно сильнее, чем общегражданская / государственная ответственность, закрепленная *законом*.

ственные структуры. А отсюда – недальновидность и запоздалая реакция на вызовы времени, и «недофункциональность» политических систем в целом, нечетко понимающих свою роль в организации политической жизни общества.

Наш опыт изучения «другой Европы» (Балканской) показал, что практика «вестернизации», так или иначе работающая на ранней стадии процесса, в дальнейшем становится непродуктивной и слишком перегружающей национальную идентичность. Наступает время выдвижения собственных для каждой страны национальных задач. Правильно – с учетом исторической перспективы – поставить такие задачи и мобилизовать общество на их решение становится испытанием для каждой страны.

И здесь едва не важнейшим для исследователя выступает анализ социокультурной фактуры – внимание к уровню развития культуры, образования, прессы, театра, содержанию массовых зрелищ, т.е. всего того, что не только воспитывает, но и формирует цивилизацию.

Компонентом модернизации в этой сфере, гласит теория, является создание новой системы личных и общественных ценностей (социальных норм). В конечном счете, речь идет о трансформации сознания человека, о появлении «экономического человека» – рационалистически действующего индивида, перед которым человек патерналистского типа отступает. Часть ученых, раздвигая привычные рамки: модернизация-индустриализация, делает заход с другого угла и видит результатом модернизационных усилий строительство не столько индустриального, сколько гражданского общества.

Рассмотренный нами на такой основе балканский опыт показывает, что времени для «переваривания» крестьянской ментальности требуется гораздо больше, чем история отвела балканцам. Но процесс шел, в отдельных областях культуры даже весьма интенсивно. И важно отметить, что аура социально-культурных новшеств, по-своему заполняя воздушное пространство общества, действует и на бессознательном уровне, тем самым, способствуя подвижкам в природной ментальности социума. При этом на конкретных примерах удалось показать определенную зависимость социокультурных позиций балканского *Homo sapiens* от степени его территориальной приближенности или удаленности от центров западноевропейской цивилизации.

Так, например, сербская столица Белград, напрямую граничившая с Европой через Саву, представляла собой островок культуры и модерности (процент грамотных жителей и количество газет; открытие в 1905 г. Университета, в числе студентов которого было даже 14 девиц, и наличие как европейски образованной бюрократии, так и отдельных, там же признанных, ученых) в море не желавшей отступать патриархальности. И 14 студенток не должны вводить в заблуждение, заслоняя главное, – остальные женщины

были практически исключены из сферы образования^{*}; общий же его уровень в Сербии оставался катастрофически низким. Влияние столицы на окружающий руральный мир, таким образом, было минимальным – сербский селяк буквально «в штыки» воспринимал город и городскую культуру.

Касательно же сферы образования во всем регионе, авторы проекта обнаружили явное несоответствие между самим фактом наличия школ и результатами обучения в них (что есть очередное свидетельство наличия *сквозного* «зазора» между «новыми» надстроечными элементами и традиционным типом базиса, или, кратко: «фанерным» фасадом и реальными «тылами»). Огромное число крестьянских детей, возвратившись после школы к привычной трудовой практике, в несколько лет забывали практически все, ибо обретенное ими знание – умение читать, писать и пр., – в патриархальном сельском локусе оказывалось абстрактным, не будучи востребованным, что, впрочем, есть давно известный и *универсальный* – т.е. характерный для всякого традиционного общества, феномен «вторичной (или функциональной) неграмотности». Добавим лишь, что, например, в Болгарии, в силу ряда причин, он проявлялся в меньшей степени...

* * *

Новым этапом изучения процесса модернизации на Балканах стал проект «Власть и общество на Балканах: модель взаимодействия в процессе модернизации. Середина XIX – начало XX в.». Он был поддержан грантом Отделения Историко-филологических наук РАН⁶. Целью проекта было исследовать специфику формирования в регионе гражданских обществ, способов их взаимодействия с государственной властью. Выявленные ранее балканские «отклонения» от «магистрального» западноевропейского пути дополнились, в результате проведенного исследования, фиксацией того, что парламентская деятельность в странах полуострова предшествовала становлению в них гражданского общества, в то время как в Европе все это шло с точностью до наоборот. А значит «парламентская форма» и ее реальное содержание расходились очень значительно. Но иначе и быть не могло: на Балканах, сохранявших аграрно-патриархальный характер, практически отсутствовал средний класс – основа формирующегося гражданского общества и человеческий ресурс всякого прогресса.

Обоснованный нами таким образом подход к проблеме позволяет объяснить, почему *одинаковые по форме институты государственной власти в различных странах функционируют, порой, совершенно по-разному*. Как таковой (т.е. значительно отходящий от простого «институционально-

^{*} В начале XX в. только 9 % замужних женщин в Сербии могли написать свое имя и фамилию.

го» и активно привлекающий новое социокультурное знание), он органично вписывается в тенденцию развития современной науки и приближает наши разработки к исследованиям мирового уровня.

Для изучения вопроса о том, каким образом в балканских обществах, где гражданский контроль над верхами был минимальным, осуществлялся национальный консенсус, было решено привлечь дополнительный источник в виде внешних наблюдений путешественников-иностранцев. Итогом стал междисциплинарный сборник статей «Человек на Балканах глазами русских»⁷. С помощью имагологического метода оказалось возможным прояснить вопрос о национальных константах культуры балканских народов, типов их социальных практик, представлений о себе и других. Отмечалось различие подходов представителей типологически православной России, близкой к балканцам по ценностным и социокультурным характеристикам, и представителей западной культуры, которым имманентно присуща своего рода презумпция «цивилизационного превосходства».

Общий вывод, полученный нами путем реконструкции политических и социокультурных реалий на Балканах во 2-й половине XIX – первых десятилетий XX вв., что стало возможным, в том числе благодаря использованию нового комплекса источников, можно свести к следующему: *за фасадом европейской новаций, в виде «стандартного» набора атрибутов либерально-буржуазного государственного устройства, скрывались устойчивые структуры и навыки традиционного общества; именно они определяли уклад жизни и поведения не только простого крестьянина, но и большей части балканских элит.* Осознание этого положения способствует ломке застаревших стереотипов (особо характерных для историографий ряда балканских стран), освобождению от сковывающих мысль умозрительных представлений и, главное, дает импульс к переосмыслению мифологических обществоведческих построений – утверждает примат разума и научного анализа перед фантазией и эмоциональным отношением к истории.

Помимо этого нам удалось установить еще два важных общественно-социальных соотношения. Одно из них касается роли лидера в обществе, которая у балканских народов (и, по-видимому, вообще у народов, сохранявших традиционные навыки правления) была значительно более весома, чем в развитых гражданских обществах Запада с уже устоявшейся парламентской системой и в основном решенным национальным вопросом; балканские элиты формировались из «людей из народа». Другое связано со способами установления национального консенсуса в таких странах, как балканские, где это происходило либо на основе союза низов с традиционной властью, либо на основе национальной внешнеполитической программы.

Последним вопросам – т.е. национальному и военным средствам его решения – при разработке проекта было уделено особое внимание. Прежде

всего, критическому анализу был подвергнут пришедший из балканской практики в историографию тезис, будто одним из условий успеха модернизации является завершение национального объединения страны. Путем реконструкции балканских реалий первого десятилетия XX в. и детального рассмотрения отношения к войне в таких странах, как Сербия и Болгария, мы получили «разновеликие» ответы. Это стало возможно благодаря тому, что, отбросив довлеющее влияние постулата о схожести культурно-политического архетипа *Homo Balkanicus*, удалось обнаружить: несмотря на схожесть, и даже общность данного архетипа, устремление к войне проявлялось в каждой стране по-своему, в том числе с точностью до наоборот.

В конечном итоге, должно признать – большинством балканских элит война действительно мыслилась как средство достижения «национального идеала» и как первостепенное и ближайшее дело. Сербия и Черногория, к примеру, воистину были готовы начать действовать в любой благоприятный момент, разногласий в обществе по этому поводу не наблюдалось. В Болгарии же, когда в 1912 г. война уже стучалась в дверь, общество оказалось расколотым: часть его протестовала против возможной войны, ссылаясь на желательность продолжать экономический восход страны и на возможность в будущем осуществить национальный идеал мирным, дипломатическим путем. Но антивоенные протесты были пассивными и неорганизованными, наглядной модернизационной программы и ее конкретных выгод болгарские гражданские деятели не выработали, и предъявить им было нечего, чем и воспользовалась военная партия⁸.

Представления о недорешенности национального вопроса (хотя она существовала объективно) выводили на политическую арену балканских стран руководство армии и нелегальных патриотических организаций, способствовали быстрой милитаризации полуострова. Происходила переориентация с решения внутренних задач на внешнеполитические, что сопровождалось отвлечением средств и общественного внимания от модернизационных проблем. Приближавшиеся Балканские войны и стали очередной бифуркационной точкой – встал вопрос о выборе пути на исторической развилке. Анализу результатов военного выбора посвящен 7-й сборник нашей серии⁹.

Итак, именно война мыслилась большинством балканских элит средством реализации «национального идеала», основанного, в условиях стойкости стереотипов традиционного мышления, как правило, на исторических мифах. Решение национального вопроса принимало в сознании немало числа балканских политиков часто фантастические формы и было связано со стремлением восстановить границы средневековых держав – речь шла о моделях «великих государств», воцеления о которых перехлестывали границы соседей, со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Южные славяне победят турок, но побьются между собой»¹⁰, – пророчески писал еще в

1868 г. П.А. Ровинский А.Н. Пыпину. Балканские войны блестяще подтвердили точность данного «прогноза»...

* * *

Методологической основой нашего подхода к исследованию стал антропологически ориентированный принцип: в данном случае – изучение «агентов» или движителей модернизации, с одной стороны, и консерваторов, сопротивляющихся переменам, активно или пассивно, с другой, т.е. внимание к *Homo Balkanicus* в разных его качествах и проявлениях. Это позволило, как уже говорилось, всю серию изданий публиковать под шапкой «Человек на Балканах». В ходе работы использовались, кроме того, элементы так наз. *визуальной антропологии* – создание портретов различных деятелей эпохи, как носителей ее черт. Более того, от «модернизационной» серии отпочковалась новая ветвь, своего рода боковой проект «Человека на Балканах», – в 2009 г. при непосредственном участии его сотрудников свет увидела книга «Политические лидеры и идеи национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе»¹¹, заложившая основы нового серийного исследования «До и после Версаля».

Вместе с тем, коллектив активно применял и *сравнительный* (или, как сейчас принято говорить, компаративный) метод исследования, и это также оказалось плодотворным в условиях, когда, повторимся, в науке подчас слишком абсолютизируется схожесть культурно-политического архетипа «Человека с Балкан»¹². Полезным оказалось и сопоставление балканских реалий не только с западноевропейскими образцами, но и с модернизационными процессами в странах Восточной и Средней Европы как более близко стоящих к Балканам по уровню развития.

Костяк группы исследователей всего жизненного устройства балканских государств в Новое и Новейшее время составили сотрудники Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения – д.и.н. Р.П. Гришина, д.и.н. А.Л. Шемякин и к.и.н. А.А. Силкин. За более чем 10-летний срок вокруг «изначального» ядра сложилась большая группа исследователей, заинтересовавшихся предложенной нами проблематикой. Наряду с коллегами из Института славяноведения, причем не только историков, но и сотрудников Отдела культурологии (Н.В. Злыднева, М.В. Лескинен) и Отдела истории славянских литератур (В.А. Хорев, Г.Я. Ильина), в проекте приняли участие представители Института всеобщей истории РАН (Ар.А. Улуян), Института этнологии и антропологии РАН (Р.Н. Игнатьев), МГУ им. М.В. Ломоносова (Л.В. Кузьмичева, В.Б. Хлебникова), МГИМО (У) – Я.В. Вишняков, РУДН им. Патриса Лумумбы (Г.И. Шевцова), а также «факультативно» Р.Р. Субаев. Помимо них, научным вниманием нас почтили М.В. Белов (Ниžний Новгород), Ю.П. Аншаков (Самара), Д.О. Ла-

баури (Екатеринбург), Е.В. Яковкина (Ставрополь), а также коллеги из ближнего и дальнего зарубежья – Д.В. Миколенко (Украина), Л. Перович, М. Йованович, А. Тимофеев, А. Раствович, А. Животич (Сербия), М. Куманов, Св. Елдаров (Болгария), Ф. Соломон (Румыния).

И в заключение следует отметить, что результаты исследований в рамках указанной серии трудов, посвященных различным аспектам «модернизации по-балкански», привлекли внимание зарубежных коллег. Наряду с весьма обильным «оперативным» цитированием, «Человеку на Балканах» нашлось место и в обобщающих публикациях сербских ученых о зарубежной (российской) историографии истории Сербии (Югославии)¹³. Причем, в одной из них – что из-под пера коллеги М. Ковича – звучат явно полемические ноты. И нас это только радует: предстоящая дискуссия, как мы надеемся, будет способствовать ломке стереотипов (особо характерных, напомним, для историографий балканских стран), освобождению от формально-институционального (т.е. линейно-европейского) подхода к истории балканских стран в Новое время. А умения работать в режиме дискуссии, в силу особой актуальности заявленной нами проблематики, членам научного коллектива не занимать¹⁴ ...

* * *

В настоящее время участники проекта «Человек на Балканах» (в своем «узком» составе, с приглашением доцента МГУ В.Б. Хлебниковой) продолжают работу над коллективной монографией: «Особенности „новой“ южнославянской государственности (Болгария, Сербия, Черногория): „национальный идеал“ или гражданское общество? 1878-1921 гг.», с перспективой ее выхода в свет в 2015 г.

Примечания

¹ Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. Отв. ред. Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. СПб, 2002.

² См.: *Огуризов А.П.* Трудности анализа ментальности // Вопросы философии. 1994. № 1.

³ Человек на Балканах и процессы модернизации: синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.). Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб, 2004.

⁴ Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб, 2006.

⁵ Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.). Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб, 2007.

⁶ Результаты работы по проекту были обобщены в сборнике статей: Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб, 2009.

⁷ Человек на Балканах глазами русских. Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб, 2011.

⁸ См. *Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. Война – мать родна? // Родина. 2012. № 11. С. 5–7; Они же. Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 115–132.*

⁹ Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012.

¹⁰ Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 395. Оп. 1. Д. 341. Л. 8.

¹¹ До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. Отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2009.

¹² Сравнительный метод, как наиболее плодотворный при региональных исследованиях, используется ответственными редакторами серии и вне ее – в совместных авторских работах. См. примечание 8, а также: *Гришина Р.П., Шемякин А.Л. Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX-начале XX вв. Приоритеты развития (находится в печати)... Должно заметить, что интерес к публикации последней статьи уже проявлен как в Софии, так и в Белграде.*

¹³ См.: *Timofejev A. Savremena ruska istoriografija o Srbiji // Tokovi istorije. Beograd, 2006. Br. 3. S. 200–213; Ković M. Saznanje ili namera: savremena svetska istoriografija o Srbima u XX veku // Sociologija. Vol. LIII. Beograd, 2011. S. 402–416.*

¹⁴ См. например: *Шемякин А.Л. Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). С. 123–162.*

**Две группы ономаσιологического
тематического каталога семантических переходов
(на материале болгарского, русского, сербского,
чешского, французского и английского языков)**

Abstract:

P. Legurska, I. Panchev. *The two groups of the onomasiological catalogue of semantic transitions in Bulgarian, Russian, Serbian, Czech, French, and English.*

The project “Contrastive and Typological Analysis of Secondary Nomination of Concrete Nouns in Bulgarian, Russian, Serbian, Czech, French, and English” was carried out in three major stages. The project has been developed by researchers at the Institute for Bulgarian Language “Prof. L. Andreychin”, Bulgarian Academy of Sciences, under the supervision of Assoc. prof., Ph.D. Palmira Legurska, who is also the author of the theoretical background and methodology of the project and has authored the Bulgarian and Russian part of the project; the Serbian part was developed by Assoc. prof., Ph.D. N. Becheva, the Czech part was developed by Senior Researcher Ph.D. Tzv. Avramova, the French part was authored by Prof. Ph.D. D. Vesselinov, the English part was developed by Senior Researcher Ph.D. M. Lilova, (Легурска 2009; Легурска, Бечева, Аврамова, Веселинов, Лилова, Панчев 2009).

This article presents two groups from the third stage of the project – onomasiological catalogue of image metaphors: semantic transitions ‘an animal – a man’ and ‘a plant – a man’ in Bulgarian, Russian, Serbian, Czech, French, and English.

Ключевые слова: ономаσιология, семантика, тематический каталог, вторичная номинация, предметные имена, болгарский язык, русский язык, сербский язык, чешский язык, французский язык, английский язык.

Проект «Сопоставительно-типологический анализ вторичной номинации предметных имен в болгарском, русском, сербском, чешском, французском и английском языках» реализуется в три этапа. На первом этапе проекта устанавливается типология способов и видов вторичной номинации предметных имен в указанных языках; результаты представлены в форме каталога. Этот этап закончен в 2003–2005 гг. Второй этап проекта (2006–2008 гг.) заканчивается составлением двух каталогов – Ономаσιологического каталога семантических переходов и Ономаσιологического каталога семантических параллелей в указанных языках. Проект реализуется сотрудниками Института болгарского языка им. проф. Л. Андрейчина Болгарской академии наук (БАН). Руководитель проекта, автор целостной концепции и частей на русском и болгарском языках – доцент д-р П. Легурска. Авторами отдельных языковых частей являются соответственно: сербский – болгар-

ский язык – доцент д-р Н. Бечева, чешский – болгарский – главный ассистент д-р Цв. Аврамова, французский – болгарский – профессор д-р Д. Веселинов, английский – болгарский – д-р М. Лилова. Обратный каталог типологии вторичной номинации в указанных языках составлен д-ром И. Панчевым (см. Легурска 2009; Легурска, Бечева, Аврамова, Веселинов, Лилова, Панчев 2009; Легурска 2011а; 2011б).

На третьем этапе проекта происходит обобщение данных, позволяющих моделировать вторичные номинации в разных языках с целью их сопоставительного анализа. На этом этапе проекта составляется каталог семантических параллелей в болгарском, русском, сербском, чешском, французском и английском языках, отражающих образные метафоры в указанных языках (Легурска, Панчев 2013). Составлен также и каталог номинативно-метафорических параллелей в перечисленных языках (Легурска 2013). Таким образом, данная работа, создаваемая в рамках эмпирической семасиологии и ономаσιологии, подтверждает гипотезу, выдвинутую руководителем проекта: существуют семантические параметры, которые лежат в основе типологической закономерности полисемии предметных имен, первоначально установленной на материале двух языков – русского и болгарского и подтвержденной на материале сербского, чешского, французского и английского языков. Тезис о существовании семантических параметров, лежащих в основе представленной модели, основывается на предположении, что набор вторичных значений отдельной лексемы зависит от того, к какой тематической группе она принадлежит в своем первичном значении. Полисемия обусловлена наличием трех семантических параметров – тематической группы, типа значения и семантического множителя, на основании которых можно выстроить и прогнозировать модель вторичной номинации. Модель становится критерием сравнения (*tertium comparationis*) в сопоставительных исследованиях вышеуказанных языков (Легурска 2011а).

В настоящей статье представлены две группы ономаσιологического каталога образных метафор ‘животное – человек’ и ‘растение – человек’ в болгарском, русском, сербском, чешском, французском и английском языках. В каталоге синонимические образно-метафорические значения в указанных языках считаются семантическими параллелями.

При анализе полисемии слова в синхронном аспекте на основании связи между тематической группой, лексическим значением и семантическим множителем и при установлении типологии способов и видов вторичной номинации данного слова в исследуемых языках указываются регулярные семантические переходы между первичными и вторичными значениями для каждой тематической группы в каждом исследуемом языке. Семантические переходы описываются при помощи метаязыка в соответствующем толковании. Так, например, в обширной тематической группе «животные» семантический переход ‘определенное животное’ – ‘человек/предмет, оха-

рактированный по свойству, приписываемому животному' с соответствующими лексическими реализациями в отдельных языках представлен в синхронном аспекте семантическими параллелями. Семантическими параллелями считаются слова, определенные значения которых совпадают в своих толкованиях на метаязыке. При синхронизации каталогов, составленных попарно для языков: русский – болгарский, сербский – болгарский, чешский – болгарский, французский – болгарский, английский – болгарский, приведенные ниже данные группируются на основании семантического перехода 'животное – человек' и 'растение – человек' ('человек, подобный по свойству животному/растению'). Данные оформлены ономаσιологически: сначала приводится значение на метаязыке, за ним следуют лексические реализации в сопоставляемых языках. Значения представлены в алфавитном порядке. Приведенные в скобках слова являются в русском языке семантическими эквивалентами соответствующих иноязычных слов в их первичном значении. Слова в скобках переводят иноязычное слово и облегчают работу пользователей каталога (в данном случае людей, владеющих русским языком).

Звездочки перед толкованиями означают следующие оценки свойств/качеств человека, названных при помощи зоонимов и фитонимов: (*) – положительная, (**) – отрицательная, (***) – нейтральная. Метафоры, выраженные названиями животных и растений, являются также средством оценки (см. также Миронова 2001: 149), а указание на тип оценки может быть полезно для последующих лингвистических и лингвокультурологических исследований.

I. 'ЖИВОТНОЕ – ЧЕЛОВЕК'

'бессовестный, хищный человек' б. **хиена /р. гиена/, ср. **хијена** /р. гиена/

'бесчестный, подлый человек' ср. **куја /р. сука/, р. **сука**

'бесхарактерный человек' б. **охлюв /р. улитка/, ср. **пуж** /р. улитка/, ч. **svině** /р. свинья/

'болтливый человек' б. **сврака /р. сорока/, р. **сорока**, ч. **straka** /р. сорока/, фр. **pie** /р. сорока/, а. **magpie** /р. сорока/, р. **соловей** /р. сорока/; ср. **чавка** /р. галка/

'большая грубая женщина' б. **кобила /р. кобыла/, ч. **kobyła** /р. кобыла/

*'быстрый, подвижный человек' б. **катерица** /р. белка/, ср. **веверица** /р. белка/

*ласкательное обращение к ребенку б. **пиле** /р. цыпленок/, ч. **kuře** /р. цыпленок/, б. **буболечка** /р. жучок/, ч. **kukačka** /р. кукушка/

'глупый человек' б. **вол, ср. **во** /р. вол/, ч. **vůl** /р. вол/, б. **гъсок** /р. гусь/, а. **goose** /р. гусь/, б. **магаре** /р. осел/, р. **осел**, а. **donkey** /р. осел/, б. **овен** /р. баран/, б. **овца** /р. овца/, б. **теле** /р. теленок/, ср. **теле** /р. теленок/, р. **баран**, р. **индюк**, ср. **хурак (хуран)** /р. индюк/, ср. **коњ** /р. конь/, ср. **мазга** /р. мул/,

ср. **тетреб** /р. тетерев/, ср. **сом** /р. сом/, ч. **osel** /р. осел/, ч. **mezek** /р. мул/, ч. **trubec** /р. трутень/, ч. **vŷr** /р. филин/, фр. **huître** /р. устрица/, а. **goat** /р. козел/
 ‘глупый и доверчивый человек’ б. **теле /р. теленок/, б. **патица (патка)** /р. утка/, б. **шаран** /р. карп/
 ‘глупый и наивный человек’ фр. **dindon /р. индюк/, фр. **pigeon** /р. голубь/
 ‘глупый и неуступчивый человек’ ср. **магарац /р. осел/, б. **магаре** /р. осел/, р. **ишак**, фр. **âne** /р. осел/, б. **муле** /р. мул/, р. **мул**, фр. **mulet** /р. мул/, а. **mule** /р. мул/
 ‘глупая женщина’ б. **гьска /р. гусыня/, ср. **гуска** /р. гусь/, р. **гусыня**, ч. **husa** /р. гусыня/, фр. **oie** /р. гусыня/, б. **кокошка** /р. курица/, ср. **кокошка** /р. курица/, р. **курица**, ч. **šlepice** /р. курица/, б. **пуйка** /р. индюшка/, ср. **hурка** /р. индюшка/, фр. **dinde** /р. индюшка/, ч. **каџена** /р. утка/, фр. **becasse** /р. бекас/, ср. **крава** /р. корова/, р. **корова**
 ‘глупая и надменная женщина’ б. **пуйка /р. индюшка/, ч. **krŷta** /р. индюшка/
 ‘грубый человек’ а. **bear /р. медведь/, фр. **cheval** /р. лошадь/
 ‘грязный человек’ б. **прасе /р. поросенок/, б. **свиня** /р. свинья/, б. **шопар** /р. боров/, а. **hog** /р. боров/, ч. **čuně** /р. боров/, ч. **čuník** /р. боров/, ч. **prase** /р. поросенок/, а. **pig** /р. поросенок/, ср. **свиња** /р. свинья/, р. **свинья**, ч. **svině** /р. свинья/, ч. **verř** /р. свинья/, фр. **cochon** /р. свинья/,
 ‘докучающий кому-либо человек’ б. **вьшка /р. вошь/, ср. **гусеница** /р. гусеница/
 ‘жадный человек’ б. **акула, ср. **ажкула** /р. акула/, а. **shark** /р. акула/, а. **hog** /р. боров/, а. **pig** /р. свинья/
 *‘женщина, пользующаяся успехом среди мужчин’ б. **львица** /р. львица/, р. **львица**, ср. **лавица** /р. львица/, фр. **lionne** /р. львица/
 *‘женщина, выделяющаяся в обществе, привлекающая к себе внимание’ б. **львица** /р. львица/, ч. **lvice** /р. львица/
 ‘жестокий, немилосердный человек’ ср. **тигар /р. тигр/, фр. **tigre** /р. тигр/
 ‘жестокий, бессовестный человек’ б. **вълк /р. волк/, ч. **vlk** /р. волк/, фр. **corbeau** /р. грач/
 ‘задиристый человек’ б. **таралеж /р. еж/, ч. **jeřek** /р. еж/, ч. **ježura** /р. ехидна/
 ‘злая женщина’ б. **кучка /р. сука/, ч. **fena** /р. сука/, фр. **bique** /р. коза/, а. **bitch** /р. сука/, б. **усойница** /р. гадюка/
 ‘злая и подлая женщина’ б. **усойница /р. гадюка/, а. **viper** /р. гадюка/
 ‘злой человек’ б. **пес/псе /р. пес/, б. **куче** /р. собака/, р. **собака**, ч. **pes** /р. пес/, фр. **chien** /р. собака/
 *‘известный человек, знаменитость’ б. **лъв** /р. лев/, а. **lion** /р. лев/
 ‘коварный и злой человек’ б. **змяя /р. змея/, ср. **гуја/змија** /р. змея/, р. **змея**, ч. **had** /р. змея/, фр. **serpent** /р. змея/, р. **ехидна**

- **‘коварная женщина’ б. **кобра** /р. кобра/, р. **кобра**, фр. **cobra** /р. кобра/, ч. **zmije** /р. гадюка/
- **‘красивый, мужественный и сильный человек’ б. **орел** /р. орел/, р. **орел**
- **‘кроткий, безобидный человек’ б. **буболечка** /р. жук/, ср. **бубица**/ **буба** /р. жук/
- *‘кроткий и послушный человек’ б. **агне** /р. ягненок/, р. **агнец**, **ягненок**, ср. **јагње** /р. ягненок/, ч. **jeňň** /р. ягненок/, фр. **agneau** /р. ягненок/
- *‘ласковое обращение к ребенку’ б. **брѣмбарче** /р. жучок/, ч. **brouček** /р. жучок/, ч. **brouk** /р. жук/
- *‘ласковое обращение к женщине’ р. **ласточка**, фр. **colombe** /р. голубь/, фр. **poule** /р. курица/, фр. **puce** /р. клоп/, фр. **chatte** /р. кошка/
- *‘ласковое обращение к мужчине’ р. **голубь**, фр. **pigeon** /р. голубь/, фр. **poulet** /р. цыпленок/, фр. **poussin** /р. цыпленок/, фр. **canard** /р. утка/, р. **кот**, фр. **chat** /р. кот/, р. **котик**, фр. **lapin** /р. заяц/, фр. **rat** /р. крыса/
- *‘ласковое обращение к любимому человеку’ б. **гъльбче** /р. голубок/, ч. **holoubě** /р. голубь/
- *‘ласковое обращение к любимой женщине’ б. **гъльбница** /р. голубушка/, ч. **holubice** /р. голубушка/
- **‘легкомысленный человек’ ср. **лептир** /р. бабочка/, р. **бабочка**, а. **butterfly** /р. бабочка/, фр. **hanneton** /р. жук/
- ***‘маленький ребенок’ б. **паяк** /р. паук/, р. **клоп**
- **‘медлительный человек’ б. **костенурка** /р. черепаха/, фр. **tortue** /р. черепаха/, а. **tortoise** /р. черепаха/
- *‘молодая и подвижная женщина’ р. **коза**, р. **стрекоза**
- ***‘молодой, неопытный человек’ б. **заек** /р. заяц/, б. **кутре**, **пале** /р. щенок/, р. **щенок**, ч. **zajíc** /р. заяц/
- *‘мужественный и сильный человек’ б. **орел** /р. орел/, ср. **орао** /р. орел/
- **‘ленивый человек’ ч. **svině** /р. свинья/, ч. **trubec** /р. трутень/
- **‘надменный человек’ б. **пуяк** /р. индюк/, р. **индюк**
- **‘негодяй, подлец’ ср. **цукела (цукац)** /р. собака/, **кер** /р. собака/
- ***‘неопытный солдат’ ср. **гуја**/ **змија** /р. змея/, ср. **гуштер** /р. ящерица/, ср. **фазан** /р. фазан/
- **‘нелюдимый человек’ б. **бухал** /р. филин/, фр. **hibou** /р. филин/, р. **сыч**, ч. **kulich** /р. сыч/, ч. **pavouk** /р. паук/, р. **бирюк**, фр. **loup-garou (loup solitaire)** /р. бирюк/, фр. **ours** /р. медведь/
- **‘неподвижный, неуклюжий человек’ р. **боров**, р. **хомяк**
- **‘непорядочный и низкий человек’ б. **свиня**, ср. **свиња** /р. свинья/, р. **свиња**, ч. **prase** /р. поросенок/
- **‘неприятный, несимпатичный человек’ ср. **врана** /р. ворона/, а. **pig** /р. поросенок/
- **‘неуклюжий, медлительный человек’ б. **слон** /р. слон/, ч. **slon** /р. слон/

‘неуклюжий человек’ б. **мечка /р. медведь/, р. **медведь**, ср. **медвед** /р. медведь/, б. **тюлен** /р. тюлень/, р. **тюлень**, б. **слон** /р. слон/, р. **слон**, ч. **medvěd** /р. медведь/, фр. **éléphant** /р. слон/

‘ничтожный человек’ б. **червей /р. червь/, ср. **црв** /р. червь/, р. **червь**, ч. **červ** /р. червь/, фр. **ver** /р. червь/

‘ничтожный и безличный человек’ б. **въшка /р. вошь/, р. **вошь**

общая негативная характеристика женщины б. **гарга /р. галка/, б. **коза** /р. коза/, ч. **koza** /р. коза/, б. **крава** /р. корова/, ч. **kráva** /р. корова/, б. **кучка** /р. сука/, р. **сука**, фр. **chienne** /р. сука/, ч. **klisna** /р. кобыла/, ч. **opice** /р. обезьяна/

общая негативная характеристика мужчины р. **козел, фр. **bouc** /р. козел/

общая негативная характеристика человека б. **бизон /р. бизон/, б. **магаре** /р. осел/, фр. **âne** /р. осел/, б. **маймуна** /р. обезьяна/, б. **овен** /р. баран/, б. **пес/псе** /р. пес/, р. **пес**, ср. **пашче/псето** /р. пес/, фр. **mâtin** /р. пес/, б. **свиня** /р. свинья/, ч. **svině** /р. свинья/, а. **swine** /р. свинья/, б. **прасе** /р. поросенок/, ч. **prase** /р. поросенок/, фр. **porc** /р. поросенок/, б. **теле** /р. теленок/, р. **гадюка**, ч. **sysel** /р. соя/, фр. **moque** /р. белуга/, фр. **vache** /р. корова/, фр. **vipère** /р. гадюка/

*общая положительная характеристика человека, ласковое обращение ср. **голуб** /р. голубь/

*общая положительная характеристика человека ср. **бубича/буба** /р. жучок/

***‘одинокий человек’ б. **кукувица** /р. кукушка/, р. **кукушка** /р. кукушка/, фр. **coucou** /р. кукушка/

*‘подвижный человек’ б. **катерица** /р. белка/, фр. **écureui** /р. белка/

*‘подвижный, проворный человек’ б. **катерица** /р. белка/, ч. **veverka** /р. белка/

‘подлый и трусливый человек’ б. **плъх /р. крыса/, р. **крыса**, а. **rat** /р. крыса/

‘подлый человек’ а. **worm /р. червь/, фр. **vipère** /р. гадюка/

‘покорный и безответный человек’ б. **овца /р. овца/, р. **овца**, ч. **ovce** /р. овца/

‘политик крайних взглядов’ б. **ястреб /р. ястреб/, ср. **јастреб** /р. ястреб/, фр. **faucon** /р. ястреб/, а. **hawk** /р. ястреб/

*‘политик умеренных взглядов’ б. **гъльб** /р. голубь/, ср. **голуб** /р. голубь/, ч. **holub** /р. голубь/, фр. **colombe** /р. голубь/, а. **dove** /р. голубь/

‘похотливый мужчина’ б. **бик /р. бык/, ср. **бик** /р. бык/, б. **котарак** /р. кот/, р. **кот**, р. **кобель**, б. **козел** /р. козел/, ч. **kozel** /р. козел/, а. **goat** /р. козел/, фр. **cochon** /р. свинья/, фр. **lapin** /р. заяц/

*‘преданный человек’ б. **куче** /р. собака/, р. **собака**, ч. **pes** /р. собака/, фр. **chien** /р. собака/

‘представитель преступной группировки, занимающейся рэкетом’ р. **бык

‘презренный мужчина’ а. **dog /р. собака/, а. **louse** /р. вошь/

- **‘проституирующая женщина’ б. (ношна) **пеперуда** /р. бабочка/, р. **бабочка**, фр. **grue** /р. журавль/, фр. **morue** /р. угорь/, фр. **poule** /р. курица/
 ‘развратная женщина’ б. **кучка /р. сука/, р. **сука**
 ‘раздражительный, вспыльчивый человек’ б. **петел /р. петух/, ср. **петао** /р. петух/
 ***‘ребенок’ б. **паяк** /р. паук/, ч. **brouk** /р. жук/
 ‘рассеянный человек’ р. **ворона, фр. **couleuvre** /р. уж/
 ‘самовлюбленный человек’ б. **паун /р. павлин/, ср. **паун** /р. павлин/
 ‘сварливый человек’ р. **петух, фр. **coq** /р. петух/
 *‘сильный человек’ р. **бык**, фр. **taureau** /р. бык/
 *‘сильный и храбрый человек’ б. **лъв** /р. лев/, р. **лев**, ср. **лав** /р. лев/, фр. **lion** /р. лев/, а. **lion** /р. лев/
 ‘слабый человек’ б. **червей /р. червь/, а. **worm** /р. червь/
 *‘смелый и красивый человек, герой’ б. **сокол** /р. сокол/, р. **сокол**, ср. **соко** /р. сокол/, ч. **sokol** /р. сокол/
 ‘старая женщина’ а. **crow /р. ворона/, ч. **herka** /р. кляча/
 ‘странный человек’ ч. **brouk /р. жук/, а. **fish** /р. рыба/, ч. **pavouk** /р. паук/, фр. **zèbre** /р. зебра/
 ‘толстая и трудно подвижная женщина’ р. **корова, фр. **vache** /р. корова/, а. **cow** /р. корова/
 ‘толстый и неуклюжий человек’ р. **бегемот, фр. **hippoptame** /р. бегемот /
 ‘толстый человек’ б. **шопар /р. боров/, б. **свиня** /р. свинья/, р. **свинья**, ср. **свиня** /р. свинья/, р. **боров**, ч. **верѣ** /б. боров/, фр. **cochon** /р. свинья/, ч. **prase** /р. поросенок/
 ‘тощая и некрасивая женщина’ б. **кранта /р. кляча/, р. **кляча**
 *‘трудолюбивый человек’ б. **мравка** /р. муравей/, р. **муравей**, ср. **мрав** /р. муравей/, фр. **fourmi** /р. муравей/
 ‘трудолюбивый человек, безропотно выполняющий тяжелую работу’ б. **вол /р. вол/, фр. **bœuf** /р. вол/
 ‘трусливый человек’ б. **заек /р. заяц/, р. **заяц**, ср. **заец** /р. заяц/, ср. **кукавица** /р. кукушка/, ч. **zajíc** /р. заяц/, а. **chicken** /р. цыпленок/
 ‘уродливый человек’ б. **маймуна /р. обезьяна/, р. **обезьяна**, ч. **opice** /р. обезьяна/, фр. **singe** /р. обезьяна/, ч. **sůva** /р. сова/, фр. **crapaud** /р. жаба/
 ‘уродливый и грубый человек’ б. **орангутан /р. орангутанг/, р. **орангутанг**, фр. **orang-outan** /р. орангутанг/
 ‘уродливая женщина’ б. **крокодил /р. крокодил/, р. **крокодил**, фр. **crocodile** /р. крокодил/, б. **кукумявка** /р. сыч/, ч. **sůva** /р. сова/, б. **скуприя** /р. скуприя/, фр. **guenon** /р. обезьяна/, а. **crow** /р. ворона/
 ‘уродливая и слабая женщина’ б. **сврака /р. сорока/, фр. **sauterelle** /р. кузнечик/
 ‘упрямый человек’ р. **баран, р. **осел**

‘хитрый и лукавый человек’ б. **лисица /р. лиса/, ср. **лисица** /р. лиса/, р. **лиса**, ч. **liška** /р. лиса/, фр. **renard** /р. лис/, а. **fox** /р. лиса/

‘хищный человек’ б. **вълк /р. волк/, р. **волк**, ч. **vlk** /р. волк/, фр. **loup** /р. волк/, б. **чакал** /р. шакал/, р. **шакал**, б. **хиена** /р. гиена/, р. **гиена**, ч. **hyena** /р. гиена/, р. **акула**, ч. **žralok** /р. акула/, фр. **hyène** /р. гиена/

‘хищный, беспощадный человек’ б. **ястреб /р. ястреб/, ч. **jestřáb** /р. ястреб/, фр. **chacal** /р. ястреб/, фр. **requin** /р. акула/

*‘храбрый, опытный человек’ б. **вълк** /р. волк/, ср. **вук** / **курјак** /р. волк/, фр. **loup** /р. волк/

***‘человек, который работоспособен рано утром’ б. **чучулига** /р. жаворонок/, р. **жаворонок**, фр. **alouette** /р. жаворонок/

***‘человек, который работоспособен поздно вечером и ночью’ б. **сова** /р. сова/, р. **сова**, ч. **sova** /р. сова/, фр. **hibou** /р. сова/

‘человек-эксплуататор’ б. **акула /р. акула/, ср. **ажула** /р. акула/, р. **акула**, ч. **žralok** /р. акула/, фр. **requin** /р. акула/, б. **вълк** /р. волк/, ч. **vlk** /р. волк/, фр. **corbeau** /р. грач/

‘человек, живущий за чужой счет’ б. **търтеј, ср. **трут** /р. трутень/, р. **трутень**, ч. **trubec** /р. трутень/, фр. **bourdon** /р. трутень/, ср. **стеница** /р. клоп/, б. **паразит** /р. паразит/, ср. **паразит** /р. паразит/, ч. **cizopasník** /р. паразит/, ч. **parazit** /р. паразит/, фр. **parasite** /р. паразит/, а. **parasite** /р. паразит/

*‘человек, выделяющийся в обществе, привлекающий внимание к себе’ ч. **lev** /р. лев/, б. **лъв** /р. лев/

‘человек, выполняющий безропотно тяжелую работу’ б. **муле /р. мул/, р. **ишак**, р. **мул**, фр. **mule** /р. мул/, фр. **mulet** /р. мул/ р. **верблюд**

‘человек, высасывающий жизненные силы других людей’ ср. **паук /р. паук/, р. **паук**

*‘человек, у которого хороший голос’ б. **славей** /р. соловей/, р. **соловей**, ч. **slavík** /р. соловей/, фр. **rossignol** /р. соловей/

‘человек, который плохо пахнет’ б. **пор /р. хорек/, фр. **putois** /р. вонючка/

‘человек, который плохо слышит’ б. **глухар /р. глухарь/, р. **глухарь**

‘человек красноречивый’ р. **соловей

‘человек, остро реагирующий на слова и поступки, которые ему кажутся обидными’ б. **таралеж /р. еж/, р. **еж**

‘человек, повторяющий чужие мысли’ б. **папагал /р. попугай/, ср. **папагај** /р. попугай/, р. **попугай**, ч. **paroušek** /р. попугай/, фр. **perroquet** /р. попугай/

‘человек, бессмысленно подражающий другим’ б. **маймуна /р. обезьяна/, р. **обезьяна**, ср. **мајмун** /р. обезьяна/, ч. **opice** /р. обезьяна/, фр. **singe** /р. обезьяна/

‘человек-предатель’ а. **snake /р. змея/, б. **змия** /р. змея/

‘человек, вызывающий презрение’ ср. **пас, **псето/пашче**, **кер/цукела** /р. пес/, р. **пес**

- **‘человек, занимающийся контрабандой наркотиков’ б. **муле** /р. мул/, р. **ишак**, а. **mule** /р. мул/
 ‘человек, который своим поведением смешит остальных’ б. **маймуна /р. обезьяна/, ч. **орісе** /р. обезьяна/
 ***‘человек, увлекающийся купанием в холодной воде’ б. **морж** /р. морж/, р. **морж**
 *‘человек, пользующийся успехом среди женщин’ р. **лев**, фр. **lion** /р. лев/
 ‘человек-шпион’ б. **копой /р. ищейка/, р. **ищейка**, фр. **limier** /р. ищейка/, б. **къртица** /р. крот/, р. **крот**, фр. **taupe** /р. крот/, а. **mole** /р. крот/
 ‘человек, на которого легко оказать влияние’ а. **sheep /р. овца/, б. **овца** /р. овца/
 ***‘человек с длинной бородой’ б. **козел** /р. козел/, ср. **јарац** /р. козел/
 ‘человек с низкими наклонностями’ ср. **крмак/брав/вепар /р. боров/
 ***‘человек с высоким социальным статусом’ б. /едра/ **риба** /р. рыба/, фр. **poisson** /р. рыба/
 *‘шаловливый ребенок’ ср. **чиков** /р. угорь/, а. **monkey** /р. обезьяна/

II. ‘РАСТЕНИЕ – ЧЕЛОВЕК’

- **‘бесхарактерный человек’ ч. **brambora** /р. картофель/
 *‘бодрый человек’ б. **кукурряк** /р. морозник, или зимовник/
 ‘вспыльчивый человек’ б. **чушка /р. перец/
 ‘глупый человек’ б. **ряпа /р. репа/, б. **тыква** /р. тыква/, р. **лопух**, ср. **буква** /р. бук/, ср. **тыква** /р. тыква/, фр. **citrouille** /р. тыква/, фр. **noix** /р. орех/, фр. **poire** /р. груша/
 ‘глупый и ограниченный человек’ ч. **tulipán /р. тюльпан/
 ‘надоедливый человек’ б. **репей /р. лопух/, ср. **чичак** /р. лопух/
 *‘крепкий парень, молодец’ ср. **јаблан** /р. тополь/
 *‘красивая женщина’ ср. **ружа** /р. роза/
 *‘милый, любимый человек’ ср. **јабука** /р. яблоко/, ср. **јагода** /р. клубника/
 *‘молодая и красивая девушка или женщина’ ч. **jahúdká** /р. клубника/
 ‘наивный человек’ фр. **pommier /б. яблоко/
 ‘незаметные люди’ ср. **боранија /б. стручковая фасоль/
 ‘неуклюжий человек’ ч. **křen /р. хрен/
 ‘самовлюбленный человек’ б. **нарцис /р. нарцисс/, р. **нарцисс**, ср. **суноврат** /р. нарцисс/, фр. **narcisse** /р. нарцисс/
 ‘старая дева’ фр. **griotte /р. вишня/
 *‘стройная женщина’ б. **топола** /р. тополь/
 ***‘стыдливая женщина’ б. **мимоза** /р. мимоза/, ч. **citlivka** /р. мимоза/
 ‘тупой, нечувствительный человек’ б. **дъб /р. дуб/, р. **дуб**

‘человек, часто и беспринципно меняющий свои мнения и взгляды в зависимости от обстановки’ б. **слънчоглед /р. подсолнух/

‘человек, любящий чистоту’ р. **чистяк

‘человек мешающий встрече влюбленных’ ч. **křen /р. хрен/

‘человек или предмет, который имеет дефект или у которого отсутствуют нужные качества’ а. **lemon /р. лимон/

‘чувствительная женщина’ ч. **citlivka /р. мимоза/

‘язвительный человек’ р. **перец

Приведенные примеры показывают, что часть значений совпадает более чем в двух языках. Представляется возможным говорить о своеобразной общности значений на основе совпадающей (схожей) структуры и объема базовых для человека концептов (например, ‘ум’, ‘глупость’), выраженных зоонимами и фитонимами (анализируемые в проекте «Сопоставительно-типологический анализ вторичной номинации предметных имен в болгарском, русском, сербском, чешском, французском и английском языках») группы лексики кроме названий животных и растений содержат и слова из основного лексического фонда, относящиеся к тематическим группам «посуда», «орудия труда», «одежда», «мебель» и «части тела»). Можно рассматривать эту общность значений и как указание на прототипическую общность при формировании ментальных концептов носителей исследуемых языков, что со своей стороны дает основание говорить об универсальных культурных категориях, структурирующих поведение человека (см. рассуждения на эту тему в: Гуклетова 2009). Формирование образных метафор обусловлено наличием определенных коннотативных сем, анализ которых позволяет выйти за рамки сугубо лингвистической сферы и обратиться к экстралингвистическим категориям. Пересечения в области коннотативных образов, встречающиеся в двух или более языках, являются свидетельством частичной общности образного фонда культур, стоящих за сопоставляемыми языками, а также содержательной константы (Степанов 1997). Различия в объеме концептосфер одних и тех же зоо- и фитолексем в сопоставляемых языках свидетельствует о разных путях развития сравниваемых культур.

Рассматривая зоо- и фитолексемы, следует отметить, что животное/растение обладает данным свойством в той мере, в какой человек склонен приписывать ему это свойство. То есть **овца** из вышеприведенных в каталоге примеров вряд ли по своей природе обладает свойством легко поддаваться чужому воздействию, и, скорее всего, носители болгарского и английского языков ей это приписывают, например, потому, что овцу пастух направляет туда, куда он пожелает. Отсюда, вероятно, идет представление о том, что овца лишена собственной воли, на нее можно легко воздействовать. Приписываемое овце свойство проецируется обратно на человека, и уже в

языке появляется ‘человек, на которого легко оказывать влияние’. Несколько иначе обстоят дела с метафорическим значением **лопуха** в болгарском и сербском языке. Факт, что плоды лопуха (репейника) легко прилипают к одежде человека и вызывают желание стряхнуть их, послужил основой для появления у лексики **лопух** значения ‘надоедливый человек’: человек, присутствие/близость которого нежелательны, человек, которого как бы хочется «стряхнуть с себя». Существование зоо- и фитометафор в языках является одним из свидетельств антропоцентризма в языке. Данные метафоры заключают в себе оценку человека. Сами названия животных/растений и лексика, содержащая их характеристики, не содержат оценку – она появляется в результате перенесения данного свойства на человека. Тот факт, что носители двух или более языков выбирают одно и то же животное/растение при метафорическом переносе ‘животное – человек’ или ‘растение – человек’, свидетельствует о наличии определенного прототипа. Прототипы можно обнаружить у всех синонимических лексических единиц этих тематических групп.

Лексические реализации семантического перехода ‘животное/растение’ – ‘человек, подобный по свойству животному/растению’ свидетельствуют о существовании этнических стереотипов в конструировании образно-метафорических переходов. Носители разных языков/культур приписывают определенные свойства животным/растениям, при этом может оказаться, что одно и то же животное/растение обладает одинаковыми свойствами в разных языках: например, **свинья** является метафорическим наименованием человека низких наклонностей (болгарский, сербский и русский); хорек – плохо пахнущего человека (болгарский и французский).

Можно допустить, что совпадение значений в этих группах языков обусловлено тождественностью оценки определенных человеческих качеств, которая дается посредством наименования человека животным/растением, рассматриваемого как эталон этих качеств. В целом это результат совпадения предметных коннотаций, связанных с данными словами, в определенном географическом и культурном ареале – пространстве Европы.

Значения зоо- и филолексем могут и отличаться: например, **верблюду** – безропотный исполнитель тяжелого труда для носителя русского языка, но для носителя французского языка в этой роли выступает **мул**. Одно и то же животное может обладать различными свойствами с точки зрения носителей разных языков – для носителей болгарского и чешского, например, **паук** – ‘ребенок’ и имеет ласкательный оттенок, а для носителя русского языка – ‘человек, высасывающий из людей жизненные силы’.

Перенесение качеств с человека на животное/растение и наоборот допустимо толковать как наследие древних времен, времен существования мифологической картины мира. В ее основе лежит неразрывная связь чело-

века с живой природой-матерью: когда-то в природе не было столь четкого разграничения между человеком, животными и растениями и предполагалось, что живое может принимать любой облик (Зуева 1989: 23).

В целом для языка в большей мере характерно использование названия животного/растения для указания на отрицательные человеческие качества: эксплуатировать, вести замкнутый образ жизни, быть неуклюжим, беспринципно менять свое мнение, докучать кому-либо, плохо пахнуть и т.п. Отрицательные коннотации, связанные с животными (в меньшей степени – с растениями), находят объяснение в оппозиции ‘человек – животное/растение’, унаследованной (нашедшей свою языковую реализацию) от времен, когда непокоренная природа представляла для человека серьезную опасность.

Возможно и то, что человек испытывает «комплекс сверхполноценности» в отношении животных, который обуславливает появление отрицательной оценки. Это еще один аспект антропоцентричности языковых единиц. Преобладание отрицательной оценки объясняется и тем, что положительная воспринимается как норма и получает более слабое языковое выражение, в то время как отрицательная стимулирует активную номинацию (см. подобные суждения в: Миронова 2001: 150).

Существуют и такие лексические единицы, выраженные зоометафорами, которыми называют положительные человеческие качества: силу, храбрость, трудолюбие и т.д., хотя они и малочисленны.

Встречаются и нейтральные по отношению к оппозиции «положительное – отрицательное» человеческие свойства/качества, как, например, утренняя или вечерняя работоспособность, наличие или отсутствие опыта и т.п.

Кроме приведенных выше переходов в рамках каталога указываются переходы ‘естественный предмет – человек’; ‘искусственный предмет – человек’, ‘предмет – предмет’, которые завершают представление образно-метафорического потенциала избранных групп предметной лексики в сопоставляемых языках. Выявленные таким образом переходы – ценный материал в исследовании этномаркированного способа вторичной номинации, характерного для носителей каждого из шести языков, а полученные результаты подлежат сравнению с произвольным количеством других языков, для которых может быть осуществлена та же процедура определения, систематизации и распределения вторичных значений. Обработанный таким образом и систематизированный в форме каталогов материал может быть использован в лингвистических и культурологических исследованиях, теории и практике обучения иностранным языкам, двуязычной лексикографии и других областях языкознания и не только – например, в психолингвистике, психологии, когнитивистике и для создания баз данных.

Литература

- Гуклетова 2009 – *Гуклетова Ф.Н.* Зооморфный код культуры в языковой картине мира. М., 2009.
- Зуева 1989 – *Зуева Т.* Сказки А.С. Пушкина. М., 1989.
- Легурска 2009 – *Легурска П.* Съпоставително-типологичен анализ на вторичната номинация на предметните имена в български, руски, сръбски, чешки, френски и английски език: Депозиран ръкопис в НАЦИД № 51/09. София, 2009. 156 с.
- Легурска, Бечева, Аврамова, Веселинов, Лилова, Панчев 2009 – *Легурска П., Бечева Н., Аврамова Цв., Веселинов Д., Лилова М., Панчев И.* Съпоставително-типологичен анализ на лексиката в родствени и неродствени езици (върху материал от български, руски, сръбски, чешки, френски и английски език): Депозиран ръкопис в НАЦИД № НД 65/ 2009. София, 2009. 1093 с.
- Легурска 2011а – *Легурска П.* Съпоставителни лексикални анализи и основа за съпоставка. София, 2011.
- Легурска 2011б – *Легурска П.* Семантичен речник на типологичните характеристики на вторичното назоваване в руския и българския език. София, 2011.
- Легурска 2013 – *Легурска П.* Ономасиологичен каталог на номинативните метафори (в български, руски, сръбски, чешки, френски и английски език). София, 2013. Нд 4/2013, НАЦИД.
- Легурска, Панчев 2013 – *Легурска П., Панчев И.* Ономасиологичен каталог на образните метафори – азбучна и тематична подредба (в български, руски, сръбски, чешки, френски и английски език). София, 2013. Нд 4/2013, НАЦИД.
- Миронова 2001 – *Миронова И.В.* Зоометафора в свете антропоцентричности языка (на материале английской лексики) // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Воронеж. гос. ун-т; Под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 149–151.
- Степанов 1997 – *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры (опыт исследования). М., 1997.

IX. Рецензии

Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Шавинская
(Институт славяноведения РАН,
Государственная академия славянской культуры, Москва)

О письменном наследии *Slavia Byzantina* греко-католиков Словакии¹

Abstract:

Labyntsev Yu.A., Shchavinskaya L.L. *On the written heritage Slavia Byzantina of the Slovak Greek Catholics.*

The review considers the book «Sources of the Byzantine-Slavic tradition and culture in Slovakia» (Roma –Bratislava – Košice, 2013) by the director of the Institute of Slavistics of the Slovak Academy of Sciences Professor Peter Žeňuch, which is the fourth edition of the series *Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae* launched in 2003 by the group of Slovak secular and church scholars.

Ключевые слова: кирилло-мефодиевское наследие, византийско-славянские традиции, кириллическая письменность, греко-католическая церковь, Словакия, карпатский регион.

Более десяти лет назад группа словацких светских ученых совместно с рядом виднейших представителей греко-католической церкви Словакии, занимающихся теологическими исследованиями, разработала и стала реализовывать обширную издательскую программу «*Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae*», очередным, четвертым по счету, выпуском которой является рецензируемая нами книга директора Института славистики Словацкой академии наук профессора П. Женюха. В значительной степени эта книга служит не только своеобразным продолжением первых трех выпусков данной программы, но и базируется на них.

Первый выпуск «*Monumenta*», подготовленный П. Женюхом и словацким профессором-иезуитом Кириллом Василем и изданный в 2003 г. под грифом Папского восточного института в Риме, стал своего рода историческим вступлением ко всей серии², будучи одновременно и справочником по многовековому бытию словацких греко-католиков. Второй выпуск, посвященный кириллическим паралитургическим песнопениям, целиком подготовленный П. Женюхом³, представлял собой «обширную целостную базу данных паралитургических кириллографичных текстов, представленных в

рукописных песенниках, созданных на крайнем пограничье Славии Восточной и Западной», о нем мы уже писали в своей рецензии⁴. Третий выпуск – публикация до тех пор находившегося в рукописи обширного параллельно двуязычного (церковнославянский и латинский языки) труда «отца закарпатской историографии» протоигумена-базилианина (василианина) Иоанникия Базиловича «Толкованіе» священной «Літургіи Новагw Закона», «сочиненное въ Монастырѣ Мункачовскомъ въ лѣто» 1815⁵.

Помимо П. Женюха основателями «Monumenta» стали словацкий греко-католический архиепископ профессор-иезуит Ян Бабьяк, архиепископ Кирилл Василь, недавно являвшийся ректором Папского восточного института и известный словацкий славист профессор Ян Дорула, один из самых давних и заслуженных сотрудников Института славистики Словацкой академии наук. Хотелось бы отметить, что половина изданий серии «Monumenta» осуществлялась в содружестве с кошицким центром изучения религиозной культуры имени профессора-иезуита Михала Лацко, одно из главных направлений деятельности которого было связано с исследованием кирилло-мефодиевского наследия в Словакии. С этим центром, являющимся подразделением теологического факультета Трнавского университета, Институт славистики продолжает вести многие совместные исследования, прежде всего связанные с историей и культурой словацких греко-католиков⁶.

Представляя свою книгу «Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии», П. Женюх пишет, что она – суть «результат более чем десятилетнего систематического исследования собрания источников письменности XV–XIX вв., которые являются частью письменной культуры, связанной с католической церковью восточного обряда в Словакии. До сих пор византийско-славянская и латинская христианская и культурная традиции являются равноценными составляющими духовного и культурного наследия, которое продолжает кирилло-мефодиевскую традицию. Опубликованные тексты источников являются свидетельством о среде и исторических условиях развития духовной и материальной культуры католической церкви византийского обряда, которая отражается в памятниках письменности, языке и сохраненной традиции, т.е. в тех составляющих словацкого общества, которые его образовывали с самого начала⁷. Конечно же, вероисповедное воплощение кирилло-мефодиевской традиции в Словакии не ограничивается только греко-католиками. Оно много шире и в той или иной степени опосредованно или даже непосредственно охватывает почти все словацкое культурное пространство. Особенно наглядно это видно до сих пор в северо-восточных и восточных районах Словакии, характеризующихся весьма разнородной этно-языковой и конфессиональной реальностью⁸.

«Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии» состоят из трех основных частей. Первая представляет собой почти

стостраничное аналитическое введение в проблематику, изложенное на русском языке (с. 15–106). В нем помещено семь взаимосвязанных глав историко-культурологического и языковедческого содержания от «Культурная идентичность между Востоком и Западом» до «Литургический язык и языковое сознание». Вторая часть книги самая объемная, составляющая почти две ее трети, – антология кириллографичных текстов преимущественно на церковнославянском языке и различных его местных вариантах (с. 107–408). Третья часть, словакоязычная (с. 409–452) – примечания и комментарии ко второй части, разделенной на семь больших отделов, представляющих: 1) памятники письменности, трагующие в основном историю церкви, проблемы катехизации и литургической практики, некоторые богословские вопросы особенно важные для греко-католиков; 2) агиографические, апокрифические и поучительные тексты; 3) гомилетические произведения; 4) тексты духовно-нравственного содержания для народного чтения; 5) паралитургические песнопения; 6) лечебники, домоводство и т.п.; 7) административно-правовые документы.

Хотел ли того автор книги или нет, но ее многоязычность и выбор двух основных современных живых языков для изложения, русского и словацкого, как ничто иное лучше всего отображает нынешнее проблемное поле реального бытования кириллических текстов в народной среде. Как видим из представленных произведений, еще совсем недавно местными греко-католиками кириллица использовалась весьма широко, а ныне, как можно повсеместно наблюдать, она стала весьма мало употребляемой ими, за исключением, может быть, чисто светских сфер, да и то в кругу определенных этнических сообществ Словакии. Все это свидетельствует об огромной сложности самых различных социально-культурных, этнических, конфессиональных и языковых взаимосвязей внутри современного словацкого общества, задуматься о которых заставляет рассматриваемая книга П. Женюха. Конечно же, он не пытается решить в ней все основные проблемы и почти соглашается со многими другими исследователями, в том числе с таким известным как А.Л. Петров, что «решение вопроса языковой и национальной идентичности верующих византийско-славянского обряда в этой среде не было и по сей день не является однозначным» (с. 69). Важно предположение П. Женюха и о том, что «верующие византийско-славянской традиции в своей частной коммуникации, как и сейчас, использовали родной язык (т.е. словацкие, русинские, украинские диалекты), а в богослужебных обрядах – церковнославянский язык местной редакции. В письменной форме использовалась такая форма языка, которая стояла между литургическим и народным языком» (с. 99). В целом же, по словам П. Женюха, «кириллические памятники, возникшие на территории восточной Словакии и Закарпатской области Украины (в бывшей Подкарпатской Руси), в которых взаимно переплетаются языковые явления – словацкие, польские и украин-

ские с языковыми элементами церковнославянского, венгерского и немецкого языков» «можно продолжать перечислять», ибо «множество таких памятников только предстоит систематически исследовать» (с. 70).

К упомянутым П. Женюхом языкам, конечно же, необходимо добавить и русский, оказавший колоссальное влияние на развитие письменной культуры местных греко-католиков. Для того, чтобы без труда понять это, достаточно просмотреть хотя бы некоторые писания знаменитого греко-католического священника, литератора и публициста Александра Духновича, «народного будителя карпатурского народа», или же его современника священника Иоанна Дулишковича, автора многотомного исторического труда об «угро-русских»⁹. На основании анализа последнего современные языковеды делают такой вывод: «Падводзячы вынікі, можна з упэўненасцю сказаць: у тэксце знахозіць адлюстраванне расейская мова, якая пасля 1848 года стала дамінаваць у карпатарусінскай літаратуры, а таксама царкоўнаславянская, ад элементаў якой не маглі пазбавіцца аж да Першай сусветнай вайны, і, нарэшце, мясцовыя дыялекты. Менавіта апошнія аказвалі вялізарны ўплыў на вымаўленне. У Падкарпацкай Русі у другой палове XIX ст. русінскія пісьменнікі імкнуліся пісаць па-расейску, і дадзеныя тэксты чыталіся з русінскім вымаўленнем. Імкненне да захавання старой этымалагічнай арфаграфіі стварала “вугра-расейскую” штучную мову, якая з’яўлялася русінскаю па вымаўленню, з пункту ж гледжання стоўнікавага складу і марфалогіі – расейска-царкоўнаславянскім сінтэзам»¹⁰. Как констатировал известный венгерский языковед и специалист по карпатским говорам Л. Дэже, приведенный вывод с неоспоримостью свидетельствует и о «до сих пор так и не написанной истории говоров края»¹¹. При этом стоит помнить, что интерес к России и знакомство с ее книжностью со стороны местного населения относится к очень ранним временам. Особенно широким потоком православная книжность из России стала поступать в карпатский край в XVIII столетии. Книги сюда везли из центральной России целыми возами. Это были издания различных типографий, напечатанные преимущественно церковнославянским шрифтом, которые затем попадали и в частные, и в церковно-приходские, и в монастырские библиотеки. По сей день отдельные фрагменты или даже более или менее полные экземпляры тех книг можно видеть в ряде собраний карпатского региона, а раньше их было, конечно же, гораздо больше¹².

Как следует из списка книг в церквах, составленного в 1757 г. (с. 144–153), большая их часть принадлежала православным типографиям Львова и Киева. Для тех, кто занимается историей славянской книжности, не составляет труда определить, что преобладают среди них богослужебные издания львовских типографий XVII в., необычайно ценимые в течение столетий не только в Галиции, но и далеко за ее пределами. Очень долгое время греко-католики на территориях, охваченных брестской церковной унией¹³, а

тем более ужгородской, не имели собственной литургической книжности и пользовались как старой рукописной православной, так и новой православной, почти исключительно печатной¹⁴. Именно эту особенность и отражает указанный список 1757 г., помещенный в книге П. Женюха.

В последнее время число обстоятельных трудов, посвященных письменному наследию и языкам карпатского края, связанных непосредственно с кирилло-мефодиевской традицией, растет¹⁵. Есть среди них и такое фундаментальное исследование как объемная монография профессора А. Д. Дуличенко¹⁶, в определенной степени наследующая принципы отображения местных письменных текстов и языков, заложенные еще в XIX в. знаменитым греко-католическим священником Евмением Сабовым¹⁷, также реализованные в книге П. Женюха. В отличие от монографии А. Д. Дуличенко, созданной на основе разноконфессиональных материалов более чем полутысячелетней истории, книга П. Женюха основывается в основном на текстах XVII–XVIII вв., появившихся в местной греко-католической среде, и именно в этом ее специфическая ценность. Нам предоставляется, что П. Женюху удалось показать в ней многие особенности конкретного бытования кириллической письменности в кругу местных греко-католиков. К сожалению, не обошлось и без досадных ошибок или опечаток в ее тексте, их, правда, немного. Например, на с. 4 приводится дата Севлюшского синода – «в 1772 году», хотя на самом деле это важное событие в истории греко-католиков произошло почти на полвека ранее, в 1727 г.¹⁸ На с. 76 известный венский украинист Михал Мозер назван «венгерским украинистом».

Залогом успеха авторов в работе над всей серией «*Monumenta*» и данной книгой, являющейся четвертым ее выпуском, служит их постоянный экспедиционный поиск как на территории Словакии, так и за ее рубежами, регулярное обследование различных библиотек и архивов, прежде всего церковных, где все еще сохраняются многие памятники кириллической письменности карпатского региона. Объем поисковых исследований в данном направлении просто огромен, и хочется пожелать словацким их исполнителям во главе с профессором П. Женюхом дальнейших успехов.

Примечания

¹ Žeňuch P. Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии / *Pramene k byzantsko-slovanskej tradícii a kultúre na Slovensku. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. Vol. IV.* Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV / Pontificio Istituto Orientale / Slovenský komitét slavistov / Centrum spirituality Východ-Západ Michala Lacka, 2013. 482 s.

² Žeňuch P., Vasil' C. Cyrillic Manuscripts from East Slovakia. Slovak Greek Catholics: Defining Factors and Historical Milieu / *Cyrilské rukopisy z východného Slovenska. Slovenskí gréckokatolíci, vzťahy a súvislosti. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. Vol. I.* Roma – Bratislava –

Košice: Pontificio Istituto Orientale / Slavistický kabinet SAV / Centrum spirituality Východ – Západ Michala Lacka, 2003. 448 s. + 10 strán farebných obrazových príloh.

³ Kyryllische paraliturgische Lieder: Edition des handschriftlichen Liedguts im ehemaligen Bistum von Mukačevo im 18. und 19. Jahrhundert // Herausgegeben von Peter Žeňuch. Köln-Weimar-Wien: Böhlau Verlag, 2006. 984 S.

⁴ Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Рец. на: Kyryllische paraliturgische Lieder. Edition des handschriftlichen Liedguts im ehemaligen Bistum von Mukačevo im 18. und 19. Jahrhundert. Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B. Editionen. Band 23. Zugleich: Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. Vol. II. Köln-Weimar-Wien: Böhlau Verlag. 982 S. – Кириллические паралитургические песнопения: Создание рукописных песенников в былом Мукачевском епископстве в 18 и 19 веках // Сост. Петер Женьух. // Славяноведение. 2010. № 2. С.117–119.

⁵ Zavarský S., Žeňuch P. Joannikij Bazilovič TOLKOVÁNIE Svjaščénnyja Liturhiji Nóvaho Zakóna istinnýja Bezkróvnýja Žrtvy / Joannicius Bazilovits EXPLICATIO Sacrae Liturgiae Novae Legis veri Incruenti Sacrificii. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. Vol. III. Bratislava / Roma: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV / Pontificio Istituto Orientale / Slovenský komitét slavistov / Spolok sv. Cyrila a Metoda, 2009. LXI + 548 s.

⁶ Lichner M., Marínčák Š., Žeňuch P. Kultúrna identita gréckokatolíkov vo svetle cyrilo-metodského dedičstva I. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV / Teologická fakulta Trnavskej univerzity / Centrum spirituality Východ – Západ Michala Lacka / Gréckokatolícka bratislavská eparchia, 2013, 92 s.; Kultúrna identita gréckokatolíkov vo svetle cyrilo-metodského dedičstva II. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV / Teologická fakulta Trnavskej univerzity / Centrum spirituality Východ – Západ Michala Lacka / Gréckokatolícka bratislavská eparchia, 2013, 200 s.

⁷ Аннотация к изданию.

⁸ Šoltés P. Tri jazyky, štyri konfesie: Etnická a konfesiónalna pluralita na Zemplíne, Spiši a v Šariši. Bratislava, 2009.

⁹ Дулишкович И. Историческія черты угро-русских. Т. 1–3. Унгар, 1874–1877.

¹⁰ Дулишкович І., Новік М. З історії закарпатського варянта російської літературної мови // Studia Russica XVII. Будапешт, 1999. С. 299.

¹¹ A Nyagovai Posztilla. Nyíregyháza, 2006. O. XVII, XXXV, LV.

¹² Щавинская Л.Л. Библиотека Мукачевского монастыря в середине XIX столетия // Sacrum et Profanum. Языковые, литературные и этнические взаимосвязи христианской культуры. М., 2012. С.299–308.

¹³ Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв.: Книжные собрания Супрасльского Благочестивого монастыря. Минск, 1998.

¹⁴ Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Православная основа богослужебной книжности униатов на Брестчине в первой трети XVIII в. // Церковный вестник. Варшава, 2008. № 2. С. 54–56; Они же. Православная книжность в приходской жизни униатской церкви на западнобелорусских землях после Замойского собора: Бельское и Брестское благочиния // Православие в духовной жизни Беларуси. Брест: БрГУ им. А.С. Пушкина, 2008. С. 234–244 и др.

¹⁵ Перечень их подробнее см., напр.: Лыченко Л. Бібліографія русинськоязычних видань: 1989–2004. Ужгород, 2007 и Падык В. Нарис історії карпаторусинської літератури XVI–XXI століть. Ужгород, 2010.

¹⁶ Дуличенко А. Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.). Ужгород, 2008.

¹⁷ Сабов Е. Христоматія церковно-славянських и угро-русських літературних пам'яток с приналежністю угро-русських народних сказок на подлинних нар'вч'ях. Унгар, 1893.

¹⁸ Подробнее см., напр.: Дулишкович И. Указ. соч. Т. 3. С. 76–91.

**Jiří Kejř. Jan Hus známý i neznámý.
Praha, 2009. 137 s. /**
**Иржи Кейрж. Ян Гус известный и неизвестный.
Прага, 2009. 137 с.**

Abstract:

Vasilyeva D.B. *The known and the unknown Jan Hus. Prague, 2009. 137 p.*

The review considers the famous book by the prominent Czech historian and specialist in the Hussite movement Jiří Kejř, which reflects current trend of reassessment of medieval Czech history and the value of its protagonists.

Ключевые слова: Иржи Кейрж, Ян Гус, гуситское движение, историография гуситского движения.

История жизни и деятельности Яна Гуса, чешского проповедника, деятеля ранней реформации, не первое столетие привлекает внимание исследователей. В разное время его личность оценивалась по-разному. Первые оценки дали еще современники казненного проповедника. В реляции Петра из Младоневиц он предстает католическим священником, стремящимся доказать на суде свою верность церкви и непричастность к ересям¹. Автор донесения приводит слова магистра, в соответствии с которыми он пытался объяснить отцам собора, что все их обвинения беспочвенны; не вступал с ними в конфликт, желая спокойно объяснить свою позицию.

С другой стороны показан Гус в «Гуситской хронике» Лаврентия из Бржезовой². В своих проповедях магистр часто выступал против погрязшего в пороках духовенства, обличал его, чтобы вывести на путь праведной жизни, чем и заслужил ненависть многих грешных священнослужителей. Враги, охваченные злобой, выдумывали коварные и лживые обвинения, с помощью которых склоняли на свою сторону собор, поэтому покровители и друзья не смогли спасти проповедника от страшной гибели на костре, положившей начало волнениям в чешских землях.

В русской дореволюционной историографии существовало несколько различных точек зрения³. Так, славянофилы считали Яна Гуса борцом за исконное православие, для ученых-позитивистов он являлся деятелем ранней реформации. В историографии советского периода Гус был патриотом, «сыном чешского народа», смело вступившим на путь борьбы с реакционной католической церковью и погибшим за свои идеи.

В чешской литературе взгляды на деятельность проповедника также изменялись вместе со сменой исторических школ. Например, для Й. Добровского, родоначальника научной славистики, Гус был виднейшим представителем самобытной национальной чешской культуры периода ее расцвета. Для представителей романтической школы и, прежде всего, Франтишка Палацкого, проповедник – сын чешского народа, один из борцов за его религиозную и культурную независимость. Именно труды Палацкого, имевшие огромное значение для развития исторической науки того периода, на долгое время утвердили в сознании чехов идеализированный образ Яна Гуса. Странники консервативного католического направления критиковали подобную позицию, для них Гус и все его последователи были еретиками. Представители марксистской историографии оценивали Гуса как борца с церковными феодалами, угнетающими народ.

В последние несколько десятилетий происходит переоценка чехами собственной истории, появляются новые точки зрения относительно важнейших событий. Это относится и к оценке учеными личности Яна Гуса. Так, в 2009 г. в Праге вышло сочинение известного чешского историка Иржи Кейржа «Ян Гус известный и неизвестный». Автор, доктор юридических наук и специалист по гуситскому движению, постарался не только представить свое видение биографии отца чешской реформации, но и объяснить, как воззрения на место и природу церкви, кажущиеся сегодня естественными, могли привести проповедника к осуждению на смерть. Книга представляет собой как определенное осмысление автором знаний и выводов по данной проблеме, так и попытку новой, современной оценки этих знаний.

Значительная часть книги посвящена основным трудностям изучения жизни и учения проповедника. Прежде всего автор обращается к вопросу достоверности и информативности источников. Многие из них (хроники и летописи XV в.) носят, по его мнению, характер беглого описания отдельных событий жизни Гуса, поэтому не всегда подходят для подробного изучения. Однако далее, доказывая данное утверждение, И. Кейрж говорит о ценности хроники Петра из Младоневиц и Констанцской корреспонденции самого Гуса для изучения последних месяцев его жизни⁴. Но эти документы, по убеждению автора, все-таки не могут дать полную картину процесса – для ее воссоздания необходимы протоколы допросов и судебных заседаний, которые были утеряны, что создает невосполнимый пробел в исследовании. Создается впечатление, что историк запутался в собственном отношении к источникам: они то кажутся ему недостаточно подробными, отрывочными, то крайне ценными, достаточными для создания полной картины, при этом он говорит о невозможности точного воссоздания жизни человека, жившего более шестисот лет назад.

Следующим вопросом, освещаемым в книге И. Кейржа, является изучение собственного литературного творчества Гуса. Главным недостатком

для исследователей автор считает отсутствие критических изданий – некоторые труды до сих пор остаются доступны только в рукописях, многие опираются на старые собрания документов, изданные небрежными редакторами, которые нередко вносили в них изменения, сделавшие невозможным определение их достоверности. Примечательно, что обзор литературы по данному вопросу ограничивается рассказом о роли того или иного ученого в издании источников. Данный подход выглядит достаточно оригинально, так как автор практически не разделяет труды своих предшественников на историографические направления, рассматривая исключительно их научную ценность. Подобный подход не способствует выяснению точки зрения того или иного исследователя, так как эта самая точка зрения нередко не приводится, а заменяется указанием на основные публикации.

И. Кейрж также отмечает необходимость разделения собственного текста Гуса и использованных в работах заимствований, в первую очередь, из трудов Дж. Виклефа, но также сочинений отцов церкви, других авторитетных в то время теологов и кодексов канонического церковного права. Здесь же говорится, что исследователи более раннего периода говорили о полном заимствовании Гусом фрагментов сочинений Виклефа. Кейрж же доказывает, что, во-первых, заимствование не было полным, а во-вторых, в те времена использование работ других авторов, их авторитетного мнения считалось нормой.

Далее автор сообщает о некоторых ошибках, часто встречающихся при изучении жизни магистра. Это, прежде всего, вопросы о дате и месте его рождения, о том, был он ректором Пражского университета один или два раза, о его роли в создании Кутногорского декрета. Затем развенчиваются мифы о неправомерном вызове проповедника на суд папской курии, о первостепенной важности его процесса на Констанцском соборе и даже о доме, в котором магистр жил до ареста. Эти вопросы не являются первостепенными при изучении деятельности Гуса, но с их помощью автор показывает, что даже хорошо изученная тема еще имеет «белые» пятна. Следует отметить, что все приведенные «ошибки» действительно не имеют значения для изучения деятельности проповедника, их существование говорит только об отсутствии сведений биографического характера. Более того, Кейрж не сообщает, из каких именно источников он взял те или иные сведения и почему он считает правильной именно свою точку зрения, что создает впечатление умозрительности некоторых выводов историка.

Далее автор книги рассказывает об отношениях Яна Гуса с церковью. По мнению Кейржа, главной причиной осуждения проповедника стал его отход от учения церкви, которая в тот период не могла допустить ни малейшего вмешательства в действующее учение и, тем более, каких-либо попыток изменения этого учения. В своем стремлении к реформированию церковной организации гуситское движение не было первым не было первым,

кроме него существовали секты лоллардов и вальденсов, ранее распространившиеся по Европе. Все эти движения, по убеждению автора, были «первой реформацией», радикальной попыткой проведения религиозных реформ. Церковь яростно преследовала еретиков не потому, что не хотела мириться с попытками ослабить ее власть и богатство, а потому что стремилась очиститься от тех, кто отрывал человека от пути к истинному спасению, возможному только при ревностном исполнении церковных правил. То есть историк, в отличие от других авторов, считает гуситов исключительно религиозной сектой, он не говорит о других аспектах движения (экономических, социальных), полагая, вероятно, что последователи Гуса лишь развили его учение, не внося в него ничего своего.

И. Кейрж считает Яна Гуса богословом, он не видит в нем никого, кроме верного своему делу священника, жившего по Закону Божьему и призывавшего своих прихожан жить так же. Соответственно, мнение историка о причинах осуждения Гуса отличается от мнения исследователей (прежде всего, марксистских), которые считали проповедника борцом с церковными феодалами и защитником несправедливо притесняемых. Взгляды магистра, полагает автор, оказались еретическими именно из-за того, что он говорил о главенстве Господа, отрицал необходимость подчинения светской жизни духовной и не признавал превосходство папы римского, который, как он говорил, тоже мог быть грешным, а потому не мог никого привести к спасению. Социальные вопросы, как и вопрос о причастии, роль которых в осуждении была, по мнению автора, значительно преувеличена в историографии, вообще не были рассмотрены на соборе.

В нескольких разделах («Еретик», «Основной принцип – Закон Божий»⁵) Кейрж развивает тему причин вызова Гуса на суд и вынесения обвинительного приговора. Так, автор подчеркивает, что проповедник был безупречным священником, требовал полной чистоты жизни от своих слушателей, упрекал приходских священников в жадности, чем вызывал их неприязнь. Он искренне верил, что Священное писание стоит превыше всего и каждый христианин обязан жить по нему. По мнению автора, это убеждение, а также его проповеди, вызывающие ненависть священнослужителей, и увлечение еретическим учением Виклифа, вели магистра к осуждению. Он не считал, что обязан являться на суд Папы римского, так как проповедническая деятельность была для него важнее. Гус был уверен, что Суд Христа важнее суда главы церкви. Подобное заблуждение не могло не вызвать недовольство последнего. На суде неуважение Папы и игнорирование его приказаний были признаны чуть ли не самым большим заблуждением. Гус, таким образом, был казнен только потому, что не согласился признать главенство церковных властей и отказаться от еретических взглядов. И. Кейрж сообщает, что в некоторой предшествующей литературе подобная непокор-

ность пражского священника считалась лишь одной из причин печального исхода суда.

В четырех завершающих главах автор рассказывает о подготовке к суду и самом судебном процессе. Примечательно, что при этом основное внимание уделено не хронологии событий, а их причинам. Ученый достаточно подробно описывает взгляды сторонников и противников Гуса, много раз повторяет свой тезис о том, что его процесс не был главным вопросом собора. Также в книге неоднократно говорится о том, что суд не был заинтересован в осуждении еретика, несколько раз ему предлагали отречься от своих взглядов и сохранить жизнь, что, по убеждению автора, было невыгодно его соратникам, которым был нужен мученик. То есть Гус стал жертвой не только мести своих врагов, но и сговора собственных друзей, заинтересованных в появлении мученика. Другими словами, Ян Гус уже не является фигурой, самоотверженная смерть которой вызвала бурю негодования и привела к революции, его кончина – лишь повод для начала борьбы. Подобную точку зрения можно признать справедливой, и в этом случае необходимо выяснить, каким было положение чешских земель в рассматриваемый период и почему мученик нужен был народу именно сейчас. Кейрж, однако, этого не делает, что превращает его вывод в необоснованное предположение. К тому же, нередко подобные выводы не подкреплены ссылками на источник.

«Констанцская» часть книги содержит больше всего повторов, одна и та же мысль приводится в разных разделах практически одними и теми же словами, особенно это заметно в одиннадцатой главе «Глазами обвинителей», которая представляет собой изложение уже высказанных ранее суждений автора относительно недоброжелательности врагов и бывших друзей магистра, которые желали его осуждения больше, чем отцы собора, придумывая для этого различные ложные и сомнительные «обвинения».

Главную причину упорного желания Гуса принять смерть историк видит в наивной убежденности в верховенстве Закона Божьего над каноническим церковным правом. Он до последнего верил, что получит возможность свободно высказаться, защитить свои взгляды от нападков противников, даже подготовил проповедь, которую надеялся прочитать перед императором Сигизмундом. Упорство Гуса усиливало ненависть обвинителей, лишая его шанса на спасение. Участь его была предreshена. Здесь в работе Кейржа можно снова обнаружить противоречие: суд не планировал казнить еретика, ему до последнего предлагали отречься от своих убеждений, но у него было такое множество противников и врагов, что участь его была неизбежна.

Работа Иржи Кейржа, таким образом, действительно представляет собой изложение взглядов ученого на личность Яна Гуса, которая кажется ему недостаточно изученной, несмотря на огромное количество разного ро-

да исследовательских работ. Автор отмечает сложность изучения личности, жившей больше шестисот лет назад, так как современному человеку невозможно понять психологию человека, жившего в средние века. Гус для исследователя – это священник, свято верящий в идею главенства Христа, его превосходства над Папой и кардиналами, которые нередко оказываются большими грешниками, чем те, кого они обвиняют в грехе. Именно упорство и нежелание принять действующие нормы права и явились, согласно выводам Й. Кейржа, главными причинами его осуждения на смерть.

Книга рассчитана, в первую очередь, на широкую аудиторию. Автор часто пытается объяснить, что современность сильно отличается от времени, в котором жил его герой, предполагает, что не все понимают, какую роль играли в жизни человека Средневековья религия и каноническое право, почему церковь боролась с инакомыслием. Стараясь доступным языком рассказать историю жизни человека, погибшего за свои убеждения 600 лет назад, автор не всегда подкрепляет свою точку зрения ссылками на источники, многие его утверждения могут показаться сомнительными, иногда даже безосновательными. Например, в одной из глав говорится, что магистр сожалел о своем греховном юношеском увлечении шахматами, однако автор не считает нужным пояснить, почему проповедник пришел к такому выводу и в каком из документов это можно прочесть. Более того, он не объясняет современному читателю, почему такая безобидная игра названа греховным увлечением. На самом деле в октябре 1414 г., отправляясь в Констанц, Ян Гус писал своему другу, магистру Мартину из Вольне⁶, что шахматы ведут к потере времени и побуждают играющих к гневу, поэтому священник должен избегать подобных забав (а также быть скромным в быту и выборе одежды). Пример этот наглядно показывает, насколько Гус был строг к себе и другим, как он стремился безгрешно жить и призывал к этому других. Но Кейрж приводит только отрывочную информацию, не ссылаясь на источник и никак не развивая свою мысль, что вызывает недоумение.

Тем не менее, следует признать, что рецензируемый труд является полезным, так как отражает последние тенденции в современной чешской историографии и уточняет некоторые спорные моменты биографии Яна Гуса.

Примечания

¹ Петр из Младоневиц. Донесение о магистре Яне Гусе в Констанце // Лаптева Л. П. Гуситское движение в освещении современников. Источники и материалы для практических занятий. М., 1992. С. 15–59.

² Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962.

³ Лаптева Л. П. Русская историография гуситского движения. М., 1978.

⁴ Kejí J. Jan Hus známý i neznámý. Praha, 2009. S. 11–12.

⁵ Ibid. S. 49–59.

⁶ Петр из Младоневиц. Указ. соч. С. 17.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

СЛАВЯНСКИЙ МИР В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

**человек, общество,
народ в истории, языке и культуре**

Сборник статей

Москва 2014

Ответственный редактор: к.ф.н. Е.С. Узенёва

Оригинал-макет: А.А. Улыбина

Подписано в печать 22.05.2014 г. Объем – 22,5 п.л.
Тираж – 300 экз. Формат 60x90/16.

Выпускающий редактор – А.Д. Свиридов
Цифровая печать – А.А. Миллер



Государственное бюджетное учреждение города Москвы
«МОСКОВСКИЙ ДОМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ»